

М-507

Священникъ М. МЕНСТРОВЪ.

Уроки педагогика.

Съ приложеніемъ статьи «о необходимости воспитанія юношества въ духъ православія и самодержавія»).

Пособіе для учащихся въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподается педагогика.

Цѣна 60 коп.

алф

КАЗАНЬ
Типо-литографія Императорскаго Университета
1908

Уроки

педагогика.

(Съ приложеніемъ статьи «о необходимости воспитанія юношества въ духъ православія и самодержавія»).

Пособіе для учащихся въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподается педагогика.

Цѣна 60 коп.

КАЗАНЬ.

Типо литографія Императорскаго Университета

1908.

Физическое воспитаніе

Понятіе о воспитаніи:

Перенесемъ въ древнѣйшій городъ Греціи—Афины. Раннее утро. По дорогамъ, ведущимъ въ разныя школы, идутъ дѣти, начиная съ семилѣтняго возраста. Идутъ онѣ учиться. Нѣкоторые изъ нихъ идутъ не одни, а въ сопровожденіи взрослыхъ, которые несутъ учебныя принадлежности: писчія таблички, книги и лиру, и, кромѣ того, оберегаютъ маленькихъ людей отъ неприличныхъ знакомствъ, которыя такъ легко заводятся у дѣтей на дорогѣ.

Эти взрослые проводники, которые вообще были обязаны слѣдить за поведеніемъ дѣтей, назывались педагогами, дѣтководителями. (Педагогъ—отъ греческихъ словъ: пай съ—дита и а го—веду). Впослѣдствіи слово „педагогъ“ стало обозначать дѣтководителей, въ переносномъ смыслѣ, т. е. людей, которые ведутъ дѣтей по пути къ знанію и доброй нравственности, предохраняя отъ возможныхъ для дѣтскаго возраста ошибокъ и заблужденій.

Наука, которая беретъ на себя задачу начертать хотя общій путь этого дѣтководенія, называется педагогикой или, по русски, наукой о воспитаніи дѣтей. Послѣднее названіе говоритъ, что эта наука имѣетъ въ виду указать благоприятныя условія и средства питанія, при которыхъ дѣтскій духовный организмъ вырастаетъ въ мѣру полнаго возраста. Слово **воспитаніе** слагается изъ слова питаніе (снабженіе организма пищею, необходимою ему для развитія) и приставки „возъ“ (вверхъ, въ вышину).

Поэтому воспитывать, въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова, значитъ содѣйствовать развитію какого либо организма посредствомъ свойственной ему пищи, матеріальной или духовной. **Воспитательная дѣятельность у народовъ: а) первобытныхъ и б) образованныхъ.**

Кто изъ насъ, находясь въ дѣтскомъ возрастѣ, не слышалъ или не читалъ замѣчательной повѣсти о странствованіяхъ Робинзона Крузо! Въ числѣ многихъ разсказовъ и описаній припом-

нимъ то, какъ Робинзонъ, выкинутый на берегъ необитаемаго острова, послѣ долгихъ физическихъ и душевныхъ страданій, находитъ, наконецъ, для себя пещеру, какъ, затѣмъ, онъ устр аив а е т ь около нея небольшой огородъ, разводитъ въ немъ разныя хозяйственныя овощи, а послѣ, встрѣтивъ въ лѣсу ламу, прируча е т ь ее съ тѣмъ, чтобы пользоваться ея молокомъ, шерстью, и, въ случаѣ нужды, мясомъ. Быть можетъ не всякій при этомъ догадывается, что, разводя овощи и ухаживая за ними, приручая ламу и заботясь о ней, Робинзонъ занимался ничѣмъ инымъ, какъ воспитаніемъ.

Въ исторіи человѣка, дѣйствительно, былъ періодъ, когда воспитательная дѣятельность человѣка первоначально была направлена на царство растений и животныхъ. Растенія были воздѣлываемы и обрабатываемы, другія, т. е. животныя, кормимы и одомашниваемы; говоря иначе, тѣ и другія были культивируемы или воспитываемы.

1. Перенесенная съ царства животныхъ и растений практика воспитанія на дѣтей представляла собою на первыхъ порахъ дѣятельность весьма простую, напередъ неподготовленную, нерѣдко даже несознательную. Всѣ заботы родителей въ этомъ періодѣ не идутъ далѣе поддержанія физическо й жизни дѣтей и скорѣйшей постановки ихъ на ноги. Если сынъ научался выносить борьбу съ природой, искусно охотиться за звѣремъ, воевать съ враждебными племенами или отражать ихъ набѣги, какъ и его отецъ, задача воспитанія считалась законченною. Заботы по отношенію къ дѣвочкѣ были еще ограниченнѣе: когда семья почувствовала нужду въ уходѣ за домашними животными, на помощь матери приставлялась дочь, воспитывавшаяся такимъ образомъ, какъ лицо полезное и нужное въ несложномъ хозяйствѣ.

2. Съ развитіемъ общества, объемъ понятія о воспитаніи значительно расширяется. Ограничиваться однимъ лишь физическимъ воспитаніемъ стало невозможно. Если прежде превосходство человѣка на жизненномъ пути почти исключительно обусловливалось физической силой, то впослѣдствіи оно стало зависеть отъ силы умственной. Также было и въ народномъ эпосѣ: богатыри съ огромной физической силой позднѣе уступаютъ мѣсто богатырямъ, обладающимъ хитростью—качествомъ умственнымъ. Съ другой стороны, большая обеспеченность жизни, дающая человѣку больше досуга для размышленія, и новыя общественныя требованія въ значительной степени измѣняютъ и поднимаютъ впередъ самое дѣло воспитанія.

Люди начинаютъ сознавать, что если вести дѣло воспитанія болѣе обдуманно и сознательно, оно принесетъ больше пользы, чѣмъ когда оно бываетъ подвержено всякой случайности. Такимъ образомъ съ одной стороны расширяется самая задача и объемъ воспитанія, съ другой—и на самую воспитательную дѣятельность начинаютъ смотрѣть, какъ на дѣятельность о с о б а г о рода, какъ на нѣкотораго рода искусство, требующее лич-

наго опыта и сообразительности, какъ на дѣятельность сознательную и преднамѣренную въ отношеніи цѣлей и средствъ. Этотъ періодъ отвѣчаетъ уже состоянію большей или меньшей о с ѣ д л о с т и человѣческой расы, идущей рука въ руку съ мирными занятіями, относительнымъ досугомъ и обеспеченностью.

3. Но такъ какъ опыты единичнаго лица, какъ бы оно ни было богато одарено, всегда бывають болѣе или менѣе ограничены и могутъ допускать значительные пробѣлы, отъ которыхъ дѣло воспитанія несомнѣнно страдаетъ, то на дальнѣйшей ступени своего развитія воспитаніе, оставаясь дѣятельностью преднамѣренною и сознательною въ отношеніи цѣлей и средствъ, начинаетъ опираться на соединенные опыты большинства людей, критически провѣренные и составившіе собою цѣлую систему воспитанія. Здѣсь мы встрѣчаемъ уже не просто воспитательную практику какъ прежде, но и теорію—науку.

Отличіе воспитанія человѣка отъ воспитанія другихъ организмовъ.—Всматриваясь въ природу растительнаго царства, мы находимъ, что организмы этого царства живутъ исключительно растительною жизнью, т. е. питаются, растутъ и размножаются но не имѣють, повидимому, никакихъ ощущеній и никакихъ духовныхъ отправленій. Животныя, на ряду съ жизнью растительною, одарены, кромѣ чувствительности къ страданію или радости, какъ, напримѣръ, памятью и другими, дѣлающими для нихъ доступнымъ воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній и своихъ собственныхъ внутреннихъ состояній. Человѣкъ-же, на ряду съ указанными сторонами жизни, является существомъ, одареннымъ уже высшими духовными способностями, удовлетвореніе которыхъ составляетъ особый обширный міръ, неизвѣстный другимъ твореніямъ. Прямой выводъ изъ сказаннаго тотъ, что природа человѣка—болѣе сложная, по сравненію съ другими организмами, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе возвышенная. Въ то время, когда организмы растительнаго и даже животнаго царства стоятъ въ исключительной зависимости отъ внѣшнихъ вліяній, ограничиваясь болѣе или менѣе пассивнымъ воспріятіемъ окружающихъ ихъ внѣшнихъ вліяній, въ душѣ ребенка происходитъ самостоятельная работа, своеобразное развитіе силъ и способностей. Къ окружающимъ вліяніямъ ребенокъ съ возрастомъ относится критически: одни изъ нихъ принимаетъ, другимъ противодѣйствуетъ.

Эту внутреннюю скрытую работу подразумѣвають, когда говорятъ о с а м о в о с п и т а н і и, саморазвитіи, или самообразованіи, что едва ли можетъ имѣть мѣсто въ примѣненіи къ животнымъ организмамъ.

Важность изученія педагогики. Воспитаніе имѣетъ громадное значеніе въ жизни человѣка. Исторія народовъ и ежедневный опытъ подтверждаютъ, что человѣкъ со вступленіемъ въ самостоятельную жизнь идетъ обыкновенно въ томъ направленіи, какое дано ему при воспитаніи. Благородная и полезная дѣятельность однихъ, праздное и бесполезное существованіе другихъ—въ большинствѣ случаевъ—прямой результатъ того или другого

воспитанія. Поэтому, всякому, кто желаетъ заниматься дѣломъ воспитанія и вести его успѣшно, необходимо къ этому дѣлу подготавливаться, изучать его. „Трудно сдѣлать старыхъ псовъ послушными и старыхъ бездѣльниковъ набожными“, говоритъ Лютеръ. Слѣдовательно для воспитателя нужна не только подготовка, но подготовка наиболѣе тщательная и основательная. Ее приобрести онъ можетъ изученіемъ науки о воспитаніи, педагогики. Только эта научная подготовка и можетъ дать воспитателю ясное понятіе о цѣляхъ его дѣятельности, о средствахъ къ достиженію этихъ цѣлей, можетъ предотвратить грубыя ошибки и непоправимые промахи воспитанія, а самое воспитаніе сдѣлать сознательнымъ и разумнымъ. Противъ этой мысли возражаютъ прежде всего люди простые, кои въ дѣлѣ воспитанія руководятся просто преданіемъ и рутиной. Люди малообразованные вообще мало цѣнятъ знаніе, а потому пренебрежительно относятся и къ педагогикѣ, утверждая, что образованіе вообще и знаніе какой то тамъ педагогики вовсе не ручается за правильную постановку воспитательнаго дѣла и за хорошіе результаты его. Въ подкрѣпленіе своей мысли они указываютъ на то, что иногда у хорошихъ, т. е. образованныхъ и знающихъ педагогику, родителей, дѣти бываютъ дурныя, неразвитыя умственно и распущенныя нравственно, тогда какъ у людей мало образованныхъ и ничего не слыжавшихъ о педагогикѣ, дѣти выходятъ разумныя и почтенныя. Къ сожаленію подобные случаи дѣйствительно бываютъ, но имъ не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія и основывать на нихъ какой либо выводъ относительно воспитанія. Во 1-хъ, потому, что они сравнительно рѣдки и возвести ихъ въ общій законъ, конечно, невозможно.

Нельзя утверждать, что такъ и всегда бываетъ, такъ и должно быть, что у родителей хорошихъ дѣти дурныя, а у дурныхъ-хорошія. Наоборотъ, чаще бываетъ, что у хорошихъ родителей и дѣти хороши, а у дурныхъ-дурны. Скорѣе факты подобнаго рода нужно признать законными, да народная мудрость и сдѣлала это, облекши наблюденія подобнаго рода въ форму пословицы. „Яблочко отъ яблони не далеко катится“, говоритъ народная мудрость, т. е. чаще всего дѣти бываютъ подобны своимъ родителямъ во всемъ. Да если бы, во 2-хъ, такіе случаи были часты, они всетаки остались бы случайными явлениями. Да, бываетъ, случается, можно сказать, что у хорошихъ родителей дѣти бываютъ дурны, а у дурныхъ хороши, но случаями руководиться и на случаи полагаться не слѣдуетъ въ такомъ важномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе. Надо по крайней мѣрѣ всѣми силами души стремиться къ тому, чтобы въ воспитаніи было побольше свѣта и опредѣленности, а это можетъ дать только наука, какъ систематическій сводъ опытовъ въ области воспитанія и притомъ преимущественно людей, спеціально занимавшихся этимъ дѣломъ, посвятившихъ ему всю свою жизнь.

Особенно важно знакомство съ наукою о воспитаніи для женщины. Богъ и природа назначеніемъ женщины опредѣлили

рожденіе и первоначальное воспитаніе дѣтей. Это назначеніе великое и во всѣхъ отношеніяхъ почтенное и важное, а потому относиться къ нему свысока и пренебрежительно грѣшно и стыдно. Женщинѣ нужно дорожить этимъ назначеніемъ, гордиться имъ, стараться исполнить его наилучшимъ образомъ и ничему не предпочитать его. Нѣтъ нужды женщинѣ домогаться какихъ либо другихъ способовъ дѣятельности и труда, потому что воспитаніе дѣтей выше, почтеннѣе и гораздо труднѣе его. Вѣдь мать должна не только вскормить ребенка, но и заложить основы развитія его ума и характера, воспитать это капризное, измѣнчивое существо. Для этого нужно такъ много труда, знанія, самоотверженности, что задача воспитанія и самымъ образованнымъ матерямъ можетъ показаться едва выполнимой. И несравнимо ни съ чѣмъ услугу человѣчеству и государству окажетъ женщина, если исполнить свое назначеніе умѣло и добросовѣстно. Будемъ лучше говорить устами авторитетовъ.

„Кто осушаетъ болота, строить дороги, учреждаетъ больницы, снабжаетъ людей различными потребностями, тотъ несомнѣнно приносить пользу обществу, но не въ такой мѣрѣ, какъ воспитатель: первый улучшаетъ только матеріальное положеніе людей, послѣдній облагораживаетъ ихъ самихъ, въ ихъ дѣтяхъ, вслѣдствіе чего улучшаетъ и быть ихъ. Питомецъ, котораго ты нравственно образовалъ, будетъ служить улучшенію другихъ, куда бы провидѣніе его ни поставило“, говоритъ Коменскій. „Образовать человѣка, самое измѣнчивое и многообразное изъ всѣхъ живыхъ существъ, есть искусство искусствъ. Какую большую услугу окажемъ мы государству и обществу, какъ не обучивъ и просвѣтивъ юношество“, пишетъ Григорій Назіанзинъ. Словомъ сказать, женщинѣ не приходится только довольствоваться своимъ назначеніемъ, имъ нужно гордиться, стараться держать знамя своего назначенія твердо и высоко. А для этого необходимо къ выполненію его особенно тщательно подготавливаться въ виду того, что женщинѣ вручается воспитанникъ въ самую раннюю и важную пору воспитательнаго періода, въ раннемъ дѣтствѣ. Ребенокъ въ эту пору жизни, по симпатичному сравненію Коменскаго, подобенъ молодому деревцу, которое можно вырастить прямымъ и стройнымъ, равно какъ и искривить въ какую угодно сторону; а его умъ подобенъ мягкому воску, на которомъ легко оттиснуть какой угодно отпечатокъ. Значить отъ матери зависитъ то, станетъ ли ея ребенокъ хорошимъ человѣкомъ или нравственнымъ уродомъ,—все можетъ сдѣлать ея воспитательное вліяніе. Въ виду всего этого нужно желать, чтобы матери и воспитательницы дѣтей перваго возраста брались за это дѣло умѣло, вели его искусными руками, а не какъ-нибудь наобумъ и закладывали бы твердый фундаментъ послѣдующаго развитія. Разумѣется, этого нельзя сдѣлать безъ знакомства съ основами и законами физическаго и духовнаго роста дѣтей, безъ знанія правилъ и средствъ воспитанія, основанныхъ на этихъ законахъ, словомъ, безъ знакомства съ педагогикой. Слѣдовательно, весьма

желательно, чтобы педагогика, знание которой необходимо всякому воспитателю, особенно усердно изучалась женщинами.

Свѣдѣнія, необходимыя для воспитателя. Въ виду такого громаднаго значенія, какое имѣетъ педагогика, воспитателю необходимо знать, что всѣ науки, занимающіяся изученіемъ тѣлесной и духовной природы человѣка, состоятъ въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ педагогикѣ, и могутъ быть названы вспомогательными къ ней. Такъ изъ наукъ, изучающихъ физическій организмъ человѣка, нужно прежде всего указать на анатомію и физиологію, изъ коихъ первая занимается изученіемъ строенія человѣческаго тѣла, не касаясь его жизненныхъ процессовъ; вторая же изучаетъ эти послѣдніе, какъ то: процессъ питанія, кровообращенія, дыханія и проч. Знакомство съ этими науками столь же необходимо для воспитателя, сколько необходимо, на примѣръ, для машиниста знаніе устройства и дѣйствія управляемой имъ машины, безъ каковаго знанія было бы немыслимо и управление ею. Воспитатель прежде всего долженъ изучить самый организмъ дитяти, чтобы развивать его и управлять имъ.

Знакомство съ гигиеной-наукой о здоровьѣ и гимнастикой-искусствомъ укрѣпленія организма-является не менѣе важнымъ и необходимымъ для воспитателя.

Что касается наукъ, изучающихъ духовную природу человѣка, то таковыми являются прежде всего—психологія и логика. Психологія, излагая жизнь души въ ея способностяхъ и проявленіяхъ, служитъ для педагогики тѣмъ же, чѣмъ служитъ фундаментъ для зданія. Нельзя быть хорошимъ педагогомъ, не будучи въ то же время хорошимъ психологомъ. Только при обстоятельномъ знакомствѣ съ природой души и законами ея дѣятельности, становится возможнымъ вполне разумное и правильное пользованіе воспитательными средствами. Логика же, какъ наука о процессахъ мышленія, имѣя близкое отношеніе къ психологіи, сохраняетъ такое же отношеніе и къ педагогикѣ. Заботы воспитателя должны быты направлены не только на обогащеніе ребенка знаніями, но и на развитіе въ немъ способности здраваго сужденія, точнаго мышленія, чему учитъ логика.

Такъ какъ психологія, изучая духовную природу человѣка, указываетъ только то, что есть, но не даетъ идеальной нормы человѣческой дѣятельности, т. е. того, что должно быть, идеала человѣка съ его высшими обязанностями,—то нужна еще наука-этика или ученіе о нравственности.

Изъ другихъ источниковъ педагогики нужно указать на социологію или науку объ обществѣ, антропологію-науку о человѣкѣ въ его историческомъ развитіи и эстетику-науку о прекрасномъ или художественномъ.

Раздѣленіе педагогики. Педагогика, какъ наука о воспитаніи въ широкомъ смыслѣ этого слова, подраздѣляется на нѣсколько частныхъ отдѣловъ, а именно: а) педагогику въ собственномъ смыслѣ, излагающую основные законы и правила,

коими нужно руководиться при воспитаніи дѣтей, куда входятъ частныя отдѣлы о воспитаніи физическомъ, умственномъ, нравственномъ, религіозномъ и эстетическомъ (общая педагогика), б) дидактику (отъ греч. словъ—дидаско-учусь), излагающую правила или приемы обученія, общіе всѣмъ наукамъ; каковы, на примѣръ, правила, восходить въ преподаваніи отъ легкаго къ трудному, отъ простаго къ сложному, требованіе наглядности въ обученіи и т. д. в) методику или методологію (отъ греч. слова „методосъ“ способъ, путь)—ученіе о методахъ, заключающую въ себѣ приложеніе общихъ правилъ преподаванія къ обученію разнымъ отдѣльнымъ наукамъ. Такихъ особыхъ методовъ можетъ быть столько, сколько существуетъ особыхъ наукъ. Отсюда особыя методики: Закона Божія, русскаго языка, арифметики, географіи, исторіи и проч., г) училищевѣдѣніе, содержащее въ себѣ ученіе о правильномъ и рациональномъ устройствѣ и содержаніи школы, о цѣлесообразномъ помѣщеніи училища и внутренней обстановкѣ его, о правильномъ распредѣленіи учениковъ по классамъ выработки учебнаго плана, распредѣленіи учебнаго времени, отдыха и т. п. и д) Исторію педагогики, излагающую различныя системы воспитанія и обученія, существовавшія въ разныя времена и у различныхъ народовъ. Кромѣ интереса, какой представляетъ исторія воспитанія, исторія педагогики важна еще и потому, что замѣняетъ для воспитателя, до нѣкоторой степени, его собственный опытъ, предохраняя его отъ многихъ ошибокъ и увлеченій, неизбѣжныхъ въ такомъ сложномъ и трудномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе.

II.

Физическое воспитаніе.

Необходимость и важность его. Воспитатель, правильно понимающій задачу воспитанія и серьезно заботящійся о благѣ питомца, не долженъ ограничиваться развитіемъ однихъ его душевныхъ способностей, а долженъ обратить серьезное вниманіе и на его правильное физическое развитіе, воспитаніе.

Физическимъ же воспитаніемъ называется уходъ за организмомъ ребенка, забота о сохраненіи здоровья тѣла, о развитіи и совершенствованіи его.

Физическое воспитаніе важно, во 1-хъ, потому, что уже одно чувство здоровья, силы и полноты жизни есть само по себѣ величайшее благо, и во 2-хъ,—безъ правильнаго физическаго воспитанія не можетъ идти успѣшно и духовное. Здоровое тѣло какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ прекрасному образованію ума, сердца и характера, тогда какъ слабость и болѣзненность существенно препятствуютъ этому. Физическія страданія парализуютъ умъ, порождаютъ дурное настроеніе духа и ослабляютъ волю; напротивъ, свѣжесть и крѣпость тѣлесныя облегчаютъ въ всякое умственное напряженіе, способствуютъ ясности представ-

ленія и мышленія, внушаютъ человѣку самоувѣренность и энергію. Отсюда открывается необходимость для правильного воспитанія духовнаго заботиться прежде всего о физическомъ ростѣ и развитіи ребенка. Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ.— Если, когда эта заботливость особенно необходима, то именно въ возрастѣ перваго дѣтства, когда организмъ ребенка слабъ, когда безпомощность его такъ поразительна. Поэтому и заботы воспитателя должны быть направлены къ такому развитію организма, чтобы сдѣлать его послушнымъ орудіемъ духа.

Взвѣшиваніе. Воспитателю весьма важно знать, насколько успѣшно идетъ питаніе ребенка, растетъ ли онъ правильно или нѣтъ, увеличиваются ли у него размѣры и вѣсъ тѣла пропорціонально, или нѣтъ Лучшій способъ дать себѣ отчетъ въ этомъ заключается въ измѣреніи длины и объемовъ и въ систематическомъ взвѣшиваніи ребенка Вѣсъ тѣла ребенка лучше всего опредѣляется на десятичныхъ вѣсахъ, но можно опредѣлить его и на обыкновенныхъ. Это дѣлается такъ, положивъ на одну чашку вѣсовъ гири или разновѣски, а на другую корзину съ ребенкомъ, устанавливають равновѣсіе и полученный такимъ образомъ вѣсъ записываютъ. Затѣмъ берутъ изъ корзины ребенка, смѣняютъ съ него бѣлье и опять взвѣшиваютъ послѣднее вмѣстѣ съ корзиной; получается второй вѣсъ, по разницѣ перваго вѣса со вторымъ опредѣляютъ точный вѣсъ ребенка. Чтобы взвѣшиваніе имѣло значеніе, нужно производить его утромъ, съ легкимъ желудкомъ и прежде даванія ребенку груди. Въ первое время взвѣшиваніе должно производиться ежедневно, затѣмъ до 5 мѣсяцевъ еженедѣльно; потомъ каждыя двѣ недѣли и, наконецъ, достаточно въ мѣсяцъ одинъ разъ.

Въ теченіе первыхъ 3—4 дней отъ слабаго и недостаточнаго питанія и другихъ причинъ ребенокъ почти всегда теряетъ въ вѣсѣ; при рожденіи вѣсъ его равняется, обыкновенно, 8—10 фунтамъ (Слабые—6 ф.), къ 7 дню пріобрѣтаетъ опять вѣсъ перваго дня. До 6 мѣсяцевъ вѣсъ его увеличивается отъ $3\frac{1}{2}$ до $8\frac{1}{4}$ золотника въ сутки, такъ что къ этому времени ребенокъ долженъ удвоиться въ вѣсѣ. Съ 6-го мѣсяца ребенокъ увеличивается на $2\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ золотника въ сутки, почему на 18 мѣсяцъ вѣситъ вдвое противъ вѣса въ 5 мѣсяцевъ. Если нѣтъ слишкомъ большихъ уклоненій отъ этихъ среднихъ цифръ, мать можетъ быть покойна на счетъ состоянія здоровья ребенка.

Температура тѣла ребенка—очень важная статья при наблюденіи за воспитаніемъ ребенка; измѣреніе температуры тѣла ребенка, какъ и взвѣшиваніе является лучшими показателями здороваго или больнаго состоянія и правильности его физическаго развитія. Нормальная температура= $37,5^{\circ}$ по Цельсію. Въ первые дни жизни ребенка, вслѣдствіе неустойчивости въ выработкѣ и выдѣленіи тепла дѣтскимъ организмомъ, замѣчаются значительныя отступленія иногда даже— 2 — 3° , но затѣмъ эти колебанія не заходятъ далѣе нѣсколькихъ десятыхъ градуса. Колебанія температуры, вслѣдствіе физиологическихъ процессовъ, мо-

гутъ замѣчаться въ теченіе сутокъ. Низшая температура—утромъ, высокая—вечеромъ. Термометръ долженъ быть максимальный; кладутъ его подъ мышку и держатъ тамъ, плотно прижавши ручку къ тѣлу ребенка, минутъ 10—15.

Дыханіе. Наблюдать за дыханіемъ—во время сна. Норма дыханія у новорожденнаго 40—44 раза въ минуту; въ теченіе 1-го года 20—35 разъ; на 2-мъ году—28 разъ, на 3-мъ—25 разъ, на 15 году жизни—17—20 разъ.

Кровообращеніе: работа сердца у ребенка идетъ быстро: у новорожденнаго до 150 ударовъ въ минуту, у ребенка 2-хъ лѣтъ—до 120 (у взрослого около 70 ударовъ въ минуту). Наблюденіе надъ пульсомъ ребенка лучше дѣлать во время сна, вечеромъ.

Устройство дѣтской. Есть персидская пословица: „куда входитъ воздухъ и свѣтъ, туда не входитъ и врачъ“. Эта любопытная пословица заключаетъ въ себѣ правило для устройства дѣтской комнаты, гдѣ большую часть времени проводитъ ребенокъ. Выборъ и надлежащее устройство дѣтской комнаты имѣетъ громадное значеніе для здоровья и роста ребенка.

Выдыхаемый нами воздухъ есть отрава. Ученые Броунъ-Секаръ и д'Арсонвиль уже давно доказали это, пропуская выдыхаемый воздухъ чрезъ змѣевикъ и насыщая имъ воду; въ результатѣ получается жидкость, которая будучи вспрыснута подъ кожу кролика и морскимъ свинкамъ, причиняетъ смертельное отравленіе такъ же, какъ вспрыскиваніе дифтеритнымъ и инымъ ядомъ.

Воздухъ въ данномъ случаѣ можно сравнить съ водой, употребляемой для ваннъ.

Для нѣсколькихъ ваннъ негодится одна и таже вода, ибо она загрязняется; точно также загрязняется и воздухъ закрытыхъ помѣщеній выдыхаемымъ воздухомъ.

Отсюда естественно слѣдуетъ, что для дѣтской нужно выбирать комнату свѣтлую съ достаточнымъ количествомъ воздуха и вентиляціей. Нормою воздуха для дѣтской, рассчитанной на одного ребенка считается 5—6 куб. сажень воздуха. Вентелировать комнату нужно естественно чрезъ открытыя форточки или искусственно—чрезъ вдѣланные въ окно или стѣны приборы, впускающіе токъ свѣжаго воздуха и уносящіе воздухъ испорченный. Окуриваніе комнаты благовонными бумажками, свѣчками, амбре, ароматическимъ уксусомъ никакъ не можетъ замѣнить вентиляци; ибо этимъ дурной воздухъ не уничтожается, а только маскируется. Провѣтриваніе нужно производить нѣсколько разъ въ день съ соблюденіемъ должной осторожности: предъ тѣмъ, какъ открыть форточку или вентиляторъ, слѣдуетъ удалить ребенка изъ дѣтской, плотно затворить двери, и внести его обратно не ранѣе, какъ воздухъ уже нѣсколько успѣетъ согрѣться.

Провѣтриваніе только тогда приноситъ пользу, когда удаляютъ самыя причины порчи воздуха. Для этой цѣли: а) посуду, служащую для испрежненія ребенка, слѣдуетъ держать въ стро-

гой чистотѣ; испачканное бѣлье удалять сейчасъ-же и строго преслѣдовать обычай нянекъ сушить въ дѣтской пеленки. Не рекомендуется также мыть ребенка въ той комнатѣ, гдѣ онъ спитъ. Дѣтскую слѣдуетъ тщательно убирать каждый день, что-бы не было никакой пыли. Мебель въ дѣтской должна быть въ ограниченномъ количествѣ, именно, здѣсь должны находиться только самыя необходимыя вещи, чтобы, загромождая комнату, не уменьшить въ ней количество воздуха. Вещи эти слѣдующія: постель, 2—3 стула, столикъ для одѣванія ребенка, постель няни. Драпировокъ не допускается.

Полезно въ дѣтской на стѣнѣ имѣть термометръ для равномернаго поддержанія температуры, которая не должна опускаться ниже 14° и подниматься выше 17° , такъ какъ слишкомъ высокая температура ослабляетъ тѣло и располагаетъ къ простудѣ, дѣлая организмъ весьма чувствительнымъ къ внѣшнимъ влияніямъ, а низкая—развиваетъ легочныя и горловыя болѣзни.

Дѣтская обязательно должна быть свѣтлою, обращенною на солнечную сторону, съ большимъ количествомъ оконъ, расположенныхъ на юго-востокъ или юго-западъ. Свѣтъ влияетъ на ростъ и развитіе ребенка. Чѣмъ меньше свѣта, тѣмъ хуже идетъ ростъ и наоборотъ. Многими учеными доказано, что свѣтовые лучи 1) вліяютъ на сокращеніе клѣтокъ и перемѣщеніе въ нихъ красящаго вещества, 2) возбуждаютъ окончанія чувствительныхъ нервовъ, чрезъ то усиливается рефлекторное сокращеніе въ мышцахъ и 3) содѣйствуютъ обмѣну веществъ, т. е. поглощается больше кислорода и выдѣляется больше углекислоты и питаніе улучшается. Наконецъ, свѣтъ является дезинфицирующимъ средствомъ, онъ убиваетъ сибиреязвенные, холерные, туберкулезные и другіе болѣзнетворные микробы.

III.

П и т а н і е

Первымъ и главнымъ условіемъ правильнаго роста ребенка служить питаніе. Наша пища состоитъ изъ 3-хъ главныхъ питательныхъ веществъ: бѣлковъ, жировъ и углеводовъ и прежде, чѣмъ всосаться изъ кишечника въ кровь, должна претерпѣть цѣлый рядъ превращеній.

Прежде всего пища, благодаря зубамъ и жевательнымъ мускуламъ, пережевывается, измельчивается, чѣмъ значительно облегчается работа желудка.

Слюна, вырабатываемая 3 большими железами: околоушной, подчелюстной, и подъязычной, содѣйствуетъ размягченію пищи, растворенію ея веществъ и облегчаетъ самый актъ проглатыванія пищи, дѣлая ее болѣе скользкой. Кромѣ того ферментъ-птиалинъ, находящійся въ слюнѣ, превращаетъ крахмалистыя вещества (углеводы) въ сахаръ. Слѣдовательно уже во рту начинается первое химическое измѣненіе пищи.

Но болѣе существеннымъ видоизмѣненіямъ пища подвергается въ желудкѣ. Здѣсь происходитъ ея окончательное химическое превращеніе: она всасывается въ кровь и распространяется по организму. Пищеварительный аппаратъ у новорожденного находится въ такомъ состояніи, что въ первые мѣсяцы жизни дитя не имѣетъ зубовъ, жевательные мускулы слабы, выдѣленіе слюны до момента прорѣзыванія зубовъ незначительно, и птѣалинъ слюны почти не въ состояніи обращать крахмалъ въ сахаръ. Желудокъ малъ. Всѣ эти свойства дѣтскаго организма показываютъ, во 1-хъ, что ребенокъ въ первое время можетъ принимать только жидкую пищу; во 2-хъ, что эта пища должна быть легка, т. е. необременительна для желудка, удобоварима и питательна; въ 3-хъ, что сразу нельзя давать много пищи и слишкомъ часто, чтобы не обременять его; въ 4-хъ, пища не должна содержать въ себѣ крахмала, послѣдній долженъ быть замѣненъ уже готовымъ сахаромъ; въ 5-хъ, бѣлокъ пищи долженъ даваться въ болѣе удобоваримой формѣ (первое мѣсто здѣсь занимаетъ казеинъ (бѣлковое вѣщ. женскаго молока) и въ 6-хъ, жиръ лучше доставлять въ видѣ эмульсіи, т. е., въ молокообразной жидкости.

Естественное кормленіе. Самую соответствующую пищу ребенку даетъ сама природа въ видѣ молока матери. Молоко матери состоитъ изъ самаго легко и удобоваримаго бѣлка—именно казеина; эмульсированнаго жира и изъ сахара, вмѣсто нежелательнаго крахмала. Оно составляетъ самое естественное питательное вещество, вполне приспособленное къ потребностямъ ребенка. Въ молокѣ матери дитя принимаетъ въ 2 раза больше бѣлковъ, въ 5 разъ больше жировъ и меньше углеводовъ, чѣмъ это находится въ пищѣ взрослою. Излишекъ бѣлковъ и жировъ откладывается въ тѣлѣ дитяти, почему оно быстрѣе увеличивается въ вѣсѣ въ первый годъ своей жизни. Поэтому всего лучше, если мать сама кормитъ своего ребенка, сознавая, что это ея прямой долгъ и составляетъ для него самый естественный и наилучшій способъ питанія. Данныя статистики доказываютъ, что изъ 100 дѣтей въ теченіе года умираютъ при кормленіи ихъ матерями всего 15—20; при кормилицахъ—30; при такъ называемомъ смѣшанномъ кормленіи 50 и при чисто искусственномъ 65 и больше.

Кормленіе матерью должно быть обязательнымъ для всѣхъ матерей. Дитя, вскормленное молокомъ своей матери, укрѣпляясь физически, въ то же время получаетъ зачатки для нравственнаго и умственнаго своего развитія, залогомъ чего является то безкорыстіе и челоуѣколюбіе, которыя въ періодъ материнства достигаютъ высоты, далеко не доступной для чужой женщины-кормилицы.

А какой источникъ наслажденія получаетъ дитя и мать въ самомъ актѣ кормленія, сопровождаемомъ материнскою ласкою и и различными проявленіями нѣжности. Наконецъ, нужно упомянуть, что въ молокѣ матери многими изслѣдованіями найдены

предохранительныя вещества противъ разныхъ дѣтскихъ заболѣваній, напр. дифтеріи. Поэтому даже слабая мать не должна совершенно отказываться отъ кормленія своего дитяти. Конечно, бываютъ особыя уважительныя причины, при которыхъ кормленіе матерью невозможно, или можетъ быть вредно и для ребенка и для нея самой. Напр., если сосокъ гнойно воспаленъ, имѣеть трещины или настолько вдавленъ, что дитя не можетъ захватить его; если у матери мало или совершенно молока нѣтъ или оно дурнаго качества; если она страдаетъ падучею болѣзнію, чахоткой, ракомъ и т. п., то ей ни въ какомъ случаѣ кормить нельзя. Тогда самымъ разумнымъ является замѣна материнской груди молокомъ другой женщины—*кормилицы*, хотя нельзя не пожелать, чтобы къ кормилицѣ прибѣгали какъ можно рѣже. Прежде всего ищущіе кормилицу должны подумать, что будетъ съ ребенкомъ кормилицы, который останется безъ принадлежащаго ему по праву материнскаго молока. Постоянное сожалѣніе о своемъ дитяти, а въ случаѣ его смерти грусть и тоска о немъ, не могутъ не вліять вредно на качество молока кормилицы.

Съ пріемомъ кормилицы заботы матери нисколько не прекращаются, она постоянно должна наблюдать, чтобы дитя ея было во время и достаточно накормлено, не говоря уже о томъ, что не такъ легко найти здоровую кормилицу съ достаточнымъ и вполне доброкачественнымъ молокомъ.

Искусственное кормленіе. Когда случается, что мать сама не кормитъ своего ребенка и нѣтъ кормилицы, необходимо искусственное кормленіе, которое, понятно, должно состоять изъ вещества, всего ближе подходящаго къ женскому молоку. Таковымъ является молоко ослицы и кобылье (кумысь), но они оба бѣдны жиромъ, дороги и трудно доставляемы. Молоко козы, всегда свободное отъ тулержулеза (это его достоинство), имѣеть избытокъ жира и неприятный запахъ и его также не всегда можно достать. Поэтому чаще всего обращаются къ коровьему молоку. Коровье молоко, въ отличіе отъ женскаго, имѣеть: 1) другой химическій составъ, 2) легко окисляется и 3) труднѣе переваривается. Но всѣ эти недостатки можно бываетъ преодолѣть и тѣмъ приблизить коровье молоко по его составу и качеству къ женскому.

1. Коровье молоко содержитъ въ себѣ менѣе воды и сахара и болѣе бѣлка, жира и солей, поэтому оно должно быть разбавлено водой съ прибавленіемъ сахара. Дѣлается это такъ: въ первый мѣсяць въ молоко надо прибавлять $\frac{2}{3}$ воды, во 2 и 3 мѣсяцы— $\frac{1}{2}$ воды; 4—5 мѣсяцы— $\frac{1}{4}$ воды, а съ шестаго мѣсяца можно давать ребенку и цѣльное коровье молоко. Само собой понятно, что могутъ быть отъ этой схемы и отступленія. Слабымъ дается болѣе разжиженное молоко, крѣпкимъ и здоровымъ можно давать и цѣльное. Недостаточное перевариваніе пищи, желудочныя боли являются показателемъ того, что нужно немедленно возвратиться къ болѣе разжиженному молоку.

Смѣсь нужно готовить только на одинъ разъ, такъ какъ подогрѣтое и успѣвшее остыть молоко измѣняется въ своемъ составѣ. Температура молока предъ кормленіемъ должна равняться температурѣ тѣла (35—37 по Цельсію, 26—28 Р.). На стаканъ молока обыкновенно кладется чайная ложка сахару.— Поить ребенка можно или изъ рожка или изъ бутылочки, на которую навязывается гуттаперчевый сосокъ. Конечно надо заботиться о чистотѣ посуды при кормленіи, молока въ ней не оставлять, а выливать и посуду выполаскивать. Соски (гуттаперчевые) надо также держать въ чистотѣ, никогда не оставлять во рту ребенка.

2. Молоко коровы содержитъ въ себѣ грибки, зародыши коихъ ведутъ къ разложенію. Грязное вымя, грязныя руки доильщицы, нечистый подоилникъ являются источникомъ загрязненія молока. Самымъ вѣрнымъ и надежнымъ средствомъ обезвреживанія молока является его *стерилизація*, для какой цѣли существуетъ нѣсколько аппаратовъ. Посредствомъ аппарата Сольтмана молоко нагрѣвается равномерно и не пригораетъ къ стѣнкамъ сосуда; но оно, если не тотчасъ было использовано, можетъ портиться послѣ стерилизаціи. Этотъ недостатокъ предотвращается аппаратомъ Сокслета, въ которомъ молоко кипятится въ небольшихъ герметически закупоренныхъ пузырькахъ. Чтобы быть вполне полезнымъ, молоко должно быть отъ здоровой коровы, или лучше отъ нѣсколькихъ коровъ, питающихся сѣномъ и вообще сухимъ кормомъ, свѣжей водой, а лѣтомъ зеленой травой. Вредно отзывается на доброкачественности молока кормленіе коровъ остатками, получаемыми при перегонѣ пива, водки или кухонными отбросами.

Консервы и суррогаты молока. Не всегда можно достать хорошее молоко, парное для дѣтей; стали привозить молоко изъ Швейцаріи и другихъ мѣстъ, консервируя его: сгущенное Швейцарское молоко, сливочная смѣсь Бидерта; Либиховскій супъ, мука Нестле, сухари Опеля, Герике и др. Всѣ эти средства могутъ быть только временной замѣной молока, но для постоянного употребленія рекомендовать ихъ нельзя. Молоко до 6 мѣсяцевъ должно быть исключительной пищей ребенку, а до 11 мѣсяцевъ главной; крахмалистая пища—дополненіе къ молоку.

3) Третій способъ кормленія—*смѣшанное* (прикармливаніе), подъ коимъ разумѣется кормленіе молокомъ женщины, даваемое одновременно съ молокомъ коровьимъ: къ нему прибѣгаютъ: 1) когда женскаго молока недостаточно для питанія ребенка, 2) когда матери, ведущей трудовую жизнь приходится оставлять нѣсколько часовъ безъ груди и 3) въ концѣ кормленія грудью, когда приучаютъ постепенно желудокъ ребенка къ другой пищѣ. Прикармливаніе можно начинать около 6 мѣсяцевъ; начинаютъ съ коровьяго молока, и затѣмъ переходятъ къ кашкѣ, къ яйцу, къ бульону (2—3 ложки), понемногу увеличивая дозы даваемого, сообразно ощущаемой ребенкомъ надобности въ дополнительной пищѣ. Смѣшанное кормленіе даетъ иногда хорошіе результаты,

если ведется правильно, т. е., если молоко матери и коровье чередуются въ равной пропорціи.

Порядокъ кормленія. Второй вопросъ касательно пищи ребенка есть вопросъ о времени и продолжительности кормленія. Не нужно думать, что ребенокъ хочетъ ѣсть, какъ только заплачетъ. Случается, что сердобольныя матери питаютъ ребенка всегда, какъ только онъ заплачетъ, именно полагая, что плачь ребенка есть выраженіе его голода. Въ подобныхъ случаяхъ лучше посмотрѣть, нѣтъ ли другихъ причинъ плача и ихъ устранить. А кормить ребенка надо въ опредѣленное время, такъ какъ постояннымъ кормленіемъ можно разстроить желудокъ. Въ первое время жизни ребенка надо кормить его почаще и понемножку. Въ началѣ дитя кормится чрезъ 2 часа днемъ и чрезъ 2½ часа ночью, затѣмъ чрезъ 2½ часа, 3 часа до шестого мѣсяца, съ седьмого мѣсяца чрезъ 3½—2 часа днемъ. Начиная съ седьмой недѣли надо постепенно приучать младенца порѣже кормиться ночью, потому что сонъ важенъ и для ребенка и для кормящей. Кормленіе каждый разъ должно продолжаться минутъ 15, 20 и не болѣе ½ часа. Конечно, время кормленія и количество пищи зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей ребенка и къ нимъ надо принаравливаться. Если ребенокъ сосетъ энергично, значить, онъ еще хочетъ ѣсть, если же начинаетъ сосать вяло, то значить онъ сытъ.

Продолжительность кормленія. Періодъ кормленія ребенка матерью продолжается обыкновенно до конца 1 го или начала 2-го года; это зависитъ отъ состоянія здоровья матери и ребенка. Если мать не чувствуетъ себя изнуренной, то можетъ кормить и долѣе года. Равнымъ образомъ, если ребенокъ переноситъ хорошо другую пищу и у него рано появляются зубы, то это указываетъ на то, что онъ ранѣе можетъ быть отнятъ отъ груди. Самое лучшее отнимать отъ груди въ промежутокъ времени между появленіемъ первыхъ коренныхъ и глазныхъ зубовъ; тогда желудокъ его способенъ бываетъ переносить менѣе нѣжную пищу, чѣмъ женское молоко; ему можно безъ вреда давать цѣльное коровье молоко, куриный или телячій бульонъ, съ булкою или хорошо пропеченымъ хлѣбомъ, яйцо въ смятку и манную молочную кашицу.—Не слѣдуетъ отнимать отъ груди въ лѣтніе мѣсяцы, когда ребенокъ очень часто болѣетъ отъ недоброкачественности искусственной пищи, или во время болѣзни, когда онъ и безъ того слабъ.

Пища ребенку на 2—3-ль году жизни. Въ началѣ втораго года, когда организмъ ребенка уже окрѣпнетъ и становится много дѣятельнѣе, тогда кромѣ молока и яицъ, даютъ ребенку и мясо, лучшимъ считается куриное въ видѣ котлеты. Хлѣбъ долженъ быть пшеничный. Стручковыя растенія (горохъ, бобы) можно давать только въ умѣренномъ количествѣ, а также и плоды.

Слѣдуетъ установить, чтобы дѣти кушали одни въ дѣтской, а не за общимъ столомъ съ взрослыми, потому что иначе нель-

зя уберечь отъ употребленія, такъ называемыхъ, лакомыхъ кусочковъ; тяжелыхъ мясныхъ и мучныхъ кушаньевъ, остраго сыра, сырой воды, пива или вина. Сроки приема пищи ребенкомъ на 2 и 3 мѣ году раза 4 въ сутки приблизительно чрезъ 4 часа въ теченіе дня.

IV.

Ванны, одежда и обувь, пеленаніе.

Ванны. Для ребенка необходимъ тщательный уходъ за кожей, проявляющійся, главнымъ образомъ, въ 2-хъ формахъ: въ соблюденіи чистоты и опрятности, очищеніи и омываніи кожи и въ надлежащемъ одѣваніи ребенка. Кожа снабжена отверстіями-порами, чрезъ кои выдѣляются изъ организма ненужныя частицы и вводится въ организмъ кислородъ воздуха. Стало бытъ кожа служить отчасти и органомъ дыханія.

Лучшимъ средствомъ для надлежащаго ухода за кожей—служать ванны. Каждый ребенокъ, въ какой бы бѣдной семьѣ ни родился, немедленно по рожденіи долженъ быть обмытъ. Ванны, купанья, обливанія полезны тѣмъ, что кожа освобождается отъ скопившейся на ней грязи и пыли, отъ выдѣляемаго, ею сала, пота и отъ вымершихъ клѣтокъ; функции кожи, какъ органа, выдѣляющаго углекислоту, сало, потъ, а съ послѣдними и вредныя для организма яды (токсины), совершаются правильно и энергичнѣе.

При этомъ холодныя ванны усиливаютъ процессъ дыханія и окисленія въ томъ смыслѣ, что дыханіе становится глубже съ каждымъ вздохомъ вбирается больше кислорода и выдыхается больше углекислоты, самочувствіе улучшается и организмъ крѣпнетъ и застраховывается отъ простуды. Теплыя ванны притупляютъ болевую чувствительность кожи и дѣйствуютъ успокаивающимъ образомъ, дыханіе при нихъ также усиливается. Но, чтобы ванны приносили надлежащую пользу, необходимо соблюдать слѣдующія условія:

Для купанія дѣтей лучше всего завести такую посуду, которую удобно было бы содержать въ чистотѣ. Для самыхъ маленькихъ дѣтей употребляютъ обыкновенно, особенно въ деревняхъ, корытечко. Противъ этого обычая можно возразить: во 1-хъ, что при купаньѣ въ корытечкѣ ребенокъ большею частію своего тѣла находится внѣ воды, что можетъ повлечь за собою простуду, если воздухъ комнаты недостаточно согрѣтъ; во 2-хъ, при томъ маломъ количествѣ воды, какая вливается въ корытечко, трудно соблюсти равномерность ея температуры, такъ какъ она очень скоро стынетъ; въ 3-хъ, дерево, въ послѣдствіи пропитывается выдѣленіями изъ кожи, если корытечко каждый разъ не вымываютъ, какъ слѣдуетъ. Поэтому, всего лучше употреблять цинковую ванночку, достаточно просторную, но небольшую. Желѣзныя ванны, окрашенныя бѣлой или иной какой кра-

ской, неудобны въ томъ отношеніи, что краска, которою онѣ покрыты, можетъ быть ядовита; поэтому, при покупкѣ такой ванны, слѣдуетъ прежде убѣдиться въ безвредности состава покрывающей ее краски; эмалированная имѣетъ преимущество.

Способъ купанія. Прежде всего приготовить все необходимое для ванны: тюфячекъ и подушечку подъ голову, двѣ губки, одну для личика и другую для тѣльца; мыло всего лучше—яичное, глицериновое, или ланолиновое; двѣ простыньки для обтиранія—полотняную поверхъ бумазейной и, рядомъ съ ними, мягкую подушку, на которую заранѣе положить бѣлье въ томъ порядкѣ, въ которомъ оно должно быть надѣто, т. е. распашенку, кофточку, чепчикъ, бинтикъ съ тряпочкой, полотняную и бумазейную пеленки и снизу всего конвертикъ. Одѣваніе, во избѣжаніе простуды ребенка, должно производиться скоро, почему и важно все раньше приготовить, чтобы не пришлось бѣгаты то затѣмъ, то за другимъ, растворять двери комнаты, суетиться и т. д., что легко можетъ повлечь за собой простуду и ванна, вмѣсто пользы, принесетъ вредъ.

Приготовивъ бѣлье, нужно заняться приготовленіемъ воды для ванны, купанья и тѣмъ временемъ осторожно раздѣвать ребенка. Всего лучше употреблять воду рѣчную или дождевую свѣжую; ее необходимо измѣрять термометромъ; послѣдній практичнѣе въ деревянной оправѣ.

Температура воды должна быть въ 28° по Реомюру (35° Ц.), а для слабыхъ дѣтей даже 29°—30° (37° Ц.). Затѣмъ къ 1/2 году температура воды спускается до 26° (32° Ц.) и къ 1 году—до 23° (30—28° Ц.). Особенно нужно остерегаться слишкомъ горячей воды, что легко вызываетъ у новорожденныхъ судороги и даже можетъ причинить смерть. Надѣяться на ощупь руки нерационально, такъ какъ та же самая вода можетъ казаться теплѣе или холоднѣе, сообразно съ температурой руки, такъ что легко ошибиться. Комната, назначенная для купанья, должна быть умѣренно согрѣта—никакъ не менѣе 16—17° и чтобы ванна не ставилась близко къ печи или къ дверямъ или къ окну. Установивъ ее, какъ слѣдуетъ, на 2 сдвинутыхъ табуретахъ, наполнивъ водой надлежащей температуры, уложивъ тюфячекъ и подушечку, нужно завернуть дитя въ простынку и осторожно погрузить его въ воду; затѣмъ, слегка, поддерживая его лѣвою рукою, правою обмыть все тѣло губкой, избѣгая сильнаго тренія. Лицо и глазки ребенка должно обмывать изъ особой, специально назначенной для этого миски или кружки, и никогда не опускать личную губку въ ванну, такъ какъ вода въ ней слишкомъ грязна для нѣжныхъ глазъ ребенка. Самыхъ маленькихъ дѣтей достаточно держать въ ваннѣ 5—8 минутъ, 6-ти недѣль—10 минутъ, а болѣе взрослыхъ сравнительно долѣе, но никогда не болѣе 20 минутъ; причемъ въ первые 9 дней купать 2 раза въ сутки, до 6 недѣль по разу, до 6 мѣсяцевъ чрезъ день, а съ того времени до двухъ лѣтъ 2 раза и затѣмъ одинъ разъ въ недѣлю. Ванны могутъ быть принимаемы во всякое время

дня, только не вслѣдъ за принятіемъ пищи, такъ какъ это разстраиваетъ пищевареніе; точно также опасно купать въ то время, когда ребенокъ находится въ испаринѣ.

Но однимъ купаніемъ не должно ограничиваться. Необходимо еще производить нѣсколько разъ въ день обмываніе грудныхъ дѣтей теплой водой; особенно въ этомъ нуждаются пахи, пазухи, шейныя складки и мѣста подъ колѣнками. Надо тщательно послѣ до суха вытереть и присыпать пудрой или плацинымъ порошкомъ или прикладывать корпией для устраненія прѣлости. Вообще нужно слѣдить за чистоплотнымъ содержаніемъ всѣхъ органовъ, особенно глазъ, ушей и всей головы.

Ротъ ребенка также надо держать въ чистотѣ. Послѣ каждаго приема пищи, чтобы остатки ея не произвели во рту кислое броженіе и не подали повода къ образованію грибковъ (молочницы) или къ порчѣ желудка, необходимо очищать ротъ. Для чего наворачиваютъ тряпочку, смоченную въ водѣ, на мизинецъ, и легонько вводятъ въ ротъ грудного ребенка.

Одежда и обувь. Цѣлесообразная одежда и обувь составляютъ также одно изъ важныхъ условій физическаго благополучія ребенка. Главныя условія хорошей одежды въ слѣдующемъ:

1. Одежда должна соответствовать времени года и температурѣ воздуха. Кутанье располагаетъ къ простудѣ, дѣйствуя на организмъ ослабляющимъ образомъ. Свѣтлые цвѣта въ лѣтнее время предпочитаются чернымъ, такъ какъ первые меньше поглощаютъ солнечныхъ лучей, и ребенку не такъ жарко.

2. Одежда не должна отягощать ребенка. Поэтому ее нужно готовить изъ мягкой, легкой и удобно прилегающей къ тѣлу матеріи. Для верхней одежды чаще всего употребляется фланель, байка, вигонь, пике, канифасъ, бумазая; для тѣхъ же частей одежды, которыя непосредственно прилегаютъ къ тѣлу, лучше всего идутъ льняныя ткани, а не бумажныя. Если дѣтское бѣлье дѣлается изъ новой матеріи, необходимо его предварительно выстирать для приданія ему большей мягкости. Есть обычай дѣлать дѣтскую одежду изъ поношеннаго полотна. Противъ этого много говорятъ, во 1-хъ, то, что такимъ путемъ могутъ передаваться различныя болѣзни, если вещи, передѣланныя въ дѣтское бѣлье, принадлежали людямъ, подвергавшимся заболѣваніямъ; во 2-хъ, ткань старыхъ вещей бываетъ очень разрыхлена и потому старыя вещи даютъ болѣе пыли, чѣмъ такія же новыя вещи; а пыль можетъ вредно дѣйствовать и на кожу, на легкія и на глаза ребенка.

3. Одежда не должна быть тѣсна. Иначе она будетъ мѣшать свободному движенію членовъ, препятствовать правильному развитію и укрѣпленію ихъ, сдавливать внутренніе органы, разстраивая ихъ отравленія, затрудняя кровообращеніе, производя приливы крови къ головѣ и шеѣ. По этимъ причинамъ слѣдуетъ признать безусловно вреднымъ обычай пеленанія и ношенія корсетовъ, особенно молодыми дѣвушками. Туго затягиваемые корсеты сильно стѣсняютъ развитіе грудной клѣтки

грудныхъ желѣзъ, печени, кровообращенія въ области послѣдней и вообще могутъ повести къ цѣлому ряду серьезныхъ болѣзней въ области печени..

Скажемъ нѣсколько словъ объ обычаѣ пеленанія. Для того, чтобы спеленать ребенка, его кладутъ на пеленку такъ, что ножки и голова приходятся на углы ея. Завертываютъ потомъ головку ребенка однимъ угломъ пеленки, такъ что на головѣ его очутится какъ будто чепчикъ. Ножки ребенка вытягиваютъ, ручки прикладываютъ къ бочкамъ, завертываютъ его въ пеленку и связываютъ, опутываютъ его особеннымъ снарядомъ, который называется свивальникомъ. Свивальникъ буквально связываетъ ребенка съ ногъ до головы, потому что окутываетъ его отъ плечъ и связывается у пятокъ тесемочками. Такимъ образомъ снаряженный ребенокъ становится очень похожимъ на египетскую мумію, не можетъ двинуть ни рукой, ни ногой, въ такомъ видѣ укладывается спать и спитъ, т. е. лежитъ безъ движенія, часовъ 8 въ первое время жизни. Хотя этотъ варварскій обычай и выводится у насъ, но все таки все еще крѣпко держится вообще. Главная сила этого обычая въ его глубокой древности. Человѣчество съ незапамятныхъ временъ пеленало дѣтей своихъ, а отъ историческихъ народовъ остались и свидѣтельства письменныя о томъ, что обычай пеленанія существовалъ. Пеленали, напр., дѣтей своихъ всѣ Греки, за исключеніемъ Спартанцевъ.

Однако вредъ обычая пеленать дѣтей сознавался уже въ глубокой древности и противъ него дѣлалось множество возраженій. Можно сказать, что нѣтъ педагогическаго сочиненія, въ которомъ не затрогивался бы этотъ вопросъ. Г-жа Манассеина въ своей книгѣ задумала пересчитать авторовъ, говорящихъ противъ пеленанія, и заняла двѣ страницы подстрочнымъ примѣчаніемъ, называя въ немъ только имена авторовъ и ихъ сочиненій. Авторъ педагогическаго сочиненія на родномъ языкѣ, изданнаго въ Царствованіе Екатерины II (Максимовичъ—Амбодичъ), дивится, что человѣкъ самъ себѣ куетъ бѣды такими обычаями, какъ пеленаніе, и до сихъ поръ еще не сознавалъ этого. А эти бѣды видитъ онъ въ томъ, что пеленаніе вообще препятствуетъ развитію и укрѣпленію всѣхъ членовъ тѣла, вредно дѣйствуетъ на желудокъ. Извѣстный нѣмецкій философъ Кантъ, чтобы убѣдить невѣрующихъ въ томъ, какъ тяжело переносить ребенку пеленаніе, совѣтуетъ спеленать взрослого человѣка, положить безъ движенія на 8 часовъ и посмотреть, въ какую ярость онъ придетъ и съ какой злобой станетъ вспоминать объ этомъ своемъ положеніи. А гигиенистъ 18 столѣтія, Франкъ, зная, какъ трудно искоренить одними словами и убѣжденіями обычай пеленанія, совѣтуетъ вмѣшаться въ это дѣло полицію. Онъ желалъ бы, чтобы медицинская полиція просто не позволяла пеленать дѣтей. Такимъ образомъ обычай пеленанія просвѣщенными людьми всѣхъ странъ признанъ вреднымъ и

вредъ этотъ состоитъ въ томъ, что пеленаніе мѣшаетъ правильному размѣщенію крови въ организмъ.

Свивальникъ сдавливаетъ весь организмъ ребенка, оставляя свободными только ножки да головку. Вслѣдствіе этого венозная, т. е. испорченная кровь застаивается во всѣхъ членахъ и приливаетъ къ головѣ, къ мозгу, а это можетъ быть причиной различныхъ мозговыхъ болѣзней, разнаго рода родимчиковъ и припадковъ, отъ коихъ чаще всего и умираютъ дѣти. Что стягиваніе должно имѣть такія печальныя послѣдствія, въ этомъ можетъ убѣдить насъ вотъ какой простой опытъ. Перетяните палецъ ниткой, и его конецъ тотчасъ же покраснѣетъ, потомъ побагровѣетъ и наконецъ почернѣетъ. Тоже самое, хотя въ меньшей степени происходитъ и въ организмѣ ребенка, когда онъ спеленутъ. Все тѣло его перетянуто, а свободной оставлена голова, и къ ней, конечно, приливаетъ кровь. Лицо спеленутаго ребенка дѣйствительно въ жару и въ поту, и все это проходитъ, когда дитя освобождаютъ отъ свивальника. Вредитъ пеленаніе и дыханію. Для дыханія грудь должна быть свободна, а у ребенка она сдавлена свивальникомъ, значитъ ему глубоко дышать нельзя. Приноситъ вредъ пеленаніе и пищеваренію, потому что свивальникъ стягиваетъ желудокъ, а слѣдствіемъ этого бываетъ задержка соковъ, какъ причина различныхъ желудочныхъ болѣзней, отъ коихъ дѣти умираютъ. Пеленаніе безусловно вредно. 4-е условіе дѣтской одежды—надлежащее содержаніе ея въ чистотѣ. Нужно слѣдить строго, чтобы бѣлье стиралось въ отдѣльной посудинѣ, тщательно прополаскивалось на рѣкѣ и сушилось лучше всего на чердакѣ, ибо при сушкѣ въ кухнѣ или жилой комнатѣ, оно пропитывается пылью и накапливающимися тамъ миазмами. Предъ употребленіемъ оно должно быть тщательно просушено, разглажено и согрѣто.

Одежда подростковъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, разнообразится настолько значительно, что тутъ довольно трудно указывать какія либо общія формы одѣянія. Гигіена требуетъ: дѣтямъ нужно устраивать одежду такъ, чтобы какъ нижнее бѣлье, такъ и верхняя и нижняя часть одежды ихъ всею своею тяжестью опирались бы на плечи, не стѣсня живота и груди, что въ высшей степени вредно.

Не слѣдуетъ калѣчить ноги дѣтей, покупая имъ узкую и тѣсную обувь или дѣлая башмаки на каблукахъ; въ послѣднемъ случаѣ тяжесть тѣла падаетъ не на пятку, какъ бы слѣдовало, а далѣе къпереди, на сводъ подошвы, что развиваетъ цѣлый рядъ болѣзненныхъ явленій на ногѣ.

V.

Постель, уначиваніе, движенія, прогулки.

Самый важный предметъ въ обстановкѣ дѣтской—это кровать. Въ ней ребенокъ проводитъ почти все время въ теченіи

ниі первыхъ четырехъ мѣсяцевъ, когда онъ большую часть сутокъ спитъ, и если и бодрствуетъ, то больше находится въ кроваткѣ, потому что, вслѣдствіе слабаго мышечнаго аппарата и гибкости еще неокрѣпшаго остова, самое соотвѣтствующее для него положеніе горизонтальное, лежащее. Весьма важное условіе для кроватки—чтобъ она была сквозная: плетеная, ивовая, или рѣшетчатая—деревянная, или же еще лучше желѣзная, окрашенная эмалевой краской, съ желѣзными же рамками вмѣсто стѣнокъ. На эти рамки натягивается сѣтка изъ шнура. Это предохраняетъ ребенка отъ паденія и ушибовъ при движеніяхъ и въ то же время не препятствуетъ доступу свѣжаго воздуха. Таковую кровать легко содержать въ чистотѣ и опрятности. Ставить кроватку нужно въ дѣтской не близко къ печи и дверямъ, стараться, чтобъ свѣтъ не падалъ прямо въ глаза ребенку. На дно кроватки нужно положить матрасецъ волосяной или изъ морской травы, на него положить клеенку, а на нее ватный стеганный тюфячекъ, прикрытый простынкой. Тюфячекъ надо почаще провѣтривать, прополаскивать и мѣнять. Подушечки надо тоже сдѣлать изъ волоса или морской травы, небольшія съ наволочкой. Покрывается ребенокъ сверху, смотря по времени года, простыней, шерстянымъ, байковымъ или бумазейнымъ одѣяломъ. Для постели ребенка больше не нужно никакихъ прибавленій и приспособленій. Вредны, напр., пуховыя перины, потому что онѣ мнутса и заставляютъ ребенка лежать не прямо; вредны и пологи, потому что они задерживаютъ воздухъ, и если можно допустить, то легкій пологъ изъ тюля для защиты отъ мухъ, хотя и подъ нимъ температура воздуха повышается.

Для того, чтобы ребенокъ спалъ хорошо, надо устранить отъ него дѣйствіе яркаго свѣта и громкихъ пугающихъ звуковъ. Однако нѣтъ нужды соблюдать безусловную тишину и остерегаться разговоровъ во время сна ребенка. Напротивъ, надо приучать его засыпать при такихъ незначительныхъ шумахъ, такъ какъ это ему будетъ полезно впослѣдствіи. Спокойному сну ребенка помогаетъ привычка спать въ опредѣленное время. Прежде всего надо приучить ребенка спать, а не бодрствовать ночью, потому что сама природа назначила ночь для сна. Отсюда нужно осудить потворство матерей и воспитательницъ, которыя позволяютъ дѣтямъ играть ночью, долго не засыпать и проч. Чтобы дитя заснуло скорѣе, не надо укладывать его вдругъ же послѣ шумныхъ игръ и принятія пищи, потому что въ такихъ случаяхъ сонъ ребенка бываетъ безпокойнымъ. Дѣти вообще спятъ подолгу. Новорожденный проводитъ большую часть сутокъ во снѣ, спитъ часовъ 20 и просыпается только отъ неприятныхъ ощущеній и для кормленія. Съ теченіемъ времени дѣти начинаютъ бодрствовать больше и больше. Послѣ полугода ребенокъ можетъ проводить безъ сна нѣсколько часовъ подрядъ, 2—3 лѣтъ ребенокъ спитъ днемъ 1—3 часа и ночью отъ 9—12 часовъ и т. д.. Сама природа показываетъ этимъ, какъ

важенъ для ребенка сонъ, и потому воспитатель долженъ оберегать его.

Средства усыпленія ребенка, какъ то: ношеніе на рукахъ, укачиваніе, баюканье и т. п., а равно усыпительныя лекарства, въ родѣ маковаго сиропа и другихъ одуряющихъ веществъ, должны быть тщательно избѣгаемы: во 1-хъ потому, что сонъ, произведенный искусственно, не можетъ уже имѣть того живительнаго, укрѣпляющаго свойства, какое имѣетъ сонъ естественный, и во 2-хъ потому, что эти мѣры притупляютъ чувствительность и влекутъ за собой вялость и истощеніе организма. Даже усыпленіе ребенка посредствомъ качанія на рукахъ оказывается очень вреднымъ: оно мѣшаетъ пищеваренію, ошеломляетъ ребенка и создаетъ дурную привычку. Говоря о постели ребенка, мы не можемъ не остановиться нѣсколько подробнѣе на такъ называемыхъ люлькахъ или зыбкахъ и безусловно вредномъ для физическаго развитія дѣтей обычаѣ укачиванія. Вѣроятно, всѣмъ извѣстно, какъ устраиваютъ зыбки и какъ укачиваютъ. Обычай укачиванія какъ и пеленанія очень древній. Древность этого обычая доказывается тѣмъ, что онъ существуетъ у самыхъ грубыхъ дикарей. Индійцы Америки искусно пеленаютъ дѣтей, упрятывая ихъ въ футляръ изъ древесной коры, какъ кладутъ карандашъ въ пеналь. Такъ спеленутаго ребенка мать закидываетъ за спину, и находитъ онъ укачивается за ея плечами. Если же мать останавливается и начинаетъ, напр., работать, то подвѣшиваетъ чадо свое къ сучку перваго попавшагося дерева, а вѣтеръ колышетъ его, исполняя роль няньки. Столь же премудро поступаютъ и Лапландцы. Зыбка представляетъ у нихъ деревянное корытце, въ видѣ лодочки, одинъ конецъ которой пошире. На дно ея накладываютъ мохъ, стелютъ шкурки и кладутъ спеленутаго ребенка. Къ бокамъ лодочки прикрѣплены, обоими концами къ одной сторонѣ, два ремня, при помощи которыхъ мать можетъ носить ребенка, перекинувъ ремни чрезъ плечо, и подвѣшивать тоже къ суку дерева, когда начинаетъ работать. А чтобы ребенокъ не выпалъ изъ колыбели, къ ея краямъ придѣланы ременныя петли, которыя забираются крестообразно ремнемъ, и ребенокъ оказывается сидящимъ за рѣшоткой, какъ птичка въ клѣткѣ. Такъ, если столь необразованные дикари пользуются колыбелью, да еще столь искусно, то конечно, употребленіе этого снаряда очень древне. О томъ же говорятъ и историческія свидѣтельства. Извѣстно, напр., что у грековъ колыбель была во всеобщемъ употребленіи. Да и существованіе почти у всѣхъ народовъ цѣлыхъ литературъ колыбельныхъ пѣсенъ говорятъ о томъ, что они не только укачивали своихъ дѣтей, а еще при этомъ и пѣсни пѣли надъ колыбелью....

Какое дѣйствіе производитъ на ребенка укачиваніе, мы не можемъ знать отъ него, такъ какъ онъ ничего не въ силахъ поразсказать намъ объ этомъ, а потому поставлены въ необходимость дѣлать заключенія по аналогіи, по сравненію со взро-

слыми или судить по немногимъ случаямъ, въ коихъ послѣдствія укачиванія проявляются слишкомъ ясно. Сравнить состояніе и ощущенія укачиваемаго ребенка можно съ тѣмъ, что испытываетъ путешественникъ на кораблѣ во время качки. Симптомы морской болѣзни, которая вызывается качкой, извѣстны. Во время качки, вслѣдствіе приливовъ крови къ головѣ, начинаются головныя боли, головокруженія, потомъ открывается рвота, и дѣло доходитъ до дурноты и обморока, т. е. полной потери сознанія. Тоже самое испытываетъ и укачиваемый ребенокъ, только, вѣроятно, въ большей степени. Во время качки на кораблѣ, человѣкъ колеблется только изъ стороны въ сторону, переваливается съ боку на бокъ, а зыбка ходитъ снизу вверхъ, да иногда, если укачиваетъ ребенка усердное, глупое или разсерженное существо, маленькая сестренка, напр., ребенокъ просто на полъаршина подпрыгиваетъ въ зыбкѣ и стремительно падаетъ внизъ. Такой качки не испытывалъ, вѣроятно, ни одинъ всемірный путешественникъ. При этомъ надо принять во вниманіе, что организмъ ребенка гораздо слабѣе и воспріимчивѣе организма взрослага человѣка, и потому въ немъ и меньшія даже причины могутъ произвести одинаковыя слѣдствія. Отсюда понятно, почему ребенокъ, если его немного покачаютъ, быстро умолкнетъ, какъ бы ни раскричался онъ предъ тѣмъ,—качаніе быстро доводитъ его до состоянія обморока, онъ теряетъ сознаніе, и потому перестаетъ пищать и плакать, а няньки думаютъ, что онъ успокоился, заснулъ. Это состояніе есть результатъ приливовъ крови къ головѣ. Они же являются слѣдствіемъ того, что укачиваніе нарушаетъ правильный ходъ процесса кровообращенія. Въ самомъ дѣлѣ, кровь течетъ по жиламъ, которыя представляютъ собою ничто иное, какъ тоненькія трубочки. Представимъ себѣ, что мы льемъ воду чрезъ тонкую стеклянную трубочку. Пока мы держимъ трубку твердо, вода по ней течетъ ровно и быстро, безъ задержки, а если мы вздумаемъ трубку трясти, то въ водѣ начнется волненіе, она будетъ задерживаться колебаніями, застаиваться. Тоже происходитъ въ организмѣ ребенка при укачиваніи. Вслѣдствіе сотрясенія всего организма кровь въ жилахъ задерживается, застаивается, а результатомъ этого и бывають приливы къ головѣ, задержки ея въ конечностяхъ. Въ книгѣ Жука „Мать и дитя“ разсказывается слѣдующій случай. У одного мельника было „геніальное изобрѣтеніе“. Этотъ мельникъ — отецъ устроилъ хитрый приводъ отъ оси мельничнаго колеса къ колесу, приводившему въ движеніе колыбель его сына. „Такая, остроумно скомбинированная машина дѣйствовала цѣлый день и часть ночи, и дитя постоянно качалось, къ большому удовольствію мельника—отца, радовавшагося своей геніальности и потому, что ни мать, ни всѣ домашніе не нужны ребенку. Но, увы, въ концѣ концовъ у ребенка сдѣлалось воспаленіе мозга, и онъ быстро умеръ“. Укачиваніе безусловно вредно. Вообще, сонъ только тогда полезенъ, когда онъ вызванъ естественною потребностью. А потребность къ отдыху является

обыкновенно плодомъ нѣкотораго физическаго утомленія, вызываемаго моціономъ, движеніемъ, дѣятельностью.

Движеніе необходимо для правильнаго развитія всего нашего организма, въ особенности же для укрѣпленія мускуловъ и для правильности физиологическихъ функцій. Поэтому движеніе есть первая и существенная потребность организма и проявляется она тѣмъ сильнѣе, чѣмъ моложе организмъ. Говоря о физическомъ воспитаніи дѣтей и въ частности о движеніи, нужно прежде всего посовѣтовать—давать ребенку двигаться возможно больше, сколько онъ желаетъ, сколько требуетъ его природа. Но, не стѣсняя ребенка въ движеніяхъ, не нужно его и насиловать въ противоположномъ направленіи, т. е. не нужно употреблять искусственныхъ средствъ, побуждающихъ его къ такимъ движеніямъ, на которыя онъ еще не способенъ. Это общее правило при воспитаніи ребенка въ разные періоды его жизни можно приложить слѣдующимъ образомъ.

Въ первое время жизни новорожденный можетъ производить только безсознательныя и безцѣльныя движенія, результатъ потребности организма. Эти движенія способенъ онъ производить только лежа, потомучто позвоночникъ его еще слабъ, и онъ не въ силахъ сидѣть. Поэтому ребенку до 4—5 мѣсяцевъ нужно давать лежать и свободно двигать ручками и ножками. Надо остерегаться держать его подолгу въ сидячемъ положеніи, потому что отъ этого можетъ быть искривленіе позвоночника и не слѣдуетъ приучать его „къ рукамъ“. Сердобольныя мамочки и няни поступаютъ какъ разъ наоборотъ,—таскаютъ ребенка на рукахъ и непремѣнно „торчкомъ“, желая приучить его сидѣть. Дитя приучается быть на рукахъ, просится на руки, и матери жалуются на это, хотя сами его приучили.

Съ 4—5 мѣсяцевъ ребенокъ начинаетъ хватать ручками предметы и играть ими. Этому стремленію и удовлетворяютъ разнаго рода игры, изобрѣтаемыя матерями и нянями, напр., „ладушки“, „сорока“ и проч.

Движенія ребенка все осложняются и совершенствуются, и въ 7—8 мѣсяцевъ ребенокъ научается сидѣть.

Постепенному развитію движенія ребенка только нужно идти на встрѣчу, а не тянуть его впередъ, пусть все дѣлается естественнымъ путемъ. Не нужно приучать ребенка сидѣть, прежде чѣмъ онъ будетъ въ силахъ самъ подняться и сѣсть.

Тоже нужно сказать о ползаньѣ и ходьбѣ. Какъ только дѣти почувствуютъ въ себѣ силу, они сами различными способами начинаютъ ползать. Обыкновенно ребенку расстилаютъ коверъ и предоставляютъ его своимъ силамъ, не безъ наблюденія конечно. Потомъ ребенокъ начинаетъ подниматься на колѣна, на ноги, держась за стулья и другіе предметы, и, наконецъ, начинаетъ ходить. Иногда дѣти, научившись хорошо сидѣть и крѣпко стоять, прямо идутъ не ползая. Ходить научаются дѣти, начиная отъ 9 до 16 мѣсяцевъ, смотря по природной крѣпости. И въ этихъ движеніяхъ ребенку должно быть предоставлено

больше свободы. Особенно нужно избѣгать различнаго рода искусственныхъ приспособленій для приученія дѣтей къ ходьбѣ. Неокрѣпшія ноги ребенка отъ несоотвѣтствующихъ упражненій могутъ искривиться. Для приученія ребенка къ самостоятельному, безъ содѣйствія взрослыхъ, хожденію, и при томъ въ наиболѣе безопасныхъ условіяхъ, въ послѣднее время стали устраивать такъ называемые „школы для ходьбы“, это родъ разборнаго ящика большихъ рязмѣровъ, дно котораго покрывается ковромъ, а внутренняя сторона боковъ мягкой обшивкой. Здѣсь ребенокъ можетъ ползать, становиться на ноги и ходить, а если устанетъ и прилечь. Не нужно особенно огорчаться тѣмъ, что дѣти долго иногда не ходятъ,—случается, что дѣти, которыя пошли позже, ходятъ тверже и рѣже падаютъ при ходьбѣ. Затѣмъ ребенокъ, когда научится ходить, начинаетъ отличаться чрезвычайной подвижностью,—онъ не посидитъ ни минуты покойно, съ утра до вечера бродитъ, бѣгаетъ и если его присадятъ на мѣсто, болтаетъ ногами, шевелитъ руками. Эта подвижность вполне естественна. Она законна; требуется природой. Значитъ, ребенку въ это время нужно предоставить возможность двигаться, сколько угодно, и система воспитанія, требующая, чтобы ребенокъ не бѣгалъ, не шумѣлъ, даже сидѣлъ смирно, не болтая ногами и проч., должна быть осуждена, какъ противоестественная муштровка.

Прогулки. Особенно полезны для здоровья ребенка движенія и игры на вольномъ воздухѣ. Поэтому необходимо знакомить ребенка съ внѣшнимъ воздухомъ и выносить его изъ дому въ хорошую погоду, когда нѣтъ на улицѣ большаго вѣтра и сырости. Зимой можно выносить ребенка (ранѣе 6 мѣсяцевъ) послѣ 6—8 недель, а лѣтомъ чрезъ 2—3 недѣли. При чемъ въ первые дни, особенно, въ холодное время, ребенокъ выносится на нѣсколько минутъ, чтобы дать ему возможность постепенно освоиться съ новой средой.

Чтобы прогулка принесла надлежащую пользу, нужно, во-1-хъ, знать, гдѣ гулять съ дѣтьми. Самое лучшее мѣсто для прогулокъ лѣтомъ—это садъ, усыпанный крупнымъ пескомъ, дворъ, бульваръ, закрытые же, *огороженные наглухо, сады, гдѣ воздухъ застаивается и появляется сырость, неудобны для прогулокъ.

До 2-хъ лѣтняго возраста лучше не выносить ребенка на воздухъ, когда на улицѣ болѣе 2^о мороза, такъ какъ морозный воздухъ сильно раздражаетъ нѣжную слизистую оболочку носа и гортани и чрезъ то производитъ насморкъ, кашель и каттаръ.

Нужно знать, когда гулять. Самое лучшее время для прогулки отъ 2—4 часовъ по полудни, т. е. самое теплое время дня. Не слѣдуетъ выносить ребенка на воздухъ вскорѣ послѣ купанья или сна, при разгоряченной кожѣ...

VI.

Прорѣзываніе зубовъ. Оспопрививаніе. Дѣтскія болѣзни.

Въ отдѣлѣ о физическомъ воспитаніи педагогика должна еще сказать о прорѣзываніи зубовъ, съ каковымъ актомъ тѣсно связаны вопросы питанія и вообще благосостоянія ребенка. Прорѣзываніе зубовъ—какъ естественный актъ для здоровыхъ дѣтей совершается незамѣтно, но дѣти болѣзненные въ это время бываютъ особенно расположены къ заболѣваніямъ, которыя при дурномъ уходѣ принимаютъ опасный оборотъ.

1. Процессъ прорѣзыванія зубовъ раздражаетъ нервы ребенка и дѣлаетъ его склоннымъ къ судорогамъ и другимъ нервнымъ заболѣваніямъ. При этомъ успокаивающее дѣйствіе имѣютъ свѣжій воздухъ и тепловатая ванны, которыя поэтому являются особенно необходимыми въ это время.

2. Прорѣзыванію зубовъ предшествуетъ опухоль десенъ, производящая боль при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ твердаго тѣла; вслѣдствіе этого дѣтямъ нельзя бываетъ разжевывать пищу, и они ее глотаютъ цѣликомъ, отчего разстраивается пищевареніе. Поэтому важно въ это время точное соблюденіе діетическихъ правилъ.

3. Предъ прорѣзываніемъ зубовъ, когда зубная ячейка увеличивается и давитъ на выше лежащую часть десны, дѣтямъ доставляетъ большое удовольствіе треніе о десны. Въ это время нужно избѣгать давать дѣтямъ слишкомъ твердые предметы, такъ какъ этимъ прорѣзываніе зубовъ еще болѣе затрудняется, а не облегчается. Кусаніе твердыхъ предметовъ обусловливаетъ сильное ущемленіе десенъ, воспаленіе и затвердѣніе ихъ; фіалковый корень и корка хлѣба, предлагаемая въ этомъ случаѣ, не представляютъ столь большаго вреда. Вслѣдствіе зуда въ деснахъ, дѣти въ это время много капризничаютъ.

4. Нужно остерегаться, чтобы не отнести на счетъ зубовъ другой какой либо болѣзни, независимой отъ прорѣзыванія зубовъ, и такимъ образомъ не опустить времени для своевременнаго леченія. Не слѣдуетъ успокаиваться выраженіями: „лихорадка къ зубамъ“, „кашель къ зубамъ“, „сыпь къ зубамъ“ и т. д. Введеніе въ ротъ пальцевъ, сильное кусаніе при сосаніи, крикъ и безпокойный сонъ могутъ служить признаками болевыхъ ощущеній и въ другихъ частяхъ тѣла, напр., въ животѣ или на поверхности кожи. Разстройство желудка, кашель и лихорадочное состояніе часто обозначаютъ начало какой либо другой серьезной болѣзни, и потому бываетъ необходимо обратиться къ врачу.

5. Чтобы менѣе было возможности ошибиться, полезно лицу, ухаживающему за ребенкомъ, знать, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно-ли совпадаетъ то или другое болѣзненное состояніе со временемъ прорѣзыванія зубовъ.

При правильномъ прорѣзываніи зубовъ они появляются группами и приблизительно въ такомъ порядкѣ:

1-ая группа—рѣзцы, числомъ 8, прорѣзываются между 5—12 мѣсяцами. Въ большинствѣ случаевъ первыми показываются 2 среднихъ рѣзца въ нижней челюсти. Рѣзцы прорѣзываются сравнительно легко, потому что меньше другихъ.

2-ая группа—первые коренные зубы, числомъ 4, прорѣзываются въ періодъ времени отъ 12—16 мѣсяцевъ. Они являются большею частію по 2. Прорѣзываніе ихъ болѣе всего беспокоитъ дѣтей, такъ какъ они имѣютъ по 4 и болѣе острия и производятъ большее пораненіе десны, чѣмъ другіе зубы.

3-я группа—клыки („глазные зубы“), числомъ 4, прорѣзываются приблизительно въ періодъ отъ 17—20 мѣсяцевъ.

4-ая группа—вторые коренные зубы, числомъ 4—прорѣзываются около 20—24 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ къ концу втораго года во рту здороваго ребенка можно найти уже всѣ 20 молочныхъ зубовъ. Сроки прорѣзыванія зубовъ намѣчаются только приблизительно; бываютъ и измѣненія. Если рано прорѣзываются зубы, то это признакъ здороваго состоянія ребенка и наоборотъ.

На 7 году жизни начинается смѣна зубовъ. Молочные зубы вытѣсняются постоянными зубами, кои служатъ человѣку всю его остальную жизнь. Появленіе постоянныхъ зубовъ совершается въ томъ же приблизительно порядкѣ, какъ и прорѣзываніе молочныхъ. Какихъ либо болевыхъ ощущеній и нервныхъ расстройствъ при этомъ не бываетъ. Смѣна зубовъ обыкновенно происходитъ между 7—11 годами, при чемъ къ упомянутымъ 20 зубамъ прибавляется еще 4 новыхъ коренныхъ зуба, а на 12 году еще 4 коренныхъ зуба, такъ что число всѣхъ постоянныхъ зубовъ достигаетъ уже 28. Къ нимъ между 22—25 годами присоединяется еще 4—зуба мудрости.

Хорошіе зубы—признакъ здоровья. Наоборотъ, больные, гнилые зубы являются очагомъ всевозможнѣйшихъ гнилостныхъ бактерій. Послѣднія, находя здѣсь очень благоприятныя условія для своего развитія, служатъ виновниками многихъ болѣзней, въ ротовой, носовой и ушной полостяхъ; проглатываемая съ пищей они наносятъ вредъ всему пищеварительному пути. Отсюда понятно, насколько важенъ уходъ за зубами. Съ первыхъ дней рожденія необходимо слѣдить за чистотой рта новорожденнаго. Предъ каждымъ приемомъ пищи и послѣ, если ребенокъ не заснулъ, нужно обтирать ротикъ мягкой чистой тряпочкой, обмоченной въ кипяченой теплой водѣ. Вырастаютъ зубы, нужно ихъ чистить мягкой зубной щеткой и въ первый годъ лучше безъ зубныхъ порошковъ. Молоко, яйца, всѣ овощи (отсюда прекрасные зубы у крестьянъ, большею частію питающихся растительною пищею) оздоравливаютъ зубы; пряности, сласти, кислоты, наоборотъ, вредятъ имъ. Неправильный ростъ зуба, появляющееся дупло, опуханіе и изъязвленіе десны и всякое, хотя бы незначительное поврежденіе зуба являются показателями немедленнаго обращенія къ врачебной помощи.

Оспопрививаніе. Честь введенія оспопрививанія на основаніи многочисленныхъ и тщательныхъ опытовъ и установленія факта предохранительной силы коровьей оспы (вакцина) принадлежитъ Англійскому врачу Эдуарду Дженнеру, по инициативѣ котораго въ 1799 году было основано въ Лондонѣ первое общественное оспопрививательное заведеніе.

Прививаютъ ребенку оспу въ возрастѣ между 3-мъ и 6-мъ мѣсяцемъ, смотря по крѣпости младенческаго организма. Хотя операція эта весьма проста, но ее долженъ совершить врачъ или оспопрививатель. Процессъ оспопрививанія таковъ. Посредствомъ нѣсколькихъ уколовъ на извѣстномъ мѣстѣ руки вводится подъ кожу вакцина или оспенный гной; уколотое мѣсто немедленно припухаетъ, но чрезъ $\frac{1}{2}$ часа припухлость исчезаетъ. На 5-й день появляется прыщикъ или нарывъ (а съ нимъ и зудъ), достигающій наибольшаго развитія на седьмой или восьмой день; тогда же появляется непродолжительная лихорадка, заставляющая прекратить прогулки на свѣжемъ воздухѣ. На 8-й день долженъ осмотрѣть больное мѣсто врачъ, и, въ случаѣ надобности, умѣрить болѣзненные припадки. На 12-й день на мѣстѣ прыщика или нарыва образуется струпикъ, отпадающій чрезъ 25—30 сутокъ и оставляющій на рукѣ неизгладимый шрамъ. Во избѣжаніе тренія, больное мѣсто покрывается бинтомъ. Прививать оспу можно во всякое время года, избѣгая только крайностей холода и тепла.

Ложная оспа отличается отъ истинной быстрымъ теченіемъ своего процесса (нарывъ является уже на 2 или 3 день, а струпикъ на 8 или 9-й) и блѣднымъ или желтымъ цвѣтомъ, вмѣсто розоваго истинной оспы.

Дѣтскія болѣзни. О дѣтскихъ болѣзняхъ педагогика говоритъ не для того, чтобы мать сама лечила свое дитя, а для того, чтобы она знала тѣ опасности, какія грозятъ ея ребенку, чтобы по возможности предотвращала ихъ, чтобы была въ состояніи узнать наступленіе болѣзни, требующее помощи врача, чтобы умѣла поставить ребенка и саму себя въ правильное отношеніе къ врачу и лекарствамъ, чтобы, наконецъ, разумнымъ уходомъ за больнымъ ребенкомъ содѣйствовала выздоровленію его.

На счетъ болѣзней мать должна помнить мудрое правило, что гораздо легче предупреждать ихъ, чѣмъ лечить. Она должна знать также, что выздоровленію помогаетъ, вообще говоря, не столько лекарство, сколько сама природа, потому обязанность ея содѣйствовать природѣ при возстановленіи разстроенаго организма. Признаки наступающей дѣтской болѣзни слѣдующіе: повышение температуры тѣла, потеря аппетита, кашель, беспокойный сонъ, неправильныя отправленія желудка, рѣзкая перемена въ общемъ настроеніи духа. Не каждая, конечно, болѣзнь предвѣщается всѣми этими признаками; но мать немедленно должна обратиться къ врачу, лишь только замѣтитъ одинъ или нѣсколько изъ указанныхъ признаковъ. Своевременное обращеніе за помощью врача во многихъ случаяхъ предотвращало бы не

только смерть, но и тяжкую болѣзнь. Ухаживать за больнымъ ребенкомъ должна непременно сама мать, какъ во избѣжаніе гигиеническихъ и діетическихъ оплошностей, особенно опасныхъ во время болѣзни, такъ и для того, чтобы съ точностію рассказать врачу обо всѣхъ, происходившихъ въ организмѣ ребенка, измѣненіяхъ. Обычныя дѣтскія болѣзни слѣдующія: золотуха, англійская болѣзнь, родимчикъ, оспа, корь, скарлатина, коклюшъ, крупъ, дифтеритъ, глисты и малокровіе.

VII.

Духовное воспитаніе.

Вмѣстѣ съ постепеннымъ физическимъ развитіемъ ребенка начинается, въ первое время почти незамѣтнымъ образомъ, но чѣмъ далѣе, тѣмъ замѣтнѣе и очевиднѣе, появляется и душевная жизнь дитяти; понемногу раскрывается дѣятельность внѣшнихъ чувствъ, вырабатываются первыя представленія, появляются первыя чувствованія и желанія и т. д. Все это имѣетъ большое значеніе для дальнѣйшаго душевнаго развитія его, а потому съ младенчества же должна начаться и забота о душевномъ воспитаніи ребенка.

Кромѣ процессовъ ковообращенія, питанія и др., кромѣ дѣятельности тѣлесной, мы замѣчаемъ въ себѣ дѣятельность иного рода, не поддающуюся внѣшнимъ чувствамъ, неосязаемую, невѣсомую, неслышимую, необожаемую: человѣкъ мыслить, чувствуетъ, желаетъ, всѣ эти явленія производятся душою, которая и служитъ причиною духовной дѣятельности человѣка. Никто не видалъ души, но каждый увѣренъ въ ея существованіи, потому что при посредствѣ самосознанія или внутренняго чувства замѣчаетъ въ себѣ душевныя явленія—теченіе мыслей, движенія чувствованій, желанія, въ чемъ собственно и проявляется жизнь души человѣческой, а наука, которая изучаетъ природу душевныхъ явленій, выясняетъ законы дѣятельности душевнаго механизма, законы взаимодѣйствія мыслей, чувствъ, желаній—называется **Психологіей** (отъ греч. словъ: „психи“—душа и „логосъ“—слово). Для того, чтобы педагогика въ своихъ указаніяхъ была состоятельна, она должна опираться на психологію. Основанная на психологіи педагогика называется иначе „педагогической психологіей“ или какъ иногда у нѣмцевъ, психологической педагогикой, психологіей въ примѣненіи къ воспитанію.

Отличіе душевныхъ явленій отъ физическихъ. Душевныя явленія существенно отличаются отъ явленій жизни тѣлесной или фізіологическихъ и явленій внѣшняго міра или физическихъ.

1. Душевныя явленія—**непротяженны**. Мы не можемъ различать въ нихъ ни пространственныхъ измѣреній—длины, ширины и высоты, ни геометрическихъ очертаній—треугольника, куба, круга или шара и т. д., ни пространственныхъ отношеній—какъ передъ, задъ, правая сторона, лѣвая, верхъ или низъ. Никто не

скажетъ, что какое либо представленіе, чувствованіе или желаніе длинно или узко, треугольно или квадратно, имѣетъ форму шара или куба. Между тѣмъ явленія міра физическаго непремѣнно протяженны: каждое изъ нихъ занимаетъ опредѣленное мѣсто и имѣетъ опредѣленную фигуру съ опредѣленными пространственными измѣреніями.

Впрочемъ, говоря о свойствѣ непротяженности психическихъ явленій, нужно оговориться, что самое движеніе, ходъ или предположительность душевныхъ явленій можетъ подлежать болѣе или менѣе точнымъ измѣреніямъ посредствомъ особыхъ такъ называемыхъ **психометрическихъ** приборовъ. Надо замѣтить, что эксперименты, т. е. опыты въ психологии стали примѣняться сравнительно недавно—только въ теченіи послѣднихъ 50 лѣтъ. Но въ настоящее время экспериментальный методъ изученія душевной жизни примѣняется очень широко. Для производства психологическихъ опытовъ придумано много остроумныхъ аппаратовъ, помогающихъ намъ наблюдать процессы вниманія и памяти, изучать впечатлительность людей, скорость теченія ихъ мыслей и т. п. Учрежденія, въ коихъ производятся экспериментально-психологическія изслѣдованія, называются **Психологическими лабораторіями**. Первая психологическая лабораторія была организована около 30 лѣтъ тому назадъ профессоромъ Лейпцигскаго университета Вильгельмомъ Вундтомъ. Въ настоящее время дѣйствуетъ уже около 110 психологическихъ лабораторій, кои имѣются во всѣхъ культурныхъ странахъ. Въ 1001 году при педагогическихъ курсахъ военно-учебнаго вѣдомства была у насъ въ Петербургѣ основана первая въ Россіи лабораторія экспериментальной педагогической психологии, въ которой изслѣдованія производятся подъ руководствомъ профессора А. П. Нечаева. Съ этой лабораторіей находятся въ связи открытые въ 1904 году **педологическіе** курсы, съ цѣлью изученія человѣка, какъ предмета воспитанія.

2. Вторая особенность душевныхъ явленій—это отсутствіе въ нихъ сосуществованія—одновременности. Въ мірѣ физическомъ мы встрѣчаемся съ безчисленными примѣрами одновременнаго существованія явленій въ различныхъ мѣстахъ. Напр., мы дышемъ и одновременно и ѣдимъ, въ то же время у насъ происходитъ и кровообращеніе. Душевные же явленія совершаются не вмѣстѣ, не одновременно, но одно послѣ другого, въ формѣ одного послѣдовательнаго ряда. Такъ, напр., углубившись въ какое либо занятіе, мы не слышимъ ни боя часовъ, ни происходящаго вокругъ насъ шума; или слушая игру оркестра, мы сознаемъ только общее отношеніе между одновременно звучащими тонами; отдѣльные же тоны въ этомъ случаѣ ускользаютъ отъ нашего вниманія; или же, если бы мы пожелали слѣдить за однимъ инструментомъ или голосомъ, остальные соznавались бы нами крайне неясно.

Такимъ образомъ, въ одинъ моментъ времени мы сознаемъ одно явленіе; нѣсколько же различныхъ явленій не можетъ быть ясно сознаваемо нами заразъ, одновременно.

3. Явленія внѣшняго міра мы разсматриваемъ чрезъ посредство своихъ внѣшнихъ чувствъ. Равнымъ образомъ, все, что извѣстно намъ о процессахъ дыханія, пищеваренія и др.— у себя и у другихъ людей, мы знаемъ чрезъ посредство ощущеній и докладовъ внѣшнихъ чувствъ. Душевные же явленія мы сознаемъ непосредственно, внутреннимъ чутьемъ чрезъ самонаблюденіе. Только въ умѣ, въ сознаніи нашемъ, мы понимаемъ, что значить пережить душою то или другое состояніе. Мы не можемъ видѣть, какъ другой человѣкъ мыслить, чувствуетъ, желаетъ, мы понимаемъ душевные явленія въ жизни другихъ людей по себѣ самимъ.

Зависимость душевныхъ явленій отъ физическихъ и обратнo-физическихъ отъ душевныхъ. Указанныя различія между душевными и физическими явленіями не исключаютъ впрочемъ взаимной, и при томъ весьма тѣсной связи между ними.

1. Извѣстно, что сильная физическая усталость или утомленіе, вслѣдствіе какой либо работы или путешествія, дѣлаютъ невозможнымъ умственный трудъ для человѣка, тогда какъ свѣжій и бодрый организмъ дѣлаетъ умственную работу легкою и быстрою. Въ этомъ, между прочимъ, лежитъ причина того, почему подъ вечеръ наша работа идетъ вообще медленнѣе, чѣмъ по утру. Подобнымъ же образомъ различныя физическія ощущенія голода, сытости, тепла и холода и т. п. производятъ несомнѣнное вліяніе на состояніе и дѣятельность нашего духа. Англійскій психологъ Карпентеръ разсказываетъ случай, когда одинъ человѣкъ дважды спускался въ одинъ и тотъ же день въ глубокія шахты и оставался тамъ по нѣсколькx часовъ. Въ послѣдній разъ онъ положительно не могъ говорить съ нѣмцемъ-инспекторомъ, сопровождавшимъ его; каждое нѣмецкое слово или фраза у него ускользали изъ памяти, но отдыхъ и немного хлѣба съ виномъ дали ему возможность говорить съ нимъ снова. Извѣстно также, что и излишнее пресыщеніе не можетъ благопріятствовать умственной дѣятельности (*Plenus venter non Studet libenter*— „сытое брюхо къ ученію глухо“).

2. Дознано, что какое либо поврежденіе или болѣзнь мозга такъ или иначе отзываются на душевныхъ отправленіяхъ человѣка. Такъ, Льюисъ разсказываетъ, какъ одинъ матросъ, упавъ съ мачты, сначала надолго лишился сознанія, а потомъ, пришедши въ себя, позабылъ все то, что случилось съ нимъ со времени поступленія на корабль до паденія съ мачты, хотя хорошо вспомнилъ, что было съ нимъ до поступленія на корабль. Нѣкоторыя формы болѣзни, особенно сединенныя съ потрясеніемъ нервной системы, какъ напр., горячка, параличъ и т. п. такъ же сопровождаются потерей памяти какого либо класса представлений цѣлаго періода въ жизни, потерей языка и т. п. Старость и вообще преклонная лѣта, сопровождающіяся общимъ упадкомъ силъ, отзываются и на душевныхъ отправленіяхъ.

Но если различныя состоянія физическаго организма такъ или иначе сказываются на дѣятельности души, то и состоянія

души въ свою очередь не проходятъ безслѣдно для тѣла. Кому неизвѣстно, что то или другое расположеіе духа, то или другое душевное настроеніе человѣка выражаются во внѣшности. Улыбка радости, искаженныя болью черты лица, неподвижный взоръ изумленія, дрожь страха, тонъ и взгляды нѣжности, суровость гнѣва находятся въ неразрывной связи съ тѣми душевными состояніями, на кои они указываютъ. Особенно же рѣзко изъ всѣхъ этихъ состояній выступаютъ проявленія радости и скорби, первой—въ улыбкѣ, шуткахъ, смѣхѣ, прыганьѣ, второй—въ молчаливости, угрюмомъ и понуромъ видѣ, плачѣ и т. п. Извѣстно, что сильное горе влечетъ за собою потерю аппетита и сна. Сильный гнѣвъ вызываетъ нерѣдко разлитіе желчи въ организмѣ. Подъ вліяніемъ страха человѣкъ дрожитъ, въ ужасѣ онъ иногда сѣдѣетъ. Многія душевныя потрясенія служатъ причиною обмороковъ и тому подобныхъ состояній. Рассказываютъ, что племянница знаменитаго нѣмецкаго писателя Лессинга умерла отъ радости, найдя подъ кроватью своего дяди 90,000 дукатовъ (1 дук. около 3 руб.) Въ иныхъ случаяхъ причиною смерти бываетъ сильный гнѣвъ. Случается, впрочемъ, что душевныя потрясенія влекутъ за собою и благодѣтельныя послѣдствія. Такъ, напр., поучителенъ разсказъ объ одномъ меланхоликѣ, который рѣшился утопиться и съ этою цѣлью отправился на Лондонскій мостъ. Но тутъ на него напалъ разбойникъ, и онъ, употребивъ всѣ усилія, чтобы спастись, съ этой поры уже не думалъ о самоубійствѣ.

Находясь между собою въ постоянной зависимости душа и тѣло образуютъ такимъ образомъ **одну человѣческую личность**. Самонаблюденіе и наблюденіе, какъ источники педагогической психологіи.

Первый вопросъ при изученіи какой угодно науки—это вопросъ объ источникахъ ея свѣдѣній; этого вопроса нельзя пропустить и намъ, изучающимъ педагогическую психологію. Мы должны знать средства, какими пріобрѣтаются психологическія свѣдѣнія, чтобы имѣть возможность самостоятельно пріобрѣсти ихъ.

Спрашивается, какими средствами мы опознаемъ какое угодно явленіе, а слѣдовательно, и явленіе душевное? Конечно: а) или наблюденіемъ б) или экспериментомъ, опытомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова (experior—изслѣдую, опытъ произвожу). Мы или наблюдаемъ явленіе, какъ оно дано, въ его наличныхъ условіяхъ, напр., наблюдаемъ, что въ душевой комнатѣ наша энергія быстро истощается, мы какъ бы мертвѣемъ. Или наблюдаемъ явленіе, нарочно создавъ для него подходящія условія, напр., наблюдаемъ, что дѣлается съ живымъ существомъ, если его помѣстить подъ стеклянный колпакъ, изъ подъ котораго постепенно выкачивать воздухъ. Въ одномъ случаѣ условія наблюденія намъ даны; въ другомъ мы ихъ сами даемъ. Этимъ и отличается наблюденіе отъ эксперимента.

Если переживающій извѣстное состояніе, напр., восхищеніе, гнѣвъ, постепенно возрастающее желаніе, самъ наблюдаетъ ихъ въ себѣ,—наблюденіе носить названіе **самонаблюденіе**. Если наблюдение направлено на душевное состояніе другого, то оно называется просто **наблюденіемъ**.

1. Вамъ, вѣроятно, случалось, разговаривая съ непріятнымъ собесѣдникомъ, наблюдать въ себѣ, какъ постепенно ваше недовольство растетъ больше и больше... Въ каждомъ неосторожномъ, безъ злого умысла сказанномъ, словѣ вы видите обидный намекъ. Недовольство ваше доходитъ до того, что вамъ начинаетъ казаться отвратительной каждая черточка его фізіономіи, каждая неисправность въ костюмѣ—безобразной. Вы его прямо ненавидите. Испытывая возрастающее недовольство, вы въ то же время наблюдаете его въ себѣ, оцѣниваете и даже, можетъ быть, сердитесь на себя, что безсильны его побѣдить. Это самонаблюденіе называется **непосредственнымъ**, потому что душевное состояніе наблюдается непосредственно въ тотъ моментъ, когда оно происходитъ.

Но возможно самонаблюденіе и другого сорта. Положимъ, вамъ данъ вопросъ о вліяніи настроенія на ходъ мыслей. Вы приводите себѣ на память изъ своей собственной жизни, какъ какое настроеніе вліяло на вашу мысль. Вы припоминаете, что, когда у васъ бывало веселое настроеніе, мысли быстро шли одна за другой, вы были разговорчивы и остроумны.

Наоборотъ, когда вамъ было „не по себѣ“, вы не могли связать двухъ-трехъ мыслей, становились собесѣдникомъ необычайно скучнымъ, говорили нескладицу... Такое самонаблюденіе называется косвеннымъ или **посредственнымъ**, потому что душевное состояніе и его вліяніе наблюдается не непосредственно, а чрезъ посредство памяти.

Дневники содержатъ въ себѣ запись почти непосредственныхъ самонаблюденій; автобіографіи посредственныхъ. Изъ дневниковъ въ психологическомъ отношеніи замѣчательнъ „Дневникъ Маріи Константиновны Башкирцевой“; дневникъ былъ писанъ по французски, жила она (1860—1884 г.), а изъ автобіографій — „Исповѣдь блаж. Августина“ и „Исповѣдь Ж. Ж. Руссо“.

Развитіе способности самонаблюденія очень важно для воспитателя.—Святые подвижники, въ иныя эпохи единственные воспитатели нравственнаго самосознанія народа, поразительно дѣйствовали на сердца приходящихъ. Не думайте, что это дѣйствіе обуславливалось только ихъ святой жизнью. Нѣтъ! Воздѣйствіе подвижниковъ обуславливалось ихъ удивительною прозорливостію, удивительною способностію съ двухъ-трехъ словъ проникать въ душу посѣтителя. По эта послѣдняя способность, въ свою очередь, зависѣла отъ силы ихъ самоуглубленія въ собственную душу, при постоянномъ **политвенномъ ка-**
строеніи и благодати св. Духа.

Когда человѣку извѣстенъ каждый уголокъ его собственной души, когда ему знакомъ каждый винтикъ сложнаго душевнаго механизма, ему въ достаточной мѣрѣ вѣдома будетъ и чужая душа. Вѣдь о состояніяхъ чужой души мы не можемъ иначе судить, какъ исходя отъ состояній нашей собственной. Мы не поймемъ значенія тѣхъ или другихъ обстоятельствъ жизни для чужой души, для ея состоянія, если намъ не будетъ вѣдомо, какъ на насъ сказались бы эти обстоятельства, какое на насъ они произвели бы впечатленіе. Мы должны выработать въ себѣ такую способность самонаблюденія, должны быть такъ освѣдомлены о нашей собственной душѣ, чтобы имѣть возможность довольно точно представить (вообразить) ея измѣненія отъ такихъ-то и такихъ-то обстоятельствъ. Тогда намъ ничего бы не стоило понять другого съ двухъ-трехъ словъ.

Словомъ, насколько мы узнаемъ себя, настолько получимъ возможность узнавать другихъ, потому что состоянія другихъ намъ извѣстны не непосредственно, а только по сравненію съ возможными состояніями нашей души.

Вы спросите меня, какъ вырабатывать въ себѣ способность самонаблюденія? Конечно, практикой: чужой и собственной. Читайте дневники, переписку, автобіографіи замѣчательныхъ въ какомъ либо отношеніи людей; учитесь у нихъ, какъ они проникли въ свою душу, не упуская безъ вниманія иногда самыхъ ничтожныхъ колебаній душевныхъ. Ведите сами дневникъ или запись по крайней мѣрѣ, важныхъ колебаній вашего душевнаго равновѣсія. Углубляясь въ себя, человѣкъ углубляетъ свою душу. Представьте себѣ, что судьба забросила кого либо изъ васъ учительницею въ глухую деревню. Здѣсь вы, лишены образовательныхъ средствъ, какія есть у насъ въ городахъ (библиотеки, читальни, музеи, общества, печать), вы собственной вдумчивостію приобрѣтете такую тонкость, деликатность, отзывчивость души, какая только и характеризуетъ истинную „интеллигентно ть“.

Наблюденіе надъ другими, какъ мы сказали невозможно безъ самонаблюденія. Состоянія другихъ мы можемъ понять, только имѣя способность воспроизвести ихъ въ себѣ. Отсюда ясно, что наблюденіе надъ взрослымъ гораздо легче для насъ, чѣмъ наблюденіе надъ дѣтьми—Это съ одной стороны. Съ другой стороны—трудность наблюденія надъ дѣтьми облегчается открытостію ихъ души, чего нѣтъ у взрослыхъ. Мы уже достаточно ушли отъ дѣтей. Намъ трудно воспроизвести ихъ состояніе въ себѣ съ достаточной опредѣленностью и вѣрностью. Отсюда, если бы кто хотѣлъ только-что учиться наблюдать надъ другими, необходимо ему начать съ наблюденія надъ взрослыми. Здѣсь хорошими пособіями могутъ служить біографіи, психологическая изящная литература и, конечно, психологическія научныя изслѣдованія.

Біографіи прекрасно выясняютъ вліяніе тѣхъ или иныхъ жизненныхъ условій на психику, на складъ души человѣка.

Они учатъ хорошему наблюденію: наблюдать дѣйствія въ связи съ условіями ихъ образованія.

Биографіи Павленковскаго изданія—наилучшія въ этомъ родѣ произведенія.

Значеніе художественной литературы. То, чего воспитателю не приходилось наблюдать въ жизни непосредственно и о чемъ приходится знать только по наслышкѣ и судить поверхностно, онъ можетъ лучше знать изъ художественной литературы, которая есть та же жизнь, только преобразованная творческой фантазіей и освобожденная отъ примѣси несущественнаго и случайнаго. Мастерская наблюдательность художника изощряетъ и нашъ собственный глазъ: мы начинаемъ подмѣчать такія тонкости въ душевныхъ состояніяхъ окружающихъ лицъ, какія раньше совершенно и не предполагались нами. Изъ изяшной психологически-цѣнной литературы общепризнанной извѣстностью пользуются произведенія Достоевскаго, Толстаго, можно рекомендовать Григоровича (исключительно о дѣтяхъ); изъ французской-Поля Бурже; англійской-Шекспира, Диккенса; нѣмецкой-Гете („Ученическ. годы Вильгельма Мейстера“ и всѣ друг.), Шиллера, Ауэрбаха. Для изученія механизма дѣтской души рекомендую слѣдующія произведенія: Прейеръ „Душа ребенка“, Дарвинъ „Наблюденія надъ жизнью ребенка“, Комбъ „Уходъ за дѣтьми физической и нравственный“, Пере „Первые три года жизни ребенка“, Треси „Психологія перваго дѣтства“, Друммондъ „Дитя, его природа и воспитаніе“, Кейра „Логика ребенка и ея развитіе“. Русскихъ авторовъ: Сикорскій „Воспитаніе въ возрастѣ перваго дѣтства“. Симоновичъ А. и Я. „Практическія замѣтки объ индивидуальномъ и общественномъ воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей ч. I—II.“ Водовозова—„Умственное и нравственное воспитаніе дѣтей, начиная съ самаго ранняго возраста“, Лесгафта „Школьные типы“, Ельницкій—„Характеристика дѣвочекъ“. Сюда же можно отнести интересно написанныя книжки Фаррара—„Безхарактерность“ и М. Корелль—„Исторія дѣтской души“ Изд. Побѣдоносцева.

VIII.

Проявленія душевной дѣятельности. Единая и недѣлимая сущность души открывается въ весьма многочисленныхъ и разнообразныхъ проявленіяхъ или формахъ. Задача психолога, подобно задачѣ ботаника или минеролога, прежде всего состоитъ въ томъ, чтобы разобратся въ этихъ явленіяхъ, классифицировать ихъ въ извѣстные отдѣлы или группы, руководясь началомъ сходства или различія однихъ явленій сравнительно съ другими. Наболѣе распространенная классификація признаетъ основными проявленіями душевной дѣятельности: а) **Познавательную способность** или умъ, обнимающую собою ощущенія, воспріятія, представленія, память, воображеніе и мышленіе, б) **чувствительную** или сердце, включающую эволюціи съ тономъ удовольствія и

страданія и в) **желательную** или волю, выражающую стремленія и дѣйствія человѣка. Въ сферѣ познанія мы понимаемъ и судимъ о предметахъ, въ сферѣ желанія стремимся достигъ чего либо, осуществить или реализовать, что либо вовнѣ насъ и, наконецъ, въ сферѣ чувства мы всецѣло остаемся въ насъ самихъ, будучи поглощены тѣмъ или другимъ душевнымъ движеніемъ. Психическія явленія указанныхъ трехъ группъ различны по своему характеру и не могутъ быть сведены къ какой нибудь одной группѣ. Напримѣръ, сильное чувство совершенно не похоже на спокойное, глубокое размышленіе и даже не можетъ быть одновременно съ нимъ; люди съ развитымъ умомъ отличны отъ людей съ развитымъ чувствомъ или волей. Но, рѣзко различаясь между собою, познаніе, чувство и воля находятся въ тѣсной взаимной зависимости и въ той или другой мѣрѣ проявляются въ каждомъ актѣ психической жизни. Напр., испытывая непріятное состояніе отъ физической боли (чувствованіе), мы стараемся опредѣлить мѣсто и причину боли (познаніе) и принимаемъ мѣры къ ея облегченію (воля); познавательная дѣятельность, какъ то: наблюденіе, размышленіе и т. п., всегда сопровождается пріятными или непріятными чувствованіями и требуетъ усилія воли въ видѣ вниманія; наши рѣшенія и дѣйствія (воля зависятъ отъ чувствованій (мы стремимся къ пріятному и избѣгаемъ непріятнаго) и знаній (нужно знать предметъ, къ которому мы стремимся).

Фактъ взаимной зависимости познанія, чувства и воли говоритъ объ единствѣ души человѣка и очень важенъ для воспитательной дѣятельности. Онъ обязываетъ при развитіи какой нибудь одной способности развивать и другія и пользоваться ихъ содѣйствіемъ; напр., при развитіи умственныхъ способностей слѣдуетъ развивать и чувства-интересъ къ ученію и волю, дѣлать питомца способнымъ къ сосредоточенности. Только при этомъ взаимодействіи всѣхъ способностей можно достигнуть хорошихъ результатовъ при воспитаніи. Поэтому и задача воспитанія должна состоять въ заботѣ о гармоническомъ развитіи всѣхъ сторонъ душевной дѣятельности.—

Ощущенія.—Самый первоначальный актъ, съ котораго начинается познавательная дѣятельность человѣка, есть ощущеніе. Ощущеніемъ называется состояніе души, вызываемое возбужденіемъ нервной системы или со стороны другихъ частей тѣла, или со стороны предметовъ внѣшняго міра. Таковы, напр., ощущенія теплоты отъ прикосновенія къ теплымъ предметамъ, ощущенія сладости или горечи при вкушеніи чего либо сладкаго или горькаго, ощущенія гладкости или шереховатости, когда мы дотрагиваемся до гладкаго или шереховатаго предмета. Душа испытываетъ ощущенія до тѣхъ лишь поръ, пока продолжается воздѣйствіе со внѣ на нашу нервную систему, но она не можетъ произвести ихъ самостоятельно.

Нервная система. Подъ именемъ нервной системы разумѣтся группа очень сложныхъ тѣлесныхъ органовъ, проникающихъ во всѣ части нашего тѣла.

Органомъ особенно душевной жизни служитъ часть нервной системы, извѣстная подъ именемъ „головной“. Центромъ этой системы служитъ головной мозгъ (въ полости черепа). Изъ него парами выходятъ нервы (12 паръ), пучки тонкихъ волоконъ. Нервы, по выходѣ изъ центра, развѣтвляются, нерѣдко переплетаются съ другими нервами, иногда соединяются въ одинъ стволъ, снова раздѣляются и покрываютъ тѣло какъ бы тонкою сѣтью; при этомъ одни нервы пронизываютъ мускулы, другіе достигаютъ кожи, третьи расположены въ различныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ органахъ.

Дѣятельность нервной системы. Нервы сами по себѣ только проводники возбужденій, подобно телеграфной проволоцѣ, передающей токъ электричества. Одни нервы передаютъ возбужденія со стороны внѣшняго міра и тѣла къ нервному центру; это—нервы чувствительные; другіе передаютъ возбужденіе отъ центра къ оконечности нерва (къ периферіи) и называются двигательными. Дѣятельнымъ же органомъ души, такъ сказать физическимъ аппаратомъ ея, является головной мозгъ: чрезъ дѣятельность мозга душа узнаетъ о перемѣнахъ во внѣшнемъ мірѣ и въ собственномъ тѣлѣ; чрезъ него же она приводитъ въ движеніе тѣлѣсныя органы. При слабости нервной системы или какомъ либо поврежденіи ея являются соотвѣтствующія измѣненія и въ душевной жизни, подобно тому, какъ игра музыканта измѣняется въ зависимости отъ измѣненій или порчи музыкальнаго инструмента.

Развиваніе и укрѣпленіе нервной системы. Нервная система, какъ и всякій другой органъ нашего тѣла, требуетъ для своего развитія правильныхъ упражненій, сильной дѣятельности; тогда только она развивается, крѣпнетъ и дѣлается способною выносить продолжительное напряженіе. Но, съ другой стороны, она, какъ и всякій другой органъ, утомляется, нуждается въ отдыхѣ и отъ переутомленія истощается и ослабѣваетъ. Слѣдовательно, нервной системѣ для правильнаго ея развитія, нужно давать дѣятельность, соотвѣтствующую росту и развитію мозга; работы нужно сначала давать легкія, но потомъ онѣ должны постепенно увеличиваться и въ силѣ и въ продолжительности направленія. Послѣ работы непременно долженъ быть отдыхъ или полный—для всей нервной системы (послѣ продолжительныхъ и усиленныхъ трудовъ), или частичный—для той части мозга, которая несла работу. И чѣмъ моложе организмъ и, слѣдовательно, чѣмъ слабѣе и нѣжнѣе нервная система, тѣмъ чаще слѣдуетъ смѣнять дѣятельность отдыхами полными—прекращеніемъ умственныхъ упражненій, или частичными—перемѣной занятій.

Процессъ образованія ощущеній. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ. Внѣшній предметъ или перемѣна, происходящая въ на-

шемъ тѣлѣ, производитъ дѣйствіе, иначе впечатлѣніе на оконечности нервовъ (такъ называемые „периферическіе нервы“); впечатлѣніе раздражаетъ (приводитъ въ колебаніе) нервы; напр., звукъ раздражаетъ слуховые нервы, свѣтъ—глазные и т. д. Это раздраженіе передается центральнымъ частямъ нервной системы. Все это явленія физиологическія; но дальше начинаются уже чисто **психическія** явленія. Раздраженіе головного мозга вызываетъ особое состояніе и въ душѣ; душа сознаетъ это свое особое состояніе, какъ результатъ раздраженія нервной системы. Послѣдній моментъ и есть въ собственномъ смыслѣ ощущеніе. Такимъ образомъ ощущеніемъ можно назвать сознаніе раздраженія нервной системы.

Условія образованія ощущеній. Наша нервная система постоянно испытываетъ разнообразныя движенія: предъ глазами мелькаетъ множество предметовъ, въ уши ударяютъ звуковыя волны, тѣло испытываетъ прикосновеніе одежды, обуви, въ носовую полость попадаютъ разныя пахучія вещества; однако не каждое раздраженіе доходитъ до нашего сознанія и становится ощущеніемъ.

Чтобы раздраженіе перешло въ ощущеніе, во 1-хъ, требуется достаточная сила его. Для каждаго раздраженія есть своя наименьшая величина, такъ наз. порогъ раздраженія, (т. е. минимальная величина раздраженія, которая необходима для того, чтобы получилось ощущеніе), не переступивъ который, раздраженіе не доходитъ до головного мозга въ видѣ опредѣленнаго возбужденія и не вызываетъ соотвѣтствующаго ощущенія. Напр., на лицо садится пылинка; она раздражаетъ осязательные нервы, однако ощущенія при этомъ не получается. Но съ другой стороны для каждаго ощущенія есть и высшая точка, когда раздраженіе усиливается до такой степени, что спеціальное качество ощущенія уже исчезаетъ и на мѣсто его появляется боль. Напр., если мы будемъ невооруженнымъ глазомъ смотрѣть на солнце, то свѣтъ солнца ослѣпитъ насъ: мы ничего не будемъ видѣть и почувствуемъ только боль въ глазахъ.

Такимъ образомъ, порогъ раздраженія и высшая точка ощущенія представляютъ собою границы, среди коихъ возможны ощущенія. У разныхъ лицъ для каждаго ощущенія есть свои границы.

Во 2-хъ, для образованія ощущенія требуется вниманіе; нужно, чтобы душа обратила свое вниманіе на вызванное въ мозгу возбужденіе и этимъ выдѣлила его изъ ряда другихъ. Въ противномъ случаѣ и сильныя раздраженія не дойдутъ до нашего сознанія и не превратятся въ ощущенія. Архимедъ, занятый геометрическими выкладками и чертежами не слышалъ шума битвы и взятія роднаго города.

Содержаніе, сила и тонъ ощущеній. 1. Содержаніемъ или качествомъ ощущеній называется та ихъ сторона, по которой различаются между собою ощущенія различныхъ чувствъ и ощущенія одного и того же чувства. Когда мы различаемъ цвѣтъ

отъ звука, вкусъ отъ запаха, или кислое отъ соленого, красный цвѣтъ отъ синяго и т. д., мы различаемъ ощущенія по ихъ содержанию.

2. Сила (количество) ощущенія зависитъ отъ величины раздраженія. Чѣмъ больше раздраженіе, тѣмъ сильнѣе бываетъ и ощущеніе, и наоборотъ—съ уменьшеніемъ раздраженія ослабѣваетъ, въ своей напряженности, и ощущеніе. Раздраженіе увеличивается быстрѣе, чѣмъ ощущеніе, а именно, въ прогрессіи геометрической, напр., 2, 6, 18, 54, 162, 486 и т. д., ощущеніе же медленнѣе, и именно, въ прогрессіи только арифметической: 2, 5, 8, 11, 14, 17 и т. д. Законъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ **Веберо-Фехнеровскаго** психо-физическаго основнаго закона и математически выражается формулой: „ощущеніе пропорціонально логорифму ¹⁾ раздраженія“. Пояснимъ это примѣрами. Если къ вѣсу одного лота, производящему въ нашей кожѣ извѣстное раздраженіе, прибавляется подобная же тяжесть, мы ощущаемъ эту прибавку, но если такая прибавка, т. е. въ одинъ лоть, присоединяется къ тяжести въ пудъ, разница будетъ не замѣтна для насъ, говоря иначе, не ошутится нами, хотя раздраженіе безъ сомнѣнія и увеличилось. Отсюда видно, что сила ощущенія, хотя и возрастаетъ съ увеличеніемъ силы раздраженія, но не строго пропорціонально ей, а нѣсколько медленнѣе. Вершокъ, прибавленный къ сажени, аршину и положимъ къ полувершку, кажется намъ ничтожнымъ, малымъ и большимъ. Указанный психологическій законъ имѣетъ примѣненіе не только въ сферѣ ощущеній, но и въ прочихъ душевныхъ явленіяхъ: такъ, если, напр., дать рубль бѣдняку, имѣющему въ карманѣ лишь нѣсколько копѣекъ, онъ сочтетъ для себя эту прибавку великимъ счастіемъ: но на богача, обладающаго милліонами, приобрѣтеніе рубля не произведетъ никакого впечатлѣнія, хотя и увеличитъ его имущество. Очевидно, здѣсь имѣетъ мѣсто законъ относительности.

3) Содержаніе и сила ощущеній—свойства объективныя. Чрезъ нихъ мы знакомимся съ природою внѣшнихъ раздраженій. Третье свойство ощущеній—тонъ, т. е. пріятность или непріятность, какъ показатель отношенія ощущенія къ нашему благосостоянію, имѣетъ характеръ субъективный. Будучи свойствомъ субъективнымъ, оно оказывается весьма измѣчивымъ. Такъ, одно и тоже ощущеніе, увеличиваясь въ своей силѣ, измѣняетъ тонъ пріятнаго въ непріятный, и на оборотъ. Умѣренный свѣтъ намъ пріятенъ, но сильный и ослѣпительный—непріятенъ. Тоже нужно сказать и о звукахъ. Рѣзкіе и пронзительные звуки непріятны. На измѣненіе тона влияетъ также и привычка. Ощущенія, также, какъ и дѣйствія, имѣвшія сначала непріятный характеръ, мало по малу, могутъ утратить значительную долю этой непріятности и сдѣлаться безразличными. Такъ,

¹⁾ Логорифмомъ какого либо числа называется показатель степени, въ которую нужно возвести основаніе, чтобы получить это число.

напр., испытывая непріятное ощущение отъ криковъ или шума, происходящихъ около насъ, мы можемъ потомъ настолько съ ними свыкнуться, что они, хотя и останутся въ прежнемъ видѣ, но не будутъ на насъ дѣйствовать непріятно со стороны тона. Медики и студенты, работающіе въ анатомическомъ театрѣ, свыкаются съ его атмосферой на столько, что почти не замѣчаютъ ея, тогда какъ на человѣка непривычнаго, она дѣйствуетъ одуряющимъ образомъ. То же нужно сказать о рабочихъ на различныхъ фабрикахъ, мыловарняхъ и проч.

Локалізація ощущений. Перцепція и апперценія. Ощущенія-духовныя состоянія, вызванныя собственно возбужденіемъ мозга; въ нихъ нѣтъ указанія на тѣ, или другія мѣста тѣла, откуда шло возбужденіе. Но мы относимъ ощущение не къ мозгу, а къ той части тѣла, гдѣ получено впечатлѣніе; напр., къ пальцамъ относимъ ощущение холода, когда дотрогиваемся ими до холоднаго предмета; давленіе ощущается нами непосредственно въ томъ мѣстѣ нашего тѣла, на которое давитъ какая нибудь тяжесть. **Это отношеніе ощущений къ извѣстному мѣсту, это распредѣленіе ощущений по мѣстамъ впечатлѣній въ нашемъ тѣлѣ называется Локалізаціей** (отъ латинскаго слова „локусъ“—мѣсто).

Простое сознаніе впечатлѣнія есть ощущение; отнесеніе же ощущения къ вызвавшей его причинѣ есть **перцепція или воспріятіе**. Простое чувство боли, голода, утомленіе, холода-ощущеніе; сознаніе, что боль произошла отъ обжога, что утомленіе явилось результатомъ умственнаго или физическаго труда, что холодъ вызванъ прикосновеніемъ ко льду—воспріятіе или перцепція. Слѣдовательно „воспріятіе=ощущенію, сознаніе вызвавшей его причины.

Дополненіе ощущения состояніями или опытами прежде бывшими или иначе воспріятіе, уясненное при помощи прежнихъ знаній о воспринимаемомъ предметѣ—называется Апперцепціей. Такъ напр., длинная аллея, по которой мы идемъ, кажется намъ сходящеюся вдали (перцепція), тѣмъ не менѣе мы, на основаніи опытовъ, исправляемъ это воспріятіе и утверждаемъ, что это только такъ намъ кажется. Точно также, смотря на кусокъ сахара, мы хотя видимъ только его бѣлый цвѣтъ, тѣмъ не менѣе, дополняя наше настоящее воспріятіе прежде бывшими, говоримъ, что видимъ сахаръ, т. е. вещество, имѣющее не только бѣлую поверхность, но и сладость, растворимость въ водѣ и другія свойства, извѣстныя намъ изъ прежнихъ воспріятій. Подобнымъ же образомъ хотя намъ кажется, что вдали отъ насъ небо сходится съ землей, при ѣздѣ на лодкѣ кажется, что движутся берега; при движеніи сосѣднихъ вагоновъ, кажется, что движется нашъ поѣздъ и т. п., но мы не придаемъ этимъ воспріятіямъ того значенія, какое кажется нашему взору.

Особенности дѣтскихъ ощущений. Дѣтскія ощущенія имѣютъ много особенностей въ сравненіи съ ощущеніями взрослыхъ. Они сначала смутны и неопредѣленны; дѣти не различаютъ ни содержанія, ни силы ощущений. У нихъ, главнымъ образомъ,

появляется тонъ въ ощущеніяхъ. Нервы ребенка чрезвычайно воспримчивы, и всякое раздраженіе производитъ въ немъ опредѣленный тонъ. Все для него еще ново, и все его интересуеъ и занимаетъ. Самые обыденные предметы, лошадка, кошка, самая незамысловатая игрушки приводятъ его въ восхищеніе. Равнымъ образомъ у нихъ нѣтъ локализаци ощущеній и воспріятія, перцепціи предмета: они сознають ощущенія лишь какъ свои душевныя сознанія и не могутъ указать, напр., гдѣ имъ больно. Потомъ путемъ упражненій дѣти начинаютъ различать содержаніе и силу ощущеній. Способность различенія развивается постепенно, начинаясь съ болѣе рѣзкихъ контрастовъ; такъ наступаетъ раньше пониманіе различія между бѣлымъ и чернымъ, чѣмъ между краснымъ и розовымъ. При посредствѣ главнымъ образомъ осязанія и зрѣнія дѣти начинаютъ локализовать свои ощущенія, а чрезъ повтореніе впечатлѣній, исходящихъ отъ одного предмета, и чрезъ сопоставленіе ихъ съ прежними впечатлѣніями, полученными отъ того же предмета, образуется у дѣтей и воспріятіе предмета (перцепція), сначала не полное, съ какимъ нибудь однимъ особенно рѣзкимъ качествомъ, а потомъ и болѣе полное.

IX.

Дѣленіе ощущеній. Органическія ощущенія. Ощущенія органовъ внѣшнихъ чувствъ.

Ощущенія, смотря по устройству чувствительныхъ нервовъ, по различію центральныхъ мозговыхъ органовъ, въ коихъ эти нервы сосредоточиваются, и по особенностямъ предметовъ, служащихъ причиною раздраженія нервовъ,—раздѣляются на 2 главныхъ рода: на органическія или ощущенія общей чувствительности и ощущенія органовъ внѣшнихъ чувствъ.

А. Одни изъ нервовъ распространяются по всей поверхности тѣла, не переходя на концахъ своихъ въ особые аппараты, назначенные для воспріятія впечатлѣній, и почти всѣ сосредоточиваются въ спинномъ мозгу. Они служатъ посредниками общей чувствительности нашего тѣла, причиною возбужденія ихъ являются болѣею частію органическія процессы; совершающіеся въ нашемъ тѣлѣ, отсюда получаютъ ощущенія, называемыя органическими или ощущеніями общаго чувства.

Б. Другіе нервы, сосредоточиваясь въ головномъ мозгу, развѣтвляются своими окончаніями въ такъ называемыхъ органахъ чувствъ (ухо, глазъ и проч.), представляющихъ собою особые аппараты, приспособленные къ воспріятію только извѣстнаго рода раздраженій (ухо воспринимаетъ только звуки; глазъ—одни свѣтовые ощущенія и проч.). Между прочимъ одинъ и тотъ же электрическій токъ вызываетъ въ различныхъ органахъ различныя ощущенія: блистаніе свѣта, явственные звуки, фосфорный запахъ, своеобразный звукъ и покалываніе въ кожѣ. Такое свой-

ство органовъ внѣшнихъ чувствъ отзываться на раздраженія особымъ только имъ свойственнымъ образомъ называется **Специфической** энергіей чувствъ. Причиною раздраженія ихъ служатъ большею частію предметы, окружающіе члѣовѣка, находящіеся внѣ его, во внѣшней природѣ; отсюда получаютъ ощущенія, называемыя ощущеніями органовъ внѣшнихъ чувствъ.

Органическія ощущенія. Этимъ терминомъ называются ощущенія, вызываемыя потребностями цѣлаго организма. Сообразно съ процессами, дѣйствующими въ нашемъ организмѣ, органическія ощущенія можно раздѣлить на ощущенія: а) питанія и кровообращенія, б) дыханія, а также на органическія ощущенія: в) нервовъ и г) мускуловъ.

А) Система питанія и кровообращенія можетъ быть обширнымъ источникомъ органическихъ ощущеній. Сюда относятся: ощущенія голода и жажды, ощущение тошноты, полноты желудка, равно и различныя ощущенія, вызываемыя разстройствомъ пищеваренія (спазмы и проч.).

Б) Процессъ дыханія также можетъ возбуждать въ насъ особыя органическія ощущенія. Въ нашихъ легкихъ, какъ извѣстно, происходитъ взаимный обмѣнъ кислорода, азота и угольной кислоты. Всякое нарушеніе или измѣненіе этого обмѣна сопровождается извѣстнымъ ощущеніемъ въ процессѣ дыханія. Крайняя форма страданія-удушье, спертость воздуха; противоположное состояніе-пріятная легкость и свѣжесть дыханія. Въ удушливой атмосферѣ мы чувствуемъ, что задыхаемся; выйдя же въ садъ, мы чувствуемъ свѣжесть чистаго воздуха, а за нею и приподнятую дѣятельность нашихъ легкихъ.

В) Органическія ощущенія нервной системы характеризуются или а) разслабленіемъ ея, какъ, напр., при нервномъ утомленіи или истощеніи, причиняемыхъ чрезмѣрною дѣятельностью или продолжительнымъ страданіемъ, или б) бодрымъ состояніемъ свѣжести и здоровья, какъ напр., въ цвѣтущіе года: молодости, при крѣпости сложенія и счастливыхъ обстоятельствъ жизни; или же, наконецъ, в) острыми возбужденіями нервовъ, каковы, напр., различнаго рода страданія: тикъ (подергиванія), мигрень, невралгія и т. п.

Что же касается органическихъ ощущеній, имѣющихъ мѣсто г) въ мускулахъ, то они бываютъ связаны какъ съ разнаго рода поврежденіями мускульныхъ тканей, какъ то: проѣздъ, ударъ, уколъ, судороги и т. п., такъ равно и съ страданіемъ отъ мускульнаго утомленія или удовольствіемъ при отдыхѣ и покоѣ.

Благодаря органическимъ ощущеніямъ мы имѣемъ постоянныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ отправленіяхъ нашего физическаго организма, объ уклоненіи ихъ отъ нормы, вслѣдствіе чего ихъ называютъ барометромъ нашего жизненнаго организма.

Что же касается до значенія органическихъ ощущеній въ сферѣ познавательной, то роль ихъ, сравнительно съ ощущеніями внѣшнихъ органовъ чувствъ, не велика и это объясняется

тѣмъ, что зрительный, слуховой и другіе органы внѣшнихъ чувствъ имѣють особыя периферическіе аппараты, назначенныя для воспріятія раздраженій (ретику, развѣтвленія слуховаго нерва и проч.) нервы же, посредствующія ограниченскія ощущенія, такихъ особыхъ концевыхъ аппаратовъ не имѣють.

Ощущенія органовъ внѣшнихъ чувствъ, ихъ значеніе и воспитаніе. Внѣшнихъ чувствъ считается 5: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе, къ нимъ новѣйшая психологія присоединяетъ, такъ называемое **шестое чувство мускульное.**

Значеніе ощущеній органовъ внѣшнихъ чувствъ очень велико. Главное значеніе для психической жизни имѣють—зрѣніе и слухъ (вышія чувства), осязаніе съ мускульнымъ чувствомъ.

Органы внѣшнихъ чувствъ служатъ для насъ какъ бы „дверями“ и „окнами“, чрезъ которыя входятъ въ нашу душу различныя впечатлѣнія. Лишеніе хотя одного изъ внѣшнихъ чувствъ, особенно высшихъ, всегда является препятствіемъ для быстрого и всесторонняго умственнаго развитія человѣка... Такъ, глухонѣмой, будучи лишень способности слышать звуки, никогда не выучится говорить надлежащимъ образомъ и не можетъ пріобрѣтать свѣдѣній чрезъ органъ слуха. Для слѣпорожденнаго останутся навсегда неизвѣстными такія важныя воспріятія, какъ свѣта и тьмы, дня и ночи, различныхъ цвѣтовъ и проч. Изъ этого видно, какое важное значеніе въ дѣлѣ познанія имѣють для насъ органы внѣшнихъ чувствъ и какъ поэтому необходимо заботиться сколько о тщательномъ сохраненіи и сбереженіи этихъ органовъ, столько и о возможно высокомъ и совершенномъ развитіи ихъ. „Если мы упустимъ воспитаніе внѣшнихъ чувствъ, пишетъ знаменитый педагогъ Песталоцци, „все дальнѣйшее воспитаніе станетъ вялымъ, сбивчивымъ, недостаточнымъ, а это уже съ трудомъ будетъ возможно исправить впоследствии“.

Задача воспитанія органовъ внѣшнихъ чувствъ должна преслѣдовать двоякую цѣль. Ближайшая изъ нихъ—**фізіологическій** уходъ онъ долженъ состоять въ устраненіи вредныхъ вліяній, неблагопріятно дѣйствующихъ на развитіе и крѣпость органа; другая же—въ такъ называемомъ **интеллектуальномъ** развитіи органа, въ способности хорошо наблюдать видѣнное и слышанное, схватывать и замѣчать существенное въ воспріятіи.

Вредныя дѣйствія, въ предохраненіи отъ которыхъ нуждается органъ зрѣнія, особенно дитяти, происходятъ отъ чрезвычайно сильнаго свѣта, какой мы получаемъ, напр., когда снѣжная поверхность бываетъ ярко освѣщена лучами солнца, отъ колеблющагося свѣта, дыма, пыли, сквознаго вѣтра и проч. Послѣднія условія вредны потому, что могутъ быть причиною воспаленія, которое нерѣдко можетъ оканчиваться слѣпотою. Органу слуха могутъ вредить: очень сильныя и неожиданныя звуки, простуда, вода, попадающая въ уши при неосторожномъ купаньѣ, неумѣлое удаленіе ушной сѣры, приливы крови къ головѣ, вслѣдствіе, напр., продолжительнаго наклоннаго положенія головы,

болѣзни дыхательныхъ органовъ и наконецъ такія антипедагогическія мѣры наказанія, какъ дерганіе за ухо или пощечины, результомъ коихъ бываетъ иногда разрывъ барабанной перепонки.

По закону природы, всѣ наши органы и способности совершенствуются чрезъ упражненіе, но при этомъ необходимо соблюдать мѣру.

На одного ребенка, котораго родители возили съ собою во время путешествія по Италіи, масса разнородныхъ впечатлѣній такъ подѣйствовала, и разстроила его нервы, что его затѣмъ съ трудомъ вылечили вліяніемъ свѣжаго воздуха и однообразною покойною жизнію. Отсюда мы видимъ, что а) подавленіе массою зрительныхъ, слуховыхъ и другихъ впечатлѣній отзывается крайне не благопріятно на душевномъ развитіи ребенка. Избытокъ разнообразія, частая смѣна однихъ предметовъ другими, препятствуя достаточному сосредоточенію вниманія на каждомъ предметѣ, пріучаетъ дѣтей къ разсѣянности, къ поверхностному и легкому отношенію къ предметамъ познанія. Дѣти и сами по себѣ вообще живы, а потому разсѣянны; необходимо поэтому употребить нѣкоторое усиліе, чтобы приковать къ чему либо ихъ вниманіе, пріучить ихъ вникать во всѣ частности и подробности даннаго явленія или предмета. Ребенокъ, пріученный къ полному усвоенію cadaго ощущенія, разовьется гораздо лучше и цѣлостнѣе, чѣмъ другой, съ дѣтства привыкшій къ быстрой смѣнѣ мимолетныхъ ощущеній. Чѣмъ отчетливѣе данное ощущеніе, тѣмъ болѣе ясный слѣдъ оставляетъ оно въ душѣ; чѣмъ чаще оно повторялось, тѣмъ слѣдъ этотъ глубже, а слѣдовательно и представленіе о предметѣ яснѣе и отчетливѣе.

Но если избытокъ разнообразія впечатлѣній несомнѣнно дѣйствуетъ неблагопріятно на душевное развитіе ребенка, то съ другой стороны и б) слишкомъ сильное и продолжительно однообразное раздраженіе органа можетъ кончиться ослабленіемъ и неспособностью его къ дальнѣйшему совершенствованію. При сильномъ и однообразномъ раздраженіи наши чувства скорѣе утомляются и вслѣдствіе этого притупляются. Необходимо всегда во время дать отдыхъ дѣйствующимъ органамъ познанія для возстановленія потерянныхъ ими силъ. **Разумное** чередованіе предметовъ наблюденія, чуждое какъ разнообразія и утомленія, такъ избытка и поспѣшности-должно быть основнымъ правиломъ упражненія органовъ внѣшнихъ чувствъ.

Х.

З р ѣ н і е.

Процессъ образованія зрительныхъ ощущеній. Органъ зрѣнія, глазъ, есть подвижное двояко-выпуклое зеркало, прировненное къ самымъ сложнымъ оптическимъ дѣйствіямъ.

Въ задней части углубленія, въ которое уложенъ глазъ, входитъ въ него зрительный нервъ и развѣтвляется по оболочкѣ, называемой сѣтчатой глазной оболочкой или ретиной.

Движенія (вibraціи) свѣтового эфира распространяются отъ солнца и другихъ свѣтящихся пунктовъ во всѣ стороны по прямымъ линіямъ, которыя называются лучами свѣта. Эти лучи проходятъ чрезъ различныя прозрачныя составныя части глаза и, преломляясь въ хрусталикѣ, соединяются въ одномъ пунктѣ сѣтчатки, гдѣ производятъ уменьшенное изображеніе предмета (въ обратномъ видѣ). Посредствомъ зрительнаго нерва раздраженіе передается мозгу; здѣсь оно воспринимается, сознается душою, въ результатѣ чего и является то или иное ощущеніе.

Физика признаетъ, что условіе зрительныхъ впечатлѣній заключается въ движеніи эфира. Эфиръ есть чрезвычайно тонкая матеріальная среда, наполняющая пространство вселенной. Въ этой средѣ происходитъ колебательное волнообразное движеніе, которое воспринимается нашимъ зрѣніемъ. Можно сказать, что посредствомъ зрительнаго нерва мы осязаемъ колебанія этой тонкой среды, недоступной другимъ чувствамъ.

Зрительныя ощущенія, или знанія объ окружающихъ предметахъ, которыя мы получаемъ при помощи зрѣнія очень многочисленны и разнообразны. Зрѣніе говоритъ намъ, что внѣ насъ существуетъ свѣтъ и разнообразные цвѣта, что предметы имѣютъ величину, форму, находятся отъ насъ и другъ отъ друга въ разнообразныхъ разстояніяхъ, совершаютъ различныя движенія и т. д.

Отсюда получается 2 группа зрительныхъ ощущеній: 1, **чисто-зрительныя**, которыя получаемъ мы при посредствѣ одного только органа зрѣнія безъ участія другихъ органовъ чувствъ, происходящія отъ дѣйствія свѣта на глазъ, и 2) **нечисто-зрительныя**, сопровождающія дѣйствія шести мышцъ (мускуловъ), примыкающихъ къ главному яблоку и заправляющихъ его движеніями.

Такое раздѣленіе зрительныхъ ощущеній важно въ педагогическомъ отношеніи потому, что оно, такъ сказать, указываетъ естественный путь постепеннаго развитія зрѣнія, даетъ природный методъ воспитанія этого органа. Конечно, чисто-зрительныя ощущенія отличаются большой простотой и первоначальностью, значить, съ нихъ и нужно начинать развитіе органа, а потомъ постепенно переходить и къ ощущеніямъ нечисто-зрительнымъ, потому что онѣ менѣе свойственны природѣ глаза.

А. Къ чисто-зрительнымъ ощущеніямъ относятся ощущенія а) свѣта, б) цвѣтовъ и в) блеска.

1. Что ощущеніе свѣта чисто-зрительное, это видно просто изъ того, что намъ нужно для его полученія имѣть только глазъ открытымъ, а лучъ свѣта на него подѣйствуетъ и получится ощущеніе свѣта.

2. И ощущенія цвѣтовъ тоже суть чисто-зрительныя, потому что разнообразные оттѣнки цвѣтовъ суть только части бѣлаго свѣтового луча. Всѣ цвѣта, какіе глазъ нашъ можетъ раз-

личать, сводятся по физическимъ опытамъ къ семи простымъ цвѣтамъ, получаемымъ чрезъ разложеніе солнечнаго свѣта и располагающимся въ такомъ порядкѣ: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій и фіолетовый (цвѣта радуги). Стоитъ напр., въ совершенно темную комнату пропустить лучъ солнца, а подъ него подставить стеклянную трехгранную призму, чтобы видѣть, что лучъ этотъ разложится на основные цвѣта. Если мы на извѣстномъ разстояніи отъ призмы поставимъ листочекъ бумажки, то на немъ отразится не бѣлый кружечекъ, а полоска, окрашенная послѣдовательно въ цвѣта радуги. Такимъ образомъ выходитъ, что цвѣта суть части бѣлаго луча, а если свѣтъ, цѣлое, есть ощущеніе чисто-зрительное, то таковы же и части.—Остальные цвѣта получаются чрезъ смѣшеніе этихъ простыхъ цвѣтовъ и потому называются смѣшанными. Такъ напр., голубой, небесный цвѣтъ можетъ быть составленъ изъ синяго и фіолетоваго, тѣлесный—изъ краснаго и оранжеваго и т. п.

3. Ощущеніе блеска (здѣсь глазъ ничего не воспринимаетъ, кромѣ свѣта, а ощущеніе свѣта-чисто-зрительн.) мы получаемъ тогда, когда на какой либо поверхности борется свѣтъ съ тьмою, переливается, напр., при видѣ волнующейся поверхности воды. Примѣрами ощущеній блеска могутъ служить: зелень, покрытая росой, полированное дерево, стекло, драгоценныя камни, слоновая кость, глаза, отчасти волосы и др.

Б. Ощущенія не чисто-зрительныя или зрительныя ощущенія, соединенныя съ мышечными ощущеніями, даютъ намъ возможность опредѣлить: а) движеніе, б) форму и величину и в) разстояніе видимыхъ предметовъ.

а) Чтобы слѣдить, напр., за движеніемъ предмета, намъ нужно и глазомъ двигать, значить, пользоваться дѣятельностью мускуловъ. Когда мы, напр., смотримъ на какой либо неподвижный предметъ, напр., пламя свѣчи, наши глаза находятся въ покоѣ и мы получаемъ только зрительное ощущеніе. Не то бываетъ, когда мы смотримъ на движущееся пламя свѣчи. Въ этомъ случаѣ глаза слѣдятъ за движущимся пламенемъ, совершая такое же, по направленію, скорости и продолжительности, движеніе, какое совершаетъ пламя, и въ насъ возникаетъ не просто зрительное, но зрительно-мышечное ощущеніе. Если движеніе пламени измѣняется въ какомъ либо отношеніи, напр., въ направленіи, скорости и т. д., то измѣняется въ этомъ отношеніи и движеніе глазъ...

Зрительно-мышечныя ощущенія научаютъ насъ судить о различіи между покоемъ и движеніемъ предмета, б) тоже и при познаніи формы и величины предметовъ,—мы не можемъ смотреть разомъ большой предметъ, а должны двигать глазомъ, наводить его на разныя части большаго предмета, обозрѣвать своими глазами очертаніе предметовъ. Конечно, различнымъ очертаніямъ предметовъ соотвѣтствуютъ различныя движенія глазъ, вызывающія и различныя мышечныя ощущенія. Такъ,

одно мышечное ощущение получается, когда мы смотримъ на кругъ и для обозрѣнія границъ его совершаемъ своими глазами круговое движеніе, другое ощущение, когда глазъ описываетъ четырехугольную фигуру при осмативаніи четырехъ угольника и т. д.

Равнымъ образомъ различныя мышечныя ощущенія являются у насъ, когда мы обозрѣваемъ неодинаковыя фигуры по величинѣ; ибо чѣмъ больше фигура, тѣмъ большее для обозрѣнія ея очертанія требуется движеніе глаза, которое возбудитъ въ насъ соответствующее ощущение. Но движеніями глазъ мы можемъ обозрѣвать только плоскія фигуры, имѣющія два измѣренія: длину и ширину, или основаніе и высоту. Что же касается 3-го измѣренія предметовъ, т. е. толщины или глубины, то какія бы движенія мы не совершали своими глазами, оно иногда намъ не откроется. Поэтому, если мы видимъ въ предметахъ и третье измѣреніе, то не на основаніи однихъ зрительныхъ, но лишь зрительно-мышечныхъ ощущенийъ. Опытъ показываетъ, что первоначальное знакомство съ 3 измѣреніемъ дѣлается нами посредствомъ осязательно-мышечныхъ ощущенийъ; только ощупавъ предметъ, мы узнаемъ, что кромѣ длины и ширины, онъ имѣетъ еще и толщину. Видѣть же въ предметахъ третье измѣреніе мы начинаемъ послѣ того, какъ навыкаемъ переводить осязательныя ощущенія на языкъ зрительныхъ ощущенийъ. Такъ, слѣпорожденнымъ, послѣ прозрѣнія, всѣ предметы на первыхъ порахъ представляются плоскими: кубъ они не отличаютъ отъ простаго четырехугольника, шаръ отъ круга.

Только послѣ того, какъ они нѣсколько разъ ощупаютъ рукою эти предметы, они начинаютъ различать одну форму отъ другой и на основаніи зрѣнія. Одинъ хирургъ 18 вѣка Шезельденъ, удаливъ операціей катаракту съ глазъ слѣпого, констатировалъ, что пациентъ его, въ моментъ прозрѣнія, не имѣлъ никакого понятія ни о разстояніи, ни о глубинѣ. Всѣ видимые предметы представлялись ему на одномъ и томъ же планѣ, приклеенными такъ сказать къ одному полотну. Онъ не отличалъ плоскаго тѣла отъ шара и только благодаря ощущенію научился отличать плоскость отъ массивныхъ тѣлъ (Комнерэ).

в) Разстояніе видимыхъ предметовъ опредѣляется тѣми мышечными ощущеніями, которыя мы получаемъ отъ движенія глазъ, когда мы смотримъ на предметы, находящіеся отъ насъ въ различномъ отдаленіи. Извѣстно, что, когда видимый предметъ находится далеко, наши глаза (или собственныя зрительныя оси) разходятся; наоборотъ, когда мы разсматриваемъ предметъ на близкомъ разстояніи, глаза наши бываютъ сведены. Когда человекъ смотритъ на приближеніе поѣзда, глаза его, по мѣрѣ приближенія поѣзда, все болѣе и болѣе сходятся. Но различіе разстоянія по зрительно-мышечнымъ ощущеніямъ не есть ни первоначальное, ни единственное. О слѣпорожденныхъ и прозрѣвшихъ послѣ операціи замѣчено, что имъ сначала кажется, что видимые ими предметы какъ будто касаются ихъ

глаза, вслѣдствіе чего они боятся сдѣлать лишній шагъ, чтобы не столкнуться съ этими предметами.

Многимъ, вѣроятно, приходилось также видѣть, какъ дѣти дѣлаютъ напрасныя движенія рученками, чтобы достать мѣсяцъ, мерцающую въ отдаленіи лампадку и т. д. Только движенія (руки или всего тѣла), не разъ повторенныя по направленію къ видимымъ предметамъ съ цѣлію схватить ихъ, внушаютъ человѣку представленіе о разстояніи между ними и предметами. Стало бытъ наши сужденія о разстояніи видимыхъ предметовъ зависятъ отъ привычки и упражненій.

Исторія развитія зрѣнія. Глазъ привыкаетъ видѣть. Это доказывается наблюденіями надъ слѣпыми, потомъ прозрѣвшими. Евангелистъ Маркъ въ 8 главѣ своего Евангелія передаетъ намъ о чудесномъ исцѣленіи І. Христомъ слѣпородженнаго. Тамъ говорится, что Господь исцѣлилъ этого слѣпородженнаго такъ же, какъ исцѣлялъ онъ и множество подобныхъ, т. е. сотворилъ бореніе изъ плюновения, помазалъ имъ очи слѣпому, а тотъ утерся и сталъ видѣть. Но въ этомъ разсказѣ есть интересная и въ данномъ случаѣ очень важная прибавка для насъ. Христосъ, послѣ того какъ исцѣлилъ слѣпого, спросилъ, что ты видишь, а онъ, повѣствуетъ Евангелистъ, отвѣтилъ: „вижу проходящихъ людей, какъ деревья“ (Марк. 8, 24). Это значитъ, что слѣпой, чудесно исцѣленный, видитъ пока еще не такъ, какъ видятъ люди, привыкшіе пользоваться зрѣніемъ,—всѣ предметы кажутся ему находящимися въ движеніи, и онъ еще не умѣетъ при помощи зрѣнія ясно отличить ихъ другъ отъ друга—онъ знаетъ, что вокругъ него люди, но они кажутся ему похожими на деревья. Въ скобкахъ сказать, въ этомъ описаніи заключается блестящее доказательство подлинности евангельскаго повѣствованія несомненности чуда, а, слѣдовательно, и божественности Чудотворца.

Мысль о томъ, что человѣкъ постепенно пріучается видѣть, выражена ясно и доказана только въ 19 столѣтіи. Прежде, а особенно во времена земной жизни Спасителя, думали, что новорожденный ребенокъ также хорошо видитъ, какъ и взрослый, поэтому странныя по тому времени слова Евангельскаго слѣпца должны были бытъ дѣйствительно сказаны, а не могли бытъ выдуманы.

Ту же мысль о постепенномъ развитіи подтверждаютъ въ новое время и удачныя операціи надъ глазами слѣпыхъ. Исцѣленные врачевнымъ искусствомъ подвергались тщательному наблюденію, и результаты его записывались, и по этимъ записямъ легко составить исторію зрѣнія. Въ 1840 г. докторъ Францъ сдѣлалъ удачную операцію надъ глазами 18 лѣтняго юноши, который ослѣпъ съ 3-хъ лѣтъ, хотя и могъ различать свѣтъ отъ темноты. Послѣ операціи свѣтъ производилъ въ глазахъ больнаго нестерпимую боль, а потому докторъ наложилъ ему повязку, которая и держалась на глазахъ въ теченіи 3-хъ

дней. Когда послѣ этого открыли глаза больному, то онъ увидаль вокругъ себя сѣрую массу, которая двигалась съ головокружительной быстротой, такъ что онъ былъ вынужденъ закрывать глаза. Стало быть, первымъ ощущеніемъ, доступнымъ глазу, надо считать ощущение свѣта, цвѣта. Доставляя это ощущение, глазъ не могъ выдѣлить ни одного предмета изъ общей массы окружающаго, а потому больной не видѣлъ предметовъ такъ, какъ видятъ ихъ люди, пользовавшіеся глазомъ отъ рожденія...

Онъ не зналъ, по зрѣнію, величины предметовъ. По осязанію онъ зналъ, что комната, въ которой онъ находится, меньше всего дома, но зрѣніе его въ этомъ не убѣждало; движущіеся предметы казались ему огромными, а покойные меньшими по величинѣ. Не различалъ онъ по зрѣнію и формы предметовъ. Когда ему поднесли овалъ, вырѣзанный изъ картона, то онъ сказалъ сначала, что это четырехугольникъ, а вѣрно опредѣлилъ форму, когда схватилъ его руками. Зналъ онъ и любилъ свою кошечку, но по зрѣнію не могъ составить образа ея.

Однажды, много спустя послѣ операціи, онъ долго держалъ ее на колѣняхъ и все гладилъ, а потомъ спустилъ и промолвилъ: „теперь и тебя знаю“. Не судилъ больной въ первое время и о разстояніи. Ему сначала казалось, что всѣ предметы, на которые онъ взглянетъ приближаются къ его глазу и даже трутся объ него, какъ бываетъ это при познаніи предметовъ при помощи осязанія, а потому онъ боялся ступить хоть шагъ, чтобы не наткнуться на предметы. Перспективы, конечно, онъ не познавалъ и когда ему показали картину, нарисованную масляными красками, то онъ сказалъ, что это полотно, все въ цвѣтныхъ пятнахъ. Движенія онъ тоже не могъ сначала наблюдать и не въ силахъ былъ выносить обилія впечатлѣній... Когда онъ въ первое время выходилъ на улицу, то обиліе движущихся предметовъ, которые казались ему только большими, такъ его подавляло, что онъ падалъ въ обморокъ. И только въ Ноябрь, а операція была произведена въ Маѣ, онъ могъ, ходя по улицамъ, разбирать вѣвѣски на магазинахъ.

Стало быть, понадобилось почти полгода этому взрослому человѣку для приспособленія своего глаза къ познанию предметовъ.

Такъ по этимъ даннымъ исторія развитія зрѣнія можетъ быть представлена въ такомъ видѣ. Глазъ сначала овладѣетъ чисто-зрительными ощущеніями—воспринимаетъ свѣтъ и цвѣта, и въ тоже время совершенно не способенъ получать ощущенія, названныя не чисто-зрительными. Потомъ постепенно привыкаетъ и къ нимъ, начинаетъ воспринимать величину, форму, разстояніе и движеніе предметовъ.

Развитіе зрительныхъ ощущеній у дѣтей. Такъ и у дѣтей зрѣніе развивается не сразу, а постепенно, путемъ постоянного упражненія. Въ первое время дитя плохо владѣетъ глазами. Если приблизить самому глазу новорожденнаго какой нибудь

предметъ, онъ даже не мигнетъ и вообще ничемъ не выразитъ, что видитъ его. Этимъ же объясняется и тотъ фактъ, что ребенокъ можетъ долгое время держать глаза открытыми, не чувствуя усталости. Только спустя нѣкоторое время чувство зрѣнія начинаетъ дѣйствовать: дитя, хотя и очень смутно, начинаетъ отличать свѣтлое отъ несвѣтлаго, поворачиваетъ, напр., глаза къ зажженной свѣчкѣ; хотя, повидимому, еще не отличаетъ ясно свѣчи отъ руки матери, держащей ее. Умѣренный свѣтъ, видимо, доставляетъ ребенку удовольствіе, такъ что, если закрываютъ для него источникъ свѣта, то онъ иногда даже кричитъ и становится печаленъ. Семинедѣльный ребенокъ узнаетъ уже мать, кормилицу и начинаетъ различать предметы, чаще имъ видимые, отъ которыхъ много разъ получалъ впечатлѣнія.

Со второго мѣсяца можно считать начало болѣе или менѣе сознательнаго знакомства дитяти съ внѣшнимъ міромъ: дитя не просто смотритъ на предметы, но присматривается, стремясь, ближе разсмотрѣть видимое имъ, наблюденіе за различно окрашенными предметами, видимо, доставляютъ ему удовольствіе; такъ кладется начало различенію цвѣтовъ.

Полугодовой ребенокъ уже въ состояніи различать не только цвѣта, но и форму предметовъ; разстояніе же онъ еще плохо отличаетъ и, при видѣ луны или вдали мерцающей лампы, тянется къ нимъ рученками, желая схватить ихъ въ увѣренности, что луна и лампада находятся около самыхъ его глазъ.

Къ концу 1-го года и въ теченіи 2-го, зрѣніе ребенка достигаетъ уже почти нормальнаго развитія. Дитя живо воспринимаетъ впечатлѣнія, различаетъ ихъ между собою, хотя еще и не можетъ такъ быстро, какъ взрослый, составить себѣ представленіе о предметѣ и всесторонне ознакомиться съ нимъ.

Воспитаніе чувства зрѣнія. Глазъ очень нѣжный и въ тоже время въ высшей степени важный органъ чувства, а потому уходъ за нимъ долженъ отличаться особенной тщательностью, осторожностью и вниманіемъ. Прежде всего глаза ребенка нужно держать въ чистотѣ и опрятности, чаще промывать, затѣмъ охранять глазъ отъ вліянія какихъ либо механическихъ воздѣйствій, напр., давленій, ударовъ и т. п. Нужно охранять его и отъ сильнаго дѣйствія свѣта, отъ быстрыхъ переходовъ отъ темноты къ свѣту. Это все предохранительныя мѣры.

Говоря о воспитаніи зрѣнія, нельзя не упомянуть и о недостаткахъ въ области зрительныхъ ощущеній, которые (недостатки) могутъ развиваться отчасти и отъ небрежнаго ухода за глазомъ.

Недостатки эти: близорукость, косоглазіе, цвѣтовая слѣпота или дальтонизмъ.

Близорукость, кромѣ наслѣдственности, можетъ происходить какъ вслѣдствіе разсматриванія предметовъ на очень близкомъ разстояніи, такъ равно отъ занятій, требующихъ особенной напряженности зрѣнія, какъ напр., вышиваніе, чтеніе мелкой печати, работа подъ микроскопомъ или при плохомъ освѣщеніи-

Какъ часто портятъ учащіеся свои глаза, когда учатъ уроки по выпискамъ, грязно и небрежно написаннымъ, по учебникамъ, изданнымъ дурно. Къ стыду издателей, нужно сказать, что учебныя книги являются средствомъ наживы и предметомъ спекуляціи. Издатель старается взять за книгу подороже, больше получить барышей, а издать подешевле. Поэтому печатается учебникъ на дурной бумагѣ—она и сѣра и грязна, и тонка, такъ что буквы одной страницы просвѣчиваютъ на другую, и все смѣшивается,—и дурнымъ шрифтомъ—онъ неясенъ, расплывается, такъ что буквы сливаются одна съ другой. Читая такую книгу, учащійся, конечно, портитъ глаза, потому что напрягаетъ зрѣніе и приближаетъ книгу чрезмѣрно къ глазу, чтобы разсмотрѣть дурно напечатанное.

Портятъ учащіеся свои глаза запрещеннымъ чтеніемъ. Читаютъ запрещенныя книги и въ школѣ и дома, конечно, крадучись, а потому часто въ неудобномъ и вредномъ положеніи для глаза. Читаютъ, напр., книгу, которую держатъ подъ столомъ или читаютъ лежа на кровати при тускломъ свѣтѣ отдаленной лампы, или даже лампадки, а книгу прикрываютъ одѣяломъ. Конечно, отъ такого чтенія глаза портятся.

Лица, свободныя отъ подобныхъ занятій, рѣдко бываютъ подвержены поэтому недостатку (пастухи, земледѣльцы), у дикарей же этотъ недостатокъ совсѣмъ неизвѣстенъ.

Косоглазіе происходитъ отъ неравномѣрнаго развитія глазныхъ мускуловъ, вслѣдствіе чего одинъ глазъ описываетъ большую дугу сравнительно съ другимъ глазомъ. Недостатокъ этотъ можетъ быть какъ прирожденнымъ, такъ и приобретеннымъ.

Въ послѣднемъ случаѣ косоглазіе происходитъ нерѣдко отъ испуга, сильнаго гнѣва и тому подобнаго. Косоглазіе легко можетъ быть исправлено операціей.

Явленіе цвѣтовой слѣпоты. Оно состоитъ въ томъ, что извѣстное лицо бываетъ невоспримчиво къ какому либо одному цвѣту или же нѣсколькимъ. Такъ какъ явленіе это впервые было подмѣчено физикомъ **Дальтономъ**, то оно называется дальтонизмомъ. Дальтонъ говорилъ о себѣ, что когда онъ смотрѣлъ на вишневое дерево, то не могъ замѣтить разницы между цвѣтомъ зрѣлыхъ вишенъ и цвѣтомъ листьевъ, т. е. не могъ различить краснаго цвѣта отъ зеленаго. Одинъ пасторъ, страдавшій невоспримчивостью къ красному цвѣту, купилъ себѣ матеріи на рясу красно-пурпуроваго цвѣта, принялъ его за черный. Наблюденія надъ стрѣлочниками на желѣзныхъ дорогахъ показали, что они иногда смѣшиваютъ цвѣта красный съ зеленымъ, что можетъ имѣть здѣсь, равно какъ и другихъ сигнализаціяхъ на морѣ и суши, печальныя послѣдствія.

Кромѣ чисто предохранительныхъ мѣръ, постепенно слѣдуетъ принимать мѣры для дѣятельнаго (активнаго) упражненія органа зрѣнія.

Самое простое упражненіе органа зрѣнія состоитъ въ обращеніи взгляда и вниманія ребенка: а) на различныя цвѣтныя

поверхности предметовъ (цвѣтные мячики, бумажныя полоски, раскладываніе ихъ и подборъ), б) на различныя формы предметовъ, при чемъ весьма полезны упражненія въ группировкѣ предметовъ по высотѣ, длинѣ и ширинѣ, въ опредѣленіи на глазомѣрѣ величины предметовъ и ихъ разстоянія, повѣркѣ глазомѣра дѣйствительнымъ измѣреніемъ и т. п.

Могущественнымъ средствомъ для развитія зрѣнія служитъ рисованіе, первый урокъ котораго можетъ состоять въ томъ, что мать беретъ руку ребенка, кладетъ ее на листъ бумаги и затѣмъ карандашемъ обводитъ каждый пальчикъ, потомъ ребенокъ долженъ выучиться самъ обводить карандашемъ свою, лежащую на бумагѣ руку. Впослѣдствіи, вмѣсто руки, можно брать другіе предметы.

Уроки рисованія, независимо отъ удовольствія, доставляемаго ими дѣтямъ, имѣютъ громадное значеніе въ эстетическомъ отношеніи, приучая отличать прекрасное отъ безобразнаго. Ботаническія и минералогическія прогулки могутъ также доставить дѣтямъ хорошее упражненіе для зрѣнія. При всѣхъ этихъ и подобныхъ упражненіяхъ необходимо помнить, что отнюдь недостаточно того, чтобы ребенокъ только глядѣлъ на предметы, а чтобы разсматривалъ ихъ, т. е. наблюдалъ и изучалъ ихъ.

Значеніе органа зрѣнія въ психической жизни.—Зрѣніе занимаетъ 1-е мѣсто въ ряду другихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ для познанія внѣшняго міра. $\frac{3}{4}$ нашихъ ощущеній отъ внѣшняго міра получаюся при посредствѣ зрѣнія или, по крайней мѣрѣ, повторяются имъ. Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая зрительныя ощущенія, мы находимъ въ нихъ слѣдующія особенности:

1. Они отличаются необыкновенною ясностью, а благодаря этому и лучшею запоминаемостью, ибо то, что мы видѣли всегда лучше и дольше помнится, чѣмъ то, что мы слышали, осязали, обоняли или пробовали на вкусъ. Вотъ почему зрительными воспріятіями мы повѣряемъ ощущенія другихъ чувствъ... Такъ, при входѣ въ садъ, обоняя запахъ цвѣтовъ, мы представляемъ себѣ образъ цвѣтовъ и ищемъ ихъ глазами; слыша инструментъ, мы представляемъ его фигуру; если намъ положить въ ротъ что либо сладкое, мы хотимъ видѣть это и т. д.

2. Зрительныя ощущенія хорошо группируются пространственно. Когда на наши глаза дѣйствуетъ много впечатлѣній, послѣднія не сливаются въ одно неопредѣленное состояніе сознанія, но легко соединяются между собою въ группы, гдѣ каждое изъ нихъ занимаетъ опредѣленное, по отношенію къ другимъ, пространственное положеніе. Глядимъ на шахматную доску, видимъ отдѣльныя квадратики, изображенные на ней, расположенными одинъ подлѣ другого справа или слѣва, или снизу.

3. Сфера зрительныхъ ощущеній простирается гораздо далѣе всѣхъ другихъ ощущеній. Мы видимъ звѣзды, отстоящія отъ насъ почти на неизмѣримыя пространства, а слышать, напр., звукъ на подобныхъ разстояніяхъ, едва ли возможно.

Всѣ эти особенности указываютъ на то, что зрѣніе какъ бы самую природою предназначено быть **главнымъ орудіемъ** познанія внѣшняго міра съ его пространственными отношеніями. Внѣшній міръ для насъ есть прежде всего и главнымъ образомъ міръ видимый. Не безъ основанія поэтому нѣкоторые психологи говорятъ, что 9/10—нашихъ знаній мы обязаны зрѣнію и, слѣдовательно 1/10 часть нашихъ пріобрѣтеній падаетъ на долю прочихъ ощущеній.

XI.

С л у х ъ .

Процессъ образованія слуховыхъ ощущеній. Органомъ слуха служитъ ухо; предметомъ же слуха служатъ различныя физическія тѣла, находящіяся въ состояніи дрожжанія или вибраціи вслѣдствіе полученнаго ими удара или сотрясенія.

Ухо раздѣляется на 3 части: наружную, среднюю и внутреннюю.

Наружное ухо состоитъ изъ ушной раковины, слухового прохода и барабанной перепонки. Ушная раковина—упругая, тонкая, хрящевая пластинка, назначеніе которой собрать волны воздуха и проводить ихъ въ слуховой проходъ; этотъ послѣдній оканчивается барабанной перепонкой, за которой слѣдуетъ средняя часть уха.

Средняя часть состоитъ изъ барабанной полости и Евстахіевой трубы, которая оканчивается въ глоткѣ. На внутренней стѣнкѣ барабанной полости находятся 2 отверстия, закрытыя нѣжными эластичными перепонками. Эти перепонки соединяются тремя подвижными косточками (молоточекъ, наковальня и стремя) съ барабанной перепонкой. Внутренняя часть уха называется лабиринтомъ и наполнена жидкостью, въ которой плаваютъ концы нервовъ. Возбудителями слуховыхъ ощущеній, какъ мы сказали, служатъ движенія волнъ воздуха—отъ 2—колебаній въ секунду до 30,000. Процессъ слуха состоитъ въ слѣдующемъ: слуховая волна воздуха чрезъ слуховой проходъ доходитъ до барабанной перепонки, которая чрезъ слуховыя косточки въ барабанной полости производитъ волну въ водѣ лабиринта и такимъ образомъ раздражаетъ слуховой нервъ.—

Въ звуковыхъ ощущеніяхъ, со стороны ихъ содержанія, мы различаемъ: 1) шумъ и 2) музыкальные тоны. Различіе это опредѣляется различіемъ формы колебанія воздуха. Когда эти колебанія совершаются правильно, т. е. число ихъ для каждой единицы времени бываетъ одинаково, мы получаемъ ощущеніе тона. Таковы звуки музыкальныхъ инструментовъ, правильно выполняемаго пѣнія и проч. Неправильныя, непериодическія колебанія воздуха, число коихъ въ данную одну единицу времени опредѣлено быть не можетъ, вызываютъ въ насъ ощущенія шума.

(Завываніе или свистъ вѣтра, плескъ воды, шелестъ листьевъ, грохотъ экипажа по мостовой, раскаты грома, говоръ толпы и проч.).

Въ музыкальныхъ тонахъ различаютъ слѣдующія свойства: а) высоту, б) силу и в) оттѣнокъ (тембръ) звука.

Высота звука зависитъ отъ быстроты колебаній звучащаго тѣла, или отъ числа колебаній, выполняемыхъ въ данное время. Самый низкій звукъ, слышимый человѣческимъ ухомъ, происходитъ приблизительно при 16 колебаніяхъ въ секунду, наивысшій—при 36,000 колебаніяхъ. При этомъ нужно замѣтить, что предѣлъ чувствительности къ раздраженіямъ у различныхъ лицъ весьма неодинаковъ. Такъ, напр., крикъ летучей мыши, самъ по себѣ довольно слабый, нѣкоторыми слышится, большинствомъ же нѣтъ.

Упражненіе и привычка здѣсь, какъ и вездѣ много способствуютъ тому, что одинъ субъектъ замѣчаетъ самое незначительное слуховое раздраженіе, которое для другого проходитъ незамѣченнымъ.

Слушая тѣ или другіе звуки, по большей части, смѣшенные, мы обладаемъ способностью разлагать ихъ на составные тоны и слѣдить за однимъ какимъ либо по нашему желанію. Такъ, слушая цѣлый оркестръ, мы можемъ выбрать въ немъ какой либо одинъ инструментъ и слѣдить за игрой его только одного или изъ хорового пѣнія выбрать одинъ голосъ или одну партію и слѣдить только за нею. Все это можемъ мы дѣлать какъ подъ вліяніемъ нашихъ привычекъ, такъ и подъ вліяніемъ нашей воли. О служащихъ при телеграфахъ на желѣзныхъ дорогахъ рассказываютъ, что они пробуждаются при самомъ легкомъ постукиваніи телеграфнаго аппарата, оставаясь глухими къ болѣе рѣзкимъ и сильнымъ звукамъ какъ стукъ и свистъ поѣздовъ. Мать, утомленная дневными заботами и заснувшая крѣпкимъ сномъ, не слышитъ громкаго стука, происходящаго вблизи ея, и въ тоже время слышитъ даже слабый стонъ младенца и его легкое движеніе въ колыбели.

Сила звука зависитъ отъ ширины или размаха звуковыхъ волнъ. Звуки, одинаковые по своей высотѣ, могутъ быть различными по силѣ или громкости. Ударяя рукою по струнѣ, и приводя ее въ колебательное состояніе, мы слышимъ въ началѣ звуки наиболѣе сильные, соотвѣтственно ширинѣ взмаховъ или колебаній струны, но затѣмъ, по мѣрѣ ослабленія этихъ послѣднихъ, звуки становятся все менѣе и менѣе слышимыми и наконецъ совершенно исчезаютъ. Тоже самое наблюдается, когда мы слушаемъ удары колокола или ружейные выстрѣлы вблизи и вдали. Высота этихъ звуковъ остается одна и таже, но сила измѣняется.

Наконецъ, оттѣнокъ или иначе тембръ звука есть то, чѣмъ 2 одинаково высокіе и одинаково сильные звука различаются между собою, какъ напр., звуки различныхъ музыкальныхъ ин-

струментовъ, звуки, издаваемые одушевленными предметами—животными, птицами, и наконецъ голоса людей.

Извѣстно, что почти всѣ слышимые нами звуки сложны; кромѣ основнаго тона мы можемъ различить въ нихъ еще нѣсколько болѣе слабыхъ, побочныхъ тоновъ. Эти-то побочные тоны, присоединяющіеся къ основному тону, то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ и придаютъ звуку тотъ особенный характеръ, который мы называемъ тембромъ.

Кромѣ музыкальныхъ тоновъ существуетъ еще особый классъ звуковъ, такъ наз., члено-раздѣльныхъ, кои служатъ основою словесной рѣчи. Послѣдняя, состоя изъ небольшого числа элементарныхъ (простыхъ) звуковъ, способныхъ къ безконечному множеству сочетаній, служитъ наилучшимъ средствомъ для обмѣна мыслей, чувствъ, желаній между людьми, далеко оставляя за собой въ этомъ отношеніи мимику или языкъ жестовъ.

Люди, лишенные слуха, обыкновенно не обладаютъ языкомъ члено-раздѣльной рѣчи, такъ какъ не имѣютъ возможности слышать ни своихъ собственныхъ звуковъ, ни звуковъ, произносимыхъ другими людьми. Вотъ отчего глухіе бываютъ почти всегда не просто глухими, но и глухонѣмыми.

Развитіе слуховыхъ ощущеній у дѣтей. Слухъ дитяти въ первое время почти вовсе не впечатлителенъ и развивается вообще довольно медленно.

Въ первые дни по рожденіи, можно громко говорить около самой колыбели и ребенокъ ничѣмъ не проявитъ дѣятельности слуха. Только сильный шумъ и громъ, разомъ потрясая слабые нервы дитяти, приводитъ его въ содроганіе и заставляетъ кричать.

На второй-третьей недѣлѣ ребенокъ начинаетъ беспокоиться, если въ дѣтской послышатся крики другихъ дѣтей.

На 3—4 мѣсяцѣ на ребенка производитъ успокаивающее дѣйствіе колыбельная пѣснь. Въ это время ребенокъ не только слышитъ, но можетъ различать напряженность звука: сильныхъ и рѣзкихъ звуковъ онъ не выноситъ и начинаетъ кричать.

Черезъ 4—5 мѣсяцевъ ребенокъ начинаетъ различать направленіе звука и поворачиваетъ голову въ ту сторону, гдѣ говорятъ.

6 мѣсячный ребенокъ начинаетъ уже прислушиваться, т. е. стремится различать характеръ звуковъ. Голосъ матери, кормилицы, отца, онъ узнаетъ еще издали.

Музыкальные тоны также мало по малу проясняются для слуха дитяти.

Къ концу 1-го года ухо доставляетъ уже душѣ дитяти много ясныхъ впечатлѣній. Дитя различаетъ отдѣльные звуки и цѣлыя слова и даже тонъ рѣчи.

Въ началѣ второго года, а иногда и раньше, проявляется способность къ произнесенію члено-раздѣльныхъ звуковъ. Съ этого времени чувство слуха развивается быстро.

Воспитаніе чувства **слуха**. Первоначальныя заботы о развитіи органа слуха, какъ и глаза, должны заключаться въ гигиеническомъ уходѣ за органомъ, въ попеченіи о цѣлости его и чистотѣ. Нужно охранять ухо отъ сильныхъ механическихъ воздѣйствій и потрясеній. Вредны приливы крови къ головѣ; конечно, простуда; вода попадающая въ уши при неосторожномъ купаньи и т. д.

Что касается активнаго упражненія чувства слуха у дѣтей, то первымъ, самымъ простымъ, но важнымъ средствомъ развитія уха ребенка нужно считать человѣческую члено-раздѣльную рѣчь, разговоръ.

Рѣчь человѣка состоитъ изъ чистыхъ звуковъ—гласные—и шумовъ—согласные,—которые сами по себѣ неопредѣленны и получаютъ опредѣленность отъ звуковъ, съ коими соединяются. Значитъ, дѣйствуя рѣчью на ухо ребенка, разговаривая съ нимъ, мы возбуждаемъ ухо къ воспріятію слуховыхъ ощущеній. Отсюда—совѣтъ,—матери или няни ничего не дѣлать съ ребенкомъ молча, а все сопровождать разговорами. Кормить ли мать ребенка, играетъ ли съ нимъ, купаетъ или укладываетъ спать,—всегда она должна говорить ему чтонибудь. Это требованіе вовсе не тягостно для матери; напротивъ, оно такъ легко и естественно. Мать, конечно, питаетъ къ своему ребенку чувство любви въ сильной степени. А чувство, да еще сильное, естественно ищетъ выраженія и въ данномъ случаѣ находитъ его въ болтовнѣ матери съ ребенкомъ. Можно подумать, что разговаривать съ ребенкомъ, особенно въ первое время его жизни, просто бессмысленно,—вѣдь онъ въ разговорѣ рѣшительно ничего не понимаетъ. Да, онъ не понимаетъ смысла рѣчи, да и только въ первое время жизни, но за то вслушивается въ ея тонъ, воспринимаетъ звуки слуховымъ органомъ и тѣмъ развиваетъ и совершенствуетъ его. Да эти ощущенія не остаются безъ вниманія и на умственное развитіе ребенка, потому что будятъ его сознаніе и заставляютъ его вниманіе чѣмънибудь заниматься. Если же, при обращеніи съ ребенкомъ, молчать, то его сознаніе будетъ находиться въ сонномъ состояніи.

Замѣчаютъ, что дѣти, съ которыми много говорили и возились въ раннемъ дѣтствѣ, быстрѣе развиваются и раньше сами начинаютъ говорить. Слѣдовательно, разговоръ матери съ ребенкомъ приноситъ ему двойную, даже тройную пользу.

Ухо ребенка, кромѣ человѣческой рѣчи, услышитъ и другіе звуки, напр., звуки, издаваемые животными и неодушевленными предметами при паденіи, движеніи и проч. И со всѣми этими звуками надо освоить ухо ребенка, приучить его къ нимъ. Для этого надо обращать вниманіе ребенка на звуки, которые издаются животными, заставить его къ нимъ прислушаться. Залаетъ, напр., собака, замычитъ корова—ребенка нужно поднести къ окну и показать существо, издающее звукъ.

Тому же можетъ помочь и звуко-подражаніе. Мать, играя съ ребенкомъ, можетъ полаять по собачьи, помычать по коровьи и т. д.

Это можетъ показаться смѣшнымъ по отношенію къ взрослымъ и вовсе не смѣшно въ игрѣ съ ребенкомъ. Конечно смѣшно было бы, если бы напр., въ классѣ учитель залаялъ по собачьи, или замычалъ, потому что это было-бы не къ мѣсту и не во время. А въ игрѣ съ ребенкомъ это такъ естественно и просто, что матери и няни подражаютъ звукамъ животныхъ, руководствуясь вѣрнымъ чутьемъ и помимо всякихъ предписаній науки.

Такъ же можно ознакомить ухо ребенка и со звуками, кои издаются неодушевленными предметами. Нужно заставлять ребенка къ нимъ прислушиваться,—начнутъ бить часы, надо поднести къ нимъ ребенка, застучитъ въ окно дождь, загремитъ экипажъ, нужно поднести ребенка къ окну и указать причину звука. Можно и намѣренно извлекать разные звуки и заставлять ребенка къ нимъ прислушиваться. Напр., во время игры можно нѣсколько разъ бросить металлическій предметъ, ложку на столъ и заставить ребенка прислушиваться къ нему. Потомъ бросать, напр., мячъ или другой мягкій предметъ и тоже заставить ребенка нѣсколько разъ прислушаться къ звуку.

Еще средствомъ развитія слуха нужно считать пѣніе и музыку. Мать, для развитія слуха ребенка, должна ему пѣть пѣсни. И это требованіе не трудно выполнить. Мать любитъ ребенка, питаетъ по отношенію къ нему чувство любви. А чувство всего лучше выражается въ пѣніи и музыкѣ. Такъ пусть мать или няня поетъ ребенку пѣсни. Конечно, голосъ поющей долженъ быть нѣжный и пріятный, а пѣніе правильное. Дикій и страшный голосъ можетъ только напугать, а невѣрное пѣніе только портитъ слухъ его¹⁾.

Затѣмъ, когда ребенку будетъ 5—7 лѣтъ, можно начать упражненіе съ гаммой, брать тотъ же тонъ голосомъ, разучить какую либо легкую пѣсенку. Всѣ эти упражненія сколько полезны для развитія слуха, столь же благотворны для выработки эстетическаго вкуса, а равно для развитія легкихъ и груди. Чѣмъ отчетливѣе человѣкъ различаетъ звуки, тѣмъ онъ лучше владеетъ голосомъ.

Только человѣкъ съ развитымъ ухомъ можетъ быть хорошимъ рассказчикомъ или чтецомъ.

Значеніе слуховыхъ ощущеній для душевнаго развитія. Слуховыя ощущенія имѣютъ самую тѣсную связь съ существеннѣйшими перемѣнами душевной жизни человѣка. И радость, и горе, и всѣ вообще душевныя состоянія обнаруживаются посредствомъ голоса, звука. Звуки служатъ для душевныхъ явленій

---

¹⁾ В. Короленко въ своей повѣсти «Слѣпой Музыкантъ» художественно разъясняетъ значеніе слуха для развитія человѣка и нѣкоторые приемы этого.

прекрасными чувственными знаками. Хотя душевныя явленія и выражаются также посредствомъ мимики лица и жестовъ, доступныхъ зрѣнію, но эти знаки слишкомъ грубы, чтобы посредствомъ ихъ можно было выразить все великое разнообразіе душевной жизни. Только звуки, способные къ безчисленному множеству сочетаній, могутъ передать каждый тончайшій оттѣнокъ душевныхъ явленій. Звуки производятъ и болѣе глубокое дѣйствіе на душу человѣка, чѣмъ мимика лица или жесты. Крикъ подстрѣленнаго зайца трогаетъ насъ сильнѣе, чѣмъ нѣмая пляска рыбъ, жарящихся на огнѣ.

Слуховыя ощущенія играютъ важную роль и въ дѣлѣ познанія внѣшней природы. Безъ звуковъ послѣдняя была бы мертва для насъ. Крикъ животныхъ, шумъ растительнаго царства, могучіе голоса стихійныхъ силъ сообщаютъ жизнь всей видимой природѣ, какъ бы одухотворяютъ ее въ глазахъ человѣка.

Чувство слуха самымъ существеннымъ образомъ помогаетъ зрѣнію, восполняя и придавая отчетливость зрительнымъ впечатлѣніямъ отъ предметовъ внѣшняго міра. „Заговори, чтобы я тебя видѣлъ“—говаривалъ Сократъ. Глазу доступны только поверхность предметовъ и главнымъ образомъ внѣшнія ихъ свойства. Слухъ же знакомитъ васъ съ внутренними сторонами предметовъ и, что всего важнѣе, съ душевною жизнью людей, являясь такимъ образомъ по преимуществу духовнымъ чувствомъ.

Чувство слуха имѣетъ важное эстетическое и воспитательное значеніе. Какое сильное облагораживающее вліяніе оказываетъ музыка и пѣніе на черствыхъ эксцентричныхъ и буйныхъ людей. Классическая древность создала даже мифъ объ Орееѣ, укрощавшемъ своею игрою и пѣніемъ дикихъ звѣрей. Во всѣ времена музыка признавалась могущественнымъ средствомъ воспитанія не только отдѣльныхъ лицъ, но даже цѣлыхъ народовъ. Въ древней Греціи музыка считалась необходимымъ предметомъ изученія для каждаго гражданина.

Изъ всего этого можно понять сколь великое значеніе имѣютъ слуховыя ощущенія.

XII.

Осязаніе и мускульное чувство.

Ближе другихъ чувствъ въ умственномъ отношеніи къ зрѣнію и слуху стоитъ чувство осязанія, въ соединеніи съ мускульнымъ чувствомъ.

Процессъ образованія ихъ: органомъ осязанія является вся кожа. Въ среднемъ слоѣ ея находятся аппаратики; посредствомъ которыхъ мы воспринимаемъ осязательныя ощущенія. Эти аппаратики называются осязательными тѣльцами и представляютъ собою пузырьчки, наполненные зернистымъ, жирнымъ содержимымъ. Въ срединѣ этихъ пузырьчковъ и помѣщены кончики

осязательныхъ нервовъ. Такъ какъ осязательныя тѣльца разсыпаны по всей кожѣ, то вся кожа и оказывается чувствительной къ осязательнымъ воздѣйствіямъ, хотя и не въ одинаковой степени. Есть мѣста кожи, отличающіеся наибольшей чувствительностью (кожа лица, губъ, рукъ, кончикъ языка и особенно внутренняя поверхность кончиковъ пальцевъ и т. д.) а есть мѣста и мало чувствительныя (кожа спины, пятокъ и т. д.)—Это происходитъ, вѣроятно, отъ того, что осязательныя тѣльца въ разныхъ мѣстахъ разсыпаны неодинаково щедро и густо. Доказывается это слѣдующимъ опытомъ. Если мы возьмемъ циркуль и, близко сдвинувши его ножки поставимъ, напр., на кожу губъ, то испытаемъ ясно 2 прикосновенія, каждой ножкой отдѣльно. Если же, раздвинувъ ножки циркуля, прикоснемся, напр., къ кожѣ спины, то почувствуемъ одно только прикосновеніе. Это и объясняется тѣмъ, что въ первомъ случаѣ каждая ножка циркуля хотя и стоятъ онѣ близко другъ къ другу, падаетъ на особое осязательное тѣльце, вызываетъ особое ощущение, значитъ тутъ тѣльца расположены густо, а во второмъ случаѣ, одна ножка становится на осязательное тѣльце, а другая попадаетъ на такую часть кожи, въ которой его нѣтъ; значитъ, тутъ тѣльца находятся другъ отъ друга на значительномъ разстояніи. Самое ощущение осязательное возникаетъ такъ. На кожу дѣйствуетъ внѣшній предметъ. Это воздѣйствіе раздражаетъ кончикъ осязательнаго нерва, его раздраженіе передается мозгу, а душа отвѣчаетъ на это, создавая тотъ или иной осязательный образъ.

Дѣленіе осязательныхъ ощущеній. Онѣ могутъ быть раздѣлены на 2 класса; а) чисто-осязательныя или б) связанныя съ мышечными ощущеніями.

А. Главнѣйшіе виды чисто-осязательныхъ ощущеній составляютъ такъ называемыя ощущенія прикосновенія или ощущенія поверхности предметовъ (ощущеніе твердаго, гладкаго, шероховатаго, тупого, остраго и т. п.) и ощущенія температуры предметовъ (горячаго, теплаго, холоднаго).

Чтобы получить чисто-осязательное ощущение давленія поверхности, надо сдѣлать слѣдующее. Руку, которая испытываетъ давленіе, узнаетъ поверхность, надо положить на какую нибудь твердую опору и водить по ней пальцами слегка, т. е. дотрогиваясь до предмета только окончаніями осязательныхъ нервовъ. Прикоснувшись же пальцами крѣпче къ предмету, мы уже задрѣваемъ мускулы (при чемъ является иногда и боль) и испытывая при этомъ извѣстное мускульное напряженіе, получаемъ уже не чисто-осязательное ощущение, а соединенное съ мускульнымъ ощущеніемъ.

Другое чисто-осязательное ощущение есть ощущение температуры, т. е. тепла и холода. Эти ощущенія страдаютъ большею неопредѣленностью, носятъ чисто субъективный характеръ, т. е. зависятъ больше отъ насъ, чѣмъ отъ дѣйствующихъ предметовъ. Что эти ощущенія сбивчивы и неопредѣленны, это доказывается массой опытовъ. Напр., если мы войдемъ въ комнату, съ темпе-

ратурой 15° съ улицы, то мы чувствуемъ тепло, если же въ ту же комнату войдемъ изъ бани, напр., то мы почувствуемъ холодъ. Если наша рука холодна, всѣ предметы, къ коимъ мы прикоснемся, будутъ намъ казаться теплыми и наоборотъ. Если мы опустимъ въ горячую воду палець, почувствуемъ тепло, а если въ ту же воду опустить всю кисть руки, то она намъ покажется болѣе горячей.

Воспитательное значеніе осязательныхъ ощущений, особенно въ связи съ мускульными, громадно. Наблюденія надъ слѣпорожденными показываютъ, что, при отсутствіи зрѣнія, они способны пріобрѣтать самыя высокія и всестороннія познанія. Такъ про одну несчастную дѣвушку, Лауру Бриджманъ, которая была слѣпа и глуха, но достигла извѣстной степени умственного развитія, благодаря сильно развитому осязанію въ соединеніи съ мускульнымъ чувствомъ. Въ заведеніи для слѣпыхъ, гдѣ жила эта американка, глухая и слѣпая отъ рожденія, она свободно ходила по комнатѣ и корридорамъ, тотчасъ узнавала встрѣчнаго по рукѣ или краю одежды, чувствовала есть ли кто въ комнатѣ или нѣтъ, идетъ кто на встрѣчу или нѣтъ. Научилась она азбукѣ и счету по выпуклымъ буквамъ и цифрамъ и имѣла даже отвлеченныя понятія о добрѣ, и злѣ, приличіи, счастьѣ и проч. Отсюда видно, что осязаніе дѣйствительно пріобрѣтаетъ важное значеніе, если соединяется съ мускульнымъ чувствомъ, такъ какъ въ познаніи міра можетъ замѣнить высшіе органы чувствъ для тѣхъ несчастныхъ, которые ихъ лишены.

Мускульныя ощущенія.

Органомъ мускульныхъ ощущений служатъ мускулы-куски мяса, облегающіе почти весь остовъ человѣка и покрытые кожей. Движенія человѣка выполняются посредствомъ мускуловъ. Мускулы состоятъ изъ тонкихъ волоконъ веретенообразныхъ прикрѣпленныхъ большею частію къ костямъ, движеніями коихъ они управляютъ. Мускульныя волокна находятся въ непосредственной связи съ нервами. Характеристическое свойство мускуловъ состоитъ въ томъ, что они могутъ сокращаться, при чемъ самый мускуль укорачивается и утолщается, а вмѣстѣ съ этимъ соединяемая имъ кости сближаются между собою, и въ результатѣ является то или другое движеніе.

Мускульныя ощущенія замѣчаются нами а) въ такъ называемомъ неподвижномъ усилии, или усилии, не переходящемъ въ движеніе. Сюда относятся: выдерживаніе напора какой либо массы, несеніе тяжести на носилкахъ, на плечахъ или головѣ и проч. б) Мускульныя ощущенія обнаруживаются въ такъ называемыхъ п а с с и в н ы хъ движеніяхъ. Примѣры этихъ ощущений мы имѣемъ, когда ѣдемъ въ покойномъ экипажѣ, вагонѣ желѣзной дороги, сидимъ на лодкѣ, подбрасываемой волнами, въ качающемся креслѣ и т. п. в) Но самый обширный классъ му-

скульныхъ ощущеній бываетъ связанъ съ нашими активными движеніями, которыя бываютъ быстрыми или медленными. Ощущенія движенія бываютъ пріятны при условіи, когда онѣ не превышаютъ запаса мускульной энергіи, въ противномъ же случаѣ производятъ непріятное ощущеніе утомленія или усталости. Такъ, если въ началѣ дня физическій трудъ рабочаго доставляетъ для него нѣкоторое удовольствіе, то къ концу дня, вызывая усталость, дѣлается непріятнымъ. При этомъ само собой понятно, что въ быстрыхъ движеніяхъ трата силъ производится скорѣе, чѣмъ въ движеніяхъ медленныхъ. Какъ быстрыя, такъ и медленныя движенія стоятъ въ тѣсной связи съ извѣстными нашими душевными настроеніями. Такъ, радость выражается въ быстрыхъ движеніяхъ, скорбь и горе въ медленныхъ, г) наконецъ, къ мускульнымъ ощущеніямъ, и потомъ почти всегда непріятнаго характера, относятся ощущенія потери точки опоры, какъ напр., при землетрясеніи, при подламываніи подъ нами доски, льда и т. п. Ощущеніе это всегда возбуждаетъ въ насъ чувство страха и иногда въ весьма сильной степени.

Развитіе мускуловъ у дѣтей. Для развитія мускуловъ служатъ игры дѣтей бѣганье и прыганье ихъ, а также различныя гимнастическія упражненія. На гимнастику смотрѣли очень высоко древніе греки, считая лучшимъ средствомъ какъ для физическаго, такъ и эстетическаго воспитанія (развитіе граціи). Они думали, что даже боги на Олимпѣ занимались гимнастическими упражненіями.

Но рядомъ съ такимъ высокимъ взглядомъ на гимнастику, существуетъ и другое, не столь благопріятное воззрѣніе. Говорятъ (напр. Спенсеръ), что систематическая гимнастика утомляетъ ребенка и навѣваетъ на него скуку, что занимаясь ею и не сознавая хорошо ея цѣли, онъ привыкаетъ къ безчестности относительно своихъ поступковъ, что гимнастика неравномѣрно развиваетъ всѣ части тѣла, вслѣдствіе чего упражненіе только нѣкоторыхъ членовъ вызываетъ въ нихъ скорѣе, чѣмъ бы слѣдовало, утомленіе.

Правда, говорятъ они, соперничество въ ловкости и проворствѣ служитъ отчасти пріятнымъ побужденіемъ, но его нельзя сравнить съ удовольствіемъ, сопровождающимъ процессъ каждой игры, выполняемой по внутреннему влеченію и заключающей въ себѣ большую сумму удовольствій.

Не входя въ разборъ такого взгляда на гимнастику, скажемъ, что въ гимнастическихъ, какъ и всякихъ другихъ упражненіяхъ, необходимо соблюдать первое и основное правило педагогики: „дѣлать все такъ, чтобы ребенокъ былъ заинтересованъ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ“, потому что иначе онъ будетъ дѣйствовать по принужденію, самъ не сознавая, зачѣмъ и почему, а это вредно отразится на его воспитаніи. Поэтому, гимнастика, практикуемая не въ видѣ систематическаго урочнаго сгибанія и разгибанія рукъ и ногъ, а въ видѣ интересныхъ для ребенка игръ, безъ сомнѣнія, не можетъ не быть полезной и плодотворной.

Весь успѣхъ дѣла зависитъ отъ педагогическаго такта и умѣнья учителя поставить это дѣло на надлежащую высоту.

До какой степени можетъ быть доведено развитіе мускуловъ, объ этомъ наглядно говорятъ намъ различныя акробатическія представленія, вызывающія въ зрителяхъ неподдѣльное чувство изумленія предъ силой и техникой этого искусства.

Значеніе мускульныхъ ощущеній въ душевной жизни человѣка очень и очень велико. Достаточно сказать, что все тѣло состоитъ изъ мускуловъ, что мы почти непрерывно получаемъ безчисленное количество ощущеній отъ разнообразныхъ движеній этой подвижной массы.

При каждомъ малѣйшемъ поворотѣ тѣла и движеніи членовъ мы получаемъ разнообразныя мускульныя ощущенія. Все это такъ или иначе отражается на познавательной дѣятельности души. Мускульныя ощущенія входятъ въ составъ зрительныхъ, осязательныхъ и другихъ ощущеній и, въ соединеніи съ ними, служатъ источникомъ весьма важныхъ научныхъ приобрѣтеній.

Мускульное ощущеніе принимаетъ участіе при образованіи представленій тѣла, вѣса, времени, пространства, скорости движенія.

Такъ, при сжиманіи предмета, человѣкъ составляетъ представленіе о тѣлѣ.

Поднимая одною и тою же рукою предметы различной тяжести и испытывая при этомъ разницу въ напряженіи мускуловъ, онъ составляетъ представленіе о различіи вѣса предметовъ. Напрягая свою мускульную дѣятельность въ одинаковой силѣ въ продолженіи пяти и въ продолженіи десяти минутъ, онъ испытываетъ неодинаковую степень траты силы—и въ немъ можетъ возникнуть идея продолжительности времени. Двигая своей рукою отъ одного предмета къ другому или проходя отъ одного мѣста на другое, онъ испытываетъ различное напряженіе, смотря по разстоянію. Отсюда—представленіе о пространствѣ.

Обоняніе.

Органомъ обонянія служитъ носъ, точнѣе внутренняя полость носа. Подъ тонкой кожицей (слизистая оболочка), покрывающей эту полость, находится нервъ, воспринимающій обонятельныя впечатлѣнія. Предметами обонянія служатъ газообразныя или летучія тѣла, достигающія носовой полости вмѣстѣ съ выдыхаемымъ нами воздухомъ. По нашему желанію мы можемъ усиливать обонятельныя ощущенія, втягивая носомъ воздухъ съ большею силою (нюхая), и совершенно прекратить ихъ, задержавъ наше дыханіе черезъ носовую полость.

Къ ощущеніямъ обонянія относятся: а) запахи въ собственномъ смыслѣ—пріятные или благовонные и противоположныя имъ—дурные или зловонные. Запахи перваго рода: роза, фіалка, жасминъ, резеда, свѣжее сѣно; втораго рода: запахъ гнили, воню-

чей камеди и пр.; б) запахи, извѣстные подъ именемъ освѣжающихъ и удушливыхъ. Извѣстно, что нѣкоторыя пахучія вещества производятъ какое то особенное ощущение бодрости или свѣжести, напр., одеколонъ, перечная мята и нѣкоторые духи. Разложение же трупa, гниение, испарина производятъ спертый или удушающій воздухъ и подавляютъ дѣятельность легкиxъ.

Хотя различающая способность обонянія весьма велика и мы, благодаря обонянію, получаемъ не мало познаній, но главное его значеніе, безспорно—практическое жизненное. Пріятность или непріятность запаха служитъ мѣриломъ пользы или вреда обоняемыхъ веществъ на организмъ; вредно дѣйствующіе запахи сознаются какъ непріятные и мы стремимся удалить ихъ.

Вкусъ.

Органомъ вкуса служитъ языкъ, преимущественно задняя его поверхность или, такъ называемый, корень языка, покрытый множествомъ сосочковъ. Процессъ вкуса есть процессъ механической и состоитъ въ томъ, что вкушаемая нами вещества, растворяясь на влажной поверхности языка, производятъ различныя ощущенія вкуса.

Къ ощущеніямъ вкуса въ собственномъ смыслѣ относятся: ощущение сладкаго и горькаго. Кроме этихъ двухъ главныхъ видовъ вкуса различаютъ еще слѣдующіе: соленый, щелочный, кислый, укусуный, ѣдкій и проч.

Значеніе вкусовыхъ ощущеній въ дѣлѣ познанія внѣшняго міра весьма незначительно, но за то слишкомъ важно для нашей органической жизни. Вкусовые ощущенія даютъ намъ возможность дѣлать выборъ пищи.

Служа жизненной стороною нашего организма, вкусовые ощущенія достигаютъ изумительнаго развитія въ животныхъ и ди-каряхъ, равно и дѣтяхъ до извѣстнаго возраста.

О дѣтяхъ извѣстно, что онѣ на первыхъ порахъ своей жизни всякое ощущение стремятся провѣрить вкусомъ, и потому несутъ въ ротъ всякую—всячину, попадающуюся имъ въ руки. Въ порядкѣ времени внѣшнія чувства дитяти пробуждаются такъ: сначала просыпается чувство вкуса, затѣмъ осязанія, позже дѣйствуетъ зрѣніе и всего позже обоняніе.

Педагогика—противъ изнѣживанія обонянія излишнимъ употребленіемъ искусственныхъ благоуханій, вкуса—пристрастіемъ къ лакомствамъ и роскошнымъ явствамъ. Нѣтъ ничего безразсуднѣе какъ награждать дитя лакомствами, или обѣщать ихъ за что либо. И если взрослые сами имѣютъ подобную слабость, то пусть не выставляютъ ее предъ дѣтьми, а пусть лучше пріучаютъ ихъ къ простотѣ и довольству самымъ необходимымъ.

ХІІІ.

Вниманіе представленія.

Опредѣленіе вниманія. Никакое знаніе не можетъ быть получено безъ одного условія, которое называется вниманіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, можно смотрѣть на предметы и ничего не видѣть, можно слушать звуки и разговоры, но ничего не слышать, если мы заняты не тѣмъ, что происходитъ предъ нами. А чтобы этого не было, чтобы мы дѣйствительно видѣли и слышали то, что видимъ и слышимъ, намъ нужно и умъ свой, сознаніе наше сосредоточить на видимомъ и слышимомъ. **Сосредоточеніе нашего ума, сознанія на какомъ либо предметѣ и есть вниманіе.** Безъ него дѣйствительно невозможно никакое знаніе. Благодаря вниманію, предметъ выдѣляется нами изъ ряда всѣхъ другихъ и получаетъ для насъ болѣе силы, яркости и отчетливости; напр., идя по улицѣ, мы видимъ хорошо только тѣ дома, на которые обращаемъ вниманіе. Равнымъ образомъ намъ отчетливѣе становится мысль, сильнѣе чувствуется боль, когда мы обратимъ вниманіе на это. Наоборотъ, безъ вниманія мы ничего ясно не видимъ и не слышимъ, не можетъ быть у насъ ни отчетливаго мышленія, ни живого чувства, ни обдуманнаго дѣйствія.

Значитъ вниманіе служитъ главнымъ, необходимымъ условіемъ проявленія всѣхъ сторонъ душевной жизни человѣка.

Виды **вниманія.** Вниманіе обыкновенно раздѣляютъ на произвольное, или пассивное, и, произвольное, или активное.

Пассивныя вниманіемъ называется такое сосредоточеніе нашего ума, которое зависитъ не отъ насъ, происходитъ помимо нашей воли, и даже противъ нашего желанія. Наша душа въ такомъ случаѣ находится въ страдательномъ состояніи,—не она распоряжается вниманіемъ, а оно влечетъ ее, а потому и самое вниманіе-то называется пассивнымъ (страдательнымъ). Представьте, что во время урока ученицы внимательно слушаютъ учителя. Вдругъ раздается звукъ набатнаго колокола или музыка проходящаго мимо полка. Ученицы хотѣли бы слушать учителя и желали бы не развлекаться и не слышать внѣшнихъ звуковъ, но не могутъ этого сдѣлать и невольно слушаютъ то, что вовсе не желательно. Это и есть вниманіе пассивное.

Активныя вниманіемъ называется намѣренное и самовольное сосредоточеніе ума на томъ, на чемъ нужно, на чемъ мы желаемъ. Ученица, напр. предъ приходомъ учителя въ классъ повторяетъ заданное. Вокругъ нея идетъ шумъ—ея подруги разговариваютъ, смѣются, но она, если вниманіе ея развито, можетъ заставить себя не слышать этого шума и разговоровъ и сосредоточиться на содержаніи урока. Это вниманіе активное.

Что существуетъ пассивное вниманіе, что мы иногда невольно занимаемся тѣмъ, чего бы и не хотѣли видѣть или слышать, это всякій знаетъ.

А есть ли активное-то вниманіе? Можемъ ли мы иногда, сообразно съ нашими желаніями, видѣть то, что хотимъ, и не обращать вниманія на то, что намъ не нужно? Есть и вниманіе активное. Доказательствомъ этому можетъ служить самый фактъ существованія науки. Чтобы создать науку, надо каждое понятіе въ ней глубоко и тщательно обдумать, и всѣ ихъ связать и представить въ системѣ. Конечно, этого быть не могло бы, если бы душа не была способна сосредоточиваться на одномъ, забывая все остальное. Такимъ образомъ, вѣрно, что существуютъ 2 вида вниманія: пассивное и активное.

Условія. Возбужденіе пассивнаго вниманія. У ребенка активнаго вниманія вовсе нѣтъ, а есть только вниманіе пассивное. Посмотрите на него, когда онъ чѣмъ либо занятъ, напр., играетъ или даже готовитъ уроки вскорѣ послѣ поступленія въ школу. Онъ, дѣйствительно, не можетъ сосредоточиться на предметѣ своихъ занятій и всѣмъ развлекается. Стучаетъ дверь, раздается другой какой либо звукъ, пройдетъ кто нибудь, или скажетъ слово, онъ непременно обернется, прислушается и развлечется. Значитъ, нѣтъ у него умѣнья такъ сосредоточиться на предметѣ, чтобы не развлекаться постороннимъ, нѣтъ вниманія активнаго. Да и быть у него еще не можетъ. Для того, чтобы умѣть сосредоточиваться на извѣстномъ предметѣ и не развлекаться, нужно имѣть предметъ специальныхъ занятій и силу воли. Ни того, ни другого у ребенка еще нѣтъ, потому онъ и разсѣянъ. Мы уже говорили, что взрослый внимателенъ не ко всему одинаково, а къ тому особенно, что составляетъ его специальность. У ребенка никакихъ излюбленныхъ предметовъ знанія нѣтъ, онъ всѣмъ окружающимъ одинаково интересуется и потому перескакиваетъ съ предмета на предметъ своимъ вниманіемъ, ни на чемъ не останавливаясь надолго и по преимуществу. Нѣтъ у ребенка и силы воли, умѣнья заставить себя сосредоточиться на предметѣ, нѣтъ власти и надъ душевными явленіями. Поэтому и естественно, что ребенокъ своимъ вниманіемъ не владѣетъ, подчиняется воздѣйствію предметовъ и оказывается пассивнымъ.

Въ виду этого при воспитаніи и обученіи на первое время нужно пользоваться пассивнымъ вниманіемъ дѣтей. Пассивное вниманіе зависитъ отъ слѣдующихъ условій:

1) Отъ силы впечатлѣнія сильные звуки, болѣе яркія краски скорѣе обращаютъ на себя наше вниманіе. Поэтому воспитатель каждое знаніе долженъ представить по возможности ярко, отчетливо; напр., говорить всегда громко, рисунокъ показывать ясный, лучше раскрашенный красками, писать на доскѣ отчетливо и вообще больше стремиться къ наглядному обученію.

2) Отъ уединенности впечатлѣнія. Если предъ нашими глазами одинъ предметъ, то мы обратимъ на него больше вниманія и хорошо разсмотримъ; а если нѣсколько и ничѣмъ не связанныхъ между собою, то наше вниманіе будетъ разсѣиваться. Напр., если мы читаемъ книгу и въ тоже время прислушиваемся къ разговору, то впечатлѣнія отъ одного и другого будутъ очень

неясныя. На этомъ основаніи нужно удалять во время занятій все необычное, новое, развлекающее вниманіе дѣтей; не должно быть у дѣтей и страха предъ наказаніемъ или ожиданія награды, что также отвлекаетъ ихъ вниманіе отъ изучаемаго предмета; съ другой стороны заразъ нужно давать только по одному дѣлу; „одно дѣло заразъ“ — законъ умственной дѣятельности. Напр., если учитель показываетъ дѣтямъ историческую картину, то не долженъ имѣть на столѣ какіе нибудь еще предметы, незнакомые дѣтямъ; иначе дѣти будутъ смотрѣть и на эти предметы и не разсмотрятъ показываемой картины; если послѣ показыванія картины учитель начнетъ говорить о чемъ нибудь дѣтямъ, то долженъ уже убрать картину, иначе вниманіе дѣтей будетъ дѣлиться между картиной и рѣчью учителя.

3) **Отъ новизны впечатлѣнія.** Самый интересный и занимательный предметъ намъ надоѣдаетъ отъ слишкомъ частаго повторенія; наоборотъ, новое насъ привлекаетъ. Поэтому учитель долженъ по возможности разнообразить обученіе, одни занятія смѣнять другими, умственные—физическими, чтеніе—письмомъ и т. д. Чѣмъ дѣти моложе, тѣмъ больше разнообразія требуется при обученіи. Только что поступившихъ въ школу дѣтей опасно занимать однимъ и тѣмъ же предметомъ, безъ всякаго разнообразія даже $\frac{1}{2}$ часа.

4) **Отъ совпаденія новаго знанія съ нашими интересами:** напр., мы сразу и невольно напрягаемъ свое вниманіе, если слышимъ разговоръ о своихъ родныхъ или знакомыхъ; наоборотъ, пропускаемъ безъ вниманія рѣчь о совершенно не знакомыхъ намъ лицахъ и предметахъ. Поэтому, для возбужденія вниманія дѣтей къ сообщаемымъ знаніямъ, нужно принаравливать послѣднія къ имѣющимся уже у дѣтей интересамъ, новое привязываетъ къ знакомому имъ и ихъ интересующему, начинать съ извѣстнаго и переходить къ неизвѣстному.

Причины невнимательности. Причинами невнимательности являются обстоятельства, противоположныя условіямъ, вызывающимъ вниманіе. Но кромѣ ихъ нужно указать еще слѣдующія:

1) **Физическое и духовное утопленіе.** Усталость всегда сопровождается отсутствіемъ вниманія, и искусственное возбужденіе его въ такихъ случаяхъ вредно. Поэтому при усталости дѣтей слѣдуетъ прекращать или по крайней мѣрѣ измѣнять занятія.

2) **Сильно взволнованное состояніе,** вызванное одними занятіями или событіями, препятствуетъ сосредоточить вниманіе на какомъ нибудь другомъ предметѣ. Въ виду этого при возбужденіи дѣтей, напр., послѣ игры, пѣнія и т. п., нужно сначала дать имъ время поуспокоиться, отвлекая ихъ вниманіе отъ взволновавшаго предмета какими нибудь не требующими вниманія занятіями. Равнымъ образомъ нельзя удерживать дѣтей за дѣломъ, когда звонокъ, возвѣстившій перемѣну, уже возбудилъ ихъ вниманіе въ другую сторону; нельзя также требовать вниманія отъ ребенка, взволновавшагося предъ ожидающимъ его наказаніемъ.

3) Наконецъ, причиною невнимательности можетъ быть природная разсѣянность. На такія натуры нужно дѣйствовать уединенностью и силой впечатлѣній: учитель долженъ удалять ихъ отъ всего развлекающаго, напр., отъ окна, выходящаго на улицу, сажать ближе къ себѣ, какъ можно чаще спрашивать.

Развитіа активнаго вниманія. Активное вниманіе развивается постепенно, въ связи съ развитіемъ силы воли и свободы ея отъ внѣшнихъ и случайныхъ вліяній. Поэтому было бы крупной ошибкой требовать отъ ребенка продолжительнаго и сильнаго вниманія когда у него на это нѣтъ силы. Но въ тоже время воспитатель не долженъ опускать ни одного случая для развитія у дѣтей активнаго вниманія. Активное вниманіе необходимо въ жизни. Только при активномъ вниманіи человѣкъ будетъ способенъ достигать нужныхъ ему знаній, принимать разумныя рѣшенія и надлежащимъ образомъ исполнять каждое дѣло; иначе онъ всегда будетъ рабомъ слѣпонаго случая.

Въ качествѣ условий, способствующихъ возникновенію и развитію активнаго вниманія можно указать слѣдующія:

1) **Умственный интересъ** вслѣдствіе ознакомленія съ предметомъ. Извѣстно, какъ внимательны специалисты ко всякой мелочи, касающейся ихъ специальности. Нѣчто похожее бываетъ и у дѣтей, когда онѣ овладѣваютъ предметомъ. Съ одной стороны, пріятное чувство побѣжденной трудности при ознакомленіи съ предметомъ, съ другой—естественное желаніе узнать уже отчасти знакомый предметъ и съ другихъ сторонъ—вызываетъ у дѣтей интересъ къ нему и усиливается ихъ вниманіе. Напр. если дѣти постигли, какъ рѣшать тотъ или другой типъ ариметическихъ задачъ, раньше имъ не удававшихся, то они съ интересомъ и внимательно начинаютъ рѣшать подобныя задачи, а вмѣстѣ съ тѣмъ интересуются задачами и другого типа.

2) **Нравственное чувство**, также имѣетъ вліяніе на развитіе активнаго вниманія. У дѣтей, конечно нѣтъ яснаго и отчетливаго сознанія нравственной обязанности относиться къ дѣлу внимательно и тщательно, какое бываетъ у взрослыхъ. Но зародыши этого сознанія есть и у нихъ. Дѣти сначала напрягаютъ вниманіе, чтобы доставить пріятное родителямъ или учителю, а также изъ за чувства стыда быть хуже другихъ, получить замѣчаніе, выговоръ; но потомъ постепенно они начинаютъ сознавать себя нравственно обязанными тщательно исполнять порученное дѣло. При воспитаніи и обученіи нужно постепенно выяснять дѣтямъ ихъ нравственную обязанность внимательно относиться къ ученію и всякому дѣлу.

3) Наконецъ, развитіе активнаго вниманія зависитъ и отъ упражненія во вниманіи. Какъ скоро однажды при извѣстныхъ условіяхъ удержано вниманіе на одномъ предметѣ, въ другой разъ возобновленіе вниманія при тѣхъ же условіяхъ потребуетъ уже меньшихъ усилій: душа привыкаетъ сосредоточиваться на одномъ предметѣ и не развлекаться сторонними. Эта привычка вни-

манія при опредѣленныхъ условіяхъ переходитъ съ возрастомъ въ привычку ко всему относиться внимательно. Поэтому, при воспитаніи и обученіи нужно слѣдить за вниманіемъ дѣтей и не давать имъ разсѣиваться, иначе у нихъ не образуется привычки вниманія.

Представленія.

Всякому извѣстно изъ собственнаго опыта, что впечатлѣнія отъ воспринятыхъ нами предметовъ не пропадаютъ для насъ безслѣдно послѣ того, какъ самые предметы перестанутъ на нее дѣйствовать. Такъ, образы видѣнныхъ нами лицъ и предметовъ сохраняются въ нашей душѣ, оставляютъ въ ней слѣды и послѣ того, какъ эти лица и предметы скрылись изъ нашихъ глазъ. Напр., мы наблюдали радугу; теперь уже ея нѣтъ; но образъ ея у насъ остается: мы живо представляемъ себѣ громадную небесную дугу различныхъ цвѣтовъ. Лица нашихъ отсутствующихъ знакомыхъ, видѣнные нами мѣстности, существуютъ въ нашемъ сознаніи, хотя мы въ дѣйствительности ихъ теперь не видимъ. 4-е года назадъ я былъ въ Петербургѣ, жилъ на квартирѣ—обо всемъ этомъ у меня сохранились въ сознаніи образы. Тоже самое нужно сказать и о звукахъ. Звуки близкаго или родного голоса долго еще раздаются въ нашей душѣ послѣ того, какъ этотъ голосъ замолкъ. *Эти умственные образы предметовъ, остающіеся въ нашей душѣ послѣ того, какъ самые предметы перестали на нее дѣйствовать, называются представленіями.* Черты сходства между ощущеніями и представленіями. Чего не было въ ощущеніи, того не можетъ быть и въ представленіи и наоборотъ, что мы имѣемъ въ представленіи, то непременно было въ ощущеніи. Представить себѣ невидѣнныхъ цвѣтовъ или неслыханныхъ звуковъ мы не можемъ, такъ что кругъ нашихъ представленийъ всегда равенъ кругу ощущеній.

Отличаются же представленія отъ ощущеній:

Во 1-хъ), по времени своего возникновенія: ощущенія суть первичныя состоянія, психо-физическія,—представленія же вторичныя—психическія.

Во 2-хъ), ощущенія продолжаются только до тѣхъ поръ, пока есть на лицо предметъ дѣйствующій на насъ и, съ удаленіемъ его отъ насъ или насъ отъ него, ощущеніе прекращается; представленіе же остается постояннымъ достояніемъ нашей души. Безъ представленийъ мы жили бы только однимъ настоящимъ. Въ этомъ отношеніи ощущеніе и представленіе можно сравнить съ звукомъ и буквой. Какъ буквы и вообще алфавитъ увѣковѣчиваютъ наши слова и мысли, такъ и представленія увѣковѣчиваютъ ощущенія, сохраняя его въ нашей душѣ навсегда.

Въ 3-хъ), ощущеніе обыкновенно имѣетъ гораздо большую степень живости, чѣмъ представленіе. Представленіе бури, грома, молніи и дѣйствительное ощущеніе ихъ—вещи весьма различныя. Въ дѣйствительности переживаемая зубная боль—и представленіе о ней; переносимое горе только что понесенной утраты близкаго человѣка и воспоминаніе о немъ—суть состояніе далеко не одинаковое по своей живости.

Когда же представленія достигнутъ силы и живости ощущеній, они становятся уже болѣзненными явленіями, такъ называемыми галлюцинаціями. Онѣ не имѣютъ никакой дѣйствительной подкладки. Это—суть чисто субъективные образы, получившіе, вслѣдствіе необыкновенно живого воспроизведенія, характеръ какъ бы дѣйствительныхъ ощущеній: различныя, напр., видѣнія на яву, слышаніе голосовъ въ воздухъ и проч. Галлюцинаціи чаще всего бывають въ области зрѣнія и слуха, и рѣже въ области другихъ чувствъ. *Отъ галлюцинацій надо отличать и ллюзіи или обманы чувствъ;* въ нихъ есть какая либо дѣйствительность только неправильно толкуемая. Обычные примѣры иллюзій мы видимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, напр., тѣнь, отбрасываемая деревомъ, принимается нами за человѣка, завываніе вѣтра—за различные голоса людей и тому подобное. Донъ-Кихоть, подвліяніемъ чтенія рыцарскихъ романовъ, принималъ простую кижину за неприятельскій замокъ, мельницы—за великановъ, стадо барановъ—за отрядъ рыцарей и, не смотря на всѣ увѣренія его оруженосца Санчо „клянусь Богомъ, вы, ваша милость, нападаете на стадо барановъ“, продолжаетъ свое побѣдоносное шествіе.

Образованіе представленій у дѣтей.

Не всѣ наши представленія бывають одинаково ясны и вѣрны: одни предметы мы представляемъ живо и точно (напр., родительскій домъ), такъ что не смѣшиваемъ ихъ съ другими предметами; иные неполно и смутно (напр., однажды и мелькомъ видѣнный предметъ). Ясность и вѣрность представленій зависятъ во 1-хъ, отъ полноты и точности воспріятія свойствъ предмета и, во 2-хъ, отъ вѣрности соединенія ихъ въ одинъ образъ. Чѣмъ обстоятельнѣе мы разсмотрѣли всѣ черты предмета и точнѣе замѣтили ихъ положеніе въ предметѣ, тѣмъ живѣе и вѣрнѣе будетъ наше представленіе предмета. Торопливое же и неотчетливое воспріятіе качествъ предмета или же невѣрное соединеніе ихъ влечетъ за собою неполныя, даже неправильныя представленія и ложныя знанія о предметѣ. Напр., ребенокъ, не разглядѣвшій внимательно элементовъ буквы и ихъ соединенія, смѣшиваетъ эту букву съ другой; не разслышавъ хорошо порученія или наставленія, передаетъ его съ искаженіемъ смысла.

Развитіе способности вѣрно и точно схватывать всѣ черты предмета и правильно соединять ихъ въ одинъ образъ, а черезъ

то правильно представлять предметы и имѣть вѣрныя познанія о нихъ,—совершается постепенно, путемъ упражненій. Такъ, дѣти первоначально замѣчаютъ въ предметѣ одну, много двѣ черты, особенно рѣзкія; напр., въ сахарѣ знаютъ только сладость, а потому кусокъ сахару не отличаютъ отъ конфекты, тоже сладкой. Потомъ при повторительныхъ наблюденіяхъ надъ предметами и по мѣрѣ развитія способности различенія цвѣта, формы, разстоянія и т. п., они начинаютъ замѣчать большее количество качествъ предмета и вѣрнѣе соединять ихъ въ одинъ образъ: ихъ первые смутные образы, напоминающіе эскизы, пополняются; тотъ или другой цвѣтокъ или животное представляются имъ полнѣе, со всѣми подробностями ихъ цвѣта и особенностямъ формы.

Изъ сказаннаго вытекаютъ слѣдующіе педагогическіе выводы. Чтобы дѣти имѣли ясныя и вѣрныя представленія о предметахъ, нужно приучать ихъ къ тщательному разсматриванію предмета, чтобы онѣ обратили вниманіе въ порядкѣ на всѣ свойства предмета, замѣтили и цвѣтъ его, и форму, и величину, и взаимное отношеніе между собою частей и свойствъ предмета, а не ограничивались бѣглымъ взглядомъ на предметъ и смутнымъ запоминаніемъ одной какой либо черты. Приученіе къ такой тщательной наблюдательности должно идти постепенно. Слѣдуетъ начинать съ дѣтьми наблюденія надъ болѣе простыми предметами, съ рѣзкими, выдающимися качествами, а потомъ постепенно переходить къ болѣе сложнымъ и съ болѣе тонкими отличительными чертами.

XIV.

Ассоціаціи представленій.

Опредѣленіе. Представленія, образовавшіеся и хранящіеся въ нашей душѣ, не остаются въ ней разрозненными, но соединяются въ ней парами, рядами, группами, такъ что одно представленіе влечетъ за собою множество другихъ, такъ или иначе сродныхъ ему. *Эта связь между представленіями называется ассоціаціею, а законы, которыми она опредѣляется—законами ассоціаціи.*

Главныхъ законовъ ассоціаціи представленій 2: 1) законъ механической ассоціаціи или ассоціаціи по смежности, и 2) законъ логической ассоціаціи или по сходству.

А. Ассоціація по смежности.

Ассоціація по смежности имѣетъ 2 вида: ассоціація сосуществованія въ пространствѣ—по единству мѣста и ассоціація во времени или послѣдовательности.

І. Ассоціація по единству мѣста. Законъ смежности или сосуществованія состоитъ въ томъ, что, воспринимая группы

впечатлѣній отъ предметовъ, размѣщенныхъ въ пространствѣ одинъ подлѣ другого, мы воспроизводимъ и въ нашемъ сознаниіи эти предметы въ томъ же самомъ порядкѣ. Припоминая извѣстный предметъ, мы припоминаемъ и сосѣдніе или находящіеся съ нимъ рядомъ. Представляя себѣ зданіе женской гимназіи, мы вмѣстѣ съ этимъ представляемъ улицу, на которую это зданіе выходитъ, сосѣдніе дома и проч. При этомъ началомъ какъ для воспріятія, такъ и для воспроизведенія сосуществующихъ предметовъ можетъ служить какой угодно изъ этихъ предметовъ. Такъ, желая ознакомиться съ устройствомъ какого либо дома, мы должны послѣдовательно осмотрѣть всѣ комнаты его; но съ какой комнаты начать осмотръ, зависитъ отъ насъ самихъ. Равнымъ образомъ, кто хорошо знаетъ, напр. Невскій проспектъ въ Петербургѣ, тотъ одинаково припомнитъ всѣ, находящіеся на немъ зданія, представитъ ли онъ себѣ сначала какое либо крайнее зданіе, напр. Николаевскій вокзалъ или Адмиралтейство, или какое либо другое въ срединѣ его, напр., Аничковъ дворецъ. Наболѣе полное приложеніе ассоціаціи въ пространствѣ или по мѣсту имѣетъ при изученіи географіи. Представляя себѣ форму земли и ея величину, количество и расположеніе на землѣ воды и суши, очертаніе и взаимное положеніе частей свѣта, направленіе рѣкъ и границы государства и проч., мы лишь воспроизводимъ массу предметовъ, существующихъ другъ подлѣ друга и слѣдовательно соединенныхъ между собою закономъ сосуществованія. Изъ всѣхъ ассоціацій представлений у дѣтей преимущественно развита ассоціація представлений по мѣсту. Это объясняется тѣмъ, что дѣтямъ чаще приходится упражнять свое зрѣніе, чѣмъ другія внѣшнія чувства. Отсюда при обученіи должна быть наглядность.

II. Другой видъ ассоціаціи по смежности есть послѣдовательность, связь представлений по времени. Сущность этой ассоціаціи сводится къ тому, что представленія, усвоенныя нами въ извѣстной временной послѣдовательности, въ томъ же самомъ, и нивъ какомъ другомъ, порядкѣ и воспроизводятся. Мы дѣлимъ напр., день по часамъ и часто въ порядкѣ часовъ припоминаемъ все сдѣланное въ продолженіе дня. Всякое механическое заучиваніе урока состоитъ именно въ послѣдовательномъ произношеніи словъ до тѣхъ поръ, пока эти слова прочно не залягутъ въ памяти и языкъ не привыкнетъ произносить ихъ именно въ этомъ порядкѣ.

Если мы запоминаемъ піесы и стихи, названія мѣсяцевъ и дней, алфавитный рядъ буквъ и цифръ, мы пользуемся ассоціаціями послѣдовательности. И эти ряды настолько закрѣпляются въ душѣ, что часто повторяются нами совершенно механически. Такъ, стоитъ комунибудь сказать начало какого нибудь заученнаго нами стихотворенія или пѣсни, и мы произвольно продолжаемъ читать ихъ до конца, причемъ нерѣдко бывають возможны переходы отъ одного заученнаго созвучія къ другому, по своему содержанію вовсе не относящемуся къ тому, которое мы читали.

Вся наша психическая жизнь есть длинный рядъ, послѣдовательный рядъ явленій, смѣняющихъ другъ друга.

Наилучшей же выразительницей ассоціаціи послѣдовательности, по времени въ наукѣ служить исторія. Изучая послѣднюю, мы изучаемъ рядъ послѣдовательныхъ по времени событій и фактовъ, поставляя ихъ въ послѣдовательную связь между собою, причемъ связь эта можетъ быть или просто хронологическою (лѣтописи, хронографы), или же логическою, когда въ предъидущихъ фактахъ мы ищемъ основанія для фактовъ послѣдующихъ (собственно исторія).

Отъ ассоціаціи по простой послѣдовательности нужно отличать ассоціацію причинности, когда явленія неизмѣнно и безусловно слѣдуютъ одно за другимъ, причемъ одно (предъидущее) явленіе служитъ причиной, а другое (послѣдующее) слѣдствіемъ. Такъ, напр., за паденіемъ искры на порохъ (причина) всегда происходитъ взрывъ (слѣдствіе).

Но явленія могутъ слѣдовать одно за другимъ, не будучи связаны между собою закономъ причины и слѣдствія, встрѣчаясь одно подлѣ другого случайно или подъ условіемъ сосуществованія какого либо третьяго явленія. Только та послѣдовательность есть причинность, которая наблюдается всегда и притомъ безусловно. Наблюдая постоянно, напр., смѣну дня ночью, мы однако не считаемъ день причиной ночи или наоборотъ, такъ какъ они смѣняются подъ условіемъ сосуществованія третьяго факта—вращенія земли вокругъ оси, восхода и заката солнца.

Если явленіямъ случайно слѣдующихъ одно за другимъ, придадутъ значеніе причины и слѣдствія, то образуются заблужденія и предрасудки, какъ напр., при указываніи такъ называемыхъ симпатическихъ средствъ при леченіи той или другой болѣзни или повѣрья, что просыпавъ соль на столѣ, непременно поспоримся и др.

У дѣтей, при свойственной имъ любознательности и недостаточномъ знакомствѣ съ внѣшнимъ міромъ и законами природы, легко могутъ образоваться ложныя ассоціаціи причинности, а все, что усвоится въ дѣтствѣ, часто въ той или иной формѣ остается на всю жизнь, служитъ тормазомъ умственнаго и нравственнаго развитія человѣка. Поэтому воспитатель долженъ всячески предупреждать образованіе у дѣтей ложныхъ ассоціацій причинности.

Б. Ассоціаціи по сходству.

Подобно закону смежности, законъ по сходству проявляется въ двухъ видахъ: собственно сходства и контраста или противоположности. Законъ сходства выражается въ томъ, что „настоящія дѣйствія, ощущенія мысли и чувства стремятся вызвать сходныя съ ними изъ прежде испытанныхъ состояній“. Представ-

леніе о національной оборонѣ русскаго народа въ 1613 году вызываетъ такую же 1812 года, видѣ человѣка плачущаго вызываетъ въ насъ воспоминаніе о нашемъ собственномъ горѣ; встрѣча извѣстнаго лица вызываетъ образъ другого, въ какомъ либо отношеніи сходнаго съ нимъ и проч. Словомъ отъ извѣстнаго представленія мы переходимъ къ другому, сходному съ нимъ по какимъ либо признакамъ. Ассоціація по сходству говоритъ намъ о свободѣ человѣческаго ума въ распоряженіи своими представленіями. Между тѣмъ какъ ассоціація по смежности стѣснена внѣшними условіями пространства и времени. Напр., если бы я вспоминая зданія, окружающія площадь Михайловскую гор. Троицка, сказалъ, что рядомъ съ Окружнымъ Судомъ стоитъ женская гимназія, такъ мнѣ тотчасъ замѣтили бы, что это не правда, я не хорошо знаю Троицкъ. Или, если бы ученикъ, отвѣчаяз аконучителю, сказалъ—„Отче нашъ... отъ лукаваго“, то онъ сказалъ бы, что онъ совсѣмъ не оомнитъ молитвы Господней, такъ какъ пропустилъ въ отвѣтѣ всю средину. Стало быть, умъ, при воспоминаніи по законамъ ассоціаціи по смежности оказывается несвободнымъ, стѣсненъ пространствомъ и временемъ производитъ представленія чисто механически. При ассоціаціи по сходству умъ не обращаетъ вниманія на пространство и время, а соединяетъ то, что разъединено и временемъ и пространствомъ, соединяетъ логически представленія. И такъ въ ассоціаціяхъ по сходству представленія воспроизводятся независимо отъ пространства и времени: по поводу извѣстныхъ лицъ, предметовъ и событій мы припоминаемъ другіе, сходные съ ними, хотя бы они были раздѣлены громаднымъ пространствомъ и временнымъ разстояніемъ. Напр., отъ мысли о нашемъ Троицкомъ соборѣ, я перехожу къ мысли о соборѣ въ Уфѣ, и о Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ, потому что эти зданія имѣютъ одинаковое назначеніе, сходны въ томъ, что они Храмы, Соборы. Эти три представленія ставлю рядомъ, хотя ихъ предметы раздѣлены большимъ пространствомъ, а воспріятія ихъ далеко не одновременны. Правда, предметы этихъ представлений удалены другъ отъ друга на много верстъ, а я думаю о нихъ непосредственно другъ за другомъ, значить пространственными границами не стѣсняюсь. И временемъ эти представленія не связаны. Троицкій соборъ я видѣлъ сегодня, Казанскаго собора не видѣлъ 4 года, а Уфимскій соборъ видѣлъ то лѣтъ тому назадъ, однако представленія этихъ разновременныхъ воспріятій соединяю.

Принятіе христіанства Владиміромъ на Руси напоминаетъ намъ о введеніи христіанства въ Германію, Хлодвигомъ во Франціи, Патрикіемъ въ Англіи; нашествіе гунновъ вызываетъ нашествіе монголовъ, Сицилійская вечерня—Варфоломеевскую ночь, кончина Маріи Стюартъ—кончину Маріи Антуанеты, природа Швейцаріи—таковую же на Кавказѣ и т. п. Употребленіе словицъ, сравненій, примѣровъ, метафоръ и аллегорій,—все это основывается на ассоціаціи по сходству.

На ассоціаціи представлений по сходству основывается такъ называемое концентрическое расположеніе учебнаго матеріала,

т. е. когда послѣдующій курсъ въ основѣ своей содержитъ тѣ же свѣдѣнія, какія заключаются въ предшествующемъ курсѣ, но съ расширеніемъ ихъ по объему и съ большой подробностью по содержанию.

Вообще значеніе операций ума по закону ассоціацій по сходству очень велико. Онѣ важны для развитія человѣчества вообще и для умственного совершенствованія отдѣльныхъ лицъ. Всѣ операции по этому закону имѣютъ своимъ основаніемъ отысканіе сходства между предметами, сравненіе ихъ. Сближая между собою предметы, имѣющіе неполное отдаленное сходство человѣчество часто неожиданно приходило къ важнымъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, улучшало свою жизнь и совершенствовало культуру. Напр., было время, когда человѣкъ умѣлъ передвигаться съ мѣста на мѣсто только силою своихъ ногъ. Потомъ онъ сравнилъ силу своихъ ногъ съ силой ногъ лошади,—сѣлъ верхомъ на коня и поѣхалъ быстро и безъ усталости. Потомъ сравнилъ силу лошадиныхъ ногъ при движеніи съ силой напора воды при теченіи рѣки,—устроилъ лодки, сѣлъ въ нихъ и поѣхалъ. Далѣе сравнивалъ человѣкъ силу этихъ двигателей съ силой вѣтра и пара и въ результатѣ сравненія—ставилъ паруса на лодкахъ, устраивалъ пароходы и паровозы и путешествовалъ все съ большей и большей быстротой и съ большими удобствами. Такъ человѣчество увеличивало внѣшній комфортъ въ жизни своей подъ влияніемъ удачныхъ операций по закону сходства, благодаря сближенію малосходныхъ предметовъ. Способность находить сходство между извѣстными предметами или явленіями, среди множества различій между ними, можетъ быть у нѣкоторыхъ лицъ выдающаяся и представлять какъ бы особаго рода талантъ.

Такою способностію отличался напр., умъ Франклина, отождествившій величественное и грозное явленіе грома съ незначительнымъ и едва замѣтнымъ трескомъ, производимымъ электрической машиной; и явленіе молніи—съ искрой, извлекаемой изъ той же машины. Сопоставленіе этихъ повидимому, столь несоизмѣримыхъ между собою, явленій привело однако же Франклина къ важному научному открытію причинъ грозъ и устройству громоотводовъ.

В. Ассоціаціи по контрасту или противоположности.

Правило этихъ ассоціацій можетъ быть сформулировано такъ: отъ извѣстнаго представленія мы переходимъ къ такому другому, которое противоположно ему по свойствамъ. Извѣстенъ фактъ, что какое либо представленіе часто вызываетъ въ сознаніи другое, совершенно противоположное ему. Такъ, напр., видъ тучнаго человѣка вызываетъ въ насъ представленіе лица худощаваго, видъ богача—воспоминаніе о бѣднякѣ, при видѣ беспорядка въ комнатѣ у насъ является представленіе о порядкѣ и убранствѣ ея, упоминаніе о прилежномъ ученикѣ вызываетъ представ-

леніе о лѣнивомъ; тепло—о холодѣ, черный цвѣтъ—о бѣломъ и т. п. Такимъ же образомъ противопологаются другъ другу историческія личности: Диогена и Креза, Лютера и Меланхтона и проч. Подобными ассоціаціями полна поэзія, какъ, напр. въ извѣстной одѣ Державина: „Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ“ или въ стихотвореніи Кольцова: „Что ты былъ? и что сталъ“? Равнымъ образомъ въ поэмѣ Лермонтова „Демонъ“.

„Клянусь я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ,
Клянусь позоромъ преступленья
И вѣчной правды торжествомъ;
Клянусь паденья горькой мукой,
Побѣды краткою мечтой
Клянусь свиданіемъ съ тобой
И вновь грозящею разлукой“.

Но ассоціація по контрасту собственно не есть особый законъ, совершенно отличный отъ закона ассоціаціи по сходству, а лишь видоизмѣненіе послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, рассматривая ближе контрастирующія представленія, мы находимъ, что они представляютъ собою лишь крайнія точки развитія одного и того же представленія, два вида, обнимаемые понятіемъ одного рода; такъ, черный и бѣлый объединяются понятіемъ о цвѣтѣ; тепло и холодъ—понятіемъ о температурѣ; богатство и бѣдность—понятіемъ объ имущественномъ состояніи; великомъ и карликѣ—понятіемъ о ростѣ и т. д.

Ассоціаціи по контрасту имѣютъ немаловажное значеніе при обученіи. Сознаніе противоположныхъ чертъ въ однородныхъ представленіяхъ ведетъ къ ясности этихъ представлений. Если, напр., мы желаемъ твердо напечатлѣть въ умѣ ученика картину крайняго сѣвера, мы должны сопоставить ее съ картиной юга, тропиковъ; если должны выяснить и опредѣлить особенности быта дикаго человѣка, то должны сопоставить его бытъ съ жизнію человѣка вполне образованнаго и т. д.

Роль ассоціацій въ душевной жизни человѣка.

Путемъ ассоціацій представленій у насъ развивается и образуется память, воображеніе и разсудочная дѣятельность (мысленіе).

Допустимъ, вы взглянули въ окно и увидѣли несущееся въ небѣ облако. Легкость движенія и нѣкоторое сходство по формѣ образовали у васъ связь между облачкомъ и лодочкой, и вотъ вы уже несетесь въ лодочкѣ по безконечному синему океану, въ невѣдомую даль.... Эту даль вы наполняете самыми рос-

кошными образами (смотря по тому, въ чемъ полагаете свое счастье), какіе вы привыкли рисовать себѣ въ будущемъ. Словомъ, фантазія, воображеніе далеко унесли васъ отъ облака въ небѣ, унесли на крыльяхъ ассоціацій образовъ.

Безъ ассоціаціи представленій не обходится и мышленіе. Положимъ, васъ спрашиваютъ: что вы разумѣете вообще подъ домомъ? Иначе говоря вамъ предлагается составить понятіе о домѣ. При этой задачѣ, въ ваше сознаніе сейчасъ же всплываютъ образы того, другого, третьяго домовъ, которые вы когда либо видѣли? Отчего всплываютъ? Отъ того, что всѣ они имѣютъ между собою много общаго: они связаны большимъ сходствомъ. И ваша задача только проконтролировать это сходство, отмѣтить изъ какихъ признаковъ оно состоитъ,—и вотъ уже получили понятіе о домѣ. Вы отмѣтили сходство между вызванными образами въ слѣдующихъ признакахъ: они сходны въ томъ, что суть образы зданія, непременно съ окнами, дверями, т. е. приспособленнаго къ одной цѣли—обитанію людей. Объединеніе сходныхъ признаковъ всѣхъ образовъ и составляетъ понятіе дома: домъ есть зданіе, по устройству своему болѣе или менѣе приспособленное къ обитанію человѣка. Такимъ образомъ—содержаніе понятія, всѣ его признаки, какъ напр. въ данномъ случаѣ: зданіе, устройство съ извѣстной цѣлью—въ значительной степени опредѣляется ассоціаціей образовъ.

Словомъ, роль ассоціацій въ нашей душевной жизни можно сравнить съ ролью паутины для паука. Связи представленій служатъ такъ же путями для воображенія и мышленія, какъ нити паутины для различныхъ переходовъ паука.

XV.

Память.

Опредѣленіе. Всѣ представленія, образовавшіяся въ нашей душѣ, дѣлаются ея полнымъ достояніемъ и сохраняются въ продолженіи всей нашей жизни. Въ настоящее время всѣми психологами признается или, по крайней мѣрѣ, считается вѣроятнымъ, что всякая мысль, прошедшая хотя бы разъ чрезъ сознаніе, способна воспроизводиться чрезъ болѣе или менѣе долгіе промежутки времени, при посредствѣ напоминающихъ обстоятельствъ. А такъ какъ всѣ наши сознательныя состоянія существуютъ въ связи другъ съ другомъ, то мысль цѣлые годы или всю жизнь, повидимому совсѣмъ изгладившаяся изъ памяти, тѣмъ не менѣе способна всплыть вновь въ сознаніи при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Въ доказательство этого психологи приводятъ множество примѣровъ. Такъ одинъ изъ нихъ рассказываетъ (д-ръ Аберкромби) про маленькую дѣвочку, которая выросла, совершенно не помня матери. Уже въ зрѣломъ возрастѣ ей случилось однаж-

ды попасть въ комнату, гдѣ нѣкогда лежала ея больная мать. Только по обстановкѣ комнаты она могла припомнить, что она когда то была въ ней и въ томъ углу видѣла больную женщину, которая обнимала ее и плакала, и эта женщина была ея больная мать, привезенная въ то время для излеченія въ деревню изъ города. Другой психологъ (Карпентеръ) приводитъ еще болѣе замѣчательный примѣръ воспоминанія событія, повидимому, совершенно забытаго. Разъ одному лицу случилось поѣхать съ нѣсколькими друзьями въ замокъ, котораго, ему казалось, онъ никогда прежде не посѣщалъ. Едва они приблизились къ воротамъ замка, какъ ему представилось, что они ему знакомы и что онъ когда то видѣлъ не только ворота, но и ословъ подъ сводами и людей на вершинѣ арки. Убѣжденіе, что онъ долженъ былъ когда нибудь прежде видѣть эти мѣста, (хотя въ его памяти не сохранилось объ этомъ ни малѣйшаго слѣда), заставило его обратиться съ вопросомъ къ матери и та рассказала ему, что она дѣйствительно была здѣсь, когда ему было всего лишь полтора года; что старшіе, взявъ съ собою ѣду, дѣйствительно расположились завтракать на вершинѣ арки, а онъ оставался внизу съ прислугой и ослиами. Случай этотъ замѣчателенъ по живости чувственнаго впечатлѣнія и по воспроизведенію самыхъ мелкихъ подробностей, упоминаемыхъ въ рассказѣ. Вотъ *эта способность души удерживать и хранить пережитыя нами состоянія называется памятью.*

У различныхъ людей сила памяти бываетъ различна. Одни вяло запоминаютъ и скоро забываютъ; другіе легко запоминаютъ, но скоро и забываютъ; третьи запоминаютъ съ большимъ трудомъ, но за то долго помнятъ; четвертые, наконецъ, легко запоминаютъ и твердо и долго помнятъ.

Психологи обыкновенно различаютъ два вида памяти: память активную, разумную или сознательную и пассивную, автоматическую или нервную. Послѣдняя, т. е. нервная иногда даже въ высокой степени свойственна животнымъ, какъ напр., лошади, собакѣ, птицамъ и др. Человѣку же присущи оба вида памяти съ преобладаніемъ того или другаго изъ нихъ. Всѣ вообще явленія памяти стоятъ въ весьма тѣсной связи съ нервной системой и нѣкоторыя изъ нихъ обнаруживаютъ чисто автоматическій характеръ. Замѣчательный въ этомъ отношеніи случай описанъ Кольриджемъ, который рассказываетъ объ одной молодой женщинѣ, не умѣвшей ни читать, ни писать, но которая, заболѣвши горячкой, въ бреду, говорила по латыни, по гречески и даже по еврейски: „Цѣлыя листы были исписаны съ ея словъ въ бреду, и хотя фразы, взятая въ отдѣльности и не были понятны, но нѣкоторая связь между ними существовала. Долгое время недоумѣвали относительно причины такого страннаго явленія, пока, наконецъ, тайна его была открыта однимъ медикомъ, который взялъ на себя трудъ прослѣдить исторію ея прошлой жизни. Оказалось, что 9 лѣтъ она была взята изъ со-

страданія однимъ пасторомъ, который былъ большимъ знатокомъ еврейскаго и классическихъ языковъ и который, ходя взадъ и впередъ по корридору, выходившему въ кухню имѣлъ обыкновеніе читать свои книги громкимъ голосомъ. Когда отыскивали эти книги, то нашли между ними писанія греческихъ и латинскихъ отцовъ церкви вмѣстѣ съ собраніемъ раввинскихъ сочиненій. У самой постели больной было доказано тожество нѣкоторыхъ выдержекъ изъ этихъ книгъ съ тѣмъ, чѣмъ она бредила“. И мы сами часто наблюдаемъ связь памяти съ нервной системой, когда, напр., желая припомнить извѣстное названіе или имя города, мѣстности, нашего знакомаго, не можемъ однако этого сдѣлать въ данный моментъ при всѣхъ нашихъ усиліяхъ. Въ состояніи безнадежности и досады мы переходимъ къ другимъ нашимъ занятіямъ. Но проходитъ нѣсколько времени и нужное намъ имя всплываетъ въ нашемъ сознаніи. Очевидно, что воспоминаніе это было результатомъ безсознательной нашей нервной системы, такъ какъ наше сознаніе было занято въ это время совершенно другими предметами. Автоматическій характеръ памяти наблюдается и въ такихъ общеизвѣстныхъ фактахъ, когда мы, выучившись какому нибудь танцу и случайно сбившись въ исполненіи его, стараемся припомнить его съ помощью ногъ, или, забывши какой либо музыкальный аккордъ или мотивъ, стараемся брать аккорды или напѣвать до тѣхъ поръ, пока машинально не попадемъ на забытое. Пальцы и голосовые органы здѣсь дѣлаютъ то дѣло, которое мы приписываемъ памяти. Забывши, пишется ли извѣстное слово черезъ букву ѣ или е, прибѣгаютъ къ помощи руки, которая навывкнувъ писать слово съ той или другой буквой, пишетъ его вѣрно. Вотъ отчего безошибочная орфографія приобрѣтается не теоріей только, но и упражненіемъ руки.

По объему память бываетъ общая и частная. Общая или разносторонняя память хранитъ самую разнообразную впечатлѣнія, частная же или специальная—только немногія и преимущественно одного рода: такъ можетъ быть память лицъ, словъ, чиселъ, мѣстъ и событій. При этомъ глубокомысленный и талантливый человѣкъ можетъ имѣть очень развитую специальную память, не обладая почти вовсе общею памятью. „Память моя, говорилъ о себѣ Вальтеръ Скоттъ, „не надежный мой союзникъ: „Я отлично помню лучшія мѣста изъ поэтовъ, пѣсню изъ трагедіи или драмы, особенно баллады, но имена, числа и все, что принадлежитъ къ точной исторіи, не по моей части“. Знаменитый Линней, обладая ботанической памятью, былъ замѣчательно безпамятенъ въ отношеніи изученія языковъ, даже латынь плохо зналъ, хотя создалъ богатую номенклатуру на латинскомъ языкѣ. Оно и понятно: чѣмъ кто больше занимается, система какихъ представленій у кого обширнѣе и прочнѣе, тотъ то лучше и запоминаетъ. Достоевскій въ своемъ „Дневникъ писателя“ (1876 г. Іюль и Августъ гл. 2 § III), между прочимъ,

разсказываетъ о двѣхъ, которыя въ Эмсѣ подаютъ воды,— что онѣ обладаютъ „какимъ то чуть не сверхъестественнымъ соображеніемъ“. Вы, говоритъ онъ, „только одинъ разъ скажете ей, въ первый разъ по пріѣздѣ: вотъ мой стаканъ, мнѣ столько то унцій кренхена---, и столько то унцій молока“, и она уже въ мѣсяцъ леченія ни разу не ошибается. Кромѣ того, она уже знаетъ васъ наизусть и различаетъ въ толпѣ. Толпа тѣснится густо, въ нѣсколько рядовъ, всѣ протягиваютъ стаканы; она беретъ ихъ по шести, по семи заразъ, заразъ всѣ ихъ и наполняетъ въ какую нибудь четверть минуты, и не проливъ, не разбивъ, раздаетъ каждому безъ ошибки. Она сама протягиваетъ къ вамъ стаканъ и знаетъ, что изъ тысячи стакановъ—вотъ этотъ вашъ, а этотъ другого, помнитъ наизусть, сколько вамъ унцій воды, сколько молока, и сколько вамъ предписано выпить стакановъ. Никогда не случилось ни малѣйшей ошибки“.

Ограниченность памяти еще не можетъ считаться недостаткомъ, точно также какъ и обширная память—особеннымъ достоинствомъ.

Достоинства и недостатки памяти. Достоинство памяти состоитъ въ прочности или продолжительности храненія матеріаловъ ей ввѣренныхъ; причѣмъ здѣсь могутъ имѣть мѣсто нѣкоторыя условія, благопріятствующія и неблагопріятствующія закрѣпленію памяти.

Условія закрѣпленія памяти:

1) Сила полученнаго нами впечатлѣнія. Чѣмъ сильнѣе поражаетъ насъ извѣстное явленіе или предметъ, тѣмъ долѣе мы помнимъ о немъ.

Видъ сраженія, пожара, бури, грозы и т. п. нерѣдко оставляетъ по себѣ воспоминаніе въ теченіи всей нашей жизни, между тѣмъ какъ обычныя явленія жизни проходятъ для насъ почти безслѣдно. Даже связь или сочетаніе какого либо самого по себѣ слабого впечатлѣнія съ какимъ нибудь сильнымъ чувствомъ, служитъ также благопріятнымъ условіемъ для запоминанія. Урокъ, на которомъ вами получена 1 или билетъ, на который вы не отвѣтили или же отвѣчали очень удачно, помнится долѣе другихъ; то мѣсто на дорогѣ, на которомъ мы спотыкнулись или ушиблись, также становится особенно памятнымъ. Одно лицо римско-католическаго вѣроисповѣданія не могло припомнить, была ли совершена надъ нимъ въ дѣтствѣ конфирмація, и вспомнило лишь потому, что совершеніе ея сопровождается ударомъ по щекѣ. При изученіи какого либо предмета ученики помнятъ долѣе тѣ свѣдѣнія, кои изложены были ясно, раздѣльно, громко.

2) Вторымъ условіемъ хорошаго запоминанія служитъ количество звеньевъ, коими связывается новое впечатлѣніе съ другими. Чѣмъ болѣе органовъ внѣшнихъ чувствъ воспринимало

участіе въ воспріятіи какого либо впечатлѣнія, тѣмъ прочнѣе оно ложится въ нашей памяти. Мы скорѣе и прочнѣе запоминаемъ нужныя намъ иностранныя слова, если пустимъ при этомъ въ ходъ не одинъ какой нибудь, а три или четыре органа нашихъ чувствъ. Если, напр., мы будемъ читать иностранныя слова глазами, произносить вслухъ голосовымъ органомъ, слушать какъ произносимъ сами или какъ произносятъ ихъ другіе, и въ то же время писать ихъ на доскѣ или тетради, и если потомъ одинъ изъ нашихъ органовъ ошибается, напр. голосовой, то слухъ скажетъ намъ, что мы ошиблись и что это не то иностранное слово, которое онъ привыкъ связывать и тѣмъ и другимъ его значеніемъ; если ошибается слухъ и голосъ, поправитъ зрѣніе.

Изъ этого мы можемъ вывести правило, что педагогъ, желающій что либо запечатлѣть въ дѣтской памяти, долженъ заботиться о томъ, чтобы какъ можно болѣе органовъ чувствъ ребенка принимало участіе въ актѣ запоминанія.

3. **Степень нашего вниманія** къ данному впечатлѣнію служитъ новымъ условіемъ, благопріятствующимъ запоминанію. Чѣмъ сильнѣе было сосредоточено наше вниманіе на извѣстномъ предметѣ, тѣмъ лучше онъ запоминается. Поэтому все, что усиливаетъ наше вниманіе къ предмету, вліяетъ и на прочность сохраненія въ памяти воспріятого нами.

4. Возможно частое повтореніе усвоеннаго нужно считать также въ числѣ условій хорошаго запоминанія. „Повтореніе—мать занятій“; и пренебрегать этимъ средствомъ какъ въ воспитаніи, такъ и въ обученіи нельзя. Чѣмъ меньше возрастъ обучаемыхъ, тѣмъ чаще должны быть повторенія. Для прочнаго запоминанія какого либо матеріала нужно не переучивать его, а повторить заучиваніе чрезъ извѣстный промежутокъ времени. Если повторенія скучны, можно разнообразить форму и порядокъ въ расположеніи учебнаго матеріала. Такъ, напр., при повтореніи исторіи можно излагать изученный матеріалъ по народностямъ, подъ слѣдующими отдѣлами: религія, законодательство, войны, мирные договоры и т. п. въ различныхъ государствахъ древняго и новаго міра.

5. **Буквальное заучиваніе** является также однимъ изъ средствъ укрѣпленія памяти. Многое необходимо запомнить буквально, какъ напр., молитвы, тексты, формулы въ различныхъ наукахъ, стихи. Заучиваніе (послѣ предварительнаго обстоятельнаго объясненія) особенно полезно въ тотъ періодъ жизни ребенка, когда мысль его еще только пріучается къ надлежащей строгости и точности. Оно пріучаетъ ребенка къ сосредоточенію вниманія, обогащаетъ его рѣчь новыми оборотами языка.

Причины забвенія—противоположны указаннымъ условіямъ хорошаго запоминанія. Сюда относится: слабость впечатлѣнія, невнимательность, отрывочность представленій, отсутствіе связи между ними, недостаточность упражненія. Кромѣ того: а) у с т а

лость. Всякій испыталъ на себѣ разницу въ дѣятельности памяти при свѣжей и усталой головѣ. Последнее состояніе, вызываемое какою либо продолжительною работою, стоитъ въ тѣсной связи съ истощеніемъ организма и упадкомъ силъ. Нѣкоторый промежутокъ отдыха обыкновенно возстановляетъ силы, а вмѣстѣ съ этимъ и дѣятельность памяти, б) **Волѣзны и разныя механическія поврежденія** (напр. ушибы, удары) также вредно вліяютъ на память, ослабляя, а нерѣдко и вовсе прекращая дѣятельность ея. Одно лицо, отъ удара въ голову, забыло греческій языкъ, не пострадавъ нисколько въ другихъ отношеніяхъ. Бываютъ и такіе случаи, гдѣ утрачивается память лицъ, а память мѣстъ остается въ цѣлости. Тогда лица узнаютъ только при условіи, если они находятся на своихъ обычныхъ мѣстахъ. Рассказываютъ объ одномъ образованномъ человѣкѣ, который на восьмомъ десяткѣ лѣтъ сталъ забывать происшествія сравнительно недавняго времени и иногда не понималъ довольно обыкновенныхъ словъ. Разговаривая однажды о „Кометѣ“, онъ спросилъ: „что это значитъ“? Британскій музей, Королевское Общество и Геологическое Общество никогда онъ не могъ назвать по имени, а говорилъ: „это наше общественное учрежденіе“; своихъ знакомыхъ онъ узнавалъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ привыкъ ихъ видѣть, и совсѣмъ не узнавалъ, когда они встрѣчались на улицѣ или гдѣ нибудь, гдѣ онъ не привыкъ ихъ встрѣчать. Позднѣе у него появилась потеря памяти на слова. „Разъ прийдя въ домъ и не заставъ дома ни меня, ни моей жены“, передаетъ авторъ, „онъ спросилъ моего сына (тогда еще мальчика) какъ поживаетъ его супруга, разумѣя подъ этимъ конечно его мать“. Почти въ тоже время онъ рассказывалъ одному изъ своихъ друзей, что онъ „вымылъ свой зонтикъ“, что означало, какъ оказалось впоследствии, — „я остригъ себѣ волосы“. Подобный недостатокъ памяти извѣстенъ подъ именемъ афазіи.

Дѣятельность памяти въ различные возрасты человѣка.

По возрастамъ наиболѣе обширное дѣйствіе памяти падаетъ на возрастъ отроческій, особенно до 14—15 лѣтъ. Этотъ возрастъ и служитъ собственно для обогащенія души матеріаломъ. Тексты писанія, историческія и географическія названія, слова иностранныхъ языковъ, стихотворенія и проч. все это заучивается легко именно въ періодъ отрочества. Но не нужно забывать, что слишкомъ большая, непосильная работа портитъ память, и чѣмъ слабѣе эта способность отъ природы, тѣмъ осторожнѣе мы должны обращаться съ нею. Поэтому не надобно учить дѣтей слишкомъ рано, особенно иностраннымъ языкамъ, требующимъ особаго обремененія памяти запасомъ словъ; не надо давать имъ непосильныхъ уроковъ. Извѣстный нашъ русскій педагогъ Н. И. Пироговъ, возставая противъ ранняго обученія иностраннымъ языкамъ, не изучивъ основательно роднаго, замѣчаетъ, что это ведетъ затѣмъ къ отсутствію глубины мышленія.

Въ юношескомъ и зрѣломъ возрастѣ болѣе преобладаетъ дѣятельность воображенія и мышленія. Здѣсь, если вырабатывается, то уже особая, такъ называемая специальная память, благодаря которой человѣкъ постоянно совершенствуется въ извѣстной, избранной имъ сферѣ умственной дѣятельности. Вотъ почему отроческій и первая часть юношескаго возраста являются наиболѣе благоприятными для приобрѣтенія общаго образованія; наконецъ же юношескій и особенно зрѣлый возрастъ наиболѣе пригодны для спеціальнаго изученія той или другой научной отрасли.

Старость характеризуется ослабленіемъ памяти, такъ что забывчивость въ этомъ возрастѣ—явленіе весьма обычное. Нужно впрочемъ замѣтить, что въ старости память ослабѣваетъ не ко всѣмъ вообще впечатлѣніямъ, а лишь къ новымъ, недавнимъ.

Впечатлѣнія же прошлаго сохраняются не только въ полной свѣжести и силѣ, но становятся какъ будто даже ярче. Это происходитъ отъ того, что ослабѣвшая въ старости нервная система, плохо удерживая настоящія впечатлѣнія, тѣмъ самымъ даетъ возможность сознанию, безъ всякихъ развлеченій, останавливаться на прошломъ. Отсюда страсть стариковъ къ разсказамъ о томъ, что за люди были въ ихъ время; какія дѣла они дѣлали и какіе порядки при нихъ были.

Значеніе памяти въ психической жизни человѣка громадно. Память даетъ намъ возможность жить не однимъ только настоящимъ, но и обширною областью прошедшаго. Ни умственное, ни нравственное воспитаніе, въ широкомъ ихъ смыслѣ, не были бы возможны, если бы видимые и слышимые нами образы, представленія, слова, не оставались достояніемъ нашей души. Обширность и богатство хранимыхъ памятью слѣдовъ служить первою основою образованности и силы человѣка. „Мы знаемъ только то, что удерживаемъ въ памяти“, говорили еще древніе Римляне.

Память можетъ быть разсматриваема какъ талантъ и какъ такая имѣетъ нѣсколько примѣровъ въ исторіи. Такъ извѣстно, что Митридатъ, царь Понтійскій, говорилъ на 22 языкахъ подвластныхъ ему народовъ. Киръ и Цезарь, по свидѣтельству историковъ, знали всѣхъ солдатъ своихъ многочисленныхъ армій по именамъ.

Способность вызывать вновь хранимое изъ безсознательнаго въ сознательное, называется воспоминаніемъ, если только этотъ вызовъ происходитъ довольно легко и свободно; въ противномъ случаѣ называется припоминаніемъ.

XVI.

Воображеніе.

Посредствомъ памяти мы воспроизводимъ образы предметовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они явились въ нашемъ созна-

ній. Но душа наша можетъ и видоизмѣнять эти образы и на основаніи имѣющихся у нея создавать новые. *Способность души создавать изъ готоваго матеріала новые образы, которые уклоняются отъ дѣйствительности или въ частностяхъ или въ цѣломъ видѣ, называется воображеніемъ.* Память новаго не создаетъ. Свободнаго творчества въ актѣ памяти нѣтъ.

Воображеніе же производитъ нѣчто новое, не соответствующее вполнѣ дѣйствительности, каковы напр., художественныя произведенія поэзіи, живописи и другихъ искусствъ. При этомъ впрочемъ нужно замѣтить, что новизна эта касается только лишь построения, формы, но не содержанія произведенія, которое само должно быть дано въ чувственныхъ воспріятіяхъ.

Мы никогда не видали ни потопа, ни сѣвернаго сіянія, ни ледяныхъ горъ, ни Везувія, ни Сахары и т. п., но мы можемъ все это вообразить, если только даны наблюденіемъ отдѣльные элементы для созданія такихъ образовъ. Равнымъ образомъ, если воображеніе древнихъ египтянъ создало сфинкса (животное съ человѣческой головой), а Грековъ—пегаса (крылатаго коня), то каждая черта этихъ фантастическихъ животныхъ взята изъ природы: воображенію нужно было лишь соединить, связать эти черты въ одинъ образъ. Воображеніе не можетъ создать какого нибудь новаго цвѣта, звука, вкуса, новаго ощущенія, которому ничего подобнаго мы не испытывали.

3. Главные процессы воображенія.

Въ разнообразной дѣятельности воображенія можно отмѣтить слѣдующія приемы:

1. Воображеніе беретъ изъ дѣйствительныхъ образовъ только нѣкоторые признаки, ему нужные, отвлекаетъ ихъ отъ другихъ сторонъ образа, нерѣдко даже преувеличиваетъ и чрезъ то представляетъ ихъ ярко и выпукло.

Такъ, поступаетъ напр. мать, когда незамѣтно для себя, подъ вліяніемъ любви, выдвигаетъ на первый планъ хорошія качества своего сына, забывая о дурныхъ; такъ поступаемъ мы, когда нашъ врагъ рисуется намъ съ одними только недостатками; такъ поступаетъ и народъ, когда въ его сказкахъ появляются мальчики съ пальчикъ, а въ былинахъ—богатыри—великаны „выше лѣса стоячаго, чуть пониже облака ходячаго“. Такъ писатель или поэтъ, желая изобразить какое либо душевное качество, напр. страсть честолюбія или скупости, отвлекаетъ нужныя ему черты у различныхъ людей, съ которыми онъ встрѣчался или которыхъ онъ наблюдалъ.

2. Другой приемъ воображенія состоитъ въ томъ, что по нѣсколькимъ чертамъ и штрихамъ мы создаемъ цѣлый образъ предмета, т. е. дополняемъ его новыми элементами, въ увеличеніи какъ силы, такъ и числа ихъ и чрезъ то уясняемъ имѣющіяся у насъ представленія. Такъ, напр., естествоиспытатели по

нѣсколькимъ найденнымъ костямъ животнаго ясно представляють все животное; о французскомъ натуралистѣ Кювье разсказываютъ, что для него достаточно было зуба животнаго, чтобы онъ съ поразительной рельефностью воспроизвелъ его цѣлый образъ; историки по немногимъ оставшимся документамъ и свѣдѣтельствамъ воскрешаютъ предъ нами давно минувшую эпоху, развертываютъ полную картину ея; мы въ повседневной жизни по немногимъ указаніямъ создаемъ образъ лица или представляемъ событіе. Точно также могутъ быть восполнены и различныя душевныя свойства (злость, мстительность, ревность, скупость и проч.), примѣры чего мы встрѣчаемъ почти въ каждомъ художественномъ произведеніи. Такъ, напр. Борисъ Годуновъ вѣроятно не былъ такимъ честолюбцемъ на самомъ дѣлѣ, а Марина такую тщеславною, какими изображаетъ ихъ Пушкинъ.

Положимъ, художникъ создаетъ типическій образъ скупца. (Гоголь—Плюшкина). Ему для этого нужны различныя черты: рисующія скупца съ внѣшней стороны, въ домашней жизни, въ его отношеніи къ дѣтямъ, случаѣ и т. п.

Память вызываетъ ему нужныя черты, какія когда либо онъ видѣлъ въ разныхъ лицахъ; но непремѣнно вызываетъ въ какомъ либо конкретномъ образѣ, отъ котораго художникъ и отвлекаетъ нужную черту, при чемъ увеличиваетъ ее или уменьшаетъ въ зависимости отъ того, въ какомъ образѣ эта черта стояла и въ какомъ придется ей теперь стоять.

3. Наконецъ, третій приемъ воображенія заключается въ томъ, что оно беретъ составныя части у разныхъ предметовъ и соединяетъ ихъ въ одинъ образъ. Напр., обнаруженія того или другого душевнаго состоянія у разныхъ лицъ соединяются въ одинъ образъ, который становится типомъ извѣстнаго характера или душевнаго состоянія. Каждый изъ насъ, заимствуя хорошее изъ жизни разныхъ лицъ, соединяетъ все это въ одно цѣлое и рисуетъ предъ собою картину желательной жизни или идеаль.

Воображеніе различаютъ двухъ родовъ.

Активное или творческая фантазія, когда извѣстные образы могутъ создаваться и идти въ зависимости отъ нашей воли въ томъ именно направленіи, въ какомъ намъ нужно, другими словами, когда мы сознательно, по опредѣленному плану и для извѣстной цѣли, силою своего воображенія создаемъ цѣлые живые образы. Такъ, напр., поступаетъ архитекторъ, который при составленіи плана дома создаетъ въ воображеніи разные образы дома; такъ поступаетъ и художникъ, который для красиваго ландшафта беретъ матеріалъ изъ разновременныхъ и разномѣстныхъ наблюдений; такъ поступаетъ и ученый, составляя планъ сочиненія ученаго,—полководецъ—сраженія. Въ основѣ такихъ построений всегда лежитъ какая либо опредѣленная мысль или

идея, къ которой нами уже подбираются и, такъ сказать, нанизываются соотвѣтствующіе образы.

Пассивное или фантазированіе,—когда извѣстные образы могутъ сплетаться и направляться, помимо нашей воли, подъ вліяніемъ того или другого изъ нашихъ настроеній,—другими словами, когда мы можемъ безцѣльно предаваться мечтаніямъ и, подчиняясь теченію представленій, строить разные причудливые образы, не отдавая отчета, возможны ли они и желательно ли ихъ осуществленіе? Мечты, грезы, безцѣльныя мечтанія Манилова—примѣры воображенія пассивнаго. Въ одномъ случаѣ человѣкъ самъ даетъ направленіе ходу представленій, а въ другомъ онъ какъ бы отдается своему настроенію, вызывающему соотвѣтствующія себѣ представленія.

У поэта Полежаева находимъ слѣдующее художественное истолкованіе мечтательности:

„Тогда краса лѣнивцевъ праздныхъ
Одинъ, не занятый ничѣмъ,
Смотря и ничего не видя,
И какъ султанъ на лавкѣ сидя,
Я созидаю свой эдемъ.
Въ смѣшныхъ и странныхъ помышленьяхъ
Мечтаю, грежу, какъ во снѣ,
Гуляю въ выпренныхъ селеньяхъ—
На солнцѣ, небѣ и лунѣ;
Преображаясь въ полубога,
Сужу рѣшительно и строго
Мірскія бредни, цѣлый міръ,
Даруя счастье милліонамъ....

Значеніе воображенія.

Значеніе воображенія въ жизни человѣка громадно. Всѣ усовершенствованія и въ наукѣ и въ практической жизни совершаются при дѣятельномъ участіи воображенія. Ученый, дѣлающій открытія, сначала по имѣющимся у него даннымъ предугадываетъ, воображаетъ свое открытіе, а потомъ уже доказываетъ его и научнымъ образомъ. „Для самостоятельнаго мышленія въ наукѣ нужно не менѣе фантазіи, какъ и для поэтическаго творчества, и трудно рѣшить, у кого было болѣе фантазіи, у Шекспира или Ньютона“.

Чтобы измѣнить что либо въ жизни или даже обстановкѣ комнаты, мы должны сначала представить въ умѣ, вообразить новый порядокъ, а потомъ уже и осуществить его. Въ частности воображеніе необходимо и при обученіи: дѣти только тогда хорошо поймутъ сообщаемое имъ, когда все ясно представятъ. Чтобы понять, напр., опасность ледяныхъ горъ для кораблей

на Ледовитомъ океанѣ, нужно умѣть представить эти горы и положеніе среди нихъ кораблей.

Живость воображенія также благотворно вліяетъ и на нравственную природу человѣка, вызывая и усиливая въ немъ извѣстныя чувства къ тѣмъ или другимъ предметамъ или лицамъ, какъ напр., симпатіи, уваженіе и т. п. Живое и ясное представленіе бѣдности во всей ея грустной обстановкѣ сильнѣе возбудитъ состраданіе, чѣмъ холодное и спокойное разсужденіе о бѣдности, не сопровождаемое живымъ, и, какъ бы нагляднымъ, ея представленіемъ.

Но воображеніе, какъ огонь, „хорошій слуга и плохой господинъ“. Оно полезно только въ томъ случаѣ, если руководится законами правдоподобія, т. е. если создаетъ такіе образы, коихъ хотя нѣтъ, но которые могли и могутъ быть по законамъ мысли, природы духовной и чувственной и по ходу событій въ данное время. Если же оно ничѣмъ не сдерживается, то превращается въ пустое фантазированіе и становится вреднымъ въ умственной и практической дѣятельности. Подчиняясь безконтрольной фантазіи, человѣкъ бываетъ не въ состояніи всесторонне и спокойно обсуждать дѣйствительные факты: онъ представляетъ ихъ въ томъ видѣ, какъ подсказываетъ ему фантазія, а потому не достигаетъ истины (вредъ въ умственномъ отношеніи). Съ другой стороны, фантастическія грезы, среди которыхъ живетъ человѣкъ, вызываютъ въ немъ недовольство дѣйствительностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаютъ его неспособнымъ къ упорному труду и исполненію своихъ житейскихъ обязанностей, которыя кажутся ему слишкомъ скучными, (вредъ въ практическомъ отношеніи).

Изъ сказаннаго понятно, что воображеніе нужно не только развивать, но и воспитывать, чтобы оно помогало пониманію дѣйствительности и расширенію познаній.

Дѣтское воображеніе.

Оно имѣетъ свои особенности. Прежде всего оно отличается необыкновенною живостію, въ силу которой дѣти обыкновенно: а) весь окружающій міръ ихъ представляютъ живымъ и одушевленнымъ; б) образы, созданные фантазіей, не отличаютъ отъ дѣйствительныхъ предметовъ, такъ что нерѣдко видѣнное во снѣ они считаютъ бывшимъ въ дѣйствительности; в) при передачѣ видѣннаго или слышаннаго вносятъ черты, создаваемые ихъ собственнымъ воображеніемъ, такъ что передача выходитъ не совсѣмъ согласной съ дѣйствительностью; и г) относятся съ полнымъ довѣріемъ къ тому, что имъ рассказываютъ, вслѣдствіе чего испытываютъ страхъ къ такимъ предметамъ, которыми ихъ пугаютъ, но которыхъ бояться совсѣмъ нечего. Эти особенности дѣтскаго воображенія налагаютъ на воспита-

теля особыя обязанности относиться въ высшей степени осторожно къ столь впечатлительной натурѣ ребенка.

Средства правильнаго развитія воображенія.

Средства для правильнаго развитія воображенія слѣдующія:

1. Такъ какъ воображеніе работаетъ надъ готовымъ матеріаломъ, то воспитатель прежде всего долженъ обогатить память ребенка живыми и яркими реальными образами чрезъ наблюденіе явленій природы и жизни. Чѣмъ богаче наша психическая жизнь, чѣмъ больше у насъ знаній и опыта, тѣмъ лучше почва для правильнаго воображенія, тѣмъ шире оно можетъ развиваться. Человѣкъ, много видѣвшій всего, всегда отличается болѣе плодовитымъ воображеніемъ, чѣмъ тотъ, кто живетъ въ узкой обыденной обстановкѣ.

Большинство поэтовъ создавали свои лучшія произведенія въ живомъ общеніи съ природой, въ ея нѣдрахъ черпали свое вдохновеніе. Съ другой стороны замѣчено, что воображеніе дѣтей вырастающихъ въ большихъ городахъ, гдѣ предъ глазами только однообразные ряды домовъ, камень да желѣзо, въ большинствѣ случаевъ бѣдно и сухо. Мы здѣсь кстати приведемъ прекрасную характеристику дѣтскаго возраста въ отроческій его періодъ, когда преобладаетъ живость и воображеніе. У нашего покойнаго теперь писателя Григоровича, въ произведеніяхъ котораго не только присутствуютъ дѣти, но и играютъ активную роль, есть замѣчательная по художественности и типичности изображенія картина, какъ одинъ мальчикъ путешествовалъ осенью съ боченкомъ... („Кошка и мышка“ т. 8 159 с. Изд. Маркса). Дѣло было такъ.

Стояла осень. Гриша, мальчикъ лѣтъ 13, посвистывая, несъ за плечами изъ села домой ведерный пустой боченокъ, обвязанный старымъ кушакомъ, концы котораго онъ держалъ въ рукахъ. При этомъ Григоровичъ такъ подробно и типично изображаетъ наружный видъ мальчика, что „хоть портретъ пиши“. Онъ бѣлокурый; на ногахъ лаптишки, а на самомъ старыи полшубокъ, принадлежащій взрослому человѣку, и шапка, которая могла принадлежать только владѣльцу полшубка. На полшубкѣ много заплатъ, попадались даже заплаты изъ синяго и бураго сукна, но не висѣли они лохмотьями, а тщательно обшиты были кругомъ бѣлыми здоровыми нитками. Отъ полныхъ щекъ, разрумяненныхъ холоднымъ утреннимъ воздухомъ, дышало свѣжестью. На его лицѣ не было и слѣда лишеній и преждевременнаго утомленія. Вся фигура его, крѣпкая, пышущая здоровьемъ, походила издали на медвѣженка, ставшаго на заднія лапы. Онъ шелъ мимо гумень. Крестьяне молотили хлѣбъ. Слышался говоръ народа, шелестъ голубей и крикъ галокъ, перелетавшихъ съ мѣста на мѣсто. Изъ пернатыхъ воробыи отличались особенною егозливостью и трескотнею. Они суетились и

задирали одинокихъ галокъ, но когда которая нибудь изъ этихъ птицъ высказывала намѣреніе напасть въ свою очередь, то они тарасили свои сѣрыя перышки и вдругъ разомъ, всѣмъ стадомъ, обсыпали сосѣднюю ветлу, пищали и били крылышками. Такія продѣлки воробьевъ сильно забавляли мальчика; онъ ими увлекся и позабылъ на время, куда и зачѣмъ посланъ. „Слѣдя за ними быстрыми, веселыми глазами, онъ то ускорялъ шагъ, то замедлялъ его. Каждый разъ какъ крикливая стая, сдѣлавъ неожиданный поворотъ въ воздухѣ, опускалась на макушку ветлы, мальчикъ припадалъ къ землѣ и начиналъ подкрадываться, брови его поднимались и лицо выражало быстроту и лукавство; въ чертахъ и движеніяхъ явно проглядывало намѣреніе подкрасться ближе и застать птицу врасплохъ; но нетерпѣніе всякій разъ портило дѣло; неуспѣвъ сдѣлать трехъ шаговъ, онъ суетливо свѣшивалъ на бокъ свою ношу и принимался стучать камнемъ въ дно боченка, издававшего какой то глупый глухой звукъ. Испуганные воробьи быстро разлетались врозь, а шалунъ громко смѣялся. Но, вотъ, гумна остались позади, и мальчикъ шелъ мимо кладбища. Картина рѣзко мѣняется. Кругомъ мертвая тишина. Вдругъ послышались стоны за церковной оградой. „Случись это ночью или въ сумерки, говоритъ авторъ, мальчикъ бросилъ бы свой боченокъ и полетѣлъ безъ оглядки въ село“, но теперь онъ подошелъ къ оградѣ и увидѣлъ, что стонала мать надъ могилой своего мальчика сына, котораго зарывалъ отецъ. Съ свойственнымъ дѣтямъ любопытствомъ, онъ глядѣлъ и слушалъ причитанія горемычной матери. Дальше Гриша шелъ по берегу ручья и, вотъ, новыя картины чисто дѣтскихъ шалостей: „то на одномъ изъ камней усаживалась ворона и требовала задержать шагъ, подобраться къ ней ближе и пугнуть ее съ мѣста, то останавливали его вниманіе мелкіе заводья ручья, покрытыя блистающими иглами льда, неуспѣвшаго еще оттаять на солнцѣ.

Нельзя же было пройти мимо, не надломивъ ледяной корочки, не пососавъ ее... трудно было утерпѣть, чтобы не спихнуть камня, который висѣлъ надъ ручьемъ и, казалось, самъ просился упасть въ воду или не пустить по ручью обломка древесной коры и не полюбоваться, какъ она пойдетъ вилить и прыгать между камнями, какъ буркнетъ и пропадетъ она въ пѣнѣ, собравшейся подлѣ уступовъ, а какъ потомъ снова поплыветъ, слѣдуя прихотливому изгибу“. На ручѣ были островочки. Лѣто они были покрыты непроницаемой зеленью, а теперь оголились... Это, конечно, не ускользнуло отъ вниманія маленькаго естествоиспытателя. Онъ всматривался въ голые прутья и „иногда открывалъ между ними сѣренькое пушистое гнѣздо“, а потомъ дивился, какъ не замѣчалъ этого гнѣзда лѣтомъ. „Что же это была за птица такая? Должно быть крохотная какая нибудь. И куда она теперь дѣлась?...

Погоди, постой, лѣто опять придетъ—прилетитъ она опять на прежнее мѣсто“. И мальчикъ, озираясь кругомъ, старался

запомнить мѣсто островка и гнѣзда, чтобы лѣтомъ покороче познакомиться и съ гнѣздомъ и съ птицей..... У самага дома, т. е. мельницы, ему пришлось переходить тонкую доску, брошенную чрезъ жолобъ. Но теперь у домашнихъ онъ былъ на виду, а потому принялъ озабоченный и дѣловой видъ и равнодушно, какъ взрослый, прошелъ по доскѣ.... Главный интересъ указанныхъ здѣсь картинъ и для психологii, и для педагогii состоитъ въ томъ, что тутъ правдиво и наглядно показано, какъ сильно и неумолимо работаютъ всѣ вообще душевныя силы ребенка, который на свободѣ среди разнообразія сельской природы.

Несмотря на осень, когда природа уже помертвѣла, Гриша всецѣло отдался впечатлѣнiямъ. Его все интересуетъ, но ни на чемъ онъ долго не останавливается: сосредоточенность вниманiя на одномъ предметѣ не свойственна дѣтскому возрасту.

А такъ какъ природа чрезвычайно разнообразна, то дитя, переходя отъ одного впечатлѣнiя къ другому, отъ одного занятiя къ другому, естественно упражняетъ самыя разнообразныя свои силы и духовныя, и тѣлесныя и такимъ образомъ развивается всесторонне. По крайней мѣрѣ это нужно сказать о внѣшнихъ чувствахъ его. Во время путешествiя своего съ боченкомъ Гриша упражнялъ всѣ свои 5 внѣшнихъ чувствъ. Особенно обильную пищу находилъ для себя глазъ, а это въ отношенiи развитiя весьма важно, потому что зрительныя впечатлѣнiя, какъ извѣстно, главнѣйшiй матерiаль для душевной работы, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ.

Гриша запоминаетъ мѣсто найденнаго имъ гнѣзда, чтобы лѣтомъ найти его, и такимъ образомъ изоощраетъ наблюдательность и память.

Онъ интересуется, какая была птица въ гнѣздѣ, и опредѣляетъ величину ея, должно быть по величинѣ гнѣзда, задается вопросомъ, куда она дѣлась и т. д.—да вѣдь, это цѣлое разсужденiе; онъ подкрадывается къ воробьямъ и воронамъ, вспугиваетъ ихъ съ мѣста и такимъ образомъ приучаетъ къ осторожности, развиваетъ ловкость рукъ, смѣтливость и сообразительность. Даже вкусъ и обонянiе не остаются безъ пищи.... Такъ душа обогащается самыми разнообразными впечатлѣнiями и свѣдѣнiями, въ смыслѣ гармоническаго развитiя силъ и способностей души ребенка.

2. Обогащая память ребенка живыми образами, мы должны давать ему и образцы творчества. Къ числу такихъ образцовъ относятся сказки и доступныя дѣтскому пониманiю художественныя произведенiя (стихи, рассказы, басни). Сказки и поэтическiя произведенiя оживляютъ воображенiе дѣтей, даютъ образцы творчества, и вызываютъ на творчество; они заставляютъ дѣтей вообразить рассказываемое событiе со всею обстановкою.

Чтобы рассказы и описанiя имѣли такое дѣйствiе, они должны быть вполнѣ доступны дѣтямъ: на первое время нужно да-

вать самыя простыя сцены и картины, соотвѣтствующія ограниченному дѣтскому опыту.

3. Что касается **сказокъ**, то для дѣтей пригоднѣе сказки бытовыя и нравоучительныя. Сказки же крайне фантастическія, волшебныя съ колдунами, вѣдьмами и т. п. существами не годятся для дѣтей, потому что онѣ развиваютъ въ дѣтяхъ болѣзненный страхъ.

Для примѣра возьмемъ изъ того же писателя Григоровича. Посмотрите, что испытываютъ дѣти, слушая страшные рассказы о мертвецахъ, вѣдьмахъ и лѣшихъ. „Акуля, (въ рассказѣ „Деревня“ т. I стр. 99—100) „отъ страха едва переводила духъ; то замирало въ ней сердце, то сильно билось, и не разъ въ вечеръ личико ея покрывалось холоднымъ потомъ. По временамъ, ослабѣвавшій свѣтъ лучины вдругъ угасалъ отъ невниманія присутствующихъ, развлекаемыхъ повѣствованіями и рассказами, и тогда бѣдному ребенку казалось что вотъ-вотъ выглядываетъ изъ за печурки домовою, или всматривается въ нее огненными глазами какое-то рогатое безобразное чудовище; все въ избѣ принимало въ глазахъ ея страшные образы, пробуждавшіе въ ней дрожь“. И не думайте, что то душевное оцѣпененіе, въ какое повергается дитя слушаніемъ сказокъ съ чертовщиной, бываетъ не надолго, только на время, пока ребенокъ слушаетъ, а потомъ исчезаетъ. Нѣтъ и нѣтъ! Дѣйствіе такихъ сказокъ глубоко проникаетъ въ душу ребенка и въ его довѣрчивой и впечатлительной натурѣ оставляетъ слѣды нерѣдко даже на всю жизнь.— Давайте дѣтямъ такія сказки, гдѣ неиспорченная превратной цивилизаціей мысль народная клеймитъ позоромъ и стыдомъ всякую хитрость и обманъ и съ любовью даетъ торжество честнымъ и правдивымъ простецамъ, гдѣ дитя, находя полное удовлетвореніе своему нравственному чувству, учится любить добро и вѣрить въ него, вѣрить и надѣяться, что все минетъ, одна правда останется“.....

XVII.

Дѣтскія игры.

Много сходнаго со сказками, по дѣйствию на воображеніе и на весь вообще характеръ дитяти, заключаютъ въ себѣ его игры.

Онѣ служатъ для развитія самостоятельнаго дѣтскаго творчества. Въ сказкахъ для дитяти міръ не воображаемый, но дѣйствительный; и игра для него—не игра, а тоже міръ дѣйствительный, хотя и созданный его воображеніемъ, при помощи иногда очень грубыхъ и слабыхъ намековъ со стороны игрушекъ. Можно сказать, что ребенокъ только тогда живетъ, когда играетъ; игра—его жизнь, безъ игры—онъ скучаетъ, а тамъ, гдѣ скука, тамъ появляются и капризы, портится и характеръ и

теряются умственные и физическія силы дѣтей. Поэтому отнюдь нельзя стѣснять невинныя игры и забавы дѣтей и тѣмъ осуждать ихъ на неподвижность. Если даже грудной ребенокъ, будучи сытъ и здоровъ, не остается почти ни одной минуты безъ движенія, то какова же должна быть потребность въ движеніи съ возрастомъ, съ укрѣпленіемъ его силъ? И самыя лучшія игры тѣ, которыя сопряжены съ бѣганьемъ, прыганьемъ, криками, особенно на открытомъ воздухѣ. При этомъ старшіе не должны, безъ особенной нужды, вмѣшиваться въ игру и чрезъ это какъ бы подавлять дѣтей своихъ авторитетомъ. Чтобы играть съ дѣтьми, не нарушая ихъ удовольствій, нужно умѣть самому сдѣлаться ребенкомъ, быть, какъ былъ Песталоцци, имѣвшій право сказать о себѣ: „Ich war mit grauen Haaren noch ein Kind“ „съ сѣдыми волосами я все же оставался ребенкомъ“.

Но, говоря о невмѣшательствѣ взрослыхъ въ дѣтскія игры, мы далеки отъ того, чтобы устранить всякій присмотръ за дѣтьми со стороны взрослыхъ. Присмотръ этотъ долженъ касаться того, что дѣти не нанесли себѣ или сверстникамъ какого либо существеннаго вреда, хотя бы и неумышленнаго, чтобы они, нерѣдко склонныя къ жестокости, не забавлялись страданіями живаго существа, будетъ ли то животное, птичка или насѣкомое и т. п. даже не обрывали бы безъ надобности вѣтокъ или листьявъ съ деревьевъ или растений, потому что это ихъ органы дыханія, отнятіе которыхъ аналогично съ поврежденіемъ или лишеніемъ органовъ чувствъ въ животномъ организмѣ. Всмотриваться въ игры дѣтей не бесполезно и для самого воспитателя, такъ какъ чрезъ игры, во время которыхъ дѣти не слѣдятъ за собою и потому бываютъ открыты и непринужденны, можно отлично познакомиться съ ихъ характеромъ, съ ихъ задатками, склонностями и влеченіями.

Игры могутъ быть одиночныя—у самыхъ маленькихъ дѣтей. У нихъ еще не развита рѣчь и, значитъ нѣтъ главнаго условія для сближенія и общительности. Но съ подрастаніемъ дѣти все болѣе и болѣе предпочитаютъ игры совмѣстныя, общественныя. Эти игры способствуютъ развитію языка дѣтей, замѣчается наибольшее оживленіе, словомъ здѣсь у дѣтей проявляется общественная жизнь въ миниатюрѣ.

Съ видимой стороны въ играхъ всегда скрывается внутренній образовательный смыслъ. Игры—это цѣлый приготовительный курсъ ученія, средство для развитія умственныхъ способностей дѣтей. Въ своихъ играхъ дѣти или подражаютъ взрослымъ, копируютъ ихъ, или же обнаруживаютъ самобытное творчество.

Въ первомъ случаѣ они дѣлаютъ все то, что дѣлаютъ вокругъ ихъ взрослые: такъ ребенокъ водить карандашомъ по бумагѣ и говорить, что онъ рисуетъ; смотритъ въ книгу и говорить, что читаетъ, не будучи еще знакомъ съ буквами; онъ хочетъ играть роль хозяйки за обѣдомъ и чаемъ, роль прислуги и т. п.

Во второмъ случаѣ, т. е. въ играхъ такъ называемыхъ самобытныхъ, въ противоположность подражательнымъ, ребенокъ пользуется окружающими его предметами, самобытно придавая имъ то или другое назначеніе, причемъ онъ отнюдь не стѣсняется видимымъ несходствомъ предмета съ назначаемою ему ролью. Одинъ и тотъ же предметъ способенъ играть въ глазахъ ребенка самыя различныя роли: опрокинутый стулъ представляетъ для него лодку или повозку; поставленный на ноги—лошадь или столъ, палка замѣняетъ для него лошадку, камешки—деньги, свернутая тряпка—принца или принцесу и т. д.. И чѣмъ безформеннѣе предметъ, тѣмъ больше для фантазіи ребенка возможности придавать ему ту или другую роль. Вотъ почему совершенно вѣрно, что для маленькихъ дѣтей, не нужно дорогихъ вещей и игрушекъ, для нихъ самая лучшая игрушка—к у ч а п е с к у, такъ какъ ребенокъ можетъ изъ этого матеріала дѣлать что угодно. И вообще нужно замѣтить, что игрушка тѣмъ лучше, чѣмъ она проще и слѣдовательно разнообразнѣе ея примѣненіе въ играхъ.

„Дѣти умѣютъ, играя, дѣлать что угодно, изъ чего угодно. палка превращается въ ружье, кусочекъ дерева въ мячъ, свернутая тряпочка въ куклу и всякій уголокъ въ хижину (Гете).

Игрушки, вѣдь это символы, внѣшніе знаки, служащіе къ выраженію движенія представленій, имѣющихся въ душѣ ребенка. Это вещественный матеріалъ, при помощи котораго, какъ мы сказали, ребенокъ осуществляетъ создаваемые имъ образы, картины, въ доступной дѣйствительности.

Понятно, что въ цѣляхъ развитія воображенія, онъ (этотъ матеріалъ), не долженъ подходить близко къ образамъ,—чтобы воображенію было что дѣлать: все недостающее въ игрушкѣ до полнаго соответствія съ образомъ дополнять, досоздавать собственной силой. Вотъ почему игрушки, поразительно близкія къ представляемымъ ими образамъ, напр. живописныя говорящія куклы, заводящіяся (машинкой) кони, и т. п. не рекомендуются педагогикой. При полномъ воспроизведеніи ими образовъ дѣйствительности, воображеніе ребенка остается безъ дѣла.

Нѣтъ надобности также заботиться объ обилии и особенномъ разнообразіи игрушекъ. При обилии игрушекъ вниманіе ребенка разбрасывается, онъ не можетъ всецѣло сосредоточиться ни на одной изъ нихъ, для самодѣятельности его нѣтъ надлежащей опоры. Переигравъ во всѣ игрушки, дитя начинаетъ скучать и требуетъ новыхъ.—Дѣти вообще часто ломаютъ игрушки, объясненіе чего лежитъ въ непреодолимомъ ихъ желаніи знать, что находится внутри игрушки; отсюда слѣдуетъ, что наказывать за ломку или порчу игрушекъ, не разумно.—Относительно игрушекъ, даваемыхъ ребенку нужно замѣтить, что не всѣ онѣ могутъ быть цѣлесообразны и безвредны.

Фребелевскій „Дѣтскій садъ“ и „Фребелевскіе дары“.

Наблюденія надъ дѣтскими играми и надъ врожденнымъ въ дѣтяхъ стремленіемъ къ дѣятельности привели извѣстнаго нѣ-

мецкаго педагога Фридриха Фребеля (1782—1852 г.) къ мысли воспользоваться дѣтскими играми, какъ воспитательнымъ средствомъ.

„Дѣтскій садъ“. Подъ именемъ „Дѣтскихъ садовъ“ или „Kindergarte“ извѣстны особаго рода воспитательныя учрежденія, основанныя впервые Фребелемъ для дѣтей въ возрастѣ отъ 3 до 6 лѣтъ или вообще до поступленія въ школу. Самое названіе „Дѣтскій садъ“ имѣетъ двоякій смыслъ: съ одной стороны, оно относится къ внѣшнему его устройству, требующему, чтобы дѣти проводили время преимущественно на открытомъ воздухѣ, въ саду, подъ непосредственнымъ вліяніемъ природы; съ другой—переносный смыслъ, дающій понять, что въ этихъ заведеніяхъ, дѣти воспитываются, подобно растеніямъ, т. е. что за ними ухаживаютъ, слѣдятъ и заботятся подобно тому, какъ хорошій садовникъ заботится о растеніяхъ своего сада, доставляя имъ все необходимое для ихъ правильнаго развитія и устраняя, по возможности, всякое вредное вліяніе.

Въ устройствѣ дѣтскихъ садовъ Фребель выходитъ изъ взгляда на ребенка, какъ на полнаго и цѣльнаго человѣка, настоящаго гражданина, коему, между прочими свойствами и стремленіями, присуще стремленіе жить въ обществѣ, себѣ подобныхъ. Дѣтямъ также присуще чувство общности и для того, чтобы развитіе ихъ шло гармонично, необходимо общество сверстниковъ: они стремятся играть вмѣстѣ. Семья не можетъ дать этого, такъ какъ тамъ ребенокъ, по большей части, бываетъ принужденъ находиться въ обществѣ взрослыхъ, интересы которыхъ чужды для дѣтей; съ другой стороны и дѣти, въ присутствіи взрослыхъ стѣсняются въ своихъ дѣйствіяхъ и держатъ себя неестественно.

Дѣтскій садъ долженъ удовлетворять, кромѣ чувства и стремленія къ общности, еще другой дѣтской потребности. Жизнь маленькаго ребенка заключается въ игрѣ куда онъ вкладываетъ всю свою подражательность и активность.

Ребенокъ не только подражаетъ взрослымъ, играя въ солдаты, въ барыню, прислугу и т. п., но и создаетъ самъ: постоянно что либо строитъ, рѣжетъ, стругаетъ, рисуетъ, лѣпитъ, красить, клеить, различнымъ образомъ видоизмѣняя попавшій ему подъ руки матеріалъ. Но все это онъ исполняетъ съ большею охотою, удовольствіемъ и успѣхомъ, если онъ имѣетъ съ одной стороны сверстниковъ и сообщниковъ, съ другой если есть руководящее всѣмъ этимъ лицо, незамѣтно и безъ малѣйшаго насилія предлагающее сдѣлать, напр., извѣстную вещь, поиграть въ такія-то игры. Такое время препровожденіе дѣтскаго возраста, подмѣчаемое въ дѣтской, во дворѣ, въ саду, на улицѣ, Фребелемъ перенесено въ „Дѣтскій садъ“.

Фребель подмѣтилъ также пристрастіе дѣтей къ рассказамъ и ихъ любовь къ животнымъ, потому ввелъ многочисленныя рассказы и повѣствованія о жизни этихъ друзей человѣка,

какъ они любятъ своихъ дѣтенышей, какъ они догадливы и предусмотрительны, храбры или трусливы, благодарны и коварны и т. п., примѣнивъ къ всему этому методъ наглядный.

Фребель подмѣтилъ также любовь дѣтей къ насажденію цвѣтовъ, деревцовъ и т. п. и далъ имъ въ саду грядки, за которыми они ухаживаютъ сами и, наконецъ, подмѣтилъ любовь дѣтей къ совмѣстному пѣнію и далъ имъ цѣлый рядъ доступныхъ пѣсенокъ.

Если принять во вниманіе положеніе дѣтей бѣднаго рабочаго класса, не имѣющаго возможности ходить за ними или нанимать няню, но съ радостью готоваго посылать своихъ дѣтей даромъ, или за небольшую плату, въ особыя дѣтскія заведенія, мы получимъ представленія о тѣхъ мотивахъ, которые побудили Фребеля брать въ очень раннемъ возрастѣ дѣтей отъ семьи и собирать ихъ на нѣсколько часовъ въ день въ нарочито-устроенныхъ имъ заведеніяхъ—„Дѣтскихъ садахъ“. Дѣтскій садъ служитъ, такимъ образомъ переходною ступеню отъ семьи къ школѣ. Вотъ почему, между прочимъ, Фребель поручаетъ въ немъ дѣтей женщинѣ—садовницѣ, такъ какъ дѣти, находясь въ семьѣ, привыкли больше всего обращаться къ матери.

Находясь въ „Дѣтскомъ саду“ около 4—5 часовъ въ теченіи дня, дѣти занимаются практически: раскладываніемъ палочекъ, рисованіемъ: сначала отдѣльныхъ линий, потомъ клѣточекъ и фигуръ, выстриганіемъ изъ бумаги различныхъ предметовъ, плетеніемъ изъ цвѣтныхъ бумажекъ полосокъ, выкалываніемъ, лѣпленіемъ изъ глины, скрѣпленіемъ различныхъ фигуръ изъ гофроха, пробки и т. п.

Независимо отъ того дѣти слушаютъ рассказы дѣтской садовницы о различныхъ предметахъ, которые она показываетъ имъ или на картинахъ, или въ натурѣ, бесѣдуютъ съ ней, играютъ въ общія, такъ называемыя „подвижныя игры“. Эти игры по большей части сопровождаются пѣснями. Всѣ занятія и игры распредѣляются такъ, чтобы дѣти привыкли мало по малу сами къ труду. Работы, игры и рассказы, смѣняя другъ друга, должны поддерживать въ дѣтяхъ веселье, бодрость духа и вниманіе къ тому, что они дѣлаютъ.

(Изъ игръ, практикуемыхъ въ „Дѣтскомъ саду“, можно указать, напр., на слѣдующія: игра въ кошку и мышку, въ жмурки, желѣзную дорогу, рыбки и др. Подробно объ этомъ смотри у Водовозовой въ книгѣ: „Умственное и нравственное воспитаніе до школы“).

Фребелевскіе дары.

Но заботясь объ умственномъ и физическомъ развитіи дѣтей въ своихъ „Садахъ“, Фребель не оставляетъ безъ вниманія ребенка и въ семьѣ. Желая удовлетворить естественному стремленію дѣтей къ дѣятельности, преимущественно выражающейся

въ играхъ, Фребель предлагаетъ ребенку богатый и поучительный матеріалъ въ формѣ такъ называемыхъ „даровъ“.

Первый даръ—это мягкій шерстяной цвѣтной мячикъ, такой величины, которая позволяла бы ребенку безъ усилія удерживать его въ рукѣ. Фребель избираетъ мячикъ, какъ наиболѣе совершенную первоначально и практически удобную форму. Ребенокъ даже самый маленькій, не можетъ причинить себѣ мячемъ никакого вреда и даже никакого неприятнаго ощущенія. Фребель даетъ впрочемъ не одинъ мячикъ, а цѣлыхъ шесть, окрашенныхъ въ различные цвѣта.

Избравъ одинъ изъ самыхъ яркихъ, напр. красный, мать вѣшаетъ надъ кроватью ребенка, который сначала любитъ имъ, потомъ старается схватить его рученками. Глазки его знакомятся съ цвѣтомъ и формою мячика, затѣмъ и ручки его ощущаютъ форму. Вскорѣ мать приводитъ игрушку въ движеніе, чтобы познакомить ребенка съ горизонтальнымъ, вертикальнымъ и вращательнымъ движеніемъ мячика. Позже ребенокъ катаетъ мячикъ по полу и подбрасываетъ, стараясь его поднять, бѣгаетъ за нимъ, и тѣмъ упражняетъ гибкость, подвижность и ловкость тѣла.

Второй даръ состоитъ изъ шара, куба и цилиндра, сдѣланныхъ изъ дерева. Играя этими предметами, при участіи матери, ребенокъ наглядно знакомится, при помощи зрѣнія и осязанія, съ ихъ свойствами, сравниваетъ ихъ между собою и находитъ черты сходства и различія. Мячикъ—мягокъ, шаръ—твердъ; мячикъ—при паденіи даетъ едва слышный звукъ, шаръ стучитъ, и т. д.

Третій даръ состоитъ изъ куба, раздѣленнаго на 8 маленькихъ кубиковъ. Изучая этотъ даръ, ребенокъ получаетъ понятіе о томъ, что форма не зависитъ отъ величины. Изъ этихъ кубиковъ ребенокъ строитъ знакомые ему предметы.

Четвертый даръ—ящикъ съ кубомъ, дѣленнымъ на 8 частей, но эти части уже не кубы, а прямоугольныя плитки.

Пятый даръ—кубъ, дѣленный на 27 частей—кубиковъ.

Шестой даръ—кубъ, дѣленный на 27 частей, изъ коихъ 12 прямоугольныхъ плитокъ, 6 столбиковъ и 9 квадратныхъ плитокъ.

Всѣ эти дары представляютъ собою богатый матеріалъ, для построекъ, для упражненія въ счетѣ, для знакомства съ разными геометрическими тѣлами и съ математическими законами вообще.

Что касается оцѣнки системы Фребеля, то слѣдуетъ сказать, что критики его системы доселѣ еще раздѣляются на 2 враждебныхъ лагеря. Одни признаютъ за Фребелемъ гениальную реформаторскую дѣятельность и называютъ его Meister'омъ, а себя Junger'ами, учениками.

Другіе же считаютъ Фребеля за самого обыкновеннаго учителя и „Дѣтскимъ садама“ его не придаютъ никакого особенна-

го значенія. Чтобы однакоже ни говорили противъ системы Фребеля, ей нельзя отказать въ томъ, что она много слѣлала для воспитанія. Насъ ничто не обязываетъ слѣдовать ей буквально и съ рабской подражательностью. Важно сознать и усвоить идею Фребеля, понять духъ его системы во всей полнотѣ, и тогда игры и занятія не будутъ механизировать дѣтей, не будутъ лишать ихъ самостоятельности и свободы. Можно прямо сказать, что судьба дѣтскаго сада всецѣло въ рукахъ дѣтской садовницы!.—

XVIII.

Разсудокъ и мышленіе.

Въ представленіи, воспоминаніи и воображеніи мы имѣемъ дѣло съ отдѣльными предметами въ ихъ цѣломъ видѣ или частяхъ; напр., я представлю то или другое дерево, могу представлять его части и признаки: корень, стволъ вѣтви, его высоту, толщину и т. п. Такъ разсматривая предметъ, мы узнаемъ его. Но мы можемъ обратить вниманіе и на другую сторону: можемъ разсматривать свойства предмета, ихъ взаимное отношеніе, сравнительное значеніе въ данномъ предметѣ, а чрезъ то и отношеніе этого предмета къ другимъ. Напр., когда мы открываемъ значеніе корня, ствола, вѣтвей въ деревѣ, видимъ такое же значеніе указанныхъ частей и въ другихъ деревьяхъ и потому относимъ ихъ къ одному классу деревьевъ, мы не только узнаемъ предметъ, но и понимаемъ его. *Познавательная дѣятельность, направленная къ пониманію предметовъ и состоящая въ уясненіи ихъ свойствъ и отношеній къ другимъ предметамъ, называется мышленіемъ, а способность мыслить—разсудкомъ. Наука о правильномъ мышленіи называется логикой.*

Мышленіе проявляется въ составленіи понятій, сужденій и умозаключеній.

Понятія.

Образованіе ихъ. Понятія являются результатомъ сравненія представленій о различныхъ предметахъ.

Сравненіе бываетъ двоякаго рода.

I. Мы сравниваемъ между собою представленія объ одномъ и томъ же предметѣ, полученныя въ различные моменты времени, и замѣчаемъ признаки неизмѣняющіеся, постоянные, существенные, (безъ коихъ предметъ не можетъ существовать, а потому и не мыслимъ) и признаки измѣняющіеся съ теченіемъ времени, случайные, несущественные (которые могутъ быть и не быть въ данномъ предметѣ и отсутствіе коихъ не мѣшаетъ нашему мышленію о немъ). **Примѣръ:** думая о какомъ либо изъ нашихъ знакомыхъ, мы считаемъ несуществен-

ными признаками форму прически, тотъ или иной покроей одежды и проч. и существенными—черты лица и проч.

II. Мы сравниваемъ представленія цѣлаго ряда однородныхъ предметовъ, и находимъ у нихъ признаки общіе для всѣхъ и частныя, отличительныя, принадлежащія отдѣльнымъ предметамъ, но не повторяющіяся въ другихъ однородныхъ предметахъ. **Примѣръ:** Думая о деревѣ вообще, мы считаемъ въ числѣ общихъ для всѣхъ деревьевъ признаковъ—корень, стволъ, сучья и вѣтви, а въ числѣ частныхъ, отличительныхъ, форму листьевъ, цвѣтъ коры, высоту и т. д.

Приводя затѣмъ свои отдѣльныя представленія въ такую или иную связь между собою, по внутреннему сходству ихъ содержанія, чтобы составить одинъ общій образъ мысленнаго нами предмета, мы останавливаемъ свое вниманіе только на общихъ и существенныхъ признакахъ предмета и откидываемъ частныя и случайныя. Въ результатѣ этого процесса у насъ является общій очеркъ предметовъ, состоящій изъ однихъ общихъ признаковъ, свойственныхъ многимъ предметамъ одного рода, причемъ этотъ общій очеркъ предметовъ мы однако можемъ мыслить, но котораго не можемъ вообразить. Такой очеркъ предметовъ называется понятіемъ.

Когда я говорю, что имѣю понятіе о „садѣ“, это значитъ, что изъ цѣлаго ряда представленій о различныхъ отдѣльныхъ садахъ я мыслю только одни общіе признаки, присущіе каждому саду. Въ этомъ общемъ образѣ уже нѣтъ мѣста для частныхъ, относящихся къ тому или другому саду, вродѣ, напр. фонтана, статуи, памятниковъ, прудовъ, оградъ и т. п.

Когда я говорю, что имѣю понятіе о деревѣ, то я мыслю, что корень, стволъ, сучки и вѣтви—общія свойства всѣхъ деревьевъ. Каждое дерево непременно имѣетъ всѣ эти признаки, но не каждое имѣетъ листья и плоды—это ужъ отличительныя черты только нѣкоторыхъ деревьевъ. Поэтому, въ составъ понятія о деревѣ должны войти одни первые четыре признака, общіе всѣмъ деревьямъ. Точно также бываетъ и въ каждомъ понятіи.

Такимъ образомъ, понятіе (отъ слова „пояти“—взять, уловить существенныя признаки предмета) есть мысль о сущности предмета или иначе: о б щ і й образъ предмета съ его постоянными и существенными признаками.

Слово, какъ выраженіе образующагося въ нашей душѣ понятія.—Слово прочно укрѣпляетъ въ нашемъ сознаніи то или другое понятіе. Безъ словъ понятія не могли бы удержаться въ сознаніи, такъ какъ признаки ихъ не будучи ничѣмъ закрѣплены, расплывались бы и сливались бы съ представленіями о тѣхъ отдѣльныхъ предметахъ, изъ коихъ отвлечены. Способность образовывать понятія имѣетъ громадное значеніе для успѣшности познавательной дѣятельности, для мышленія и для образованія языка. Обнимая большое число отдѣльныхъ представленій, поня-

тіе даетъ намъ возможность сразу познакомиться со всѣми ими, сразу мыслить о нихъ и называть ихъ однимъ словомъ. Если бы человекъ не имѣлъ возможности составлять понятія, то сфера познанія и мышленія его была бы крайне ограничена и языкъ его не могъ бы образоваться.

Главные приемы разсудка въ составленіи понятій: сравненіе, отвлеченіе и обобщеніе. Сравненіе открываетъ сходства и несходства предметовъ; посредствомъ отвлеченій разсудокъ выдѣляетъ изъ сравнительныхъ представленій общіе или сходные признаки и устраняетъ изъ виду несходные; посредствомъ обобщенія соединяетъ сходные признаки въ одно общее представленіе, которое и есть понятіе. Значитъ составить понятіе о вещи, хотя бы совершенно извѣстной—не легко. Каждой изъ васъ можетъ показаться, что она тотчасъ отвѣтитъ на вопросъ: „что такое столъ?“, но окажется, что большая часть людей имѣютъ о столѣ лишь правильное представленіе, только отличаютъ его отъ другихъ предметовъ, и сдѣлаютъ только описаніе стола, полного же опредѣленія, какое требуется на поставленный въ логическомъ смыслѣ вопросъ, не дасть и самый умный человекъ, не подготовленный къ этому логикой. Представлять предметъ и понять его большая разница. Я имѣю представленіе о предметѣ, когда, даже не видя его, могу въ воображеніи начертать себѣ даже внѣшній образъ и, слѣдовательно, могу отличить его отъ другихъ подобныхъ предметовъ. Въ описаніи я даю только внѣшній образъ его, и притомъ именно одного предмета—въ нашемъ примѣрѣ—извѣстнаго стола.

Вопросъ же „что такое столъ?“ требуетъ не описанія того или другаго стола, а изложенія, въ чемъ состоитъ значеніе и сущность стола. Этого я могу достигнуть только тогда, когда представлю себѣ всевозможные роды столовъ, какіе только существуютъ, и обращу вниманіе только на то, что есть общаго во всѣхъ столахъ, чтобы отдѣлить это общее отъ всего, что свойственно только одному или нѣкоторымъ столамъ, короче: отъ всего, безъ чего столъ не перестаетъ быть столомъ.

Отличіе понятій отъ представленій.

Отличаются понятія отъ представленій тѣмъ, что 1) можетъ быть множество различныхъ представленій о томъ или другомъ предметѣ, но понятіе возможно одно; различные люди могутъ представлять себѣ предметъ въ различныя времена: но какъ есть только одинъ неизмѣнный образъ его бытія, такъ и понятіе о немъ возможно только одно—для всѣхъ временъ и лицъ.

2. Представленіе измѣнчиво, случайно и зависимо отъ представляющаго лица (субъективно): понятіе—неизмѣнно, необходимо и независимо отъ личныхъ особенностей мыслящаго лица (объективно).

3. Въ представлєніяхъ существенное соединено съ случайнымъ, въ понятіяхъ—случайное отдѣлено и мыслится только существенное.

Отсюда идеаломъ представленія является точная копія предмета со всѣми его особенностями и признаками, существующими въ немъ въ данное время, когда мы получили отъ него тѣ или иныя ощущенія.

Идеаломъ понятія служитъ мысль, въ которой опредѣлена сущность предмета независимо отъ измѣнчивыхъ и случайныхъ признаковъ его въ различное время; матеріаломъ для понятія являются представленія.

Въ формѣ понятій совершается процессъ мышленія; въ формѣ единичныхъ представленій—процессъ воображенія.

Отличіе процесса мышленія отъ дѣятельности воображенія. Мышленіе есть дѣятельность, отличающаяся отъ воображенія не только пассивнаго, въ которомъ не замѣчается единства основной идеи, но и активнаго или фантазіи. Воображеніе отличается картинностью; мышленіе же—отвлеченно. Мышленіе въ формѣ понятій даетъ только общіе очерки предметовъ, воображеніе же дополняетъ общіе признаки частными и придаетъ его образамъ живость и наглядность.

Оба эти процесса, мышленіе и воображеніе—въ нашей психической жизни не существуютъ отдѣльно, но безпрестанно перемѣшиваются.

Содержаніе и объемъ понятія.

Совокупность признаковъ предмета есть содержаніе понятія. Примѣры: присутствіе перьевъ, двухъ крыльевъ и связанная съ ними способность летать, двухъ ногъ, клюва и т. п.—признаки, составляющіе содержаніе понятія о птицѣ. Геометрическая фигура съ тремя сторонами и тремя углами; одинъ изъ угловъ—тупой—признаки, входящіе въ составъ содержанія понятія о „тупоугольномъ треугольникѣ“.

Совокупность предметовъ, изъ которыхъ извлечено понятіе, или которые обняты понятіемъ, называется объемомъ понятія. Примѣръ: галка, ворона, голубь, воробей, дятель, соколъ и т. д.—предметы, входящіе въ составъ понятія о птицѣ. Всѣ дома, какіе только есть, и каменные, и деревянные, и изъ другаго какого нибудь матеріала, и большіе и малые—объему понятія „домъ“.

Отношеніе между объемомъ и содержаніемъ понятія. Чѣмъ больше объемъ понятія, тѣмъ меньше его содержаніе, и наоборотъ, чѣмъ меньше объемъ, тѣмъ больше содержаніе. Примѣры: „искусство“ (понятіе) имѣетъ большій объемъ и меньшее содержаніе, чѣмъ понятіе „архитектура“. Понятіе „архитектура“ въ свою очередь имѣетъ большій объемъ и меньшее содержаніе, чѣмъ понятіе „скульптура“ и т. д. Понятіе „литература“ имѣетъ

большій объемъ и меньшее содержаніе, чѣмъ понятіе „поэзія“. „Поэзія“ имѣетъ большій объемъ и меньшее содержаніе, чѣмъ понятіе „лирика“ и т. д. Органическое существо, человѣкъ, европеецъ, французъ, парижанинъ и т. д. Естественное тѣло, животное, позвоночное, млекопитающее, хищное животное, левъ.

Дѣленіе понятій.

А. По содержанію: 1. Сложныя—такія понятія, въ которыхъ можно замѣтить, мыслится нѣсколько различныхъ признаковъ. Примѣръ: умъ, чувство, воля—признаки души; вода: нѣчто, занимающее извѣстное мѣсто, нѣчто жидкое, прозрачное, нѣчто безвкусное. **Простыя**, которыя содержатъ въ себѣ только одинъ признакъ, одну черту. Примѣры: „оно, здѣсь, нѣтъ“ и т. д.—здѣсь заключается что то такое, что никоимъ образомъ не можетъ быть раздѣлено на нѣсколько частей.

В. По объему: Если мы изучаемъ одинъ предметъ въ разныхъ положеніяхъ, то у насъ создается понятіе объ одномъ предметѣ, или единично е; а если изучаемъ много одинаковыхъ предметовъ, то составляемъ понятіе общее, обнимающее цѣлый классъ предметовъ, понятія же, относящіяся къ меньшему кругу предметовъ—частными. Общее понятіе по отношенію къ частному называется его родомъ, частное понятіе по отношенію къ общему составляетъ его видъ. „Лошадь“—родовое понятіе по отношенію къ „копытному животному“—видовому. „Воспитаніе и обученіе“. Самыя высшія по общности понятія называются категоріями (отъ греч. слова „категорео“—говорю, что либо другимъ, сказуемое). Категорія одна—нѣчто; все, что мы мыслимъ есть нѣчто.

Понятія конкретныя и абстрактныя.

Понятія о свойствахъ предметовъ называются абстрактными (отъ лат. слова „абстракціо“—отвлеченіе) или отвлеченными (т. е. свойства мыслятся независимо отъ предметовъ, обладающихъ ими): лѣсть, красота, чернота, добродѣтель, желаніе. А понятія о цѣлыхъ предметахъ—конкретными (отъ лат. слова „conspresco“—сращаю): человѣкъ, дерево, растенія...

Совершенства понятія состоятъ: въ а) ясности, б) раздѣльности и в) полнотѣ. **Яснымъ** называется то понятіе, содержаніе котораго настолько опредѣленно, что его легко отличать отъ всякаго другаго, сходнаго съ нимъ понятія.

Раздѣльное понятіе то, въ которомъ каждая часть содержанія сознается вполне отчетливо, и наконецъ, полное такое, когда въ содержаніи его мыслятся всѣ болѣе или менѣе существенныя признаки предмета.

Образованіе понятія у дѣтей.

Оно состоитъ въ зависимости отъ количества и качества получаемыхъ ими представлений. Чѣмъ медленнѣе вырабатываются ясныя и отчетливыя представленія, тѣмъ медленнѣе и процессъ образованія понятія.

Раньше другихъ обыкновенно зарождается въ душѣ ребенка представленіе о кормилицѣ или матери, которыхъ онъ чаще всего видитъ.

Первоначально кормилица для него источникъ пріятныхъ ощущеній:—она кормитъ его и ласкаетъ.

Мало по малу, съ развитіемъ внѣшнихъ чувствъ ребенка, это несложное представленіе усложняется. Въ памяти ребенка отпечатлѣваются черты лица кормилицы, ея фигура, и проч. Въ представленіи о кормилицѣ соединяется уже много впечатлѣній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ребенокъ видитъ и другихъ женщинъ. Фигуры женщинъ имѣютъ много общихъ признаковъ.

Вслѣдствіе частаго повторенія эти общіе признаки крѣпче запечатлѣваются въ памяти, чѣмъ отличительные.

Также формируются представленія и о другихъ видимыхъ ребенкомъ лицахъ—отцѣ, братьяхъ, сестрахъ, прислугѣ, гостяхъ и проч. Изъ совокупности этихъ представлений образуются мало по малу первые зародыши общаго понятія о чловѣкѣ, являющіеся результаомъ произвольнаго обобщенія признаковъ различныхъ лицъ. Пока процессы вниманія, памяти и воображенія носятъ у ребенка пассивный характеръ, понятіе, въ точномъ смыслѣ этого слова, еще не можетъ образоваться.

Но чѣмъ далѣе съ подрастаніемъ ребенка становится замѣтною активность, произвольность въ отправленіяхъ психической жизни его, тѣмъ быстрѣе формируются понятія въ его душѣ и тѣмъ совершеннѣе они становятся. Могучимъ пособіемъ здѣсь является даръ слова. Слово служитъ своего рода матеріальной оболочкой мысли и съ появленіемъ его ребенокъ быстро переходитъ отъ предметнаго мышленія, которымъ онъ жилъ до этого времени, къ мышленію символическому, словесному. Этимъ путемъ процессъ мысли ускоряется и, въ то же время, становится болѣе точнымъ и опредѣленнымъ.

Выводъ. Въ виду того, что понятія составляются на основаніи имѣющихся въ памяти представлений, представленія же у разныхъ лицъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ разнятся, то естественно, что и понятія, составленныя изъ одного, родныхъ группъ представлений, у разныхъ лицъ не одинаковы а потому одно и то же слово, выражающее собою то или другое понятіе, не для всѣхъ по содержанію и объему тождественно.

Это обстоятельство есть одна изъ причинъ для болѣе или менѣе неразрѣшимыхъ споровъ. Изъ сказаннаго дѣлается оче-

виднымъ, какъ важно пріучиться внимательно всматриваться въ предметы и явленія, чтобы имѣть о нихъ вѣрныя и отчетливыя представленія, такъ какъ только при этомъ условіи возможно составленіе вѣрныхъ и отчетливыхъ понятій, и степень образованія всецѣло основана на умѣни отличить существенные признаки отъ несущественныхъ, на умѣни составлять вѣрныя понятія и на выработкѣ возможно общихъ понятій, необходимыхъ для большей широты кругозора и для свободы мысли. Только тотъ можетъ считаться вполне образованнымъ человѣкомъ, кто выучился примѣнять слова вполне сознательно, а не повторять слова лишь по наслышкѣ, не давая себѣ въ нихъ должнаго отчета. Много слышится словъ и фразъ, кои суть не болѣе какъ повторяемые по наслышкѣ звуки и громкія фразы безъ внутренняго содержанія. Отчетливое употребленіе словъ есть, поэтому, мѣрило умственнаго развитія.

XIX.

Сужденія и умозаключенія.

Умъ человѣческій не довольствуется построеніемъ представленій и понятій; онъ доискивается взаимной между ними связи, доискивается причины явленій и требуетъ доказательства въ истинности своихъ положеній. Эта связь и соотношеніе между понятіями, это выраженіе отношенія между двумя понятіями, при которомъ одно понятіе опредѣляется другимъ, называется сужденіемъ.

Такъ, имѣя понятіе о металлахъ и минералахъ, а также о серебрѣ или алмазѣ, мы говоримъ, что серебро—металлъ, алмазъ—минералъ, или все равно въ отрицательной формѣ: серебро—не минералъ, алмазъ—не металлъ. Имѣя понятія о птицѣ и рыбѣ и обращая вниманіе на взаимное отношеніе этихъ понятій, мы находимъ, что понятіе о рыбѣ, легко можетъ быть соединено съ понятіемъ о плаваніи (рыба плаваетъ), а понятіе о птицѣ съ понятіемъ о летаніи (птица летаетъ; хотя есть, кажется, летающія рыбы).

Говоря такимъ образомъ, мы или утверждаемъ, или отрицаемъ связь между двумя данными понятіями, или говоря иначе, мы судимъ.

То понятіе, о которомъ мы судимъ, называется подлежащимъ; понятіе, которымъ или посредствомъ котораго судятъ, называется сказуемымъ. Сужденіе, такимъ образомъ, есть раскрытіе подлежащаго (съ положительной или отрицательной стороны) и судить—значитъ изучать подлежащее. Сказуемое составляетъ содержаніе сужденія.

Дѣленіе сужденій.

А. По способу образованія или по происхожденію.

1. **Аналитическія** (отъ греч. слова „анализисъ“ — разборъ), образуются тогда, когда понятію приписывается такой признакъ, который заключается въ его содержаніи. Примѣръ: вода есть жидкость, снѣгъ холоденъ. Эти сужденія имѣютъ громадное значеніе. Ученики, напр., долго смѣшиваютъ значеніе названій: буква и звукъ, число и цифра, пока путемъ анализа, разбора не уясняются имъ эти понятія.

2. **Синтетическія** (отъ греч. слова „синтезисъ“ — сложеніе, сочетаніе) образуются, если подлежащему приписывается признакъ, не заключающійся въ содержаніи понятія. Примѣръ: столъ бѣлый, круглый; вода горяча, (бѣлый цвѣтъ, круглость, горяча — не составляютъ существенныхъ признаковъ понятій „столъ“ и „вода“).

По происхожденію сужденія бываютъ: а *ргіогі* (происшедшія изъ прежняго), образующіяся прежде всякаго опыта и сужденія, а *posterіогі* (происшедшія отъ позднѣйшаго), т. е. послѣ опыта. (Примѣры: двѣ линіи, равныя третьей, равны между собой; при морозѣ вода превращается въ ледъ).

Б. По качеству. 1. **Утвердительныя**, когда сказуемое утверждаетъ въ подлежащемъ какой либо признакъ, напримѣръ: ученіе — полезно, праздность — вредна, логика — наука; и 2) **отрицательныя**, когда сказуемое отрицаетъ что либо въ подлежащемъ: бѣдность — не порокъ, сердце — не камень, человѣкъ — не всемогущъ, худыя вѣсти не лежатъ на мѣстѣ.

В. По количеству или объему сужденія бываютъ: а) **общія**, когда подлежащее заключаетъ въ себѣ всѣ частныя понятія, входящія въ его объемъ, напр.: всѣ люди смертны, всѣ люди — существа разумныя, дерево (т. е. всякое) растетъ, поэты обладаютъ творчествомъ и б) **частныя**, когда подлежащее выражаетъ собою не весь объемъ понятія, а только часть его, напр., нѣкоторые люди скупы, многіе во зло употребляютъ свои дарованія, нѣкоторыя деревья имѣютъ вмѣсто листьевъ иглы, нѣкоторые писатели писали только эпическія произведенія.

Г. По отношенію подлежащаго къ сказуемому: А) **Категорическія** или **безусловныя**, въ которыхъ подлежащее заключаетъ въ себѣ вполнѣ достаточное основаніе для своего сказуемаго, напр.: Петръ Великій въ 1790 году разбилъ Шведовъ подъ Полтавою, параллелограммъ есть четырехугольная фигура, стекло — прозрачно, солнце свѣтитъ и грѣетъ; б) **гипотетическія** или **условныя**, въ которыхъ сказуемое приписывается подъ извѣстнымъ условіемъ подлежащему: если дерево не поливать, то оно засохнетъ, если

погрузить тѣло въ воду, то оно теряетъ часть своего вѣса, и в) раздѣлительныя, въ которыхъ одному подлежащему приписывается два или нѣсколько сказуемыхъ, при томъ такихъ, изъ коихъ истиннымъ можетъ быть лишь одно: или панъ или пропаль, эта вещь или изъ дерева, или изъ камня, этотъ металлъ или золото, или серебро, или мѣдь, или желѣзо .

Или же когда одно сказуемое приписывается многимъ подлежащимъ: на войнѣ или та или другая сторона должна побѣдить.

Д. По степени достовѣрности, заключающихся въ сужденіи истинъ (по модальности): а) вѣроятныя или проблематическія (можетъ быть), въ коихъ сказуемое можетъ быть или не быть соединено съ подлежащимъ, напр., Гомеръ, можетъ быть, былъ авторъ „Иліады“; завтра, можетъ быть, умремъ. На Сатурнѣ, можетъ быть, есть жители. б) Дѣйствительныя или ассерторическія (есть), въ которыхъ сказуемое дѣйствительно принадлежитъ подлежащему: Пушкинъ былъ поэтъ, Троицкъ стоитъ на берегахъ рѣкъ Уя и Увельки, Калифорнія богата золотомъ, больной умеръ. в) Необходимыя (должно быть) или аподиктическія, въ коихъ сказуемое необходимо должно принадлежать подлежащему, напр. $2+2=4$; это сужденіе не только вѣрно въ настоящемъ, но необходимо должно существовать именно въ такой, а не иной формѣ. Всѣ люди должны умереть. Камень, брошенный вверхъ, долженъ упасть на землю. Часть меньше цѣлаго.

Образованіе сужденій у дѣтей. У дѣтей сужденія не таковы, какъ у взрослыхъ. Дитя мыслить по преимуществу образами, его интересуютъ главнымъ образомъ предметы конкретныя, съ коими онъ прежде всего знакомится. Поэтому у него сначала преобладаютъ единичныя сужденія, а затѣмъ ужъ онъ переходитъ къ частнымъ и общимъ.

Умозаключенія.

Человѣкъ, составляя сужденіе, требуетъ однако доказательства тому, что составленное сужденіе не ложно, и это доказательство онъ находитъ, сопоставляя сужденія, дающія ему возможность вывести логическое заключеніе, чѣмъ и доказывається вѣрность послѣдняго. Такъ, если я хочу найти основаніе для сужденія „Иванъ смертенъ“, то долженъ доказать, что смертность заключается въ природѣ человѣка, и тогда говорю: „Иванъ, какъ человѣкъ, смертенъ“. Такимъ образомъ частное явленіе я подвожу подъ общій законъ и тѣмъ показываю, что явленіе, о которомъ я говорилъ въ моемъ сужденіи, не есть явленіе случайное, а необходимое, имѣющее внутреннее основаніе. „Всѣ растенія суть тѣла органическія“.

„Береза есть растеніе“—мы дѣлаемъ выводъ или заключеніе: „слѣдовательно, и береза есть органическое тѣло.“ „Ученые“ и „возможность ошибаться“.

Такой выводъ заключенія изъ сужденій, находящихся въ извѣстномъ отношеніи между собою, называется умозаключеніемъ, а въ словесномъ выраженіи своемъ называется **силлогизмомъ** (отъ син—вмѣстѣ и логизимъ—разсуждаю). Умозаключеніе представляетъ слѣдующія части: а) сужденія, изъ коихъ выводится заключеніе и б) самое заключеніе. Сужденія, изъ коихъ выводятся заключенія, называются посылками. Посылка, содержащая въ себѣ общее сужденіе, называется большой посылкой. Посылка, заключающая въ себѣ частное сужденіе,—меньшей посылкой. Такимъ образомъ въ полномъ умозаключеніи три части: большая посылка, меньшая посылка и заключеніе.

Всѣ растенія суть тѣла органич.—большая посылка. Береза есть растеніе—меньшая посылка.

Слѣдовательно, и береза есть органическое тѣло—заключеніе. Понятіе, не входящее въ заключеніе, но вводимое въ посылки для того, чтобы свести оба понятія заключенія въ одно сужденіе, называется среднимъ терминомъ. Здѣсь средний терминъ—„растеніе“, онъ входитъ въ большую и меньшую посылку, но не входитъ въ заключеніе.

Умозаключеніе, въ которомъ всѣ 3 части—называется полнымъ, а если одна изъ посылокъ опущена—сокращеннымъ. Напр. Всѣ люди могутъ ошибаться, слѣдоват., и ученые могутъ ошибаться“. Здѣсь опущена меньшая посылка. Примѣры: Всѣ люди смертны, Иванъ человѣкъ, слѣдовательно? Металлы плавятся, серебро есть металл, слѣдоват. серебро плавится“.

Значеніе силлогизма. Въ развитіи знанія вообще, въ частности дѣтскаго, значеніе силлогизма состоитъ въ томъ, что на основаніи одного доказаннаго общаго положенія, мы можемъ уяснить множество отдѣльныхъ случаевъ, подходящихъ подъ это положеніе, хотя бы мы ихъ и не наблюдали. Напр., если извѣстно общее положеніе, что все органическое разрушается, то и о вновь найденномъ организмѣ мы можемъ рѣшительно сказать, что онъ со временемъ разрушится; если дѣти знаютъ, что всякій обманъ не хорошъ, то они легко заключаютъ, что и сейчасъ обмануть родителей или наставника тоже не хорошо.

XX.

Методическое мышленіе.

Понятія, сужденія и умозаключенія составляютъ основу всей логической дѣятельности. О чемъ бы мы не думали, что бы мы ни познавали, мы или образуемъ понятія, или судимъ о предме-

тахъ своего ежедневнаго опыта, напр., о предметахъ природы, служебной дѣятельности и проч., приобретаемъ множество знаний.

Приобрѣтенныя такимъ образомъ познанія остаются однакоже разрозненными, не имѣя ни полноты, ни органической связности и ограничиваться только этимъ въ умственной дѣятельности недостаточно.

Высшее умственное развитіе образуется путемъ методическаго мышленія, когда человѣкъ, не довольствуясь одними отрывочными и случайными познаніями стремится къ обдуманному и послѣдовательному изученію предметовъ, употребляя при этомъ различные методы или способы изслѣдованія (методъ отъ греч. слова „методосъ“, путь, способъ изслѣдованія) и заботится о приведеніи своихъ знаний въ систему, т. е. о сопоставленіи ихъ въ одно логическое цѣлое (отъ греч. слова „система“ — сопоставленіе — составъ).

Система же методически приобретенныхъ знаний называется наукою. Въ методическомъ мышленіи мы замѣчаемъ 2 главныхъ направленія: дедукцію и индукцію.

1. **Дедукція** (отъ лат. слова „дедукціо“ — выводеніе).

Переходъ въ мышленіи отъ общаго правила, закона, къ частному явленію, факту, и освѣщеніе, такимъ образомъ, этого частнаго явленія или факта общимъ правиломъ или закономъ называется дедукціей.

Въ силлогизмѣ мышленіе идетъ дедуктивнымъ путемъ.

Дедукція имѣетъ большое практическое примѣненіе. Врачъ, зная общіе признаки той или другой болѣзни, опредѣляетъ по этимъ признакамъ болѣзнь каждаго своего больного.

Ученикъ, зная общее орфографическое правило: относительно, напр., употребленія *i* (десятеричнаго), примѣняетъ это правило къ встрѣчающимся частнымъ случаямъ и не дѣлаетъ ошибки. Усвоивъ понятіе о глаголѣ, какъ разрядѣ словъ, показывающемъ дѣйствіе или состояніе, ученикъ относитъ къ глаголу каждое слово, обозначающее дѣйствіе или состояніе. Познанія, приобретенныя путемъ вывода изъ общаго понятія о предметѣ, однимъ мышленіемъ — дедуктивно — называются познаніями, „а ргіогі“.

2. **Индукція** (отъ лат. слова „индукціо“ — наведеніе).

Выводъ общаго понятія, общаго закона, изъ частныхъ, единичныхъ явленій составляетъ индукцію. Индукція есть такимъ образомъ путь, посредствомъ котораго мы выводимъ общія знанія, знакомимся съ законами или общими правилами, охватывающими, объясняющими частныя явленія, факты. Но чтобы обладать этимъ общимъ правиломъ или общимъ закономъ, нужно его, такъ сказать, открыть индуктивнымъ путемъ, на основаніи частныхъ явленій или случаевъ. Индуктивный ходъ мышленія служитъ естественнымъ путемъ для обогащенія знаніями и для

образованія общихъ понятій. Всѣ общія свѣдѣнія, почерпнутыя нами изъ дѣйствительности, выведены индуктивно изъ наблюдений частныхъ явленій, изъ опыта.

Какъ человекъ узналъ, что дерево плаваетъ? Посредствомъ частныхъ наблюдений. Какъ человекъ убѣдился, что за осенью наступаетъ зима, за зимой весна? Тоже путемъ наблюдений частныхъ явленій. Какъ человекъ убѣдился, что все живущее умираетъ? Путемъ непосредственнаго наблюденья надъ частными явленіями. Ребенокъ, разъ или два неосторожно поднесшій руку къ горячей свѣчѣ—заключаетъ, что огонь жжется. Всѣ строго научныя положенія могутъ быть добыты только индуктивнымъ путемъ, т. е. изученіемъ частныхъ явленій.

Будучи вообще естественнымъ путемъ для обогащенія общими свѣдѣніями и понятіями, индуктивный путь является цѣлесообразнымъ и при сообщеніи ученикамъ новыхъ знаній.

Такъ, напр., при ознакомленіи съ какимъ нибудь ариѳметическимъ правиломъ, рѣшаются частныя задачи, а потомъ изъ рѣшенія этихъ задачъ выводится общее ариѳметическое правило.

Вспомогательные приемы при индукціи: гипотеза и аналогія.

Гипотеза (отъ греч. слова „ипотезисъ“—предположеніе) есть такой родъ умозаключенія, въ которомъ, на основаніи извѣстныхъ фактовъ, строится предположеніе о вѣроятной ихъ причинѣ. Отъ простыхъ предположеній, къ коимъ мы часто прибѣгаемъ въ обыденной жизни, гипотеза отличается тѣмъ, что она строится не для удовлетворенія празднаго любопытства, а для объясненія тѣхъ или другихъ явленій, еще не нашедшихъ для себя разъясненія въ наукѣ, вызывается существенными потребностями знанія. Болѣе извѣстныя гипотезы: свѣтоваго эфира, которой объясняются свѣтовые явленія, атомистическая, магнетизма. Главное условіе гипотезы—соотвѣтствіе или, по крайней мѣрѣ, непротиворѣчіе ея фактамъ. Значеніе гипотезъ въ области знанія, при всей условности ихъ вывода, громадно. Всякая научная истина первоначально высказывается въ формѣ предположенія и потомъ уже получаетъ подтвержденіе на фактахъ. Можно съ увѣренностью сказать, что не будь въ наукѣ гипотезъ, въ ней не было бы и „аксіомъ“!

Аналогія (отъ греч. слова „аналогосъ“—подобный)—заключеніе отъ сходства двухъ или болѣе вещей въ одномъ или многихъ существенныхъ отношеніяхъ къ сходству ихъ и въ прочихъ. Формула такого умозаключенія (по Миллю) слѣдующая: „двѣ вещи (положимъ) сходны между собой въ одномъ или нѣсколькихъ отношеніяхъ; извѣстное положеніе вѣрно объ одной вещи; слѣдовательно оно вѣрно и о другой“.

Строго говоря, аналогія не есть тожество одной вещи съ другою, но лишь тожество въ отношеніяхъ. Такъ напр. число 7 не тожественно съ 10 или 14 съ 20, но отношеніе 7

и 10 тождественно съ отношеніемъ 14 и 20; такъ что въ этомъ именно существуетъ аналогія между этими числами. Тоже самое подтверждается и обычными примѣрами аналогіи: сонъ и смерть, ученъе и свѣтъ, дикарь и ребенокъ, весна и юность, зима и старость и т. д. Очевидно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о тождествѣ самыхъ предметовъ, но лишь о тождествѣ въ ихъ свойствахъ и отношеніяхъ.

Въ дидактическомъ, учебномъ отношеніи мы часто пользуемся аналогіей, чтобы, путемъ ея, объяснить какія либо трудныя и неясныя отношенія между предметами. Такъ, мы объясняемъ, напр., отношеніе Бога къ людямъ чрезъ аналогію отца къ сыну или своимъ дѣтямъ. Употребленіе примѣровъ, сравненій, метафоръ и аллегорій, проливающихся свѣтъ на вещи мало изслѣдованныя, относится къ группѣ заключеній по аналогіи.

Индуктивный и дедуктивный ходъ мышленія обыкновенно чередуется между собою и при мышленіи въ сферѣ обыденныхъ вопросовъ, и при занятіи учебными предметами. Индукція болѣе цѣлесообразна при первоначальномъ обученіи. Каждому извѣстно, какая большая разница, будетъ ли выведено извѣстное правило изъ примѣровъ, или же оно будетъ дано раньше, и затѣмъ примѣнено къ частнымъ случаямъ и примѣрамъ.

Въ первомъ случаѣ общія правила и опредѣленія понимаются легче и вѣрнѣе, такъ какъ учащійся какъ бы самъ доходить до нихъ (открываетъ ихъ), а въ послѣднемъ усваиваетъ ихъ систематически по готовой схемѣ (методъ позднѣйшаго изученія).

Разумъ.

Я говорю, что извѣстное явленіе или фактъ имѣетъ свою причиную такое то явленіе, это явленіе въ свою очередь вызвано было такой то причиной, а эта причина была результатомъ дѣйствія такихъ то вещей и т. д.

Продолжая такимъ образомъ идти въ указанномъ направленіи, я долженъ остановиться на чемъ либо такомъ, что нужно признать первопричиною т. е. причинойъ всѣхъ причинъ. Подобнымъ образомъ, рассматривая все существующее съ точки зрѣнія цѣлей (для чего существуетъ тотъ или другой предметъ), я образую непрерывную цѣпь цѣлей и средствъ. Такъ, растительная жизнь служитъ, на примѣръ, средствомъ къ сохраненію животной жизни; та или другая—цѣлямъ жизни разумной и т. д.

Разсуждая такимъ образомъ, естественно придти къ идеѣ высшей цѣлесообразности, обуславливающей назначеніе всѣхъ вещей и явленій. Когда наше мышленіе ищетъ безусловнаго завершения всѣхъ отношеній между вещами, оно возвышается до степени разума, а тѣ понятія, которыя выражаютъ познаніе безусловнаго, называются идеями.

Такимъ образомъ—разумъ есть такое высшее обнаруженіе мыслительной дѣятельности, которое имѣетъ предметомъ своимъ безусловное и безконечное, что должно быть признано причиною, основаніемъ и цѣлю всего ограниченнаго. Безъ этого объединяющаго начала наше знаніе было бы не закончено, безсистемно, неполно. А такъ какъ главные предметы человѣческаго знанія суть Богъ, міръ и человѣкъ, то и главные виды идей, сообразно съ этимъ суть: 1) Идея безконечнаго или религіозная; 2) идея о мірѣ или, космологическая и 3) идея о душѣ или психологическая.

Послѣдняя, сообразно съ главными проявленіями жизни человѣческаго духа и направленіемъ его: а) къ познанію міра, б) наслажденію имъ и в) дѣйствию въ немъ и на него проявляется въ слѣдующихъ 3-хъ частныхъ явленіяхъ: умственной (идея истины), эстетической (идея красоты) и нравственной (идея добра). Высшая цѣль воспитанія—способствовать развитію этихъ идеальныхъ стремленій души человѣческой.

Воспитатель также долженъ заботиться о правильномъ развитіи мышленія дѣтей. Это тѣмъ болѣе необходимо, что дѣти а безъ руководства будутъ мыслить, но мыслить неправильно; и неправильныя понятія, сужденія и умозаключенія не только портятъ духовное развитіе, но отзываются и положительнымъ вредомъ въ виду всевозможныхъ суевѣрій, повѣрій, предрасудковъ, отравляющихъ жизнь.

XXI.

Языкъ какъ средство для выраженія мыслей.

Способы выраженія душевныхъ состояній.

Для выраженія мыслей, чувствованій и другихъ душевныхъ состояній человѣкъ обладаетъ двумя способами: языкомъ мимическимъ и языкомъ членораздѣльной рѣчи. Первый способъ основывается на томъ, что каждое душевное состояніе имѣетъ для себя соотвѣтствующее выраженіе въ лицѣ, голосѣ или тѣлодвиженіи, по которымъ мы и судимъ о тѣхъ или другихъ внутреннихъ состояніяхъ человѣка. Такъ, наклоненіе головы служитъ знакомъ согласія и одобренія, тогда какъ трясеніе головой есть знакъ несогласія; покачиваніе головой—знакъ порицанія; слезы означаютъ горе, смѣхъ—радость и т. д. Языкъ мимики имѣетъ важное преимущество предъ языкомъ членораздѣльной рѣчи потому, что онъ понятенъ каждому: ему не нужно учиться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣетъ и свои недостатки. Посредствомъ его бываетъ весьма трудно, если только возможно, передать понятія отвлеченныя и точныя, какъ напр., добра, красоты, числа, времени и т. п. Потому то рядомъ съ этимъ

несовершеннымъ способомъ выраженія мы имѣемъ другой, болѣе удобный и совершенный—языкъ членораздѣльной рѣчи, столь рѣзко отдѣляющій человека отъ животныхъ, составляющій, можно сказать, „рубиконъ“, котораго они не переходятъ.

Рѣчь или языкъ представляетъ двѣ стороны: а) внѣшнюю, звуковую, и внутреннюю, психическую (содержаніе, выражаемое звуками).

Намѣтимъ въ общихъ чертахъ ходъ развитія языка ребенка:

1. Съ появленіемъ на свѣтъ ребенокъ издаетъ крикъ, который есть рефлективное, бессознательное отраженіе неприятныхъ ощущений, испытываемыхъ вслѣдствіе переменъ температуры и среды.

Первый крикъ новорожденнаго, можно думать, усиливаетъ дѣятельность легкихъ и сердца новаго пришельца въ свѣтъ, а потому и имѣетъ свое значеніе. Первые звуки, издаваемые новорожденнымъ, могутъ до нѣкоторой степени дать намъ понятіе о состояніи здоровья родившагося. Сильный, продолжительный крикъ служитъ явнымъ признакомъ крѣпкаго сложенія новаго пришельца, между тѣмъ какъ короткіе, слабые звуки, задыхающіеся доказываютъ часто слабость и болѣзненность новорожденнаго.

Послѣдовательно крикъ ребенка измѣняется, такъ что опытный наблюдатель можетъ по крику узнать возрастъ ребенка.

Крикъ, какъ отраженіе неурядныхъ ощущений ребенка, представляетъ свои оттѣнки, смотря по характеру самыхъ ощущений. Крикъ, вызванный, напр. голодомъ, отличается отъ того крика, который ребенокъ издаетъ, когда его что нибудь сильно укололо. По тону крика мать или няня узнаетъ иногда о причинѣ его.

Въ крикѣ слышны гласные звуки.

Нѣсколько позже ребенокъ начинаетъ произносить гласные звуки и не въ крикѣ. Далѣе, около 2 мѣсяца, ребенокъ начинаетъ произносить согласные звуки въ сочетаніи съ гласными, причемъ большею частію согласный звукъ предшествуетъ.

Первыми согласными являются губные. Губы наиболѣе упражнялись при сосаніи. Ребенокъ начинаетъ произносить: „ма-ма-ма“, „па-па-па“..., „бу“ и др.

Послѣдовательно ребенокъ прибавляетъ къ своему лепету небные, гортанные и, съ появленіемъ переднихъ зубовъ,—зубные звуки.

Вообще въ порядкѣ, въ которомъ ребенокъ начинаетъ произносить звуки, нельзя не видѣть, что болѣе легкіе для произношенія онъ произноситъ раньше и переходитъ послѣдовательно къ болѣе труднымъ.

2. Сначала ребенокъ не связываетъ съ произносимыми звуками никакого значенія. Но, обогащаясь отъ окружающихъ предметовъ представленіями, онъ связываетъ съ этими представле-

ніями извѣстные звуки и сочетанія ихъ. Такимъ образомъ получаются слова съ извѣстнымъ значеніемъ. Звуки и сочетанія ихъ получаютъ значеніе символовъ, обозначающихъ представленія. Нѣкоторыя слова ребенокъ составляетъ самъ или путемъ случайнаго связыванія легко и часто произносимыхъ звуковъ съ извѣстнымъ представленіемъ о предметѣ. (Такъ, можно думать, составились первоначально слова „мама“, „папа“, съ ихъ значеніемъ). Другія слова ребенокъ составляетъ путемъ подражанія звуку, издаваемому предметомъ или сопровождающему дѣйствіе предмета. Такъ, напр. словомъ „тикъ-тикъ“ ребенокъ называетъ часы, по подражанію стуку часовой пружины, „бумъ-бумъ“ означало колоколь, „му“—значило корова.

3. Слова, составленныя такимъ образомъ самимъ ребенкомъ, конечно, не могутъ долго держаться, такъ какъ они не употребляются окружающими; слова эти замѣняются словами, заимствованными отъ окружающихъ.

Заимствованіе словъ отъ окружающихъ составляетъ самый широкій путь къ обогащенію рѣчи ребенка.

Ребенокъ постоянно слышитъ, какъ окружающіе называютъ тотъ или другой предметъ, и связываетъ въ своемъ сознаніи представленія или понятія съ слышимыми словами, которыя и повторяетъ.

4. Но, заимствуя отъ окружающихъ слова, ребенокъ не всегда связываетъ съ ними такое точно значеніе, какое связываютъ съ ними взрослые. Ребенокъ часто придаетъ заимствованному слову или болѣе узкое значеніе, чѣмъ оно имѣетъ у взрослыхъ, или, наоборотъ, расширяетъ значеніе слова, называя имъ и такіе предметы, кои у взрослыхъ имѣютъ особыя названія, или же, наконецъ, обозначаетъ имъ совокупность совсѣмъ не тѣхъ признаковъ (понятіе), которое обозначается взрослыми. Вотъ нѣсколько примѣровъ неточнаго употребленія заимствованныхъ ребенкомъ словъ: словомъ „Канъ“ (Полканъ) ребенокъ сначала называетъ свою дворовую собаку, потомъ этимъ словомъ сталъ называть и всякую другую собаку и даже козла. Словомъ „коко“ ребенокъ называлъ и яйцо, и яблоко, и картофель. Словомъ „чайна“ ребенокъ обозначалъ и чашки, и стаканы, и молочникъ, однимъ словомъ,—все, что ставится на столъ, когда собираютъ къ чаю. Одинъ ребенокъ называлъ словомъ „каленька“ (красенькая)—все, что ему нравилось, хотя бы оно было и не краснаго цвѣта.

Первое красивое платье ребенка было краснаго цвѣта, и онъ слышалъ, какъ называли его платье краснымъ.

5. Кромѣ ошибокъ, касающихся содержанія словъ, ребенокъ, вслѣдствіе недостаточности приученія голосоваго органа къ произношенію болѣе трудныхъ звуковъ, а также вслѣдствіе не всегда отчетливаго воспріятія словъ—переиначиваетъ иногда произношеніе словъ. Онъ чаще схватываетъ тѣ слоги въ словѣ, на коихъ лежитъ удареніе и которое отчетливѣе произносится

взрослыми: „ми“ (возьми), „демъ“ (пойдемъ), „па“—упалъ. Трудные почему либо для произношенія звуки замѣняетъ болѣе легкими: „таю“ вмѣсто чаю, „фоцю“ вмѣсто хочу.

6. Замѣчая, съ одной стороны, различіе въ тѣхъ предметахъ, которые подведены были подъ общее названіе, а съ другой—прислушиваясь къ говору окружающихъ и упражняясь въ произношеніи звуковъ, ребенокъ мало по малу исправляетъ неправильности въ значеніи и произношеніи своихъ словъ. Лексиконъ его постоянно измѣняется, улучшается и обогащается, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ его дѣлается понятнѣе для окружающихъ.

7. Прежде всего ребенокъ сознательно называетъ, конечно, тѣ предметы, кои наиболѣе знакомы ему и представляютъ для него особенное значеніе. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаютъ названія лицъ, ухаживающихъ за нимъ, и названія предметовъ, служащихъ или къ удовлетворенію его потребностей, или къ доставленію ему удовольствій.

Названія предметовъ ребенокъ скорѣе усваиваетъ, чѣмъ названія дѣйствій, а названія дѣйствій скорѣе, чѣмъ названія качествъ.

Въ лексиконѣ 1½ или 2 лѣтняго ребенка замѣчается болѣе существительныхъ, чѣмъ глаголовъ, а этихъ послѣднихъ больше, чѣмъ прилагательныхъ или мѣстоименій. Служебныхъ словъ пока почти совсѣмъ не замѣчается.

8. Равнымъ образомъ, мысль соотношеніе понятій въ формѣ сужденій, ребенокъ долго затрудняется выразить это предложеніемъ. Замѣною предложения у него первоначально служитъ чаще всего одно какое либо слово, произносимое съ различной интонаціей; иногда же изъ цѣлой фразы, выслушанной у взрослого, онъ беретъ какія нибудь отдѣльныя слоги. Напр., „айбака“ вмѣсто: „ахъ, какая большая собака“.

Къ концу 3 и на 4 году рѣчь ребенка принимаетъ уже до извѣстной степени форму рѣчи взрослыхъ, даже и въ грамматическомъ отношеніи. Вмѣстѣ съ словами ребенокъ заимствуетъ отъ окружающихъ и формы языка. Окружающіе говорятъ предложениями, причемъ примѣняютъ и грамматическія формы. Ребенокъ, воспринимая рѣчь отъ окружающихъ, впитываетъ въ себя и грамматическія формы. Такъ какъ общія грамматическія формы языка повторяются несравненно чаще, чѣмъ исключенія, то отсюда понятно, что онѣ и сильнѣе залегаютъ въ памяти ребенка. Такъ, если ребенку отъ слова глазъ или ухо нужно сказать множественное число, то онъ иногда скажетъ „глазы“, „ухи“ (по образцу—руки, столы), отъ слова „хорошій“, онъ скажетъ иногда хорошѣе, а не лучше, по образцу плотнѣе, сильнѣе.

Педагогическіе выводы, касающіеся выработки правильности дѣтской рѣчи.

1. Рѣчь окружающихъ должна быть по возможности правильна, 2) должно быть соотвѣтствіе между количествомъ словъ и понятій или представленій и 3) нужно ставить ребенка въ условія, при которыхъ онъ можетъ упражнять свою рѣчь.

1. Какъ говорятъ окружающіе, такъ научается говорить и ребенокъ. Слѣдовательно, для того, чтобы у ребенка развилась правильная рѣчь, необходимо, чтобы окружающіе его говорили, по возможности, чисто, правильно. Это, конечно, налагаетъ на взрослыхъ обязательство быть осматрительными при дѣтяхъ въ своей рѣчи. Между тѣмъ, иногда приходится слышать, что няня или даже родные ребенка, обращаясь къ нему съ рѣчью, употребляютъ такія выраженія, которыя никоимъ образомъ не могутъ считаться правильными, или до приторности коверкаютъ слова, вставляя въ нихъ ненужные звуки, или выбрасывая изъ нихъ нѣкоторые звуки, искажая такимъ образомъ языкъ, они рассчитываютъ, что ребенокъ скорѣе ихъ пойметъ. Но расчетъ ихъ невѣренъ, такъ какъ ребенку дается одинаково пониманіе какъ рѣчи искаженной, такъ рѣчи и неискаженной. И даже пониманіе послѣдней дается ему легче, такъ какъ неискаженную рѣчь всетаки чаще приходится слышать.

2. Каждому слову, при правильномъ развитіи рѣчи соотвѣтствуетъ свое особое понятіе или представленіе. Но случается такъ, что ребенокъ имѣетъ несравненно больше словъ, чѣмъ понятій или представленій. Это бываетъ въ томъ случаѣ, когда взрослые, мало заботясь объ обогащеніи реб. понятіями, представленіями, навязываютъ ему слова и фразы, значенія коихъ онъ не понимаетъ или даже не въ состояніи понять. Обладая памятью, онъ запоминаетъ эти слова и фразы и такимъ образомъ, вмѣсто идей и понятій, обогащаетъ свою память малосодержательными или даже бессодержательными сочетаніями звуковъ. Онъ приучается говорить слова (часто громкія), не сопровождая ихъ теченіе теченіемъ соотвѣтственныхъ понятій и сопровождая крайне туманными понятіями.

3. Весьма важное значеніе въ первоначальномъ развитіи языка имѣетъ товарищество, совмѣстныя игры. Здѣсь дѣти вращаются своимъ умомъ въ области предметовъ, доступныхъ ихъ разумнѣю и въ то же время дѣлятся другъ съ другомъ богатствомъ усвоенныхъ каждымъ изъ нихъ отдѣльно тѣхъ или иныхъ представленій и понятій. У дѣтей, которымъ приходится вращаться только среди взрослыхъ, часто встрѣчается весьма существенный недостатокъ: они несравненно имѣютъ больше словъ, чѣмъ понятій и представленій и показывая по формѣ рѣчи несоотвѣтствующіе лѣтамъ признаки умственного развитія, въ дѣйствительности иногда значительно отстаютъ отъ своихъ сверстниковъ.

XXII.

Чувствительная способность души.

Опредѣленіе. Чувствованіями называются пріятныя душевныя состоянія, которыми сопровождается всякая—какъ умственно-познавательная, такъ и практическая дѣятельность души.

Таково, напр. пріятное чувство при рѣшеніи трудной задачи, чувство радости при неожиданной встрѣчѣ съ старымъ другомъ, чувство страха предъ грозящей опасностью, чувство гнѣва при нанесенной обидѣ и т. п.

Отличіе чувствованій отъ ощущеній. Въ обыденной рѣчи мы нерѣдко смѣшиваемъ слова „чувствованія“ и „ощущенія“; однако, ощущенія и чувствованія совершенно различныя психическія явленія. Въ ощущеніяхъ мы познаемъ предметъ или его свойства, а въ чувствованіяхъ оцѣниваемъ его по отношенію къ себѣ, говоримъ, пріятенъ онъ намъ или нѣтъ. Ощущенія внѣшнихъ органовъ чувствъ, мускульныя и органическія, суть явленія первичныя, происходящія изъ непосредственнаго дѣйствія на насъ внѣшнихъ предметовъ и суть состоянія психофизическія.

Чувствованія составляютъ классъ явленій вторичныхъ, служащихъ отзывами души на ея же собственныя ощущенія и представленія и суть состоянія психическія. Ощущенія, равно какъ и представленія служатъ матеріаломъ для чувствованій. Голодь и благодарность часто безразлично называютъ чувствованіями, но голодь есть ничто иное, какъ раздраженіе нервовъ или физиологическое ощущеніе, которое по чисто органическимъ законамъ, влечетъ за собою извѣстное движеніе членовъ, направленное къ тому, чтобы удалить это ощущеніе и возобновить обыкновенное, спокойное теченіе жизненныхъ отвлеченій; напротивъ благодарность происходитъ вовсе не отъ какого нибудь раздраженія нервовъ и не пробуждаетъ необходимаго движенія въ членахъ, но есть душевное состояніе, основанное на представленіи, и потому мы называемъ его чувствованіемъ. Равнымъ образомъ всякая тѣлесная болѣзнь (напр. зубная, головная) есть физиологическое явленіе нервной системы, съ которымъ никакого сходства не имѣетъ душевное состояніе неудовольствія, возбуждаемаго этою болью. Головную или зубную боль мы ощущаемъ, а непріятное состояніе, какое она производитъ въ насъ, препятствуя нашей дѣятельности, мы чувствуемъ, и чувствуемъ именно тогда, когда знаемъ это препятствіе, представляемъ его себѣ, размышляемъ о немъ.

Образованіе чувствованій. Вамъ извѣстно, что взаимное отношеніе и сравненіе вещей служитъ ихъ взаимною мѣрою и что именно этимъ способомъ мы узнаемъ особенности предметовъ и ихъ различія. Это вполне приложимо и къ чувствованіямъ. Чувствованіе возникаетъ изъ взаимнаго соотношенія и сравненія душевныхъ явленій, проходящихъ въ нашемъ сознаніи

вмѣстѣ или одно послѣ другаго. Представленія, воспоминанія, понятія, сужденія, желанія, отвращенія, склонности—коротко—всѣ душевныя состоянія и дѣйствія могутъ быть основаніемъ чувствованій, когда они входятъ въ соотношеніе и сравниваются между собою. Вы говорите: „это мнѣ нравится, а это нѣтъ“. Этими словами вы выражаете въ томъ и другомъ случаѣ, что эти предметы имѣютъ для васъ неодинаковое достоинство, которое опредѣляется вашимъ личнымъ воззрѣніемъ и вкусомъ, т. е. вашими представленіями и желаніями, съ коими входятъ въ соотношеніе новыя представленія оцѣниваемыхъ предметовъ. „Какая прекрасная картина“,—говорите вы. Нѣтъ сомнѣнія, что степень достоинства картины, возбуждающей въ васъ эстетическое чувство удовольствія, опредѣляется всею совокупностью вашихъ представлений о красотѣ или тою нормою прекраснаго, которая образовалась въ вашей душѣ вслѣдствіе наблюденія разныхъ прекрасныхъ предметовъ природы и искусства. Сравнивая эту картину съ вашею эстетическою нормою и находя, что она подходитъ подъ эту норму, мѣру, удовлетворяетъ вашимъ эстетическимъ требованіямъ, вы называете ее прекрасною, какъ въ противномъ случаѣ назвали бы безобразною.

Поэтому для образованія чувствованія необходимо, чтобы въ сознаніи возбуждены были какія нибудь два душевныя явленія, два представленія или желанія: чувствованіе возникаетъ только вслѣдствіе ихъ взаимнаго соизмѣренія или сравненія.

Предшествовавшее представленіе или ощущеніе обыкновенно называется основаніемъ чувствованія, послѣдующее—возбудителемъ чувствованія.

Чувствованія наши безконечно разнообразны.

Мысли и желанія мѣняются въ нашей душѣ каждое мгновеніе, а при такомъ непрерывномъ измѣненіи настоящее настроеніе души можетъ сдѣлаться основаніемъ для одного чувствованія, другое—основаніемъ для другаго чувствованія и такъ далѣе, и въ эту минуту мы будемъ чувствовать одно, въ слѣдующую—другое.

Сейчасъ я вижу, что моя подруга веселится, между тѣмъ какъ я сижу за срочнымъ занятіемъ и не могу принять участія въ ея веселости; сначала во мнѣ пробуждается чувство зависти, но потомъ я начинаю соображать, что мое занятіе принесетъ мнѣ больше пользы, чѣмъ безцѣльное, хотя и веселое, времяпрепровожденіе моей подруги, и что по окончаніи своей работы, съ спокойнымъ чувствомъ исполненнаго долга, я буду живѣе и нестѣсненнѣе чувствовать пріятность отдыха и доступныхъ мнѣ чистыхъ наслажденій, чѣмъ, предаваясь праздному веселости во время, нужное для работы; стало быть вслѣдствіе этого, настроеніе моего чувства вдругъ измѣняется изъ непріятнаго въ

спокойное и даже радостное. Или: я очень доволенъ приобретѣніемъ книги, за которую пожертвовалъ охотно нѣсколько трудомъ приобретѣнныхъ и съ трудомъ сбереженныхъ рублей. Въ это время я узнаю, что богатый мой товарищъ купилъ ту же самую книгу, но роскошнаго изданія и въ отличномъ переплетѣ. Представленіе этой высшей радости обращаетъ мою радость на минуту въ досаду, пока я не скажу себѣ въ утѣшеніе: „мой экземпляръ заключаетъ въ себѣ тоже самое, что и изящный экземпляръ моего товарища и я, вѣроятно, извлеку изъ него не меньше духовной пользы, чѣмъ онъ изъ своего“.

Такимъ образомъ настроеніе одного чувства и рядъ однихъ представлений и желаній становится основаніемъ для другаго чувствованія, и ставъ въ соотношеніе съ прежнимъ расположеніемъ, въ свою очередь входитъ въ соотношеніе съ новыми душевными состояніями.

Воплощеніе чувствованій.

Мѣстопробываніемъ чувства обыкновенно считаютъ сердце, въ противоположность головѣ, куда общее сознаніе помѣщаетъ разсудокъ.

Если это явленіе разсматривать съ физиологической точки зрѣнія, то это несправедливо, потому что проявленіе какой бы то ни было психической дѣятельности немыслимо внѣ связи съ головнымъ или спиннымъ мозгомъ. Основаніемъ воззрѣній на сердце, какъ на источникъ чувствованій, служитъ вѣрно подмѣченный фактъ ближайшей связи чувствованій съ дѣятельностью сердца. Радостное, веселое, бодрое настроеніе духа вызываетъ расширеніе кровеносныхъ сосудовъ, унылыя же и вообще непріятныя чувствованія угнетаютъ дѣятельность сердца („сердце сжимается“).

Равнымъ образомъ чувствованія вліяютъ и на мускульную систему („дрожать отъ гнѣва“, „прыгать отъ радости“).

Вообще возбужденныя въ душѣ чувствованія всегда выражаются чѣмъ нибудь во внѣ: или измѣненіемъ лица, или измѣненіемъ голоса, или какими либо тѣлодвиженіями. Такое выраженіе чувствованій называется **воплощеніемъ**.

Это своего рода языкъ чувствованій.

Чувствованіе есть самое раннее проявленіе психической дѣятельности, въ простѣйшихъ своихъ формахъ одинаковое испытываемое и ребенкомъ и взрослымъ, и дикаремъ и образованнымъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе о природѣ чувствованій наука знаетъ не больше, чѣмъ подсказываетъ каждому собственный опытъ. Чувствованія имѣютъ крайне субъективный характеръ. Отличительная особенность ихъ—темнота и неотчетливость. Свои ощущенія и представленія мы можемъ расчленивать и сдѣлать ясными путемъ разсужденія, но почти не имѣемъ средствъ

передать другимъ или уяснить самимъ себѣ безконечные оттѣнки печали, радости, досады, гнѣва и т. д.

Дѣленіе чувствованій.

Прежде всего чувствованія раздѣляются на пріятныя и непріятныя для человѣка. Какое бы чувствованіе мы ни взяли, оно подойдетъ подъ разрядъ пріятныхъ или непріятныхъ.

Къ первымъ человѣкъ стремится, повторенія послѣднихъ старается избѣжать.

Мы говорили, что содержаніе чувствованій зависитъ отъ тѣхъ представленій, съ которыми чувство связано и по поводу которыхъ оно возникло. При этомъ, если основаніемъ чувствованія служить самое теченіе представленій, независимо отъ содержанія ихъ—возникаютъ чувствованія, такъ называемыя формальныя (чувства ожиданія, надежды, сомнѣнія, скуки и др.). Въ самомъ дѣлѣ, ждутъ ли чиновники ревизора, публика—поднятія занавѣса въ театрѣ, пассажиры—прибытія поѣзда, учащійся наступленія каникулярнаго времени, ребенокъ—обѣщаннаго подарка—во всѣхъ этихъ случаяхъ представленія, по ихъ содержанію, чрезвычайно различны, чувство же ожиданія одинаково.

Если же основаніемъ служатъ самыя представленія, содержаніе ихъ, возникаютъ чувствованія предметныя (чувствованія религіозныя, нравственныя, эстетическія и др.).

Но кромѣ этой классификаціи чувствованій существуетъ не мало и другихъ, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить, какъ весьма распространенную и наиболѣе примѣнимую къ дѣлу воспитанія ту, по которой всѣ чувствованія дѣлятся на: а) относящіяся къ нашему „я“—эгоистическія, б) относящіяся къ другому лицу, нашему ближнему—альтруистическія. Поэтому, говоря о чувствованіяхъ, мы подробнѣе остановимся во 1-хъ на тѣхъ, съ коими воспитателю часто приходится бороться, (эгоистическія—страхъ, гнѣвъ, скука), во 2-хъ и главнымъ образомъ, на тѣхъ, которыя нужно развивать и укрѣплять, потому что они возвышаютъ и облагораживаютъ человѣка (симпатическія, нравственныя, эстетическія и религіозныя).

Душевное настроеніе и аффектъ.

Разсматриваемыя со стороны силы или напряженности, чувствованія бываютъ: а) слабыми и едва замѣтными состояніями, или же б) весьма бурными движеніями, увлекающими за собою все существо человѣка. Первые называются душевными настроеніями, вторыя—аффектами.

Настроенія возникаютъ совершенно незамѣтно изъ мимолетныхъ чувствованій, которыя въ отдѣльности не были бы спо-

собны овладѣть сознаниемъ и которыя овладѣвають имъ лишь вслѣдствіе суммированія. По своему основному тону настроенія бываютъ: веселыя или грустныя. Если первыя окрашиваютъ все окружающее въ розовый цвѣтъ, то для послѣднихъ все представляется въ дурномъ видѣ.

На образованіе такого или иного настроенія вліяютъ главнымъ образомъ: а) здоровое или же болѣзненное состояніе нашего организма, сытое или голодное, бодрое или усталое. Въ послѣднихъ случаяхъ человѣка можетъ беспокоить всякая мелочь. Затѣмъ б) первое впечатлѣніе, получаемое въ началѣ дня. Будетъ ли это впечатлѣніе радостное или непріятное, оно нерѣдко опредѣляетъ тонъ нашего самочувствія на все послѣдующее время, в) окружающія насъ лица. Извѣстно, что среди веселаго кружка людей иногда забывается самое сильное горе, и наоборотъ, среди лицъ плачущихъ и грустныхъ, невольнo поддаешься тому же настроенію. Отсюда выраженіе: „на людяхъ и смерть красна“. Наконецъ, г) окружающая насъ природа. Каждый по опыту знаетъ, что холодное, дождливое и пасмурное осеннее утро совершенно иначе дѣйствуетъ на насъ, чѣмъ ясное и солнечное утро весной или лѣтомъ.

Аффектами, въ отличіе отъ душевныхъ настроеній, называются бурныя и сильныя чувствованія, вытѣсняющія изъ сознанія всѣ другія состоянія и подчиняющія человѣка себѣ всецѣло. Аффекты, также, какъ и настроенія, могутъ имѣть пріятный и непріятный тонъ.

Максимумомъ аффекта, съ тономъ недовольствія, можно назвать чувство отчаянія, максимумомъ аффекта, противоположнаго тона, состояніе восторга.

Достигнувъ наибольшей высоты, аффекты удерживаются на ней недолго: за бурнымъ взрывомъ чувства обыкновенно слѣдуетъ такое же скорое успокоеніе, за постепеннымъ усиленіемъ его слѣдуетъ болѣе или менѣе продолжительное ослабленіе.

Вообще степень напряженности чувствованій находится въ обратномъ отношеніи къ ихъ продолжительности, т. е. чѣмъ сильнѣе чувствованіе, тѣмъ оно короче; и чѣмъ слабѣе, тѣмъ продолжительнѣе. Объясняется этотъ фактъ весьма просто тѣмъ, что жизненная энергія, присущая организму, расходуемая въ большихъ размѣрахъ (напр. въ аффектахъ) скоро истрачивается. Если же она требуется въ меньшихъ дозахъ (напр. въ душевныхъ настроеніяхъ) естественно и хватаетъ ее надольше. Въ сильныхъ аффектахъ душа такъ бываетъ потрясена, что человѣкъ теряетъ способность правильной оцѣнки вещей и явленій, не можетъ здраво и безпристрастно разсуждать, дѣлать самыхъ простыхъ и легкихъ соображеній и припомнить того, что въ спокойномъ состояніи духа онъ легко бы могъ вспомнить. Такъ какъ состояніе аффекта есть состояніе глубокой сосредоточенности на одномъ представленіи, на одномъ предметѣ, не допускающее никакихъ возраженій, никакой критики, то, находясь

въ подобномъ состояніи, человекъ можетъ рѣшиться и немедленно же сдѣлать многое такое, о чемъ онъ послѣ нерѣдко сожалѣетъ самъ. Примѣры совершенія преступленій въ припадкѣ того или другого аффекта (гнѣва, ревности, злобы и т. п.)— весьма нерѣдки.

Дѣйствіе аффектовъ можно уподобить дѣйствию урагановъ и бурь, заставляющихъ нерѣдко какъ бы трепетать природу. Внезапныя душевныя потрясенія производятъ значительныя измѣненія даже въ физическомъ организмѣ, въ состояніи нервной системы; отсюда краска или блѣдность въ лицѣ, судорожное дрожаніе членовъ тѣла, ускоренное кровообращеніе, стѣсненное дыханіе, истеричный смѣхъ или слезы, разлитіе желчи, сѣдина волосъ и проч.

Появляются же аффекты или неожиданно когда мы бываемъ чѣмъ либо особенно поражены, или же постепенно, по мѣрѣ того, какъ наши мысли сосредоточиваются на извѣстномъ предметѣ. Примѣры описанія аффектовъ многочисленны и встрѣчаются въ превосходныхъ характеристикахъ Шекспира (Король Лиръ, Отелло).

Король Лиръ

„О, войте, войте, войте! Вы изъ камня—
Изъ камня—люди! Еслибъ я имѣлъ
И столько глазъ и столько языковъ,
Отъ слезъ моихъ и стоновъ сводъ небесный
Распался бы! Она (Корделія) на вѣкъ заснула:
Я жизнь отъ смерти различать умѣю.
Она мертва, какъ комъ земли....
Повѣшена моя малютка! Нѣтъ, нѣтъ жизни!
Зачѣмъ живутъ собака, лошадь, крыса—
Въ тебѣ-жъ дыханья нѣтъ? О, никогда
Ты не придешь, ты не вернешься къ намъ!“

Отелло (послѣ убійства жены).

„Нѣтъ у меня жены. О тяжело!
О, страшный часъ! о, часъ невыносимый!
Мнѣ кажется, сейчасъ луна и солнце
Затмятся совершенно, и земля
Отъ ужаса подъ нами затрясется.
Обращаясь къ трупу Дездемоны):

Ты холодна, ты холодна, подруга,
Какъ чистота твоя! О, рабъ проклятый!
Ну, демоны, гоните прочь меня
Отъ этого небеснаго созданья!
Крутите въ вихрѣ бурномъ! Жарьте
въ сѣрѣ,
Купайте въ глубочайшихъ безднахъ,
Полныхъ текучаго огня!“—

XXIII.

Гнѣвъ и страхъ.

Гнѣвъ. Онъ характеризуется сильнымъ и быстрымъ, моментальнымъ развитіемъ общей жизнедѣятельности, въ сильномъ раздраженіи нервовъ и быстромъ, сильномъ взрывѣ нервной энергіи.

Бурное по обнаруженіямъ и разрушительное по своимъ неестественнымъ послѣдствіямъ, чувство гнѣва играетъ большую и весьма сильную роль въ жизни человѣка. Это чувство составляетъ, если не единственную основу, то душу всѣхъ раздоровъ, несогласій, вражды, преслѣдованій и взаимныхъ оскорбленій въ жизни частныхъ людей. Гнѣвъ есть первоначальная основа войны; безъ него она немыслима.

Чувство гнѣва принадлежитъ къ группѣ эгоистическихъ чувствованій и служитъ выраженіемъ нашей силы, такъ что „гнѣвъ и сила—близкіе сосѣди“. Предметомъ гнѣва бываютъ лица, какъ виновники извѣстнаго страданія или обиды, и притомъ нанесенныхъ намѣренно и умышленно. Мы не испытываемъ гнѣва при тѣхъ огорченіяхъ и неприятностяхъ, въ происхожденіи которыхъ мы не подозрѣваемъ участія чьей либо злой воли. Неосторожно нанесенный ударъ можетъ возбудить боль, но гнѣва не возбудитъ, но тотъ же ударъ, нанесенный намѣренно, вызываетъ гнѣвъ. Мы гнѣваемся непременно на кого, а не на чтонибудь. Если же мы видимъ, напр., что ребенокъ, разсердясь, бьетъ куклу, которая не становится прямо, какъ ему того хотѣлось бы, или столъ, о который онъ ударился, то это потому, что, одушевляя предметы кругомъ себя, онъ въ куклѣ и столѣ видитъ какъ бы живыя существа, которыя причиняютъ ему боль или неприятность. Точно также, если Ксерксъ, какъ передаютъ историки, въ припадкѣ гнѣва бичевалъ Геллеспонтъ, то потому, что въ представленіи Ксеркса наказываемая стихія олицетворялась.

Характеристическая черта гнѣва состоитъ въ стремленіи нанести страданіе тому, кто повредилъ или хотѣлъ повредить намъ. Коренясь на потребности самозащиты, чувство гнѣва и направляется прежде всего на то, чтобы обезоружить или обезсилить лицо, наносящее намъ вредъ или обиду. Отсюда беретъ начало свое м е с т ь, считавшаяся въ древности добродѣтелью и обязательная даже доселѣ у многихъ первобытныхъ народовъ. Нанося страданіе виновнику обиды, человѣкъ какъ бы получаетъ удовлетвореніе соотвѣтственно содержанію и объему своей обиды, испытывая при этомъ злобное чувство удовольствія или, такъ называемого, з л о р а д с т в а.

Когда гнѣвъ достигаетъ наибольшей напряженности, чело-
вѣкъ бываетъ готовъ разрушить все, попадающее ему подъ
руку. Оттолкнуть кресло, опрокинуть столъ, бросить что либо
на полъ, изорвать бумагу, разбить чашку—суть обычныя дѣй-
ствія человѣка въ состояніи гнѣва. Вотъ почему разорваніе
одежды у Іудеевъ служило обозначеніемъ великаго горя и вол-
ненія, соединеннаго съ гнѣвнымъ возбужденіемъ. Подъ влія-
ніемъ подобнаго же прилива гнѣва Іудеи, въ своемъ плачѣ на
рѣкахъ Вавилонскихъ, выражали желаніе, чтобы невинные мла-
денцы Вавилонянъ, ихъ притѣснителей, были разбиты о камень.

Художественное описаніе чувства гнѣва въ высокой степе-
ни его напряженія можно читать у Шекспира въ его произве-
деніи „Король Лиръ“:

Лиръ (оскорбленный своими дочерями)

О, боги, здѣсь предъ вами старецъ бѣдный,

Исполненный жестокою тоской!

Коль вы озлобили моихъ дѣтей

Противъ отца, отцу вы дайте силу:

Зажгите гордый гнѣвъ во мнѣ, не дайте

Мнѣ обезумѣть предъ оскорбленнымъ,

Не дайте проливать мнѣ женскихъ слезъ,

Постыдныхъ для мужчины! нѣтъ, волчицы,

Я отплачу вамъ такъ, что цѣлый свѣтъ....

Я накажу васъ.... самъ не знаю какъ,

Но ужасну я міръ ужаснымъ дѣломъ!

Вы думаете, плакать стану я?

О, нѣтъ, я не заплачу—никогда!

Мнѣ есть о чемъ рыдать, но прежде сердце

Въ груди моей на тысячу кусковъ

Порвется“. (Дѣйств. II, сц. III).

Гнѣвъ имѣетъ связь съ чувствомъ голода, т. е. съ процес-
сомъ питанія.

Такъ ссоры между людьми чаще всего бываютъ и удобнѣе
развиваются до обѣда, особенно когда долго его приходится
ждать. Люди постыжіеся, но не проникающіеся идеей поста,
обыкновенно бываютъ очень раздражительны и гнѣвъ у нихъ
развивается очень быстро и по самымъ ничтожнымъ причинамъ
и поводамъ. Голодающіе члены пролетаріатскихъ семействъ на-
ходятся въ постоянномъ гнѣвномъ возбужденіи другъ противъ
друга и постоянно ссорятся.

Неудовлетвореніе и другихъ важныхъ жизненныхъ потреб-
ностей и отправленій также часто сопрягается гнѣвомъ. Такъ,
человѣкъ, привыкшій къ чаю, табаку, водкѣ и др. наркотиче-
скимъ веществамъ, рѣшится освободиться отъ этого или лишит-
ся возможности удовлетворять этому, то за ощущеніемъ недо-
вольства, пустоты, недостатка въ чемъ то, является раздражи-
тельность.

Иной разъ гнѣвъ возбуждаютъ часто самые ничтожные предметы, назойливо препятствующіе не только людямъ, но и животнымъ. Исторія съ комаромъ и львомъ въ баснѣ имѣетъ глубокое психологическое значеніе. Муха, ползущая по лицу занимающагося человѣка, послѣ многократныхъ усилій отогнать ее, можетъ привести въ бѣшенство, заставить вскочить человѣка и сдѣлать неспособнымъ на нѣкоторое время продолжать свою работу.

Высшая форма гнѣва называется *яростью*. Это состояніе, весьма близкое къ бѣшенству, характеризуется полной потерей контроля какъ со стороны разсудка, такъ и со стороны воли и бываетъ нерѣдко причиной многихъ тяжкихъ преступленій. Разрушительная дѣятельность человѣка здѣсь окончательно уже не знаетъ предѣловъ себѣ.

Въ ярости маленькія дѣти катаются по землѣ на спинѣ, или на животѣ, кричатъ, бьютъ ногами, царапаютъ или кусаютъ все, что попадаетъ подъ руку. Въ этомъ и подобныхъ случаяхъ гнѣвъ лучше всего излечивается: 1) если ребенка оставить безъ всякаго вниманія, пока онъ совсѣмъ не затихнетъ. Пусть мать и окружающія лица занимаютъ каждый своимъ дѣломъ. Когда же ребенокъ поутихнетъ, слѣдуетъ его взять, приласкать и спросить: изъ за чего же онъ сердился и плакалъ? Плачь и злость не помогаютъ дѣлу; пусть въ этомъ убѣдится ребенокъ по опыту и въ другой разъ онъ не захочетъ прибѣгать къ этому средству. И для взрослога, какъ только онъ будетъ чувствовать гнѣвъ, всего благоразумнѣе удалиться. Уединеніе скоро останавливаетъ развитіе гнѣвной горячки. 2) Полезно также, когда ребенокъ успокоится, указать ему виды, степени и фазы, равно какъ все безобразіе пережитаго имъ аффекта. Это дастъ возможность понять ребенку, что онъ былъ въ ту или другую минуту жертвою аффекта или же страсти и возбудить въ немъ желаніе впередъ бороться съ ними. При этомъ весьма важно, чтобы сами родители могли быть примѣромъ самообладанія. Бѣда, если сами родители обнаруживаютъ тѣ аффекты, которые они стараются всѣми силами подавить въ своихъ дѣтяхъ (напр.—гнѣва, страха, смущенія): ихъ дѣти не научаются сдерживать свои аффекты и легко сдѣлаются своенравными или своевольными. 3) Чтобы предохранить дитя отъ гнѣва, надо предоставить ему всѣ тѣ бѣдствія, которыя гнѣвъ влечетъ за собой, и выяснить, что гнѣваясь на другихъ, онъ наказываетъ только самого себя. Если же гнѣвъ бываетъ соединенъ съ стремленіемъ разрушать и мстить, то слѣдуетъ вызвать въ дитяти чувство состраданія и жалости къ тому, кому наносится вредъ, ибо что „дождь для огня, то состраданіе для гнѣва“.—Къ этому же мотиву нужно прибѣгать и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣти находятъ для себя удовольствіе и какъ бы забаву въ томъ, чтобы раздавить червячка, оторвать крылышко или ножку у мухи и т. п. „Вѣдь имъ больно—пожалѣй ихъ! Ты

рвешь беззаботно крылышки, но вѣдь они тоже, что твои пальцы, носъ, уши,—вѣдь это значить калѣчить ихъ!”

Листья на деревѣ—органы его дыханія, корни—органы питанія! Симпатичны поэтому нѣкоторые особые союзы при школахъ (напр. Майскій въ Финляндіи, основанный профессоромъ Топелюсомъ), призывающіе подрастающее поколѣніе къ милосердію ко всѣмъ живымъ существамъ и особенно къ птичкамъ.

Участники такого союза даютъ во имя любви къ Богу и его твореніямъ обѣщанія защищать невинныхъ и беззащитныхъ, не мучить никакое живое существо.—Кромѣ того, нужно разъяснить ребенку, что мщеніе относительно равныхъ есть дѣло невѣрное, относительно высшихъ—безумное, относительно низшихъ—довольно неблагородное. Конецъ гнѣва составляетъ сожалѣніе и раскаяніе.

Будучи на высшей степени развитія, гнѣвъ, какъ и всякій аффектъ, проходитъ весьма скоро. Но при другихъ обстоятельствахъ гнѣвъ можетъ сохранять болѣе постоянную и устойчивую, какъ хроническую форму, которая называется ненавистью.

Неоднократно гнѣваясь на одно и тоже лицо, человѣкъ доходитъ до ненависти къ нему. Всѣ тѣ случаи, кои порождаютъ гнѣвъ, повторяясь болѣе или менѣе часто, могутъ служить поводомъ къ развитію ненависти. При низменности предмета гнѣва, ненависть переходитъ въ презрѣніе, когда человѣкъ не хочетъ уже вредить своему обидчику; когда же человѣкъ желалъ бы вредить лицу, возбудившему гнѣвъ, но почему либо не можетъ этого сдѣлать, гнѣвъ принимаетъ скрытую и затаенную форму безсильной злобы, порой, впрочемъ проявляющейся и во внѣ.

Родная сестра ненависти есть зависть. Завидуя, мы сожалѣемъ о благѣ, коимъ пользуются другіе и терзаемся этою мыслию. Съ завистію, по своему происхожденію и дѣйствию, сходна ревность. Разница между ними заключается въ томъ, что человѣкъ завистливый обращаетъ вниманіе на благополучіе другихъ и желаетъ его для себя, а ревнивый боится, чтобы кто другой не посягнулъ на его собственное благополучіе; онъ желаетъ одинъ обладать своимъ добромъ и потому противодѣйствуетъ всякому кажущемуся претенденту, на его счастье.

Гнѣвъ въ одномъ только случаѣ можетъ почитаться законною формою, именно тамъ, гдѣ мы проникаемся благороднымъ негодованіемъ по поводу сдѣланнаго преступленія, оскорбленія и т. д.

Чувство страха. Если чувство гнѣва служитъ выраженіемъ нашей силы, то чувство страха, наоборотъ, служитъ выраженіемъ безсилія и слабости. Предметомъ страха служитъ какое либо ожидаемое, грядущее страданіе или несчастіе. Настоящее несчастіе, безъ предваренія, не производитъ страха и заключаетъ въ себѣ лишь голый фактъ страданія, какъ напр., при неужи-

данномъ ударѣ или паденіи. Только въ томъ случаѣ, когда настоящее несчастье или страданіе ожидается нами, или служить началомъ или предвѣстникомъ болѣе сильнаго страданія въ будущемъ, оно заключаетъ въ себѣ элементы страха.

Но кромѣ представленія объ извѣстномъ опредѣленномъ страданіи, предметомъ страха можетъ быть вообще все неизвѣстное, недостаточно опредѣленное и все новое. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ страхъ коренится на представленіи возможныхъ или вѣроятныхъ бѣдствій или несчастій.

Вотъ отъ чего приподнять завѣсу будущаго бываетъ намъ какъ то странно, и, встрѣчая, напр. Новый годъ, мы не безъ боязни иногда думаемъ, что то насъ въ немъ ждетъ? Страхъ чего то послѣ смерти, страна безвѣстная, откуда путникъ не возвращался къ намъ, смущаетъ волю.

Отъ какой бы впрочемъ причины не происходилъ страхъ, характеръ его всегда бываетъ крайне тяжелый и угнетающій. Въ частности, въ умственномъ отношеніи, чувство страха характеризуется тѣмъ, что человѣкъ бываетъ особенно впечатлителенъ къ предмету страха, ко всѣмъ малѣйшимъ обстоятельствамъ, къ нему относящимся. Въ домѣ, относительно котораго предполагается какая либо опасность, каждый звукъ выслушивается съ напряженнымъ вниманіемъ, каждый шумъ вѣтра истолковывается въ смыслѣ приближенія какой либо бѣды. Отсюда выраженіе: „у страха глаза велики“ („равно какъ и уши“ можно было бы добавить“). Никакія другія представленія или мысли не существуютъ для человѣка, испытывающаго чувство страха. Свое гнетущее дѣйствіе страхъ сохраняетъ и по отношенію къ волѣ человѣка. Отъ страха человѣкъ теряется настолько, что бываетъ, какъ говорятъ, „ни живъ ни мертвъ“, чѣмъ выражаютъ какъ бы то, что хотя человѣкъ и не умеръ, но столь же мало и живъ, потому что часто бываетъ не въ состояніи ни двинуться съ мѣста, ни сообразить, ни предпринять что либо самое простое и естественное.

Дѣйствуя подобнымъ образомъ страхъ, какъ и всякое страданіе, естественно побуждаетъ и с к а т ь о с в о б о ж д е н і я. При этомъ подъ вліяніемъ страха является чрезвычайно возбужденная дѣятельность, открываются особыя силы, существованіе которыхъ и не подозрѣвалось въ человѣкѣ. Такъ, спасаясь отъ какой либо опасности, человѣкъ дряхлый можетъ бѣжать съ необычайною быстротою, не чувствуя усталости. Одинъ психологъ рассказываетъ о старухѣ, которая, подъ вліяніемъ опасности, грозившей ея имуществу отъ пожара, схватила очень большой и тяжелый сундукъ, поднять который въ обыкновенное время она никогда не рѣшалась и не могла бы, а теперь быстро и безъ помощи другихъ вынесла на улицу.

Если страхъ распространяется на многихъ лицъ, отъ чего бы онъ не происходилъ, онъ принимаетъ видъ п а н и к и. Это бываетъ, напр., во время эпидеміи, пожара, землетрясеній и т. п.,

когда опасность грозитъ каждому и когда, въ довершеніе всего, неизвѣстны и невозможны средства къ ея устраненію.

Въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ просто теряетъ голову, падаетъ духомъ, и бываетъ неспособенъ къ какимъ либо занятіямъ. Говорятъ, Наполеонъ потому главнымъ образомъ потерялъ сраженіе, что одинъ изъ его солдатъ въ переднихъ рядахъ закричалъ: спасайся, кто можетъ!" и тѣмъ возбудилъ сильнѣйшую панику въ остальныхъ.

По силѣ или напряженности чувство страха можетъ имѣть нѣсколько степеней, начиная съ легкаго испуга и робости до ужаса, въ высшей степени его напряженности. По мѣрѣ того, какъ страхъ увеличивается, онъ оказываетъ болѣе и болѣе угнетающее дѣйствіе на человѣка—и на его тѣло, и на душу. Сначала человѣкъ, повидимому, старается еще совладѣть со страхомъ, побѣдить его, вступать съ нимъ въ борьбу; но мало по малу страхъ завладѣваетъ имъ и, наконецъ, въ формѣ ужаса, повергаетъ его въ состояніе оцѣпененія. Въ иныхъ случаяхъ наступаетъ внезапное и непреодолимое стремленіе къ бѣгству, сломя голову. Ужасъ производитъ даже нѣкоторыя физиологическія дѣйствія и измѣненія въ организмѣ, какъ напр., сѣдину волосъ. О Маріи Антаунеттѣ рассказываютъ, что она совершенно посѣдѣла въ одну ночь, предъ совершеніемъ надъ нею казни. Художественное описаніе страха находимъ у Лермонтова, гдѣ изображена лошадь, чующая страхъ человѣка и отражающая этотъ страхъ въ себѣ:

„Послушный конь его, объятый
Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и пѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,
Грызетъ стальные удила,
Ни словъ, ни повода не слышитъ,
И мчится въ горы какъ стрѣла“ (Хаджи-Абрекъ).

Главные виды страха слѣдующіе: 1) страхъ, испытываемый дѣтьми. Дѣти вообще пугливы, что объясняется какъ особенною воспріимчивостію ихъ природы, живостію воображенія, такъ и недостаточнымъ знакомствомъ ихъ съ дѣйствительными свойствами лицъ и вещей. Ребенокъ боится потерять изъ виду своихъ родителей или тѣхъ, которые ходятъ за нимъ; его пугаетъ приближеніе чужаго лица, пытающагося взять его на руки; онъ впадаетъ въ страхъ даже при видѣ добродушно приближающагося къ нему котенка или щенка, прежде чѣмъ онъ испытаетъ какой либо для себя вредъ отъ этихъ животныхъ. Отсюда нѣкоторые психологи склонны считать страхъ чувствомъ врожденнымъ, являющимся гораздо раньше всякихъ личныхъ опытовъ. Съ другой стороны мы знаемъ также, что причиною дѣтскаго страха бываютъ и сами взрослые, нерѣдко прибѣгающіе къ этому средству для усмиренія ребенка.

Если въ душѣ ребенка образовался страхъ къ какому ли-бо отдѣльному предмету, то устранить его взрослые могутъ лучше всего своимъ при мѣромъ, показавъ на самомъ дѣлѣ всю неосновательность страха. Такъ, напр., если ребенокъ бо-ится темноты, то для устраненія этого чувства слѣдуетъ войти съ нимъ вмѣстѣ въ темную комнату и на самомъ дѣлѣ пока-зать, что въ ней ничего нѣтъ страшнаго. Одни же словесныя убѣжденія, насмѣшки или какія нибудь крутыя мѣры не только ни къ чему не поведутъ, но могутъ повлечь чрезвычайно вред-но. Такъ, если мы желая въ ребенкѣ уничтожить страхъ къ темнотѣ, вздумали бы втолкнуть его въ темную комнату и оста-вить тамъ на нѣкоторое время, то этимъ не только бы не унич-тожили чувства страха, а усилили бы его, и тѣмъ только уве-личили бы трудность достиженія цѣли. Неокрѣпшая нервная си-стема дитяти бываетъ самою легкою добычею страха.

Съ дѣтскимъ страхомъ имѣетъ много общаго 2) с т р а х ъ с у е в ѣ р н ы й.

Для человѣка суевѣрнаго всякій предметъ служитъ источ-никомъ страха постольку, поскольку съ нимъ связывается пред-ставленіе по возможности причиненія вреда. Человѣчество преже-де, чѣмъ узнало существующіе въ природѣ законы съ ихъ одно-образными дѣйствіями, объясняло явленія, съ своей личной точки зрѣнія, дѣйствіемъ благодѣтельныхъ и злыхъ существъ, заправляющихъ человѣческою жизнію и благополучіемъ. Отсю-да являлась преувеличенная оцѣнка вещей, приписываніе добра-го или пагубнаго дѣйствія предметамъ нисколько ни въ чемъ невинныхъ и т. д. Обычные предметы суевѣрнаго страха, встрѣ-чаемые доселѣ, извѣстны: присутствіе за столомъ или въ соб-раніи 13 лицъ, трехъ зажженныхъ свѣчей, начало какого либо дѣла въ понедѣльникъ, здраванье чрезъ порогъ, рассыпанная на столѣ соль и т. п.

Въ педагогическомъ отношеніи обращеніе къ мотиву страха сопряжено съ столь дурными послѣдствіями, и физичес-кими и духовными, что если онъ и можетъ имѣть мѣсто, то развѣ какъ послѣднее и крайнее учебно-воспитательное сред-ство. Мысль объ угрожающемъ наказаніи часто заставляетъ ре-бенка думать не столько о томъ, какъ бы исполнить приказан-ное или приготовить заданный урокъ, сколько о томъ, какъ бы избѣжать обѣщаннаго наказанія. Отсюда появляется ложь, при-творство, обманъ и т. п. и такимъ образомъ портится характеръ ребенка. „Человѣка можно было воспитать до полубога, если бы его не запугивали“, сказалъ одинъ философъ.

Тѣлесныя на ка за н і я современная педагогика совсѣмъ исключаетъ изъ числа воспитательныхъ средствъ на томъ осно-ваніи, что они стоятъ въ противорѣчій съ основной заботой воспитанія возвысить человѣка надъ чувственными и животны-ми побужденіями, пробудить и развить въ немъ духовную жизнь; унижаютъ и оскорбляютъ человѣческую личность питомца и представляются унижительными и для самого воспитателя; кро-

мѣ того многія формы этихъ наказаній вредны для физическаго здоровья и страшно огрубляя и ожесточая питомца, низводятъ его на степень какъ бы дрессируемаго животнаго.

У нашего, теперь покойнаго писателя, Григоровича, въ разсказѣ „Гуттаперчевый мальчикъ“ изображается картина, какъ битье порождаетъ страхъ, а страхъ, сковывая энергію всякаго живого существа, мѣшаетъ не только выучкѣ человѣка чему-нибудь, но даже дрессировкѣ животныхъ: такъ велико дѣйствіе страха даже на физиологію живыхъ существъ! Несчастный „Гуттаперчевый мальчикъ“ Петя, круглый сирота, попалъ въ циркъ къ акробату Беккеру на выучку. И вотъ началось обученіе Пети тѣмъ неизмѣннымъ изгибаньямъ и безумнымъ скачкамъ и прыжкамъ, коими многочисленная публика такъ охотно любитъ за деньги въ циркѣ. А ученіе, какъ извѣстно, безъ ошибокъ не обходится. И Петя ошибался, т. е. напр., вмѣсто того, чтобы прыгнуть и стать на ноги, онъ иногда „летѣлъ кувыркомъ, падалъ на лицо, на голову, рискуя свихнуть себѣ шею“. Беккеръ же былъ звѣрь человѣкъ. За такія ошибки безъ всякой жалости онъ билъ мальчика. Трепещя отъ страха предъ своимъ учителемъ, какъ осиновый листъ, онъ терялъ энергію, смѣлость и дальнѣйшія упражненія продѣлывалъ еще неискуснѣе. Снова слѣдовали пинки, оплеухи и зуботычины..... Такъ что въ комнатѣ Беккера иногда раздавался такой раздирающій дѣтскій визгъ, такой отчаянный крикъ, что товарищи Беккера „врывались въ его комнату и отнимали изъ рукъ его мальчика“. Между этими товарищами былъ даровитый клоунъ Эдвардъ. Онъ приласкалъ Петю и Петя привязался и полюбилъ добраго клоуна. Эдвардъ порицалъ Беккеровскій методъ обученія посредствомъ страха и побоевъ; онъ убѣждалъ Беккера, что такой методъ портитъ дѣло даже при дрессировкѣ собакъ и обезьянъ, что робость—первый врагъ гимнаста, что у акробата Ризлея запуганныя имъ собственныя дѣти неудачно прыгнули и разбились до смерти предъ глазами отца. Эдвардъ даже на дѣлѣ показывалъ непригодность битья и застраиванія при обученіи: когда онъ командовалъ Петей, послѣдній выполнялъ трудныя акробатскія упражненія развязнѣе, смѣлѣе и ловчѣе, чѣмъ подъ руководствомъ тирана Беккера. Но Беккеръ не послушался и дѣло, какъ извѣстно, (изъ повѣсти) кончилось тѣмъ, что Петя, подобно дѣтямъ Ризлея, убится до смерти во время представленія на аренѣ цирка (Соч. Григоровича т. X).

Чуждаясь наказаній, основанныхъ на чувствѣ страха, педагогика тѣмъ не менѣе не отвергаетъ наказаній, подраздѣляя ихъ на естественныя и искусственныя и отдавая преимущество первымъ. Первые тѣ, кои имѣютъ связь съ самымъ поступкомъ и какъ бы сами собой вытекаютъ изъ него въ качествѣ необходимаго результата. Такъ, напр.—наказывается лжець, когда онъ не находитъ себѣ довѣрія, пока не исправится; задорнаго уединяютъ отъ товарищей, тоже дѣлаютъ съ шаловливымъ и болтливомъ, кои мѣшаютъ своимъ товарищамъ въ занятіяхъ и

тому под. Другой видъ наказаній—искусственныхъ тотъ, который налагается воспитателемъ внѣ связи съ поступкомъ, по личному его усмотрѣнiю, (лишенiе права на прiятную игру, на сладкое блюдо или принудительныя занятiя въ часы досуга).

Впрочемъ, говоря о наказанiяхъ естественныхъ или искусственныхъ, педагогика доказываетъ, что самое дѣйствительное средство поддерживанiя разумной жизни и уничтоженiя всевозможныхъ уклоненiй отъ нея состоитъ въ **предупрежденiи** развитiя въ дѣтяхъ дурныхъ наклонностей, а не въ уничтоженiи ихъ особенно въ ту пору, когда онѣ, послѣ нѣсколькихъ проявленiй, болѣе или менѣе уже укоренились въ воспитываемомъ. Безъ сомнѣнiя, система предупрежденiя—болѣе трудная по сравненiю со всѣми другими. Она требуетъ отъ воспитателя неусыпнаго бодрствованiя надъ ввѣренными ему питомцами, самага тщательнаго изученiя ихъ характера и окружающихъ влiянiй. Но за то эта система самая благотворная по послѣдствiямъ и самая желательная по идеѣ. Въ случаяхъ же, гдѣ предупрежденiе невозможно, необходимо дѣйствовать на основанiи нравственнаго влiянiя воспитателя, нужно дѣйствовать на сердце питомца, всегда при этомъ шадя въ немъ человѣческое достоинство. Примѣры благотворнаго дѣйствiя сердечныхъ отношенiй воспитателя къ дѣтскимъ поступкамъ можно читать у Шнеля въ его „Школьной дисциплинѣ“: „Одинъ учитель, послѣ окончанiя уроковъ, пишетъ онъ, зашелъ снова въ классъ, чтобы взять тамъ забытую книгу. Здѣсь онъ нашелъ мальчика блѣднаго, какъ смерть, потому что онъ засталъ его врасплохъ. Онъ также пришелъ въ классъ, взять изъ столовъ книги отсутствующихъ товарищей, вырывать чистые листы изъ тетрадей и направился уже было къ двери, чтобы все это снести торговцу. Что долженъ былъ сдѣлать при этомъ случаѣ учитель? Бить, наказывать? Дюжину ударовъ легко, конечно, можно бы отсчитать: но не такъ поступилъ учитель. Прежде всего ему припомнилось древнее правило, которое разсердившемуся учителю совѣтовало во 1-хъ) пересчитать всѣ пуговицы, какiя у него есть на платьѣ, потомъ прочитать азбуку съ конца и наконецъ. Отче нашъ... Учитель избралъ это средство, и гнѣвъ его прошелъ. Онъ вспомнилъ родителей мальчика, которые давно умерли и поручили ему его, и онъ счелъ за лучшее исправить его ненаказывающими руками, а душой, сердцемъ. Около страшно блѣдной личности мальчика ему представился мрачный образъ его собственнаго гнѣва; тогда какъ первое возбуждало въ немъ сожалѣнiе, послѣднее отталкивало отъ себя. Онъ упалъ на колѣни и горячо молился объ этомъ мальчикѣ, который также молился подлѣ него. Послѣ этого учитель сказалъ мальчику: „дай мнѣ руку!“ „Не будешь больше дѣлать?“ „Нѣтъ“, сказалъ мальчикъ. Учитель повѣрилъ его слову и не измѣнилъ довѣрiя къ нему; и не напрасно. Съ тѣхъ поръ прошло уже 12 лѣтъ. Одинъ только разъ видѣлъ его учитель за это время, сказавъ ему одно только слово: „нѣтъ“? и получилъ въ отвѣтъ „нѣтъ“.

Или вотъ еще примѣръ не менѣе сердечнаго исправленія жи въ дѣтяхъ. „Въ концѣ 6-го года, разсказываетъ Шубертъ, я стоялъ однажды на пригоркѣ предъ церковью моего роднаго города, какъ ко мнѣ подошла толпа веселыхъ мальчиковъ съ крикомъ: „пойдемъ съ нами, Генрихъ, за нарцисами“. Я не заставилъ себя уговаривать и побѣжалъ съ толпой. Мы переходили изъ одного сада въ другой и наконецъ пролѣзли чрезъ заборъ въ садъ канатнаго мастера, въ которомъ между яблонями росло множество прекрасныхъ нарцисовъ. Я нарвалъ такое множество цвѣтовъ, что едва могъ донести ихъ домой“. Первая увидѣла меня мать и спросила: „гдѣ ты взялъ столько цвѣтовъ?“ „Мы достали ихъ изъ сада канатнаго мастера“. Она замолчала; я увидѣлъ, что она не находила никакого удовольствія въ прекрасныхъ цвѣтахъ.

Нѣсколько смущенный, я пошелъ въ комнаты; тамъ сидѣлъ отецъ и читалъ книгу. Онъ отвелъ глаза отъ книги и строго посмотрѣлъ на нарцисы. Для меня тогда потерялъ всю прелесть огромный букетъ; я покраснѣлъ, но всетаки хотѣлъ выдержать себя предъ взглядомъ отца. Я положилъ цвѣты на маленькій столъ въ углу. Отецъ посмотрѣлъ на меня: „Поди ко мнѣ, Генрихъ“. Я подошелъ. „Гдѣ ты взялъ нарцисы?“ Я промолчалъ: еще болѣе краснѣя отъ стыда. Наконецъ я, заикаясь, отвѣчалъ, „изъ нашего сада“. „Въ нашемъ саду не растеть нарцисовъ замѣтилъ очень серьезно отецъ“, „откуда же ты взялъ ихъ?“ Я признался ему. „Нарцисы въ саду такого-то принадлежатъ ему, а не тебѣ; когда ты тайно взялъ ихъ, что ты сдѣлалъ?“ Я испугался этого вопроса и заикаясь сказалъ: „укралъ“. „А когда ты мнѣ говорилъ, что ты взялъ нарцисы изъ нашего сада, потомъ, что далъ ихъ тебѣ сосѣдъ, что ты сдѣлалъ?“ „Я лгалъ“. Тогда отецъ сказалъ мнѣ на это: „Ты лгалъ предъ отцемъ, который такъ тебя любитъ, ты воровалъ и лгалъ предъ Богомъ, который все видитъ. Поэтому прежде, чѣмъ ляжешь въ постель нынѣ, завтра, и, дай Богъ, слѣдующіе дни, ты молись такъ: „Боже! я сдѣлалъ тяжкій грѣхъ, я воровалъ и затѣмъ обманулъ моего отца. Прости мнѣ мои грѣхи и очисти сердце, чтобы не дѣлать болѣе такихъ грѣховъ“. Я сильно плакалъ. „Вотъ ты теперь горько плачешь и хорошо дѣлаешь. Это наказаніе за твои грѣхи“.

Этотъ случай сильно подѣйствовалъ на меня и надолго остался въ моей душѣ. Съ тѣхъ поръ, не могли уже болѣе соблазнить меня товарищи, и я не осмѣливался болѣе обманывать своего отца; часто даже не наказывали меня, потому что я искренно признавался въ своемъ проступкѣ.

XXIV.

Чувство стыда, самодовольства, симпатіи, дружбы и скуки.

Чувство стыда возникает тогда, когда мы сознаемъ, что совершили какой нибудь проступокъ, заслуживающій осужденія со стороны другихъ людей, мнѣніемъ которыхъ мы дорожимъ; стыдъ возникаетъ при мысли, что люди могутъ дурно отзываться о насъ, нашей личности или даже подумать. Это волненіе играетъ важную роль въ общественной жизни. Но такъ какъ людское мнѣніе часто исходитъ изъ оцѣнки однихъ внѣшнихъ достоинствъ человѣка или изъ неправильной оцѣнки внутреннихъ, то стыдъ нерѣдко вмѣсто того, чтобы удерживать отъ зла, даже наталкиваетъ на зло (ложный стыдъ). При чувствѣ стыда мысль о мнѣніи другихъ какъ бы клиномъ врѣзывается въ душу, выводя ее тѣмъ изъ обычнаго равновѣсія, отчего это волненіе сопровождается внутреннимъ замѣшательствомъ. Стыдъ обнаруживается во внѣ:

1) краской стыда, т. е. быстрымъ наполненіемъ сосудовъ кожи подъ вліяніемъ активной работы сосуда расширяющихся нервовъ. Это налитіе болѣе всего выражено на лицѣ, на лбу, на ушахъ и шеѣ, т. е. на тѣхъ частяхъ тѣла, кои открыты и доступны взору наблюдателя. („Сгорѣть отъ стыда“). Краска стыда—явленіе общеизвѣстное. Поэтическое описаніе его находимъ въ слѣдующемъ стихѣ Лермонтова:

„И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня;
На щекахъ моихъ и теперь горять,
Живымъ пламенемъ разливаются,
Поцѣлуи его окаянные“.

(Пѣсня про царя И. Вас.).

Вторымъ знакомъ стыда—скриваніе глазъ и лица отъ взора наблюдателя: стыдящійся то потупляетъ взоръ и склоняетъ голову, то отворачиваетъ лицо и глаза въ сторону, то быстро перемѣщаетъ глаза изъ стороны въ сторону, избѣгая встрѣтиться со взоромъ наблюдателя, то, наконецъ, просто закрываетъ лицо руками.

Третій признакъ стыда—стремленіе бѣжать, удалиться отъ наблюдателя, отъ людей, спрятаться за непроницаемыми предметами (за стѣной—застѣнчивость), провалиться сквозь землю.

Одинъ изъ писателей справедливо замѣтилъ что и тѣ люди, кои ничего не боятся болѣе въ жизни, боятся насмѣшки. Не даромъ наказанія, основанныя на позорѣ, относятся во всѣхъ законодательствахъ къ числу самыхъ тяжелыхъ.

Поэтому воспитательныя мѣры, основанныя на чувствѣ стыда, употребляются съ большою осторожностью. Насмѣшка надъ личностью ученика по справедливости исключается современной педагогикой изъ числа воспитательныхъ мѣръ.

(Чувство стыда необходимо отличать отъ раскаянія и угрызенія совѣсти, какъ проявленій нравственныхъ чувствованій.

Раскаивается тотъ, и въ такихъ дѣйствіяхъ, кои преступны въ нравственномъ отношеніи и независимо отъ мнѣнія другихъ людей; чувство стыда вызывается часто дѣйствіями безразличными въ нравственномъ отношеніи, напр. нарушеніемъ условныхъ приличій, принятыхъ въ извѣстномъ обществѣ).

Самодовольство.

Чувству стыда противоплагается чувство самодовольства, которое испытываетъ человѣкъ въ томъ случаѣ, когда его хвалятъ и одобряютъ.

Чувство самодовольства, возбуждаемое часто, легко можетъ обратиться въ гордость и тщеславіе, въ постоянную погоню за одобреніемъ, откуда бы оно ни исходило, а потому необходимо съ большою осторожностью прибѣгать къ мѣрамъ, основаннымъ на возбужденіи самодовольства, къ похвалѣ и одобренію; слѣдуетъ хвалить ученика только за то, за что онъ дѣйствительно заслуживаетъ похвалы, когда, напр., малоспособный ученикъ хорошо учится. За такія дѣйствія, кои даются ученику легко, не стоитъ расточать похвалъ. И вообще лучше поменьше хвалить способныхъ, чтобы не возмечтали черезъ-чуръ о себѣ и побольше одобрять слабыхъ, чтобы поднять въ нихъ увѣренность въ собственныхъ силахъ. Хвала, какъ и порицаніе, должны во всякомъ случаѣ относиться не къ личности ученика, а къ его дѣйствіямъ; иначе у однихъ разовьется сомнѣніе, у другихъ самоуниженіе и упадокъ духа. Особенно вредно неразборчивое употребленіе наградъ въ школѣ, такъ какъ послѣднія могутъ породить въ награждаемыхъ гордость и самомнѣніе, а въ лишенныхъ наградъ—зависть и недовольство, и заставляютъ многихъ учиться только изъ за наградъ, а не изъ стремленія къ знанію, не изъ желанія усовершенствоваться и получить развитіе.

(Чувство самодовольства нужно отличать отъ чувства спокойствія совѣсти, относящагося къ разряду нравственныхъ чувствованій. Самодовольство подобно стыду, невозможно внѣ условій общественной жизни, между тѣмъ какъ спокойствіе совѣсти испытываетъ человѣкъ и въ то время, когда вовсе не думаетъ о впечатлѣніи, произведенномъ его поступкомъ на другихъ).

Чувства симпатіи и дружбы.

(Альтруистическія).

Если, подчиняясь гнѣву и мести, человекъ стремится нанести другому вредъ или страданіе и находить въ этомъ даже удовольствіе, то, подчиняясь чувству симпатіи, онъ стремится выразить сочувствіе другому лицу, принять участіе въ томъ или другомъ его положеніи. Симпатія или сочувствіе опредѣляется психологами, какъ вхожденіе въ чувствованія другого и дѣйствование, сообразное съ тѣмъ, какъ если бы эти чувствованія были наши собственныя. Художественное изображеніе симпатіи мы находимъ у Полежаева въ его стихотвореніи „Ночь на Кубани“.

(Чувствованіе чужого горя и чужихъ бѣдъ какъ нашихъ собственныхъ).

„Какъ братъ къ потерянному брату,
Съ улыбкой нѣжной подойдетъ,
Слезу страдальную прольетъ
И раздѣлитъ мою утрату!...
.....

Лишь онъ одинъ постигнуть можетъ
Лишь онъ одинъ пойметъ того,
Чье сердце червь могильный гложетъ!
Какъ пальма въ зеркалѣ ручья,
Какъ тѣнь налетная въ лазури,
Въ немъ отразится послѣ бури
Душа унылая моя!...

*Я буду—онъ, онъ будетъ—я
Въ одномъ изъ насъ сольются оба,
И пусть тогда, вражда и злоба
И мечъ и заступъ гробовой
Гремятъ надъ нашей головой“.*

Смотря по тому, на что направлена симпатія—на радость или горе другого лица—она принимаетъ двѣ частныя формы—сорадованія и состраданія; при чемъ мы обыкновенно скорѣе откликаемся на страданія другого, чѣмъ на радость. Радость чаще всего можетъ вызвать въ другихъ зависть, чѣмъ чистое и безкорыстное сочувствіе.

Вотъ почему справедливо замѣтилъ одинъ изъ педагоговъ (Жанъ Поль Рихтеръ), что „для состраданія довольно быть человекомъ, для сорадованія же нужно быть ангеломъ“.

Для возникновенія симпатіи необходимы слѣдующія два условія: во первыхъ, чтобы мы сами испытали то или другое чувство или состояніе, и во вторыхъ, чтобы знали, какъ и въ чемъ то или другое чувство выражается во внѣ.

1) Мы не можемъ сочувствовать тому, что лежитъ за границами нашего опыта. Дитя не можетъ входить въ радости, печали и заботы взрослого человѣка; бѣднякъ—поденщикъ—сочувствовать заботамъ богача, вельможи, празднаго или лѣнтяя; человѣкъ не семьянинъ слабо можетъ переживать чувствованія, связанныя съ домашнимъ очагомъ.

2) Различныя чувствованія выражаются во внѣшнихъ знакахъ, изучаемыхъ нами по большей части посредствомъ наблюденія. Замѣчая наши собственныя выраженія тѣхъ или другихъ чувствованій, мы заключаемъ о тѣхъ же самыхъ чувствованіяхъ у ближнихъ, видя въ нихъ подобныя же внѣшнія проявленія. Улыбка, смѣхъ, крикъ радости, соединяемые въ нашемъ собственномъ опытѣ съ чувствомъ удовольствія, когда замѣчается нами въ комъ либо другомъ, служатъ для насъ признакомъ и доказательствомъ того, что это лицо испытываетъ тоже самое состояніе, какое испытывали мы при тѣхъ же самыхъ обнаруженіяхъ. Если нѣтъ котораго либо изъ этихъ условій для чувства симпатіи, оно не можетъ возникнуть. Такъ, одинъ психологъ (Перэ—„Первые три года жизни ребенка“) рассказываетъ про 4-лѣтняго мальчика, потерявшаго одного изъ своихъ любимыхъ товарищей. Когда его привели въ домъ умершаго, отецъ, потерявшій ребенка, взялъ его на руки и нѣсколько минутъ держалъ на колѣняхъ, плача и рыдая. Ребенокъ ничего не понималъ: онъ поспѣшилъ слѣзть съ колѣнъ огорченнаго отца, сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ кругомъ комнаты и вдругъ, вернувшись къ нему, спросилъ: „Теперь, когда Пьеръ умеръ, ты отдашь мнѣ его лошадку и барабанъ, не правда-ли? Конечно, было бы крайне несправедливо приписать такое безучастное отношеніе къ чужому горю жестокосердію ребенка.

Его поступокъ легко объясняется тѣмъ, что, не испытавъ самъ горя, онъ, очевидно, не могъ понять и выраженія его другимъ лицомъ, а слѣдовательно и сочувствовать ему.

Обстоятельствами, благоприятствующими усиленію симпатіи, могутъ быть:

1) Наше знакомство съ извѣстнымъ видомъ чувства, преимущественно предъ другимъ. Такъ, мать легче сочувствуетъ матери, учащейся—своему товарищу. И обратно, гдѣ существуетъ совершенное несходство природы или стремленій, тамъ симпатія можетъ проявляться сравнительно весьма мало. Робкій человѣкъ не можетъ войти въ положеніе человѣка отважнаго; холодная натура не пойметъ горячей любви.

2) Близость нашего отношенія къ извѣстному лицу. Любовь, уваженіе, почтеніе, питаемое нами къ тому или другому лицу, равно родство, дружба, товарищество, патриотизмъ содѣйствуютъ усиленію симпатіи, тогда какъ ненависть или вражда отдаляютъ насъ отъ сочувствія.

3) Энергія, или сила жестовъ и тоновъ, съ какою выражается то или другое состояніе, равно какъ ясность и раз-

дѣльность выраженія также представляетъ условіе, усиливающее симпатію. Видъ нѣмыхъ страданій менѣе способенъ тронуть, чѣмъ видъ страданій, выражаемыхъ въ надрывающихъ душу звукахъ. На ясности и раздѣльности выраженія основывается обаятельное дѣйствіе игры актера или успѣхъ оратора.

4) Различіе въ темпераментѣ и характерѣ, а также въ воспитаніи и складѣ привычекъ производитъ то, что однѣ натуры бываютъ весьма чувствительны и отзывчивы къ страданіямъ другихъ, а другія,—наоборотъ, относятся къ нимъ довольно безучастно, даже холодно. Для широкихъ симпатій требуется и обширная область знанія людей. Безъ этого же условія симпатіи могутъ носить характеръ довольно узкій и односторонній, могутъ быть сильны, но необширны.

На вопросъ, безкорыстны ли наши симпатіи, т. е. представляютъ ли они психическій актъ, чуждый всякихъ расчетовъ и соображеній полезности, слѣдуетъ сказать, что симпатіи носятъ безкорыстный характеръ. И, дѣйствительно, бросаясь, напр., спасти утопающаго, человѣкъ вовсе не размышляетъ о могущихъ произойти отсюда для него благодарности и выгодахъ. Послѣднее можетъ явиться какъ необходимое слѣдствіе и результатъ, но само по себѣ отнюдь не служитъ ни цѣлю, ни побудительною причиною подвига самопожертвованія.

Проявленіе чувства симпатіи у дѣтей.

Чувство симпатіи замѣчается въ такомъ раннемъ возрастѣ, когда не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо эгоистическихъ расчетахъ и соображеніяхъ. Ребенку нѣтъ и года отъ рожденія, а между тѣмъ онъ на улыбку отвѣчаетъ улыбкой, на слезы—слезами. Выраженія чувствованій во внѣшнихъ знакахъ, въ извѣстной степени уже доступно его пониманію; на этой почвѣ и заражается чувство симпатіи. Нѣкоторыя дѣти 4—5 лѣтняго возраста не могутъ удержаться отъ слезъ, видя, какъ наказываютъ ихъ любимую кошечку или собачку, не могутъ безъ слезъ слышать разказовъ, въ коихъ описываются какія либо человѣческія страданія, доступныя дѣтскому пониманію. Вообще ребенокъ любитъ, когда къ нему относятся съ ласкою, съ симпатіей. Пріятное чувство, испытываемое при этомъ ребенкомъ, заставляетъ его искать ласки, дорожить ею.

Поэтому дѣти, оторванныя отъ родителей и родныхъ, не имѣя возможности пользоваться ихъ ласкою, привязываются къ лицамъ, съумѣвшимъ во время отнестись къ нимъ сочувственно. Эта привязанность и даетъ воспитателю возможность руководить ребенкомъ; изъ любви къ воспитателю ребенокъ сдѣлаетъ все, что отъ него не потребуютъ, скорѣе, чѣмъ, напр., подъ страхомъ наказанія, или изъ чувства боязни.

Чувство дружбы. Съ чувствомъ симпатіи имѣеть много общаго чувство дружбы, также принадлежащее къ разряду альтруистическихъ чувствованій. Гдѣ дружба, тамъ и симпатія, хотя наоборотъ сказать нельзя. Такъ, напр., мы можемъ симпатизировать подвигамъ лицъ, сошедшихъ со сцены, но дружба съ ними, конечно, не мыслима. Дружба обыкновенно предполагаетъ нѣкоторое равенство положенія: симпатія же не знаетъ этого: она переносится на все, что мы видимъ страждущимъ или радующимся. Отличіе чувства дружбы отъ чувства симпатіи заключается и въ томъ еще, что если симпатія можетъ развиваться нерѣдко изъ совершенно безотчетнаго влеченія, то въ дружбѣ подобная привязанность одного лица къ другому исходитъ по большей части изъ сознательной оцѣнки тѣхъ качествъ, которыя возбуждаютъ въ себѣ наше сочувствіе. Если первоначальнымъ мотивомъ дружбы и могутъ служить нѣкоторыя внѣшнія свойства человѣка, почему либо намъ нравящіяся, то дальнѣйшимъ и болѣе прочнымъ мотивомъ являются уже внутреннія качества человѣка, умственныя и нравственныя. Общность интересовъ, стремленій, одинаковость возрѣній, положенія и возраста суть обычныя условія возникновенія дружбы.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что не послѣднимъ условіемъ для развитія и укрѣпленія дружбы служитъ нѣкоторая разность въ характерахъ, такъ же, какъ и въ возрѣніяхъ на вещи, не входящая однако же до полной противоположности. Въ самомъ дѣлѣ, въ школѣ часто приходится наблюдать, что бойкій и смѣлый ребенокъ дружится съ тихимъ и смиреннымъ и оказываетъ послѣднему свою защиту и покровительство; болѣе способный и прилежный съ менѣе способнымъ и прилежнымъ и такъ далѣе. И это понятно: каждый въ другомъ находитъ какъ бы дополненіе себѣ самому, между тѣмъ какъ при одинаковыхъ темпераментахъ, подобно однородному, взаимно отталкивающемуся электричеству, всегда бываетъ больше поводовъ къ разногласіямъ и ссорамъ. Привычка, какъ и въ другихъ случаяхъ, способствуетъ наиболѣе прочному закрѣпленію дружественныхъ отношеній. Отсюда выраженіе: „старый другъ лучше новыхъ двухъ“. Высшая степень дружбы выражается въ полнѣйшемъ довѣрїи другъ къ другу, самомъ искреннемъ участїи ко всякому положенію друга. Таковы примѣры дружбы: Давида съ Іонафаномъ, Маркиза Поза съ Донъ-Карлосомъ и т. п. Пробнымъ камнемъ въ дружбѣ нужно считать несчастіе или, говоря точнѣе, степень принимаемаго въ немъ съ нашей стороны участія. Въ извѣстномъ произведенїи Шиллера „Порука“—*Die Bürgschaft*“ можно читать прекрасную иллюстрацію того, какъ далеко можетъ простираться дружба.

Былъ нѣкогда въ Сиракузахъ тиранъ Діонисій, который своею жестокостю такъ возстановилъ противъ себя, что сталъ подозрѣвать cadaго въ желанїи убить его. Однажды онъ велѣлъ схватить грека Дамона, котораго заподозрѣлъ въ зломѣ

умыслѣ противъ себя и приговорилъ его къ смерти на крестѣ.

„Скажи мнѣ, что ты искалъ здѣсь съ ножомъ?

„Спросилъ Діонисій его съ торжествомъ.

„— Свободы отчизны... я связанъ обѣтомъ!—

„Злодѣй! на крестѣ ты расквѣшься въ этомъ!“.

Дамонъ отвѣчаетъ:

„Давно ужъ себя я на гибель обрекъ

И—вѣрь мнѣ—не стану молить о прощеньѣ;

Но—если доступно тебѣ сожалѣнье—

Назначь передъ смертью трехдневный мнѣ срокъ,

Чтобъ свадьбу сестры я отпраздновать могъ;

И друга тебѣ я оставляю порукой

И если укроюсь—отвѣтитъ онъ мукой“.

Діонисій согласился и подумалъ въ себѣ: не вернется больше Дамонъ, пусть же народъ узнаетъ, какой онъ обманщикъ и предатель. Дамонъ пришелъ къ другу, передалъ ему свой разговоръ съ Діонисіемъ и просилъ его пробывать 3 дня въ заключеніи. Вѣрный другъ съ радостью согласился, обнялъ Дамона на прощанье и далъ отвести себя въ темницу и заковать въ цѣпи.

Исправивъ свои дѣла дома, Дамонъ поспѣшно отправился въ Сиракузы. Но на пути его встрѣчаютъ различныя препятствія, а трехдневный срокъ истекалъ. Подходитъ къ Сиракузамъ. Какіе то 2 путника шли ему на встрѣчу. И вдругъ до него долетѣли слова: „теперь уже, вѣрно, повели его распинать“. Тоска сдавила сердце Дамона. Видны Сиракузы; заходящее солнце золотитъ вершины городскихъ башенъ.

На встрѣчу Дамону бѣжитъ управитель дома его: вѣрный слуга издали узнаетъ своего господина. „Назадъ!“—закричалъ онъ Дамону—ты уже опоздалъ. Думай о своемъ спасеніи. Другъ твой уже преданъ на мученье. Съ часу на часъ онъ ждалъ и не вѣрилъ, что ты опоздаешь. Надъ нимъ издѣвались, ему говорили, что ты обманщикъ и предатель, но никто не могъ смутить его надежды“.

„О, если ужъ поздно, я не поспѣлъ

Явиться предъ другомъ спасителемъ жданнымъ,

Распятые мнѣ будутъ удѣломъ желаннымъ,

Чтобъ послѣ тиранъ говорить не посмѣлъ,

Что я обѣщанья сдержать не умѣлъ:

Пускай Діонисій двѣ жертвы погубить,

Но знаетъ, что люди и вѣрятъ и любятъ“.

Солнце уже сѣло, когда Дамонъ достигъ городскихъ воротъ. Издали завидѣлъ онъ крестъ на площади и любопытный народъ, волновавшійся кругомъ. И вотъ видитъ онъ, какъ поднимаютъ его друга на рестъ. „Дамонъ кричалъ, раздвигая народъ:“

„Палачъ! распинай меня—вотъ мои руки!
Я—мститель—убійца, онъ—жертва поруки!“
— „И вздрогнулъ, и стихъ изумленный народъ.
Друзья обмѣнялись словами участя;
И плачутъ отъ горя, и плачутъ отъ счастья—
И всѣ прослезилися съ ними... но вотъ
Самъ грозный тиранъ обо всемъ узнаетъ,
Дивится друзьямъ и, познавъ умиленье,
Привестъ ихъ къ себѣ отдастъ повелѣнье.

Пришли. Діонисій на нихъ посмотрѣлъ
И молвилъ: „Вы сердце мое побѣдили!
Есть дружба!—я вѣрю святой ея силѣ!
И что раздѣлить я съ вами хотѣлъ,
Такъ это въ союзѣ межъ вами удѣлъ:
Когда вы согласны съ желаніемъ этимъ—
Пусть буду въ союзѣ межъ вами я третьимъ“.

Для поддержанія дружбы необходима общительность. Продолжительное молчаніе или разобщенность мало по малу ослабляютъ, а затѣмъ и вовсе прекращаютъ союзъ друзей. Вотъ почему еще у древнихъ мы находимъ изреченіе: „друзьямъ ничего такъ не свойственно, какъ жить вмѣстѣ“, или другое въ обратномъ значеніи—„съ глазъ долой,—изъ памяти вонъ“.

Проявленіе чувства дружбы у дѣтей.

У дѣтей чувство дружбы, товарищество проявляется также рано. Съ той поры, когда ребенокъ начинаетъ принимать участіе въ общественныхъ играхъ, онъ очень интересуется отношеніями къ нему товарищей, ищетъ и находитъ себѣ среди нихъ друзей. Чувство дружбы и товарищества служитъ хорошей охраной отъ эгоизма, столь свойственнаго маленькимъ дѣтямъ; влияніе друзей очень замѣтно сказывается на характерѣ дѣтей; убѣжденій маленькаго друга они часто лучше слушаются, чѣмъ совѣтовъ и внушеній взрослыхъ. Въ виду этого надлежащій выборъ друзей для ребенка имѣетъ существенное значеніе для развитія его характера и для его будущей дѣятельности въ обществѣ.

Чувство скуки. Оно относится къ области формальныхъ чувствованій и принадлежитъ къ числу самыхъ томительныхъ и наиболѣе гнетущихъ челоуѣка. Причины скуки могутъ быть чрезвычайно разнообразны. Главныя изъ нихъ слѣдующія:

1) Отсутствіе дѣятельности въ умственной ли области, или физической. Извѣстно, что скука является неизбѣжнымъ спутникомъ и слѣдствіемъ праздности. Трудъ составляетъ для челоуѣка столь же необходимую потребность какъ и пища: жить безъ того и другого нельзя. Не имѣя занятій, челоуѣкъ не знаетъ, чѣмъ бы пополнить время и начинаетъ скучать. Заключен-

ный въ тюрьму страдаетъ, быть можетъ, не столько отъ сознанія своей несвободы, сколько отъ отсутствія дѣятельности. Большинство дѣтскихъ капризовъ происходитъ вслѣдствіе того, что не даютъ дѣтямъ дѣла, занятія. На необходимости чѣмъ либо наполнить время коренятся различныя, нерѣдко весьма пустыя, игры, какъ напр., игра въ карты, въ дурачки, мельники, или безконечное раскладываніе пасьянсовъ и т. п., придуманныя досужей фантазіей съ спеціальною цѣлю убить время—это самое дорогое и ничѣмъ не замѣнимое сокровище!

2) Другою причиною скуки бываетъ дѣятельность, почему либо не отвѣчающая ходу нашей психической жизни. Это несоотвѣтствіе можетъ происходить: или а) со стороны содержанія, или б) со стороны формы.

а) Скука возникаетъ, когда предметъ нашихъ занятій слишкомъ высокъ и недоступенъ для нашего пониманія, или когда предметъ этотъ ничтоженъ или слишкомъ знакомъ намъ и, такимъ образомъ, не можетъ удовлетворить нашей жажды знанія. Такъ, человѣкъ, малообразованный скучаетъ, напр., слушая какойнибудь научный трактатъ, между тѣмъ, какъ этотъ трактатъ для человѣка образованнаго имѣетъ весьма важный интересъ. Примѣръ же скуки отъ ничтожности или малосодержательности предмета даютъ намъ всѣ тѣ случаи, когда приходится слушать длинную и безсодержательную рѣчь, плохое исполненіе пьесы, старыя и давно извѣстныя намъ истины.

Что же касается причинъ скуки, обязанныхъ формѣ, въ какой предлагаются намъ извѣстныя представленія, то причины эти сводятся или къ слишкомъ быстрой передачѣ при сообщеніи чего либо, или слишкомъ медленной. Въ первомъ случаѣ мысль наша, не успѣвая ни схватить, ни усвоить и переработать какъ нужно тѣ или другія воспріятія вслѣдствіе ихъ быстрой смѣняемости, бесполезно утомляется, результатомъ чего является скука; во второмъ же случаѣ излишняя медленность въ слѣдованіи впечатлѣній, оставляя нашу мысль въ ожидательномъ положеніи, также не отвѣчаетъ ходу нашей душевной жизни и заставляетъ насъ скучать. Если на урокѣ учитель сообщаетъ сразу множество самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, то ученики не могутъ справиться съ тою массою представленій, которая предлагается ихъ вниманію и скучаютъ. Задача преподавателя состоитъ не въ томъ, чтобы передать ученикамъ всѣ тѣ свѣдѣнія, какія онъ самъ имѣетъ, а въ томъ, чтобы дать душѣ ребенка по силъ н у ю и потому интересную работу, обратить его вниманіе на самое важное въ предметѣ, приохотить его къ самостоятельной работѣ. Если этого нѣтъ, то вниманіе учениковъ, особенно, если они мало дисциплинированы, подъ влияніемъ скуки направляется на другіе предметы: отсюда—шалости во время урока, неспокойное сидѣнье, разговоры и др.

Что касается силы чувства скуки, то оно можетъ отъ легкой формы, выражаемой обыкновенно словами: „не знаю,

чѣмъ бы заняться“, доходить до высшей формы, извѣстной подъ именемъ апатіи, когда человѣкъ, вслѣдствіе сознанія полной ничтожности своихъ занятій и всего окружающаго, не находитъ для себя удовлетворенія ни въ чемъ. Въ этомъ состояніи онъ даже не пытается предпринимать что либо, будучи заранѣе убѣжденъ въ пустотѣ и безынтересности дѣла.

Нерѣдко подобное состояніе принимаетъ специфическую форму особаго болѣзненнаго состоянія, извѣстнаго подъ именемъ хандры, или у англичанъ—сплина.

Патріотическое чувство.

Патріотическое чувство относится къ чувствованіямъ, связаннымъ съ потребностью къ общежитію.

Семья—очагъ, гдѣ воспитывается человѣчество для взаимной жизни и труда, гдѣ развивается и крѣпнетъ религиозное чувство и культъ, гдѣ рождается любовь къ отечеству. Безъ семьи не было бы государства, но и семья можетъ держаться только при правильномъ государственномъ устройствѣ, при власти, охраняющей права и владѣніе, при законѣ и судѣ, наказывающихъ преступныхъ. Семья—начало и цѣль государственной жизни—начало, потому что изъ семейнаго и родоваго быта образовались государства,—цѣль, потому что благоденствіе семей—важнѣйшая задача государства.

Основы государственнаго строя замѣтны еще въ семьѣ: власть и преимущества старшихъ, ихъ право ограничивать и распространять свободу младшихъ, наказывать и награждать ихъ, обязанность старшихъ заботиться о тѣлесномъ, умственномъ и нравственномъ воспитаніи младшихъ. Таковы же права и обязанности государственной власти не надъ отдѣльными только членами семействъ, но надъ всѣмъ союзомъ семей. Государственная власть и по происхожденію, и по характеру подобна власти отеческой, почему многіе народы и самый государственный союзъ обозначали наименованіемъ отечества, земли отцевъ.

Любовь къ отечеству, именуемая патріотизмомъ, также естественна, какъ и любовь къ себѣ, и она въ зародышѣ есть у каждаго человѣка. Любовь къ отечеству не можетъ быть отдѣлена ни отъ любви къ семьѣ, ни отъ любви къ родинѣ, къ природѣ ея, къ городу, или селу, въ которомъ человѣкъ родился и росъ, къ школѣ, въ которой онъ учился, къ друзьямъ, къ роднымъ, къ землякамъ, къ единовѣрцамъ, къ обрядамъ, къ обычаямъ, къ исторіи своей страны, къ согражданамъ, и, наконецъ, къ верховной власти.

Еще Аристотель называлъ человѣка общественнымъ животнымъ (*ζῷον πολιτικόν*). Связь между отдѣльными лицами и обществомъ, органическая—необходимая: человѣкъ вліяетъ на общество, и общество образуетъ человѣка; человѣкъ работаетъ на общество и общество поддерживаетъ человѣка.

Люди, что вѣтви на растущемъ деревѣ: они живы жизнью цѣлаго, и въ то же время сами сообщаютъ ему жизнь. Такъ и личность и общество служатъ другъ для друга и цѣлю и средствомъ.

Изъ этихъ то отношеній человѣка къ обществу и возникаетъ патриотизмъ.

Поэтому развитіе патриотизма составляетъ одну изъ цѣлей воспитанія. Каждый изъ воспитанниковъ со временемъ долженъ сдѣлаться гражданиномъ, на которомъ будутъ лежать извѣстныя обязанности по отношенію къ отечеству.

Патриотическое чувство развивается послѣдовательно, мало-по-малу. Пока кругъ столкновеній ребенка ограничивается семьей, ребенокъ привязывается къ членамъ своей семьи. Затѣмъ, подрастая, онъ входитъ въ такія или иныя отношенія съ членами села или города, въ которомъ живетъ, и интересы общества этого села или города дѣлаются для него близкими. Далѣе, поднимаясь выше въ своемъ душевномъ развитіи, человѣкъ переноситъ свое сочувствіе за предѣлы роднаго города: интересы всего государства дѣлаются для него близкими.

Безспорно, что въ естественномъ ходѣ развитія патриотическаго чувства немаловажную роль играетъ привычка.

Подобно тому, какъ юноша, будучи оторванъ отъ родной семьи, въ которой сложились его привычки, съ чувствомъ вспоминаетъ объ этой семьѣ, и все, связанное съ жизнью въ семьѣ, принимаетъ для него особенную прелесть, такъ точно и гражданинъ государства, въ которомъ сложились его привычки, выработалось его мировоззрѣніе, выработался языкъ, будучи переселенъ въ другое государство, съ любовію вспоминаетъ о своемъ отечествѣ. Новыя условія жизни въ чужомъ государствѣ, не согласныя съ тѣми, къ коимъ онъ привыкъ на родинѣ, наводятъ его на воспоминаніе объ отечествѣ, и воспоминаніе это почти всегда проникнуто любовью.

Неосновательно было бы думать, что только хорошій климатъ, роскошная растительность, живописная мѣстность могутъ привязывать человѣка къ родинѣ. Эти условія, конечно, имѣютъ нѣкоторое вліяніе на развитіе любви къ отечеству, но не первенствующее. Жители суровыхъ странъ не менѣе любятъ свое отечество, чѣмъ жители странъ богато одаренныхъ. Если жителя холодныхъ сѣверныхъ странъ переселить въ благодатную страну юга, онъ будетъ съ чувствомъ вспоминать свое отечество.

Роскошная природа, ясное небо чужой страны никогда не замѣнятъ ему холода, мрака, бури и мятелей, покрытаго туманами неба отчизны. Яркое сіяніе солнца не вызоветъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ свистъ бури: онъ напоминаетъ ему родину:

„Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златяя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнить?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожить,
Тебя благословляя!“

(Жуковскій).

Но, не смотря на означенный естественный ходъ развитія патріотическаго чувства, необходимо позаботиться о средствахъ къ воспитанію этого чувства. Средства эти:

1. Примѣръ лицъ, проникнутыхъ патріотическимъ чувствомъ. Если воспитатель и вообще лица, окружающія воспитанника, проникнуты патріотическимъ чувствомъ, то этимъ же чувствомъ проникнется и воспитанникъ.

Примѣръ дѣйствуетъ обаятельно.

2. Знакомство съ отечествомъ путемъ обученія отечественной географіи и исторіи. При изученіи исторіи нужно отгѣнять тѣ историческія событія, въ коихъ проявилось патріотическое чувство гражданъ, и тѣхъ историческихъ дѣятелей, кои особенно проявили свою любовь къ отечеству.

Также и при изученіи всеобщей исторіи и исторіи древнихъ народовъ.

3. Торжественное празднованіе событій, имѣющихъ значеніе въ жизни отечества. Оно возбуждаетъ и поднимаетъ патріотическое чувство.

4. Пѣніе патріотическихъ пѣсень. Желательно, чтобы воспитанникъ зналъ значеніе этихъ пѣсень и обстоятельства, по коимъ онѣ сложены.

5. Разяснять воспитаннику, что патріотизмъ есть долгъ, предписываемый каждому гражданину и религіей и нравственнымъ требованіемъ. Необходимо воспитывать въ дѣтяхъ національное сознаніе и укрѣплять въ нихъ національное чувство, пробуждать въ нихъ ту крѣпкую любовь къ отечеству, которая готова на всякое самопожертвованіе; утверждать въ нихъ вѣрность Царю, какъ Божію помазаннику, и послушаніе власти, Царемъ установленной.

Но воспитывая патріотическое чувство, не слѣдуетъ и поселять въ душѣ воспитанника презрѣнія къ другимъ народамъ. Подъ именемъ патріотизма нерѣдко разумѣютъ воинственность и національную исключительность, желаніе роста и благоденствія своему народу въ ущербъ другимъ народностямъ, стремленіе примѣчать и показывать въ другихъ народностяхъ

одно плохое, а въ своемъ народѣ замалчивать темныя стороны и преувеличивать свѣтлыя. Такое презрѣніе было бы несогласнымъ съ христіанскою нравственностью, требующимъ ко всѣмъ безъ исключенія любви.

Истинный патріотизмъ не даетъ намъ права думать, что наши нравственныя и умственныя качества превосходятъ качества всѣхъ другихъ народовъ.

Такая мысль могла бы повести къ самообольщенію и къ умственному застою.

Можно любить свое отечество и вмѣстѣ съ тѣмъ по христіански относиться къ другимъ народамъ и поучаться отъ нихъ лучшему, если есть чему отъ нихъ поучиться.

XXV.

Эстетическія чувствованія.

Эстетическими (отъ греч. слова *αἰσθάνομαι*—ощущаю) чувствованіями называются пріятныя чувствованія, вызываемыя прекрасными предметами природы и искусства, а также непріятныя чувствованія, вызываемыя предметами безобразными. Таковы, напр., чувства удовольствія, кои мы испытываемъ при видѣ величественнаго ландшафта, при слушаніи прекраснаго пѣнія, или непріятное чувство при негармоничныхъ дикихъ звукахъ. Созерцаніе прекрасныхъ предметовъ связано всегда съ идеей красоты въ широкомъ смыслѣ этого слова. 2 стороны въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ: внутренняя—идея, мысль и внѣшняя—образъ, форма, служащая къ выраженію идеи.

Необходимую принадлежность каждаго изящнаго произведенія составляетъ полная гармонія между его идеей и формой, а также строгая соразмѣрность между составными его частями.

Прекрасное (въ искусствѣ) есть художественное (изящное) выраженіе идеи въ чувственной формѣ.

Способность не только чувствовать красоту, но и дать отчетъ въ своемъ чувствѣ, называется эстетическимъ вкусомъ.

Пріятное часто смѣшиваются съ прекраснымъ. Отличіе: чувство пріятнаго ограничивается ощущеніемъ, которое возбуждается предметомъ; эстетическое же чувство является только въ томъ случаѣ, когда мы сознаемъ соотвѣтствіе, гармонію между идеей и формой изящнаго предмета. (Музыкальный тонъ и гармоническое соединеніе тоновъ, выражающее какую либо мысль).

Главными посредниками эстетических чувствований служат органы зрѣнія и слуха. Поэтому то и классификація изящныхъ искусствъ дѣлитъ всѣ художественныя произведенія на 2 группы искусствъ: а) пластическихъ, основанныхъ на зрѣннн (рисованіе, живопись, скульптура и архитектура) и б) тоническихъ, основанныхъ на слухѣ (пѣніе и музыка). Рассматривая предметы эстетическихъ волненій въ области зрѣнія, мы находимъ, что между предметами, доступными зрѣнію, въ насъ возбуждаютъ волненіе изящнаго: а) *цвѣта*, б) *формы* и в) *движенія*.

Въ области слуха предметами эстетическаго наслажденія служатъ: а) музыка и б) пѣніе. Въ музыкѣ также, какъ и въ пѣннн, условія эстетическаго дѣйствія ихъ на насъ одинаковы: мы имѣемъ прежде всего всѣ пріятныя различія простого звука—нѣжные звуки, торжественные, усиливающіеся и упадающіе; и затѣмъ, сочетанія звуковъ въ мелодію и гармонію по законамъ пропорціи, болѣе или менѣе точно опредѣленнымъ математически.

„Звуки льются въ мое ухо, а съ ними вмѣстѣ истина по каплямъ струится въ мое сердце“.

(Бл. Августинъ).

Значеніе эстетическихъ чувствованій.

Эстетическое чувство имѣетъ громадное образовательное, развивающее и гуманизирующее вліяніе. Это можно замѣтить не только въ жизни отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ, напр., въ исторіи Греціи—классической страны искусствъ.—Иначе, конечно, и быть не можетъ, такъ какъ предметомъ эстетическихъ чувствованій служитъ прекрасное и возвышенное, чуждое личныхъ эгоистическихъ расчетовъ, возвышающее духъ человѣка надъ сферой обычныхъ житейскихъ заботъ и побуждающее людей къ взаимному духовному сближенію между собою.

Вдохновляя на добро, отвращая человѣка отъ земли, эстетическое чувство (красота), очищаетъ его отъ земной грязи, отклоняетъ его отъ такихъ привычекъ, которыя не согласны съ благомъ и любовію къ отечеству.

Таковы, напр., пьянство, неряшество въ одеждѣ и обстановкѣ, беспорядочность.

На конгрессѣ прусскихъ народныхъ учительницъ въ Галлѣ (1902 г.) въ рефератѣ на тему: „Что можетъ сдѣлать школа народная въ борьбѣ съ алкоголизмомъ?“ референтка къ числу мѣръ отнесла и развитіе чувства прекраснаго. „Пьянство, говорила она, „оскорбляетъ эстетическое чувство“ и если съ дѣтскихъ лѣтъ начнемъ развивать его, то оно можетъ послужить въ послѣдствіи задерживающимъ факторомъ въ распространеніи пьянства“.

Чтобы видѣть, насколько дѣйствительно важно значеніе эстетическаго чувства въ жизни человѣка, достаточно указать, что въ исторіи философіи были нѣкоторые мыслители (Шефтсбери), полагавшіе, что эстетическое чувство можетъ стать въ основѣ всей практической жизни человѣка и, такимъ образомъ, замѣнить собою чувство нравственное. Не соглашаясь по существу съ возможностью подобной замѣны, можно всетаки сказать, что человѣкъ съ высокоразвитымъ эстетическимъ чувствомъ едва ли допуститъ какія либо низкіе и недостойные поступки; съ другой стороны, человѣкъ грубый и невѣжественный въ области эстетики всегда бываетъ болѣе доступенъ самодурству, жестокости и своенравію.

До какой степени самоотверженія можетъ доходить художникъ эстетикъ, можетъ показать намъ слѣдующій рассказъ Друммонда. „Въ Парижской галлерей изящныхъ искусствъ, говоритъ онъ, находится знаменитая статуя. Она была послѣднимъ произведеніемъ великаго генія, который, подобно многимъ другимъ геніальнымъ людямъ, былъ очень бѣденъ и жилъ на чердакѣ, служившемъ ему и мастерской, и спальней. Когда статуя была почти совсѣмъ готова, вдругъ ночью сдѣлался въ Парижѣ морозъ. Скульпторъ не могъ заснуть въ нетопленной комнатѣ и думалъ о томъ, что глина не успѣла еще высохнуть, что вода въ ея порахъ замерзнетъ и въ одинъ часъ разрушитъ мечту его жизни. Тогда старикъ всталъ съ постели и старательно окуталъ статую своимъ одѣяломъ. На слѣдующее утро вошедшіе въ комнату сосѣди нашли скульптора мертвымъ, за то статуя была невредима!“.

Средства эстетическаго образованія.

Что касается до средства эстетическаго образованія дитяти, то изъ нихъ первое и самое доступное занимаетъ внѣшняя окружающая его природа, со всѣмъ ея богатствомъ и разнообразіемъ. „Укажите дитяти,—говоритъ нѣмецкій педагогъ Диттесъ—на скромную фіалку, на пріятно улыбающуюся розу, на дерево въ пышномъ цвѣтѣ и изобиліи плодовъ, на восхитительный лугъ, покрытый цвѣтами и зеленью, на мощный дубъ, на стройный тополь, на вѣковыя скалы, на высящіяся къ небесамъ горы, на глубокое въ высотѣ небо, на блестящія звѣзды съ тихо плывущей луной, на священную зарю утра и вечера—предвѣстницу дня и ночи, на разноцвѣтную радугу—знакъ мира между Богомъ и людьми, на капли росы, сверкающую молнію, на неизмѣримость вселенной и необъятное число Божіихъ созданій, на величественный порядокъ и постоянные законы въ природѣ. Давайте ему слышать радостный свистъ и пѣніе птицъ, таинственный шумъ лѣса, плескъ волнъ и мощную бурю вѣтра, раскаты грома и т. п. Давайте ему поводъ ощущать въ глу-

бинѣ его души всепроникающую полноту жизни въ природѣ и дыханіе Творца. Давайте поводъ дитяти ежегодно праздновать съ природой праздникъ воскресенія, когда послѣ зимняго оцѣпененія наступаетъ живительный праздникъ весны“. Такимъ образомъ здѣсь эстетическое чувство близко соприкасается съ религіознымъ, поддерживаетъ его и само, въ свою очередь, имъ поддерживается.

„Вглядись душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ:
И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобою
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой!
Узришь: звѣзды мыслей водятъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли;
Вновь взглядишь: другія всходятъ;
Вновь взглядишь: и тамъ въ дали
Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами
Всходятъ, всходятъ безъ числа!“

(Хомяковъ).

Гармонія, которую эстетическое чувство улавливаетъ въ природѣ, въ каждомъ ея явленіи въ частности, и въ совокупности многихъ, сообщается самому человѣческому духу. Въ чувствѣ гармоніи природы онъ примиряется съ отрицательными сторонами жизни, съ противорѣчiami ея, какъ преходящими тѣнями, и ощущая гармонію, способенъ ощутить и Того, Кто создалъ ее, Того, Кто все держитъ и объединяетъ „глаголомъ силы своей“,—Бога. Это то, что поэтъ высказалъ въ прекрасныхъ стихахъ:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога“.

(Лермонтовъ).

2) Рядомъ съ внѣшней природой на эстетическое чувство дитяти влияетъ и ближайшая домашняя среда: мебель, убранство комнаты, одежда, картины, игрушки и т. п. Здѣсь, какъ и всюду, дѣло не въ массѣ, не въ многочисленности и дороговизнѣ изящныхъ произведеній, а въ простотѣ, ясности и чистотѣ, выражающихъ пластику жилища. Независимо отъ этого различныя формы обращенія человѣка съ другими, его манера, жесты, тонъ голоса, языка и наконецъ все изящное въ области искусствъ пластическихъ и тоническихъ и особенно въ поэзіи служатъ могучими средствами эстетическаго воспитанія дитяти. Поэтическія произведенія дѣйствуютъ на насъ картинностью изобра-

женій, вѣрностью создаваемыхъ образовъ дѣйствительности, художественною цѣльностью типовъ.

XXVI.

Нравственные чувстваванія.

Всякій по опыту знаетъ, что мы неодинаково относимся къ дѣйствіямъ, будутъ ли онѣ наши собственныя или же нашихъ ближнихъ, добродѣтельнымъ и порочнымъ, добрымъ и злымъ, справедливымъ и несправедливымъ: первая изъ нихъ мы одобряемъ и хвалимъ, послѣднія осуждаемъ и порицаемъ.

Источникомъ такого неодинаковаго отношенія къ добру и злу является нравственное чувство, говорящее ему, что должно дѣлать и чего не должно. Такимъ образомъ нравственными чувствами называются тѣ, кои сопровождаются сужденіемъ о нравственной цѣнности того или другаго явленія.

У каждаго существуетъ извѣстный кодексъ дѣйствій нравственно дозволяемыхъ и недозволяемыхъ. Изъ первыхъ, т. е. нравственно дозволяемыхъ составляется кругъ обязанностей человѣка, его нравственный долгъ, а изъ предписаній долга образуется цѣлый нравственный законъ.

Изъ вторыхъ, т. е. нравственно недозволяемыхъ образуется кругъ дѣйствій, нарушающихъ обязанности нравственнаго закона и составляющихъ уклоненіе отъ долга.

Сознаніе или идея долга и есть первый моментъ обнаруженія нравственнаго чувства, это—первое, о чемъ говорить и нравственное чувство сознанию каждаго изъ насъ; второй моментъ обнаруженія нравственнаго чувства состоитъ въ сравненіи совершеннаго нами поступка и поступка долженствоваваго быть совершеннымъ, въ сравненіи того, что есть съ тѣмъ, что должно быть. Этотъ второй моментъ сравненія и есть то, что называютъ совѣстію человѣка. Самая терминологія слова совѣсть именно указываетъ прежде всего на эту роль сравненія, совѣсть=совѣдѣніе, *συ-σῆδης*, Con-Scientia, Con-Science, Gewissen, и т. д. Совѣсть свидѣтельствуетъ предъ сознаниемъ о томъ, выполнила ли воля свою обязанность, свой долгъ или нѣтъ. Въ этомъ и состоитъ судъ, т. е. сужденіе совѣсти надъ совершеннымъ поступкомъ. Судъ этотъ, какъ и всякій другой, долженъ быть конечно или оправдывающимъ, или обвиняющимъ, т. е. долженъ вмѣняться человѣку или въ заслугу, или въ осужденіе. Единственно, чѣмъ отличается этотъ судъ совѣсти отъ другихъ судовъ, это тѣмъ, что предъ этимъ судомъ молчатъ всѣ страсти, преклоняются всѣ личные интересы и привязанности, всѣ протесты гордости и самомнѣнія, во имя которыхъ могутъ иногда дѣйствовать пристрастно другіе суды.

3-й послѣдній моментъ нравственнаго чувства состоитъ въ мздовоздаяніи, т. е. въ приведеніи суда совѣсти въ исполненіе.

Когда человекъ совершаетъ поступокъ, согласный съ требованіемъ долга, въ душѣ его возникаетъ пріятное чувство внутренняго міра и радости—такъ называемое спокойствіе совѣсти.

Въ противномъ же случаѣ, въ душѣ человека возникаетъ чувство недовольства самимъ собою, внутреннее безпокойство или, такъ называемое, угрызеніе совѣсти. Нерѣдко эти упреки и терзаніе совѣсти бываютъ такъ сильны, что перевѣшиваютъ собой могучій инстинктъ самосохраненія, побуждая, напримѣръ, преступника добровольно отдаться въ руки правосудія, лишь бы только освободиться отъ угрызеній совѣсти. Примѣромъ этого можетъ служить Родіонъ Раскольниковъ—герой „Преступленія и Наказанія“, добровольно явившійся къ полицейскому чиновнику съ признаніемъ совершеннаго имъ убійства старухи-закладчицы.

Анализъ, т. назыв., угрызеній совѣсти открываетъ намъ присутствіе здѣсь очень многихъ элементовъ, какъ то: самопоричанія, которое всегда бываетъ чувствительнѣе, чѣмъ поричаніе со стороны другихъ; раскаянія, сожалѣнія, стыда и даже нѣкотораго презрѣнія къ самому себѣ. Въ такомъ состояніи нравственная половина человѣческаго существа какъ бы стыдится за свое сосѣдство и за свою связь съ половиной низкою и безнравственною.

„Достигъ я высшей власти,
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ ....
Мнѣ счастья нѣтъ....
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить:
Ничто, ничто..... едина развѣ совѣсть,
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелось,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ въ ухахъ стучитъ упрекомъ
И все тошнить, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ,
И радъ бѣжать, да некуда..... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста!“

(Борисъ Гудуновъ).

Но если таково состояніе угрызеній совѣсти, то чувство, называемое спокойствіемъ совѣсти, характеризуется противоположными состояніями сердца, а именно, здѣсь есть пріятное чувство довольства собой, какъ бы самоуваженія и нѣкоторое волненіе радости. Поэтому оно справедливо считается однимъ изъ самыхъ высокихъ состояній, посѣщающихъ вообще человѣческое

сердце. Минуты довольства совѣсти, по всей справедливости, слѣдуетъ считать самыми лучшими и свѣтлыми моментами человѣческой жизни.

Кстати замѣтимъ здѣсь слѣдующее. То, что зовутъ *чувствомъ справедливости*, относящимся также къ области нравственныхъ чувствованій, есть ничто иное, какъ собственно тоже нравственное чувство, только имѣющее за собою большую и какъ бы высшую степень обязательности требованій. Положеніе: „никому не вреди“ есть требованіе справедливости, положеніе: „всякому, сколько можешь помогай“—требованіе нравственнаго чувства. Разница въ томъ, что несоблюденіе или нарушеніе перваго требованія (никому не вреди) во всякомъ случаѣ влечетъ за собою кару закона, повергаетъ виновнаго юридической отвѣтственности. Область же нравственнаго чувства есть область преимущественно великодушія и свободы. За исполненіе его можно одобрять, но этого исполненія нельзя требовать юридически, равно какъ и за исполненіе его можно порицать, но нельзя наказывать. (Примѣръ: подаваніе милостыни бѣдному, требовать которой отъ насъ онъ не можетъ однакоже).

Значеніе нравственныхъ чувствованій въ жизни человѣка.

Нравственныя чувствованія, служа источникомъ всего хорошаго, честнаго и благороднаго въ жизни и охраняя насъ отъ всего дурнаго, злого, имѣютъ громадное значеніе въ жизни людей. Достоинство человѣка заключается главнымъ образомъ въ его нравственномъ совершенствѣ. Поэтому забота о развитіи нравственныхъ чувствованій, должна быть поставлена въ основу дѣятельности каждаго воспитателя. Нужно зорко смотрѣть за тѣмъ, чтобы естественное нравственное чувство у дѣтей не ослабѣвало, не заглушалось, а развивалось, чтобы дѣти ясно сознавали требованіе нравственнаго закона, чутко распознавали хорошее отъ дурнаго, справедливое отъ несправедливаго и, уклоняясь отъ послѣдняго, стремились къ первому. Особенно много значатъ въ данномъ случаѣ примѣры нравственной жизни. Рассказываютъ, что Альпійскіе смѣльчаки и охотники,—находясь на высокихъ обрывистыхъ скалахъ, когда слышатъ, что, то или другое тѣло, напр., камень, отъ общей массы скалы падаетъ въ пропасть,—ни за какіе деньги не соглашаются наблюдать за его паденіемъ, потому будто бы, что оно и ихъ съ неудержимою силою повлечетъ въ пропасть. Вотъ магическая сила примѣра!—И, дѣйствительно, люди высоконравственной жизни увлекаютъ за собою, заставляютъ подражать себѣ. Напротивъ, подъ влияніемъ нравственной грубости, худыхъ примѣровъ и отъ непрерывно повторяющихся дурныхъ поступковъ, совѣсть иногда до того ослабѣваетъ, что человѣкъ не чувствуетъ ни довольства отъ добрыхъ дѣйствій, ни безпокойства отъ худыхъ; въ такомъ состояніи совѣсть

является какъ бы дремлеющею, усыпленною, пока человѣкъ не обратитъ вниманія на свой образъ жизни.

Средства развитія нравственныхъ чувствованій, „Первые зачатки нравственного чувства въ человѣкѣ,—по словамъ одного наблюдателя за жизнью дѣтей,—проявляются въ самомъ маленькомъ ребенкѣ, какъ только онъ пойметъ значеніе нѣкоторыхъ жестовъ, нѣ котораго выраженія физиономіи, нѣ которыхъ интонацій голоса, имѣющихъ цѣлью порицать его, когда онъ сдѣлалъ поступки, не нравящіеся другимъ или предостерегать его, когда онъ готовъ совершить ихъ“. Изъ этого мало по малу вырабатывается ясное различеніе конкретнаго добра и зла. „Одинадцатимѣсячный ребенокъ до нѣкоторой степени уже нравственное существо, потому что добровольно повинуется власти, приказаніямъ которой онъ внимаетъ“.

Дѣти, также какъ и дикари, на первыхъ порахъ дѣйствуютъ подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія и всегда эгоистично. Ожидать отъ дѣтей ранняго возраста великодушія и безкорыстныхъ побужденій безъ взаимности, значитъ ожидать слишкомъ многого, на что они еще неспособны. Каждый наблюдалъ, что если дѣти чѣмъ либо жертвуютъ, то всегда въ виду равноцѣннаго вознагражденія, въ виду какой либо награды въ настоящемъ или будущемъ. Правда, иногда бываютъ у нихъ моменты самоотреченія, когда они могутъ отдать все необходимое для нихъ, не сознавая ясно того, что они дѣлаютъ.

Но потомъ также легко и скоро они отбираютъ сейчасъ данное, забывая про свои обѣщанія. Стало быть, проявленія эгоизма даютъ себя чувствовать очень замѣтно.

Первымъ началомъ, обуздывающимъ дѣтскій эгоизмъ, безспорно является родительская любовь и особенно любовь матери. Примѣръ этой любви доходящей до самопожертвованія, впервые будитъ въ душѣ дитяти чувство добра. Человѣкъ, дѣтство котораго протекло подъ надзоромъ любящей, умной и просвѣщенной матери, никогда не можетъ въ той мѣрѣ утратить нравственное чувство, какъ тотъ, кто выросъ, будучи совсѣмъ незнакомъ съ благотворнымъ вліяніемъ этой любви. Память о ней нерѣдко остается на всю жизнь и чѣмъ эта память яснѣе и долѣе хранится человѣкомъ, тѣмъ онъ безопаснѣе отъ обольщенія эгоизма, тѣмъ онъ чище и гуманнѣе. Въ книжкѣ Преосвящен. Евсевія: „о воспитанія дѣтей“ приведенъ въ примѣръ одинъ благочестивый человѣкъ, который, обращаясь къ своей давно умершей матери восклицалъ: „благодарю тебя, дорогая мать моя! Я вѣчно останусь твоимъ должникомъ! Когда я замѣчалъ твой взоръ, твои тѣлодвиженія, твое хожденіе предъ Богомъ, твои страданія, твое молчаніе, твои дары, твои труды, твою благословляющую руку, твою тихую, постоянную молитву, тогда съ самыхъ раннихъ лѣтъ, каждый разъ какъ бы вновь возраждалась во мнѣ жизнь духа,—чувство благочестія. И этого чувства не могли послѣ истребить никакія понятія, ни-

какія страданія, никакія притѣсненія, даже никакіе грѣхи. Еще живеть во мнѣ жизнь духа, хотя протекло уже болѣе сорока лѣтъ, какъ ты оставила временную жизнь“.

Подобныя же мысли прекрасно выражены въ слѣдующихъ поэтическихъ строфахъ покойнымъ Некрасовымъ, въ его извѣстной поэмѣ „Мать“:

„И если я легко стряхнулъ съ годами,
Съ души моей тлетворные слѣды
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невѣжествомъ среды.
И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты,
И носить пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокия черты—
О мать моя, подвигнуть я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!“

Затѣмъ, нравственное чувство развивается подъ вліяніемъ добрыхъ отношеній къ братьямъ, сестрамъ и другимъ окружающимъ ребенка лицамъ въ семьѣ, школѣ и обществѣ.

Въ Англіи, Америкѣ, Франціи и Японіи въ начальныхъ школахъ есть особые часы для уроковъ нравственности.—Берется какое нибудь нравственное изреченіе, напр., „Вѣжливый ребенокъ не говоритъ грубыхъ словъ“, и „не смѣйся надъ чужой бѣдой“, „убійствомъ своей чести не защититъ“ и т. д. и выписывается на доскѣ для обсужденія. На изреченія приводятся примѣры учителемъ, самими учениками, примѣры, которые показываютъ, какъ не хорошо быть грубымъ, смѣяться надъ чужой бѣдой..... Въ концѣ урока дѣлается резюме изъ всей бесѣды, которое записывается каждымъ ученикомъ въ свой дневникъ. Изреченія послѣ бесѣды и рассказовъ остаются цѣлый день на доскѣ, и такимъ образомъ невольно, чрезъ зрѣніе запечатлѣвается въ сердцахъ. Результатомъ уроковъ нравственности, какъ свидѣльствуютъ отзывы французскихъ инспекторовъ училищныхъ, „является улучшение школьной дисциплины, сознательное отношеніе учениковъ къ исполненію своихъ обязанностей, въ нихъ возбуждается чувство чести и чувство собственнаго достоинства“.

Конечно, эти уроки нравственности не имѣютъ вида уроковъ. Это, скорѣе всего бесѣды, по возможности непринужденныя, безъ всякаго обремененія памяти разнаго рода заповинаніями, бесѣды наглядныя.

Вотъ образецъ урока въ одной Англійской школѣ, описываемый Паскалемъ Виллари: „Учитель начавъ съ того, что разложилъ на столѣ предъ собою кучу тряпья, костей, кухоннаго сору и тому подобное. Замѣтивъ всеобщее удивленіе дѣтей, онъ началъ урокъ, приправляя его шутками.“ „Ну-съ такъ мы займемся сегодня этимъ хламомъ. Что, вы, небось, сейчасъ бы все

это выкинули вонъ?! А знаете ли, что этимъ хламомъ нагружаются корабли и за него платять тысячи? Промышляя этимъ самымъ тряпьемъ, кормятся тысячи семействъ, при чемъ иные люди нажили себѣ миллионы. Съ этими словами учитель развернулъ большой листъ чистой бумаги. Это не надо бросать? А вѣдь этотъ листъ сдѣланъ изъ такого же тряпья.

Тутъ онъ подробно разсказалъ, какъ дѣлають бумагу. Продолжая дальше въ томъ же родѣ, онъ объяснилъ, какую пользу можно извлечь изъ костей, копытъ и тысячи разныхъ вещей, кои выбрасываются, какъ хламъ. Свои объясненія онъ закончилъ такими словами: „Весь этотъ хламъ, соръ, отбросы даютъ выгоды тому, кто умѣетъ пользоваться, такъ точно и остатки времени даютъ богатство тому, кто умѣетъ дорожить временемъ“.

Примѣры участія къ бѣднымъ и страждущимъ, заброшеннымъ и угнетеннымъ, даже примѣры участія, обнаруживаемые по отношенію къ животнымъ—беззащитнымъ, больнымъ или раненымъ—суть безцѣнные нравственные уроки для дѣтей.

Самымъ же могущественнымъ средствомъ для воспитанія нравственнаго чувства можетъ служить Божественное ученіе Христа, гдѣ чувство любви, добра и состраданія представлено въ полномъ, идеальномъ совершенствѣ, и притомъ въ формѣ простой и удобопонятной для ребенка.

Развить любовь къ Богу въ лицѣ меньшаго брата, ближняго, сдѣлать его неутомимымъ борцомъ за нравственный идеаль такъ, чтобы вся жизнь его служила живымъ воплощеніемъ этого идеала,—такова цѣль нравственнаго воспитанія.

Невольная ложь у дѣтей.

Изъ нравственныхъ недостатковъ, встрѣчающихся у дѣтей, чаще всего встрѣчается невольная ложь, которая съ теченіемъ времени, при отсутствіи надлежащаго надзора за дѣтьми, можетъ превратиться въ привычку къ сознательной и намѣренной лжи. Этого рода ложь присуща почти всѣмъ дѣтямъ. Она объясняется сильною дѣятельностью воображенія, не контролируемаго еще разсудкомъ. Дѣти смѣшиваютъ, напр. сновидѣнія съ дѣйствительностью. Это еще не порокъ, но при частомъ повтореніи, можетъ превратиться въ привычку. Дѣти допускають неумышленную ложь и въ такихъ случаяхъ, когда разсказываютъ о лицахъ, почему либо имъ не нравящихся. Жалуясь на товарища, повинуюсь чувству гнѣва и при усиленной работѣ воображенія, ребенокъ совершенно безсознательно готовъ приписать обидчику такія дѣйствія, въ коихъ тотъ вовсе не повиненъ.

Такая ложь наказаніемъ не искореняется. Тутъ лучше всего разобрать жалобу со вниманіемъ и наглядно разъяснить ребенку, что онъ ошибается.

Что же касается умышленной лжи, то надо замѣтить, что она развивается отъ чрезмѣрныхъ наказаній, коимъ подвергаютъ

дѣтей, равно и отъ излишняго изнѣживанія. Развитіе лжи, вслѣдствіе излишества въ наказаніяхъ, легко объясняется стремленіемъ избѣгнуть ихъ какимъ бы то ни было способомъ, въ числѣ коихъ и являются хитрость, лицемѣріе, ложь и обманъ во всѣхъ ихъ видахъ.

Что же касается того, какъ излишнее изнѣживаніе можетъ иногда служить поводомъ ко лжи, для ясности представимъ слѣдующую картину. Въ комнатѣ бѣгаетъ и играетъ предъ своею мамашею ребенокъ. Мать, движимая излишнею любовію, прерываетъ игру ребенка, беретъ его на руки и гладитъ по головѣ: „ахъ какая у тебя горячая головка, какой ты нѣжный у меня: не хочешь ли варенья? Ребенокъ притворяется больнымъ и получаетъ разныя лакомства и ласки. Спустя день-два ему снова захотѣлось варенья и... получаетъ требуемое. Если даже мать пощупаетъ головку у ребенка и убѣдясь, что она самой нормальной температуры, скажетъ ему: „голова твоя совсѣмъ какъ слѣдуетъ“, тогда такой ребенокъ не остановится ни на минуту и скажетъ: „право, мама, ужасъ, какъ болитъ“. Стало быть выходить, что взрослые сами даютъ поводъ лгать дѣтямъ.

При заботахъ о развитіи правдивости въ дѣтяхъ лучшіе педагоги рекомендуютъ руководствоваться слѣдующими мѣрами: 1) Никогда ни въ чемъ не обманывать ребенка, хотя бы въ шутку. Во 2) не позволять ребенку ни въ какомъ случаѣ самому обманывать другихъ. 3) Необходимо въ точности исполнять обѣщаніе, данное ребенку, какъ бы маловажно оно ни было и чего бы ни касалось—лучше совсѣмъ не обѣщать, чѣмъ обѣщать и не исполнить. Мать, отправляясь на вечеръ въ гости, оставляетъ плачущаго ребенка дома. Чтобы утѣшить его, она обѣщаетъ привести ему гостинцы. Но возвращается безъ гостинцевъ. Ребенокъ помнить обѣщанное, ждетъ его, не зная, что это ожиданіе принадлежитъ къ числу напрасныхъ. „Ахъ, извини, душенька, я совсѣмъ забыла объ этомъ! Въ слѣдующій разъ привезу много гостинцевъ“.

Не приучаются ли послѣ этого дѣти, по примѣру взрослыхъ, обѣщать и тоже не исполнять обѣщаемаго? Или: отецъ не расположенъ принимать кого либо, можетъ быть, вынуждаемый серьезными мотивами и вотъ онъ отдаетъ въ виду ребенка, приказаніе: „скажите, что меня нѣтъ дома“. Подобныя же несообразности наблюдаются дѣтьми тогда, когда въ присутствіи дѣтей дѣлаютъ гостямъ тысячи комплиментовъ, а по уходѣ ихъ, при тѣхъ же дѣтяхъ, бранятъ и осуждаютъ гостей.

Окружайте ребенка полнымъ довѣріемъ: ребенокъ долженъ знать, что воспитатели въ немъ такъ увѣрены, что и мысли не допускаютъ, чтобы онъ что либо скрылъ отъ нихъ, или обманулъ ихъ.

XXVII.

Религіозныя чувствованія.

Религія отъ латинскаго слова „relegerе“=собирать, есть совокупность вѣрованій, нравственныхъ постановленій и обрядовъ, въ коихъ выражается отношеніе человѣка къ Богу.

Основаніемъ же религіознаго чувства служитъ представленіе—или идея о Богѣ, какъ существѣ Высочайшемъ, конечной причинѣ всего существующаго. Основное религіозное чувство, изъ котораго вытекаютъ всѣ остальные, есть благоговѣніе предъ Богомъ, проистекающее изъ представленія безконечнаго всемогущества и величія Божія, и любовь къ нему, возникающая изъ представленія о Его благодати и промышленности о насъ; отсюда развивается страхъ Божій, или боязнь оскорбить Бога своими дурными дѣлами и мыслями, упованіе на Бога, благодарность къ Богу и другія чувства.

Значеніе религіи. Религія составляетъ потребность души человѣка. Нѣтъ народа, который не имѣлъ бы никакой религіи. Еще въ древности справедливо писалъ Плутархъ: „Обойди лице земли, и ты найдешь города безъ укрѣпленій, безъ наукъ, безъ чиновначалія, увидишь людей безъ постоянныхъ жилищъ, не знающихъ употребленія монеты, не имѣющихъ понятій объ изящныхъ искусствахъ, но ты не найдешь ни одного человѣческаго общества безъ вѣры въ Божество“.

На какой бы низкой ступени развитія человѣкъ ни стоялъ, онъ все таки имѣетъ какія нибудь религіозныя представленія, выражаемая имъ въ различныхъ обрядахъ, жертвахъ, погребальныхъ церемоніяхъ и т. п.

Само по себѣ чистое и высокое религіозное чувство подъ влияніемъ односторонняго направленія ума и сердца, можетъ получить ложное и превратное направленіе.

Болѣе обычные виды неправильнаго проявленія этого чувства состоятъ или а) въ **мистицизмѣ**, когда человѣкъ, чрезвычайно увлекаясь воображеніемъ, всюду находитъ особый таинственный смыслъ; свои мечты считаетъ видѣніями и откровеніями духовнаго міра и усвояетъ себѣ непосредственное общеніе съ Богомъ. Таковы многія различныя секты у насъ и на Западѣ. Съ мистицизмомъ весьма тѣсно связано, б) **суевѣріе** въ его самыхъ многообразныхъ и весьма часто опасныхъ видахъ. Эти уклоненія и извращенія религіознаго чувства собственно теоретическія.

Къ практическимъ же относятся: а) **фанатизмъ** и б) **индифферентизмъ**.

Фанатизмъ есть такое состояніе чувства, когда человѣкъ, преслѣдуя какую либо ложно поставленную имъ цѣль, направляетъ къ ней всѣ свои мысли и дѣйствія и только по отношенію къ ней опредѣляетъ ихъ достоинство; всѣхъ же, не соглашаю-

щихся съ нимъ въ мысляхъ и поступкахъ, преслѣдуетъ какъ враговъ религіи или безбожниковъ, думая тѣмъ самымъ угодить Богу. Цѣлая магометанская религія не только проповѣдуетъ, но обязуетъ своихъ послѣдователей быть фанатиками.

Индифферентизмъ же, представляя собою противоположность фанатизму, выражаетъ холодное и безразличное отношеніе къ истинамъ вѣры, подобно тому, какъ космополитизмъ служитъ выраженіемъ такого же безразличія въ сферѣ національности.

Возможность извращения и неправильнаго развитія религіознаго чувства налагаетъ на воспитателя особыя обязанности заботиться о надлежащемъ и правильномъ развитіи его. Всѣ разсужденія о томъ, что дѣтямъ до 12 или 14 лѣтъ не надо сообщать никакихъ религіозныхъ понятій въ виду недоступности религіи для ребенка, что по той же причинѣ не надо водить дѣтей въ церковь, а если и водить ихъ, то лучше въ пустую, всѣ эти и подобныя разсужденія должно признать слишкомъ условными, искусственными и совершенно ошибочными. Развитие религіозности можетъ совершаться не посредствомъ только воздѣйствія на умъ человѣка, сообщеніемъ ему религіозныхъ знаній, но и преимущественно посредствомъ воздѣйствія на сердце и другія стороны человѣческой природы. Психологія утверждаетъ, что религіозныя истины, какъ болѣе доступныя вѣрѣ и чувству, воспринимаются легче въ дѣтскомъ, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ. Отсюда слѣдуетъ, что религіозное воспитаніе, подобно нравственному, отнюдь не слѣдуетъ откладывать до возраста болѣе или менѣе полнаго умственнаго развитія человѣка, а слѣдуетъ начинать его на первыхъ же порахъ проявленія сознанія въ ребенкѣ.

Въ дѣтскомъ возрастѣ человѣкъ воспріимчивѣе къ тому, что вліяетъ на вѣру и чувство.

Привыкши же въ дѣтствѣ обходиться безъ религіи, человѣкъ нечувствительно черствѣетъ душою, становится не воспріимчивымъ къ усвоенію даже такихъ религіозныхъ истинъ, кои доступны религіозно-нравственному дитяти.

У Англійской писательницы Маріи Корелли—есть чудный разсказъ— „Исторія дѣтской души“. Разсказъ этотъ представляетъ яркую и психологически вѣрную картину внутренней жизни всякой чистой души, насильственно лишенной Бога, но страстно ищущей того, что есть „едино на потребу“. Десятилѣтній мальчикъ Ліонель Велискуртъ воспитывается въ полномъ незнаніи христіанства. На всѣ его вопросы о Богѣ, о происхожденіи міра, угрюмый профессоръ, наставникъ Ліонеля, отвѣчалъ пресловутой теоріей объ атомахъ, какъ изъ нихъ созданъ самъ собою міръ. Несчастный Ліонель остается одинъ съ своими грезами и мечтами. Ему тяжело; онъ задыхается въ удушливой атмосферѣ матеріализма. Ліонель не выдержалъ и кончилъ жизнь самоубійствомъ. Онъ повѣсилъ. Предъ смертю бѣдный мальчикъ напи-

саль 2 письма. Въ первомъ письмѣ Ліонель съ молитвой обращается къ Богу, котораго онъ такъ жадно искалъ:

„Не знаю почему, я чувствую, что ты долженъ быть Богъ, Богъ благій, Вѣчный, живой.... Ты будешь милостивъ ко мнѣ и меня Ты возьмешь прямо къ себѣ, какъ взялъ маленькую Жесмину, и мнѣ Ты покажешь, гдѣ твои ангелы. И если я сдѣлалъ что дурное,—мнѣ думается, что Ты простишь. Ты, вѣдь, знаешь, что меня учили не вѣровать въ Тебя.

Бѣдные тѣ люди, кои доказываютъ, что Ты не имѣешь бытія,—что-то они почувствуютъ, когда придетъ пора умирать? Ты все можешь; помоги мнѣ хранить мою маму.

Они не хотѣли, чтобы я видѣлъ въ Тебѣ Бога, я чувствую Тебя, но не знаю, могу ли вѣрить своему чувству, и вотъ это я узнать хочу, и другого пути нѣтъ. Кто бы Ты ни былъ, Ты, Который создалъ звѣзды и небо, и солнце, и море, и цвѣты, и всю красоту, иду къ Тебѣ. Если ничто, созданное Тобою не погибнетъ, и мнѣ Ты не дашь погибнуть. Ты взыщешь меня и я найду Тебя. Жить такъ страшно..... а къ Тебѣ идти мнѣ не страшно, Господи!“.

Другое письмо—завѣщаніе Ліонеля своему воспитателю-профессору.

„Дорогой профессоръ, очень-очень благодарю васъ за то, что вы теперь стали такой добрый ко мнѣ,—вначалѣ я знаю, вы не любили меня. Я надѣюсь, что вы не слишкомъ строго меня осудите за то, что я рѣшилъ, что не могу дольше такъ жить.... Вѣдь, пришлось бы мнѣ учиться долгіе, долгіе годы, пока я научился бы всему тому, что нужно знать ученому, и я чувствую, что учиться, не зная для чего учиться, это меня только бы измучило.... Понятно, что каждому важнѣе всего узнать что-нибудь о Богѣ,—но даже вы ничего мнѣ объяснить не могли. Если бы это было объяснено, была бы цѣль жить, а такъ, право, трудиться не стоитъ,—выходитъ лишь напрасная трата времени.... Много я обо всемъ этомъ думалъ, и вотъ теперь, когда ушла отъ меня моя мама, когда умерла милая маленькая Жесмина, мнѣ стало какъ то еще страшнѣе слышать, что есть только атомъ, которому до всего все равно.... Я не хочу этому вѣрить.... И я хочу пойти теперь къ Богу. Онъ объяснитъ мнѣ все то, что здѣсь никто мнѣ объяснить не хочетъ; меня не удивитъ, если я нынче же найду Его, потому что вотъ въ эту самую минуту я такъ чувствую Его близость“.

„Вы знаете, дорогой профессоръ, что ученые книги, которыя мы вмѣстѣ изучали, всѣ полны противорѣчій, однѣ утверждаютъ одно, другія—другое, третьи то и другое отвергаютъ, такъ что приходится смущаться всякими глупыми, нелѣпыми доводами, до бесконечности мучить себя, никогда не достигая того, чего жаждешь,—понятія о Богѣ.... а я вѣдь оттого хочу идти къ нему, что чувствую, что Онъ есть....“

Милый, милый профессор! Подумайте хорошенько об этомъ и не рѣшайте окончательно, что есть только атомъ. Видите ли, вы вѣдь не совсѣмъ таки увѣрены, что Бога нѣтъ, а если Онъ есть—и живетъ Онъ въ своемъ дивномъ селеніи, и душа наша живая, послѣ смерти, какъ ангелъ, отлетитъ къ Нему,—я теперь сталъ-бы тамъ васъ ожидать и былъ-бы такъ радъ опять васъ видѣть. Итакъ, прощайте, милый, дорогой профессоръ. Если будете опять учить маленькихъ мальчиковъ, мнѣ кажется, что всего лучше было бы вамъ научить ихъ вѣровать въ Бога,—въ Бога, который всѣхъ создалъ и всѣхъ любить и Самъ открываетъ намъ въ свое время великую тайну творенія,—тогда насколько радостнѣе жилось бы имъ.

Конечно, вамъ надо все это хорошенько обдумать, но все же ради меня не забудьте это, когда начнете учить другого мальчика,—пусть не будетъ онъ такой несчастный, какъ я!....

„Пусть не будетъ другой мальчикъ такой несчастный, какъ я“,—вотъ пожеланіе бѣднаго Ліонеля, который страдалъ, не зная, въ кого вѣрить и кому молиться. Это пожеланіе говоритъ намъ о томъ, что безъ вѣры въ Бога тяжело жить на землѣ.

Можно намѣренно или ненамѣренно заглушить въ душѣ религиозное чувство, но совершенно подавить его и отрѣшиться отъ идеи о Богѣ человѣкъ не въ состояніи.

Въ критическихъ обстоятельствахъ жизни, въ минуту смертной опасности религиозное чувство непременно пробьется наружу въ той или иной формѣ.

Въ религіи—главная опора нравственности и, слѣд., нормальнаго хода общественной жизни и правильныхъ взаимныхъ отношеній между людьми. Религія болѣе чѣмъ что либо способна возвышать душу человѣка надъ мелочами и низменными явленіями обыденной жизни и воспитать въ немъ лучшія, идеальныя стремленія, благородство мыслей и чувствъ. Религія, наконецъ, единственная поддержка человѣка въ тяжелыя минуты жизни, среди горя и страданій, которыми отъ колыбели до могилы усѣяна жизнь человѣка.

Все это показываетъ, какое громадное значеніе имѣетъ надлежащее и своевременное развитіе религиозныхъ чувствованій въ дитяти и ознакомленіе его съ основами религіи.

Средства воспитанія религиознаго чувства.

I. Первые уроки религіозности почерпаются самимъ ребенкомъ изъ окружающей его среды и прежде всего, конечно, среды семейной. Дитя видитъ въ своей комнатѣ икону, видитъ молящуюся предъ ней свою мать и другихъ лицъ и, не понимая еще, конечно, значенія словъ, по глазамъ матери, благоговѣйному выраженію ея лица, онъ чувствуетъ эти впечатлѣнія, въ послѣдствіи получающія для него свой смыслъ и значеніе. Не одну внѣшность перенимаетъ здѣсь дитя; оно входитъ въ самый духъ молитвы. Навернулись слезы на глазахъ матери—плачетъ и ре-

бенокъ; чувство радости, восторга или благодарности осѣнило лице матери,—тѣмъ же чувствомъ проникается и душа дитяти. Молитва матери по чувству дѣлается молитвою дитяти, и оно молится по дѣтски пока еще невѣдомому Богу для него. Пусть эта совмѣстная молитва совершается всегда, насколько это возможно, въ началѣ дня, когда душевный миръ не былъ ничѣмъ нарушенъ. Пусть этотъ часъ не примыкаетъ непосредственно къ времени, назначенному для игры, такъ, чтобы эти легкомысленныя существа не испытывали при совершеніи молитвы никакого нетерпѣнія. Условія домашней жизни, отличающейся тѣмъ или другимъ характеромъ религіозности, всегда кладутъ опредѣленную печать религіозности и на ребенка.

„Когда ни одинъ членъ семейства, говоритъ Преосвященный Амвросій, не можетъ остаться безъ вечерней и утренней молитвы, когда отецъ не выходитъ изъ дома на свое дѣло, не помолившись предъ святыми иконами, а мать ничего не начинаетъ безъ крестнаго знамени, когда и малому дитяти не позволяютъ дотронуться до пищи, пока оно не перекрестится,—не приучаются ли этимъ дѣти просить во всемъ Божіей помощи и призывать на все благословеніе Божіе, и вѣровать, что безъ помощи Божіей нѣтъ безопасности въ жизни, а безъ Его благословенія нѣтъ успѣха въ дѣлахъ человѣческихъ? Не можетъ остаться безплодною для дѣтей вѣра родителей, когда они, при нуждѣ и бѣдности, со слезами на глазахъ говорятъ: „что дѣлать? буди воля Божія“; при опасности: „Богъ милостивъ“; при трудныхъ обстоятельствахъ: „Богъ поможетъ“; при успѣхѣ и радости: „Слава Богу, Богъ послалъ“. Здѣсь всегда и во всемъ исповѣдуется Божія благодать, Божіе промышленіе, Божіе правосудіе..... Мать, предметъ любви и нѣжности дитяти, стоитъ съ благоговѣйнымъ выраженіемъ лица и молится предъ иконой Спасителя; дитя посмотритъ то на нее, то на образъ—и не нуждается въ длинныхъ объясненіяхъ того, что это значитъ. Вотъ первый безмолвный урокъ Богопознанія. Въ дѣлѣ воспитанія вообще и религіознаго въ особенности имѣетъ полную силу и значеніе правило: „живите сами такъ, какъ хотите, чтобы жили ваши дѣти!“ Примѣры изъ художественной литературы:

Ангель.

„Любилъ я тихій свѣтъ лампы золотой,
• Благоговѣйное вокругъ нея молчанье.
И, тайнаго исполненъ ожиданья,
Какъ часто я, откинувъ пологъ свой,
Не спалъ, на мягкій пухъ облокотясь рукою,
И думалъ: въ эту ночь хранитель—ангелъ мой
Прійдетъ ли въ тиши мѣ бесѣдовать со мной?
И мнилось мнѣ: на ложѣ, близъ меня,
Въ сіяньи трепетномъ лампаднаго огня,

Въ блѣдно-серебрянномъ сидѣлъ онъ одѣяныи...
И тихо, шопотомъ я повѣрялъ ему
И мысли, дѣтскому доступныя уму,
И сердцу дѣтскому доступныя желанья.
Мнѣ сладокъ былъ покой въ его лучахъ;
Я весь проникнуть былъ божественной силой.
Съ улыбкою на пламенныхъ устахъ
Задумчиво внималъ мнѣ свѣтлокрылый;
Но очи кроткія его глядѣли въ даль
Они грядущее въ душѣ моей читали,
И отражалась въ нихъ какая то печаль...
И ангелъ говорилъ: „Дитя, тебя мнѣ жаль!
Дитя, поймешь ли ты слова моей печали?“
Душой младенческой я ихъ не понималъ,
Края одеждъ его ловилъ и цѣловалъ,
И слезы радости въ очахъ моихъ сверкали“.

(Л. П. Полонскій).

Дѣвочка Саша.

(„Мужики“ А. П. Чехова)

Сашѣ,—мать которой отличалась глубокой и искренней религіозностью,—минуло 10 лѣтъ, но она была ростомъ мала, очень худа, и на видъ ей можно было дать лѣтъ семь, не больше. Среди другихъ дѣвочекъ, загорѣвшихъ, дурно остриженныхъ, одѣтыхъ въ длинные полинялыя рубахи, она, бѣленькая, съ большими темными глазами, съ красной ленточкой въ волосахъ, казалась забавною, точно это былъ звѣрекъ, котораго поймали въ полѣ и принесли въ избу.

Бабка поставила Сашу около своего огорода и приказала ей стеречь, чтобы не зашли гуси. Былъ жаркій августовскій день. Саша постояла немного, соскучилась и, видя, что гуси не идутъ, отошла къ обрыву. Тамъ она увидела старшую дочь Марьи, восьмилѣтнюю Мотьку, которая стояла неподвижно на громадномъ камнѣ и глядѣла на церковь. Мотька, босая въ длинной рубахѣ, стояла на припекѣ, солнце жгло ей прямо въ темя, но она не замѣчала этого и точно окаменѣла. Саша стала съ нею рядомъ и сказала, глядя на церковь:

„Въ церкви Богъ живетъ. У людей горятъ лампы, да свѣчи, а у Бога лампадки красненькія, зелененькія, синенькія, какъ глазочки. Ночью Богъ ходитъ по церкви, и съ нимъ Пресвятая Богородица и Николай Угодничекъ—тупъ, тупъ, тупъ.... А сторожу страшно, страшно! И—и касатка,—добавила она, подражая своей матери.— А когда будетъ свѣтопреставленіе, то всѣ церкви унесутся на небо.“

Съ ко-ло-ко-ла-ми?—спросила Мотька басомъ, растягивая каждый слогъ.

— Съ колоколами. А когда свѣтопреставленіе, добрые пойдутъ въ рай, а сердитые будутъ горѣть въ огнѣ вѣчно и неугасимо, касатка. Моей мамѣ и тоже Марьѣ Богъ скажетъ: вы никого не обижали и за это идите направо, въ рай, а Кирьяку и бабкѣ скажетъ: а вы идите налѣво въ огонь. И кто скромное ѣлъ, того тоже въ огонь.

Она посмотрѣла вверхъ на небо, широко раскрывъ глаза, и сказала:

„Гляди на небо, не мигай, —ангеловъ видать. Мотька тоже стала смотрѣть на небо, и минута прошла въ молчаніи.

— Видишь?—спросила Саша.

— Не видать,—проговорила Мотька басомъ.

— А я вижу. Маленькіе ангелочки летаютъ по небу и крылышками—мелькъ, мелькъ, будто комарики“...

— И если случается, что у религіозныхъ родителей бываютъ иногда нерелигіозныя дѣти, какъ и наоборотъ, у родителей образованныхъ и высоконравственныхъ могутъ быть и, къ сожалѣнію, бываютъ, дѣти далеко не походящія на нихъ и съ невысокими нравственными правилами въ жизни, то это вовсе не говоритъ противъ того, чтобы добрый примѣръ родителей и воспитателей и благочестивая обстановка и семья не оказывали своего благотворнаго вліянія на религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей. Такіе случаи показываютъ лишь, что рядомъ съ этимъ благотѣльнымъ вліяніемъ дѣйствовали какія либо другія вредныя вліянія, почерпаемая отъ окружающей впоследствии среды, дурныхъ примѣровъ, отъ чтенія книгъ безъ всякаго надзора и руководства.

(Рекомендую прочитатъ то мѣсто изъ „Дворянскаго гнѣзда“ Тургенева, гдѣ великій писатель говоритъ о воспитаніи (домашнемъ) Лизы Калитиной.

2. Другимъ могучимъ средствомъ для развитія религіозныхъ чувствованій является церковь, какъ мѣсто общественной молитвы и богослуженія. И внѣшняя церковная обстановка, и священнодѣйствія, совершаемая тамъ, и общій видъ молящихся— все это соединяется вмѣстѣ какъ бы для одного дружнаго впечатлѣнія, много говорящаго воображенію и сердцу дитяти. Услышавъ звонъ колокола, дитя не рѣдко уже само проситъ взять его въ храмъ—къ Боженкѣ.

Такое влеченіе къ храму и любовь къ богослуженію, возбужденныя съ первыхъ лѣтъ, остаются нерѣдко на всю жизнь, такъ что иному, воспитанному такимъ образомъ, чего-то не достаеетъ, если онъ въ воскресный или праздничный день не побываетъ въ церкви. Просвѣтленныя сознаниемъ эти посѣщенія церкви становятся лучшими воспитательными уроками, лучшей школой нравственнаго поведенія челоуѣка. Лессингъ, Гердеръ и др. великіе люди сознавались, что дѣтски религіозный духъ,

проникшіи ихъ посредствомъ богослуженія, вполсѣдствіи подерживаль ихъ во дни бурь и сомнѣній, помогаль имъ и избавляль ихъ среди нуждъ и печалей.

Примѣры: Изъ романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“. Разсказъ Старца Зосимы. (Зосима—когда то блестящій гвардейскій офицеръ, промѣнявшій свѣтскую карьеру на тихую иноческую жизнь—образецъ истиннаго христіанина, чуждаго всякаго догматизма и исключительности). „Изъ дома родительскаго вынесъ я лишь драгоцѣнныя воспоминанія, ибо нѣтъ драгоцѣннѣе воспоминаній у человѣка, какъ отъ перваго дѣтства его въ домѣ родительскомъ, и это почти всегда такъ, если даже въ семействѣ хоть только чуть-чуть любовь да союзъ. Да и отъ самаго дурнаго семейства могутъ сохраниться воспоминанія драгоцѣнные, если только сама душа твоя способна искать драгоцѣнное. Къ воспоминаніямъ же домашнимъ причитаю я и воспоминанія о священной исторіи, которую въ домѣ родительскомъ, хотя и ребенкомъ, я очень любопытствовалъ знать. Была у меня тогда книга, священная исторія, съ прекрасными картинками, подъ названіемъ: „104 священныхъ исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта“, и по ней я и читать учился. И теперь она у меня здѣсь на полкѣ лежитъ, какъ драгоцѣнную память сохраняю.

Но и до того еще, какъ читать научился, помню, какъ въ первый разъ посѣтило меня нѣкоторое проникновеніе духовное, еще восьми лѣтъ отъ роду.

Повела матушка меня одного во Храмъ Господень, въ Страстную недѣлю къ обѣднѣ. День былъ ясный и я, вспоминая теперь, точно вижу вновь, какъ возносился изъ кадила еиміамъ и тихо восходилъ вверхъ, а сверху, въ куполѣ, въ узенькое окошечко, такъ и льются на насъ въ церковь Божья лучи и—восходя къ нимъ волнами, какъ бы таялъ въ нихъ еиміамъ. Смотрѣлъ я умиленно и въ первый разъ отъ роду принялъ я тогда въ душу первое сѣмя Слова Божія осмысленно. Вышелъ на средину храма отрокъ съ большой книгой, такую большую что, показалось мнѣ тогда, съ трудомъ даже и несъ ее, и возложилъ на налой, отверзъ и началъ читать, и вдругъ я тогда въ первый разъ нѣчто понялъ, что во храмѣ Божіемъ читають „Былъ мужъ въ землѣ Унъ, правдивый и благочестивый, и было у него столько то богатства, столько то верблюдовъ, столько то овецъ и ословъ, и дѣти его веселились, и любилъ онъ ихъ очень и молилъ за нихъ Бога... И вотъ восходитъ къ Богу диаволъ вмѣстѣ съ сынами Божьими“... Все младенчество мое какъ бы вновь возстаетъ передо мною, и дышу теперь, какъ дышалъ тогда дѣтскою восьмилѣтнею грудкою моею, и чувствую, какъ тогда, удивленіе и смятеніе, и радость. И верблюды-то такъ тогда мое воображеніе заняли, и сатана, который съ Богомъ говоритъ, и Богъ, отдавшій раба своего на погибель, и рабъ Его, восклицающій: „Буди имя Твое благословенно, несмотря на то, что казнишь меня“,—а затѣмъ тихое и сладостное пѣніе во храмѣ: „Да исправится молитва моя“, и снова фиміамъ отъ

кадила священника и колѣнопреклоненная молитва! Съ тѣхъ поръ,—даже вчера еще взялъ ее, и не могу читать эту пресвятую повѣсть безъ слезъ“...

3. Явленія природы также могутъ служить возбудителями религиозныхъ чувствованій ребенка. Многіе находятъ, что изученіе природы ведетъ къ матеріализму, къ подрыву религиознаго чувства. Но такой взглядъ нужно признать узкимъ и близорукимъ. Явленія природы, при своемъ разнообразіи, способны давать впечатлѣнія для возбужденія и питанія самыхъ разнообразныхъ элементовъ религиознаго чувства. Пользуясь величественными явленіями природы, возвышающими душу картинами, прекраснымъ и цѣлесообразнымъ устройствомъ безконечно малаго въ природѣ и т. п. можно навести ребенка на идею мудрости и величія Бога, какъ Творца, и промыслителя видимыхъ предметовъ и явленій. Природа недаромъ зовется великою книгою, доводящею человѣка до Бога. Впрочемъ пользоваться всѣми этими средствами нужно лишь кстати и тактично, чтобы частымъ обращеніемъ къ чувству религиозности не притупить его и не развить, вмѣсто него, привычки къ извѣстнымъ фразамъ и чисто внѣшнимъ движеніямъ.

Мы уже говорили о религиозно-воспитательномъ значеніи красоты природы. Онѣ (красоты) невольно возводятъ нашъ взоръ къ идеалу гармоніи, и отрывая отъ себялюбивыхъ интересовъ, даютъ почувствовать Его живо и сильно. Вотъ почему, „если два человѣка во всѣхъ другихъ отношеніяхъ живутъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, то тотъ изъ нихъ, который больше любитъ природу, всегда окажется болѣе способнымъ вѣровать въ Бога“ (Рескинъ—англійскій критикъ искусствъ, мыслитель) „Сельскія листья“ § 62).

4. Наконецъ, религиозное чувство ребенка можетъ найти для себя хорошую пищу на урокахъ Закона Божія, когда они ведутся въ формѣ пастырской бесѣды съ ребенкомъ о его душевныхъ нуждахъ, стремленіяхъ и вѣрованіяхъ, безъ балловъ, конечно и отмѣтокъ.

Не могу себѣ отказать въ удовольствіи привести здѣсь отрывокъ изъ произведенія нашего покойнаго сатирика М. Е. Салтыкова „Пошехонская старина“ о томъ, какое вліяніе имѣетъ на душу ребенка Евангеліе.

„Одинокество и отсутствіе надзора предоставляли мнѣ, сравнительно, большую сумму свободы, чѣмъ старшимъ дѣтямъ, но эта свобода не привела за собой ничего похожаго на самостоятельность. По наружности, я дѣлалъ все, что хотѣлъ, но въ дѣйствительности, надо мной тяготѣла таже невидимая сила, которая тяготѣла надъ всѣми домашними, и которой я, въ свою очередь, подчинился безусловно. Этой силой была не чья нибудь рука, непосредственно придавливающая человѣка, но, вообще, весь домашній укладъ. Весь онъ такъ плотно сложился и до того пропиталъ атмосферу, что невозможно было, при такой силѣ

выработать что нибудь свое. Предстояло жить, какъ живутъ всѣ, дышать, какъ всѣ дышутъ, итти по той же стезѣ, по какой всѣ идутъ. Только внезапное появленіе сильнаго и горячаго луча можетъ, при подобныхъ условіяхъ, разбудить человѣческую совѣсть и разорвать цѣпи той вѣковѣчной неволи, въ которой обязательно вращалась цѣлая масса людей, начиная съ всевластныхъ господъ и кончая какимъ-нибудь постылымъ Кирюшкой, котораго не нынче-завтра ожидала „красная шапка“ (т. е. солдатына.)

Такимъ животворнымъ лучемъ было для меня Евангеліе.

Роясь въ учебникахъ, я отыскалъ „чтеніе изъ 4 евангелистовъ“; а такъ какъ книга эта была въ числѣ учебныхъ руководствъ и знакомство съ ней требовалось для экзаменовъ, то я принялся и за нее наравнѣ съ другими учебниками.

Выказывалъ ли я до тѣхъ поръ задатки религіозности—это вопросъ, на который я могу отвѣтить скорѣе отрицательно, чѣмъ утвердительно. Я зналъ очень много молитвъ, отчетливо произносилъ ихъ въ урочные часы, молился, и стоя и на колѣняхъ, но не чувствовалъ себя ни умиленнымъ, ни умиротвореннымъ. Я поступалъ въ этомъ случаѣ, какъ поступали всѣ въ нашемъ домѣ, т. е. совершалъ извѣстный обрядъ. Всѣ въ домѣ усердно молились, но главное значеніе молитвы полагалось не въ сердечномъ просвѣтленіи, а въ тѣхъ вещественныхъ результатахъ, которые она, по общему корыстному убѣжденію, приносила за собой. Говорили: будешь молиться—и дастся тебѣ все, о чемъ просишь; не будешь молиться—насидишься безъ всего. Самое Евангеліе вовсе не считалось краеугольнымъ камнемъ, на которомъ созданъ храмъ, въ которомъ крестились и клали земные поклоны,—а немногимъ чѣмъ выше всякой другой книги церковно-служебнаго круга. Внутреннее содержаніе Евангелія оставалось закрытымъ и для наиболѣе культурныхъ людей. И не потому, чтобы это содержаніе представляло собою обличеніе, а просто вслѣдствіе общей низменности жизненнаго строя, который весь сосредоточивался около запросовъ утробы....

Когда я въ первый разъ познакомился съ Евангеліемъ, это чтеніе пробудило во мнѣ тревожное чувство. Мнѣ было не по себѣ. Прежде всегда меня поразили не столько новыя мысли, сколько новыя слова, коихъ я никогда ни отъ кого не слыхалъ. И только повторительное, все болѣе и болѣе страстное чтеніе объяснило мнѣ дѣйствительный смыслъ этихъ новыхъ словъ и сняло темную завѣсу съ того міра, который скрывался за ними....

Для меня эти дни принесли полный жизненный переворотъ.... Я не говорю ни о той восторженности, которая переполнила мое сердце, ни о тѣхъ совѣмъ новыхъ образахъ, которые вереницами проходили передъ моимъ умственнымъ взоромъ—все это было въ порядкѣ вещей, но въ то же время играло второстепенную роль. Главное, что я почерпнулъ изъ чтенія Евангелія, заключалось въ томъ, что оно посѣяло въ моемъ сердцѣ зачатки

общечеловѣческой совѣсти и вызвало изъ нѣдръ моего существа нѣчто устойчивое, свое, благодаря которому господствующій жизненный укладъ уже не такъ легко поработалъ меня. При содѣйствіи этихъ новыхъ элементовъ я приобрѣлъ болѣе или менѣе твердое основаніе для оцѣнки какъ собственныхъ дѣйствій, такъ и явленій и поступковъ, совершавшихся въ окружавшей меня средѣ. Словомъ сказать, я уже вышелъ изъ состоянія прозябанія и началъ сознавать себя человѣкомъ. Мало того: право на это сознаніе я переносилъ и на другихъ. Доселѣ я ничего не зналъ ни объ алчущихъ, ни о жаждущихъ и обремененныхъ, а видѣлъ только людскія особи, сложившіяся подъ влияніемъ несокрушимаго порядка вещей; теперь эти униженные и оскорбленные встали предо мною, осіянные свѣтомъ, и громко вопіяли противъ прирожденной несправедливости, которая ничего не дала имъ, кромѣ оковъ. То „свое“ которое заговорило во мнѣ, напомнило мнѣ, что и другіе обладаютъ такимъ же равносильнымъ „своимъ“. И возбужденная мысль невольно переносилась къ конкретной дѣйствительности, въ дѣвичью, въ застольную, гдѣ задыхались десятки поруганныхъ и замученныхъ человѣческихъ существъ...

Я не хочу сказать этимъ, что сердце мое сдѣлалось очагомъ любви къ человѣчеству, но несомнѣнно, что съ этихъ поръ обращеніе мое съ домашней прислугой глубоко измѣнилось, и что подлая крѣпостная номенклатура, которая дотолѣ оскверняла мой языкъ, исчезала навсегда. Я даже могу съ увѣренностью утверждать, что моментъ этотъ имѣлъ несомнѣнное влияніе на весь позднѣйшій складъ моего міросозерцанія.

Въ этомъ признаніи человѣческаго образа тамъ, гдѣ по силѣ установившагося убѣжденія, существовалъ только поруганный образъ раба, состоялъ главный и существенный результатъ, вынесенный мною изъ попытокъ самообученія, коимъ и предавался въ теченіе года“. (Настоящій отрывокъ имѣетъ автобиографическій характеръ).

Какъ вездѣ, такъ и въ дѣлѣ религіознаго воспитанія дорогъ примѣръ самихъ родителей и воспитателей. Если эти лица сами не проникнуты религіознымъ чувствомъ, то они едва ли будутъ въ состояніи найти какія либо средства для развитія его въ своихъ дѣтяхъ или питомцахъ. Послѣдніе безотчетно чувствуютъ холодность и притворство первыхъ, какъ бы они ни скрывали въ себѣ эти качества, и эта холодность невольно же конечно сообщится и дѣтямъ.

Лишь слѣды дѣйствительнаго живаго религіознаго чувства дѣлаютъ ребенка религіознымъ, а не слѣды пустой болтовни, не исходящей изъ сердца и не затрогивающей его. „Если тотъ, кто хочетъ давать другимъ, долженъ напередъ имѣть самъ, то религію можетъ преподавать лишь тотъ, кто самъ владѣетъ ею“. Ньютонъ, обнажавшій свою голову всякій разъ, когда произносишь имя Божіе становился чрезъ это превосходнымъ учителемъ

религіи для дѣтей. Ничто такъ не можетъ повредить развитію и воспитанію религіознаго чувства, какъ механическое, машиннальное отношеніе къ религіи, послѣдствіемъ чего бываетъ то, что положенія религіи остаются только въ теоріи, произносятся на словахъ, но не выполняются на дѣлѣ.

Истинная религіозность, выражающаяся въ сознательномъ подчиненіи непреложнымъ законамъ провидѣнія и въ признаніи высшаго духовнаго начала, служитъ опорой нашей нравственности и обусловливаетъ характеръ нашихъ взаимныхъ отношеній, а потому религіозное воспитаніе должно лечь въ основу нашего нравственнаго воспитанія.

XXVIII.

Желательная способность души или воля.

Кромѣ способности познавательной и чувствовательной въ душѣ человѣка различаютъ еще способность желательную или волю. Воля есть способность души принимать тѣ или другія рѣшенія по разнымъ вопросамъ и осуществлять ихъ при помощи произвольныхъ дѣйствій.

Характеристическія черты способности воли по сравненію съ умомъ и чувствомъ. Если въ области познанія мы воспринимаетъ дѣйствовавшія на насъ впечатлѣнія и такимъ образомъ переносимъ окружающій насъ міръ въ наше сознаніе, и если въ области чувствъ мы не выходимъ за предѣлы нашей внутренней жизни, то въ области воли или желанія мы, наоборотъ, стремимся проявить себя во внѣ, въ той или другой дѣятельности. Если въ сферѣ познанія и чувства мы бываемъ зрителями того, что вокругъ насъ и въ насъ самихъ дѣлается, то въ сферѣ воли являемся дѣйствующими лицами, актерами на обширной сценѣ вселенной.

Связь отправленій воли съ чувствованіями и представленіями.

Воля съ одной стороны опирается на представленія, съ другой находится въ тѣсной связи съ чувствомъ. Связь съ чувствомъ очевидна для каждаго. Мы стремимся обыкновенно къ тому, что доставляетъ удовольствіе и отвращаемся отъ страданія, скорби или несчастія. Дѣти всегда свои дѣйствія ставятъ въ исключительную и непосредственную зависимость отъ чувства, нисколько не сообразуясь съ голосомъ разума. Отсюда „дѣтская непосредственность“, а у людей грубыхъ и малоразвитыхъ, такъ называемая, стихійность.

Будучи тѣсно связаны съ чувствами, отправленія воли связаны и съ представленіями: желать чего либо, не зная, чего именно, мы не можемъ. Человѣкъ сначала думаетъ, а потомъ и дѣлаетъ, а не наоборотъ. Безъ представленія и чувствованія нѣтъ желанія.

Отличіе отправленій воли отъ другихъ душевныхъ состояній. Это отличіе каждому извѣстно. Напримѣръ, не одно и то же представлять какой либо предметъ или испытывать при видѣ его пріятныя или непріятныя чувствованія или пожелать этого предмета. Мы можемъ, напр., испытывать при созерцаніи какой либо картины эстетическое наслажденіе, и кромѣ того желать приобрѣсти ее въ свою собственность, или представлять себѣ видѣнную картину и желать вновь ее посмотреть. Въ обоихъ этихъ случаяхъ желанія въ нашемъ сознаніи являются состояніями качественно отличными отъ чувствованій и представлений.

Основанія дѣятельности воли.

Акты воли безконечно разнообразны и обыкновенно разсматриваются подъ 2-мя группами: 1) свободныхъ или произвольныхъ съ представленіемъ цѣли и средствъ для осуществленія, куда относятся: а) стремленія, б) желанія и в) хотѣнія и 2) несвободныхъ или произвольныхъ, гдѣ, не предносится ясно въ сознаніи ни цѣли, ни опредѣленныхъ средствъ. Сюда относятся дѣйствія: а) рефлексивныя и б) инстинктивныя.

А. Свободная дѣятельность воли: стремленія, б) желанія и в) хотѣнія.

Стремленія. Подъ стремленіями разумѣются движенія души, направленные къ удовлетворенію какихъ либо естественныхъ потребностей. Но каждая потребность можетъ быть удовлетворяема различными способами, напримѣръ, потребность пищи—разными сортами блюдъ, и для стремленія собственно почти все равно—чѣмъ бы и кѣмъ ни была удовлетворена потребность.

Но разъ мы удовлетворили эту потребность извѣстнымъ родомъ пищи, у насъ является уже опредѣленное желаніе этого именно блюда, а не другого.

Въ желаніи есть такимъ образомъ опредѣленный предметъ, въ стремленіи такого строго опредѣленнаго предмѣта нѣтъ: стремленіе бываетъ безотчетно и иногда слѣпо.

Примѣры: стремленіе развлечься чѣмъ либо и желаніе развлечься чѣмъ либо опредѣленнымъ; стремленіе прочесть что либо и желаніе прочесть такое то именно произведеніе.

Отъ хотѣній желанія отличаются тѣмъ, что въ желаніяхъ воля сосредоточивается преимущественно на цѣли, но не дѣлаетъ усилій для осуществленія этой цѣли. Мы желаемъ извѣстнаго результата, но усилій для достиженія его не хотимъ тратить, или не можемъ. Напримѣръ: кто либо желаетъ славы, богатства, знанія языковъ и т. д., но не хочетъ трудиться для достиженія этихъ цѣлей; онъ съ радостью принялъ бы ихъ, если бы все это далось ему разомъ, безъ всякихъ усилій, но пройти тернистый путь къ нимъ онъ не расположенъ. Человѣкъ можетъ поэтому желать несбыточнаго, совершенно неосуществимаго и даже

смѣшного. Таково, напр., желаніе Хлестакова быть платочкомъ его собесѣдницы; желаніе быть птичкой, цвѣточкомъ и т. под.

Желаніе можно охарактеризовать, какъ созерцательное движеніе. Я желалъ бы перелетѣть на луну и посмотрѣть, если тамъ живыя существа. Я желалъ бы выиграть 200 тысячъ. Желаніе—это мечта, и желаютъ больше всего мечтатели. Но когда я изыскиваю средства осуществить мечту, я уже не просто желаю, а хочу. Очевидно хотѣть можно только того, что достижимо. Ребенокъ проходитъ мимо сада и видитъ въ немъ яблоки. У него сейчасъ же является мысль: „хорошо бы достать яблочковъ! Они такъ вкусны!“ Если онъ этой думой и чувствомъ и ограничивается, то онъ просто только желаетъ яблоковъ. Но если, подъ влияніемъ сильнаго чувства, онъ начинаетъ изыскивать средства достать яблоковъ, ищетъ, нѣтъ ли гдѣ въ заборѣ лазейки, то онъ уже не просто желаетъ, а хочетъ достать ихъ.—

Переходъ желанія въ дѣйствіе: борьба мотивовъ, выборъ и рѣшимость. Процессъ дѣятельности воли состоитъ въ слѣдующемъ.

Въ душѣ является какое нибудь желаніе, которое намъ хочется привести въ исполненіе; это желаніе, побуждающее нашу волю осуществить его, называется побужденіемъ или мотивомъ. Но противъ каждаго желанія въ большинствѣ случаевъ въ душѣ является болѣе или менѣе сильныя противоположныя желанія, которыя вступаютъ съ первымъ въ борьбу; происходитъ борьба побужденій или мотивовъ. При этомъ физическіе мотивы могутъ вступать въ борьбу съ физическими же, какъ напр., желаніе поѣсть сладкаго, и опасеніе поплатиться за это зубною болью или разстройствомъ желудка, желаніе погулять и опасеніе получить простуду или другую какую либо болѣзнь; физическіе мотивы—съ духовными—удовольствіе отдыха, прогулки или пріятнаго вечера съ одной стороны и необходимость работать и трудиться—съ другой. Могутъ вступать въ борьбу духовные мотивы съ духовными же; напр., эгоистическіе съ альтруистическими. Побуждаемый состраданіемъ, человекъ хотѣлъ бы оказать помощь бѣдняку, но нерѣдко воздерживается въ такомъ своемъ рвеніи подъ давленіемъ эгоистическаго чувства собственной пользы или удовольствія. Нанесенная обида побуждаетъ насъ отомстить за нее, но чувство любви къ ближнему и собственного достоинства говоритъ за прошеніе ея и т. п. Художественное изображеніе борьбы мотивовъ можно читать, напр., у Гоголя въ повѣсти „Тарасъ Бульба“: долгъ Андрея по отношенію къ родинѣ и казачеству борется съ его любовью къ полькѣ, чувство родительской любви Тараса къ сыну—съ сознаніемъ его измѣны своимъ и т. п. Въ Петрѣ Великомъ чувство родственной любви къ сыну съ его любовью къ государству и его пользамъ.

Къ этой борьбѣ мотивовъ, мы относимся не безучастно: мы обсуждаемъ и оцѣниваемъ разные мотивы и по размышленіи склоняемся, наконецъ, къ одному изъ нихъ; это называется об-

сужденіемъ или выборомъ. Когда выборъ сдѣланъ, воля заставляетъ нашъ умъ отыскивать и выбирать средства для достиженія цѣли, а тѣло—производить нужныя дѣйствія; это называется рѣшимостью. Но трудность и обширность средствъ, крупныя препятствія при достиженіи желаемого часто колеблютъ первоначальную рѣшимость, и мы отказываемся отъ исполненія своего желанія. Поэтому сверхъ рѣшимости нужна еще настойчивость. Въ настойчивомъ преслѣдованіи цѣлей приобрѣтается такъ называемая сила воли.

Чѣмъ больше препятствія, представляющіяся человѣку для осуществленія своихъ желаній, будутъ ли то препятствія, возникающія въ собственной душѣ, или представляющіяся внѣ насъ, тѣмъ больше должна быть эта сила воли для осуществленія желанія.

Только подъ условіемъ сильной воли человѣкъ въ состояніи неуклонно идти по опредѣленному пути и достигнуть намѣченной цѣли, только сильная воля можетъ сдерживать порывы чувствъ и удерживать душевное равновѣсіе, а потому развитіе воли должно быть главною задачею воспитанія.

XXIX.

Наклонность (склонность) и страсть.

Кромѣ желаній и хотѣній, какъ актовъ воли болѣе или менѣе измѣнчивыхъ и непостоянныхъ, существуютъ и болѣе устойчивыя формы ея—это наклонности и страсти.

Нѣкоторыя желанія путемъ частаго удовлетворенія подъ вліяніемъ окружающей обстановки, воспитанія, образованія, привычекъ и т. п. усиливаются и разрастаются иногда до того, что человѣкъ стремится удовлетворять имъ чаще и преимущественно предъ другими, такъ сказать наклоняется, склоняется въ ихъ сторону. Страсть отличается отъ склонности только большимъ могуществомъ и силою.

Когда тѣ или другія склонности возникли, они содержатъ въ себѣ мотивъ къ дѣятельности болѣе сильный, чѣмъ простое желаніе. Въ удовлетвореніи своей склонности человѣкъ находитъ особое удовольствіе и прелесть. Склонности многочисленны и разнообразны и встрѣчаются какъ въ области физической, такъ и духовной и въ послѣдней въ области ума, чувства и воли. Таковы напр., склонности въ области ума къ тѣмъ или другимъ спеціальнымъ занятіямъ и изслѣдованіямъ (филологіи, математикѣ, естествознанію и т. п.); въ области чувства—склонность къ дружбѣ, нѣжности, враждѣ, тѣмъ или другимъ удовольствіямъ предпочтительно предъ другими, и, въ области воли—склонность къ тому или другому роду дѣятельности, а также житейскимъ интересамъ—комфурту, бережливости, труду, бездѣйствію и т. п.

Когда склонность, вслѣдствіе ли привычки или природныхъ расположеній, пріобрѣтаетъ особенную силу, она превращается въ страсть. Страсть есть желаніе, достигшее высшей степени напряженности, подчиняющее себѣ всю душу человѣка и неодолимо влекущее его къ какому либо предмету. Страсти также какъ и наклонности многочисленны и разнообразны и дѣлятся на 2 вида: а) физическія и б) духовныя. Къ первымъ относятся тѣ, которыя направлены къ удовлетворенію какихъ либо тѣлесныхъ потребностей, таковы, напр., страсти: къ пищѣ, питью, лакомствамъ и т. п.; ко вторымъ относятся: гордость, честолюбіе, скупость и т. п.

Въ основѣ каждой страсти лежитъ какая либо естественная, и сама по себѣ еще нисколько не предосудительная, потребность души или тѣла. Такъ, страсть къ пищѣ зиждется на естественной потребности организма въ питаніи; страсть честолюбія на потребности держать свое имя высоко и честно; страсть скупости основывается на потребности обезпечить себя подѣ старость, на случай болѣзни или несчастія, чтобы не быть въ тягость другимъ и т. п. Пока предметъ страсти одобряется разумомъ, возрастающая сила желанія не заключаетъ въ себѣ ничего опаснаго. И только когда эти потребности тѣла или духа выходятъ изъ предѣловъ своего нормальнаго и естественнаго развитія, когда на служеніе имъ обрекаются всѣ силы души и тѣла, и человѣкъ самъ становится какъ бы рабомъ ихъ, мы имѣемъ дѣло со страстію въ собственномъ смыслѣ,—явленіемъ болѣзненнымъ, на что указываетъ и самое названіе ея: страсть (*Leidenschaft, Passion*),—отъ слова страдать.

Состояніе страсти характеризуется нарушеніемъ гармоніи въ дѣятельности душевныхъ силъ. Такъ, умъ человѣка подѣ влияніемъ страсти бываетъ какъ бы ослѣпленъ. Это значитъ, что человѣкъ, одержимый страстію, не знаетъ никакого болѣе дорогаго и цѣннаго предмета, кромѣ предмета страсти, видитъ въ немъ лишь одни достоинства и свѣтлыя стороны, и бываетъ совершенно неспособенъ обсудить обратную, невыгодную сторону. Со стороны чувства,—въ удовлетвореніи страсти человѣкъ находитъ для себя высшее благо, что само собой дѣлаетъ понятнымъ то, почему воля такого человѣка неудержимо направляется къ предмету страсти. Вотъ почему дѣйствія или поступки человѣка, совершенныя подѣ влияніемъ страсти или аффекта, должны вызывать въ насъ не столько строгое осужденіе, сколько сожалѣніе объ ихъ виновникахъ.

Указавъ на черту сходства страсти съ аффектомъ, мы обязаны указать и различіе между ними. Различіе это заключается, во 1-хъ, въ томъ, что аффекты принадлежатъ къ области чувства, страсти же къ области воли; во 2-хъ, аффекты, по большей части возникаютъ быстро и внезапно, заставая насъ какъ бы врасплохъ, страсти же всегда возникаютъ постепенно, требуя для себя болѣе или менѣе значительнаго времени и дѣйствуя

при этомъ скрытно, чтобы тѣмъ лучше и безопаснѣе достигъ цѣли; въ 3-хъ, если аффекты никогда не бываютъ продолжительны, то страсти могутъ не покидать человѣка въ теченіи всей его жизни, до гробовой доски. Наконецъ, въ 4-хъ, если аффектъ дѣйствуетъ на здоровье, какъ параличъ, внезапно потрясая организмъ, то страсть дѣйствуетъ какъ чахотка, истощая организмъ постепенно и незамѣтно.

Средства противъ развитія дурныхъ наклонностей.

Что касается до борьбы со страстями, то самое важное конечно было бы то, чтобы предохранить питомца отъ самого возникновенія ихъ, для этого необходимо съ одной стороны приученіе къ твердой нравственной дисциплинѣ, умѣренности и воздержанности во всемъ, къ довольству малымъ, съ другой—развитіе самоуваженія, духовной свободы и сознанія человѣческаго достоинства. Для подавленія возникающихъ страстей необходимо приучаться къ самоиспытанію, которое даетъ возможность узнать слабости и пороки нашей природы и степень уклоненія отъ созданнаго идеала.

Не бесполезно также указать на постыдныя и вредныя послѣдствія страстей въ ближайшемъ и отдаленномъ. Для этого бываетъ полезно приучить себя отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и словахъ за каждый день, стараясь въ слѣдующій день удерживаться отъ того, чѣмъ мы были недовольны за истекшій. Прекрасный и поучительный примѣръ этого можно читать въ „Правилахъ нравственнаго поведения“ у Франклина. („Семья и школа“ 1875 г. №№ 2—3, „Къ вопросу объ образованіи характера“).

Каждый мой шагъ, говоритъ Франклинъ, долженъ имѣть смыслъ, быть выраженіемъ той или другой доброй идеи, въ частности должны быть соблюдаемы слѣдующія правила:

1) Воздержаніе въ пищѣ, питьѣ, и удовольствіяхъ. (Не ѣсть до отягощенія и не пить до опьянѣнія, хотя бы и легкаго).

2) Молчаніе. (Говорить только то, что можетъ быть полезно для себя и другимъ и избѣгать пустой болтовни).

3) Порядокъ. (Чтобы каждая вещь имѣла свое опредѣленное мѣсто, а каждая часть занятій свое время).

4) Рѣшимость. (Рѣшаться дѣлать то, что считаемъ должнымъ сдѣлать и неопустительно приводить въ исполненіе свое рѣшеніе).

5) Бережливость. (Дѣлать только такіе расходы кои клонились бы къ благу другихъ людей или къ своему, т. е. не быть расточительнымъ).

6) Трудъ. (Не терять времени. Заниматься всегда какимъ нибудь полезнымъ дѣломъ. Воздерживаться отъ всякой работы, которая не составляетъ необходимости).

7) Искренность. (Не употреблять никакихъ изворотовъ (не кривить душой); судить безъ страстей и всегда говорить, какъ думаешь).

8) Справедливость. (Не вредить никому, ни прямо, дѣлая кому либо вредъ, ни косвенно, упуская случай дѣлать добро, къ которому насъ обязываетъ нашъ долгъ).

9) Умѣренность. (Избѣгать крайностей, и остерегаться принимать обиды такъ живо, какъ онѣ по твоему собственному мнѣнію того заслуживаютъ).

10) Чистота. (Не допускать ни малѣйшей неопрятности, ни на тѣлѣ, ни въ одеждѣ, ни въ домѣ).

11) Спокойствіе. (Не возмущаться мелочами, ни обыкновенными или неизбѣжными случаями).

12) Смиреніе. („Я поставилъ себѣ,—говоритъ Франклинъ,— избѣгать прямого противорѣчія мнѣніямъ другихъ людей и запретилъ себѣ всякое настаиваніе на принятіе моего мнѣнія“.—

Развитіе воли и средства развитія.

Воля развивается и крѣпнетъ постепенно, въ связи съ общимъ развитіемъ физическихъ и душевныхъ силъ человѣка. Такъ, дѣти первоначально не могутъ по своей волѣ совершить даже самыхъ простыхъ физическихъ дѣйствій, требующихся для осуществленія ихъ желаній, напр., не могутъ откашлянуться или выплюнуть чтонибудь горькое, попавшее имъ въ ротъ. Ребенокъ долго и медленно учится производить цѣлесообразныя дѣйствія и дѣлаетъ много ошибокъ и неправильныхъ движеній прежде, чѣмъ воля его пріучится вліять соотвѣтственнымъ образомъ на органы тѣла и ихъ отправленія. Замѣчено, что сначала дѣти подчиняютъ своему контролю движеніе головы и глазъ, и затѣмъ уже движенія рукъ и нижнихъ конечностей.

Воспитатель долженъ руководить дѣтми въ области внѣшнихъ движеній: онъ долженъ послѣдовательно и постепенно пріучать ихъ къ правильности въ движеніяхъ, чтобы послѣднія были цѣлесообразны, легки и изящны, чтобы тѣлесные органы были послушными орудіями нашей воли, исполняли то и такъ, что и какъ мы хотимъ. Для этой цѣли слѣдуетъ сначала показать дѣтямъ, какъ нужно пользоваться своими органами для того или другого дѣла, потомъ укрѣплять ихъ въ этомъ умѣнии путемъ частыхъ и продолжительныхъ упражненій; за упражненіями непремѣнно нужно слѣдить и исправлять всѣ ошибки и уклоненія, иначе у дѣтей могутъ развиваться неправильные навыки.

Вліяніе воли у дѣтей слабо сказывается и въ психической дѣятельности. Теченіе представленій, процессы вниманія, памяти и воображенія носятъ у дѣтей въ первое время по преимуществу пассивный характеръ.

Власть воли надъ чувствованіями также слаба.

Дѣти не владѣютъ своими желаніями: каждое явившееся у нихъ желаніе, помимо ихъ воли, сейчасъ же переходитъ и въ дѣйствіе; они не могутъ ни задержать его, ни обдумать.

Воспитатель долженъ рано показать дѣтямъ, что не каждое желаніе ихъ можетъ быть исполнено; для этого онъ, удовлетворяя ихъ законныя нужды и желанія, долженъ настойчиво не исполнять прихотей и капризовъ, не поддаваясь ни крикамъ, ни слезамъ.

При такомъ образѣ дѣйствій воспитателя дѣти скоро замѣтятъ, что не всякое желаніе можно осуществить, а это заставитъ ихъ хоть на нѣкоторое время задерживать являющіяся у нихъ желанія и прежде осуществленія ихъ нѣсколько подумать, законны они или нѣтъ, можно ихъ исполнить или нельзя. Умѣнье задерживать свои желанія—первая ступень власти воли надъ психическими явленіями, переходъ къ жизни разумной и культурной. Послѣ этого воспитатель можетъ разъяснить дѣтямъ необходимость обсуждения каждаго желанія, показывая вредъ торопливыхъ рѣшеній. Приучая къ задержкѣ и обсужденію мотивовъ, воспитатель долженъ стараться развить въ дѣтяхъ критерій для оцѣнки мотивовъ, приучать подчинять мимолетное удовольствіе болѣе прочному, частное общему, личное общественному, и такимъ образомъ создавать основные руководящія принципы дѣятельности.

Это придастъ дѣтскимъ рѣшеніямъ разсудительность и разовьетъ въ дѣтяхъ настойчивость.

Тщательно руководя дѣтьми въ развитіи ихъ воли, воспитатель всегда долженъ предоставлять дѣтямъ нѣкоторое поле для свободной дѣятельности, которое должно постепенно расширяться по мѣрѣ развитія дѣтей. Опытъ показываетъ, что тѣ дѣти выходятъ энергичнѣе, рѣшительнѣе и настойчивѣе, на долю коихъ выпадало больше самостоятельности.

XXX.

Несвободная дѣятельность воли: рефлексy и инстинкты.

Желанія составляютъ акты воли свободныя или произвольныя,—они обыкновенно соединяются съ представленіемъ цѣли и средствъ къ ея осуществленію; но кромѣ нихъ мы замѣчаемъ въ себѣ еще несвободныя или произвольныя акты воли, не соединенныя съ представленіемъ какой либо цѣли или опредѣленныхъ средствъ.

Сюда относятся: рефлексy и инстинкты.

Рефлексy.

Рефлективными дѣйствіями называется классъ движеній, механически слѣдующихъ за раздраженіемъ и совершаемыхъ безъ

всякаго чувствованія, намѣренія или хотѣнія съ нашей стороны.

Движенія глотки, при входѣ въ нее пищи, слезоточеніе отъ попавшей въ глазъ соринки, вздрагиванія при неожиданномъ стукѣ, свѣтѣ и т. д. все это—движенія рефлективныя отъ внѣшнихъ впечатлѣній.

Движенія губъ, горловыхъ связокъ, крикъ—при изумленіи, краска въ лицѣ—при стыдѣ, біенія сердца—при испугѣ, все это движенія рефлективныя отъ внутреннихъ стимуловъ.

Такимъ образомъ рефлексы или наши рефлективныя движенія имѣютъ двойное происхожденіе. Для однихъ физиологическимъ органомъ служатъ двигательные органы продолговатаго и спиннаго мозга, а для вторыхъ служатъ физиологическимъ органомъ двигательныя волокна, идущія отъ центровъ большаго мозга. Первые движенія чисто физиологическія, вторыя—психо-физическія. (Чувствительные и двигательные органы находятся между собою въ связи).

Наша задача къ этимъ произвольнымъ движеніямъ состоитъ въ томъ, чтобы подчинить ихъ себѣ, такъ чтобы и они управлялись нашей волей. Это—общая задача человѣка по отношенію къ физической природѣ, находится ли она внѣ его, или въ немъ.

Одни изъ физиологическихъ рефлексовъ совсѣмъ намъ не подчиняются и не могутъ подчиниться, напр., слезоточеніе, движенія желудка, кишекъ, и потому называются чистыми рефлексами.

Другіе подчиняются, но въ слабой степени, напр., чиханіе, кашель, миганіе и называются полурефлексами. Мы можемъ ихъ задержать, но не надолгое время. Сюда же относится въ дѣтскомъ возрастѣ процессъ сосанія, хотя это скорѣе инстинктъ.

Существуетъ стремленіе чисто рефлективнаго свойства производить мускульное движеніе въ томъ или другомъ направленіи, коль скоро для этого дано какое либо раздраженіе. Предметъ, помѣщенный въ открытую руку спящаго, заставляетъ руку закрыться. Прикосновеніе руки къ какой либо горячей поверхности заставляетъ моментально отдернуть ее. Отвѣдываніе какого нибудь блюда, производя общее пріятное или непріятное ощущеніе, болѣе всего возбуждаетъ мускулы рта.

Тоже самое приложимо къ обонянію: дурной запахъ производитъ искривленіе (судорогу) носовыхъ частей.

Наконецъ, обиліе или наплывъ нервной энергіи къ органамъ движенія приводитъ рядъ дѣйствій, относящихся также къ рефлективнымъ, иначе называемымъ впрочемъ автоматическими. Когда котенокъ играетъ шерстянымъ мячикомъ, мы приписываемъ эти его движенія обилію силы, при чемъ мячикъ служитъ только предлогомъ. Точно также молодая собака, освѣжившись сномъ или насидѣвшись взаперти, рвется на свободу не потому, чтобы была какая нибудь приманка для ея глаза, обонянія или слуха, а потому, что приливъ энергіи приводитъ въ движеніе ея члены. Подвижность дѣтей характеризующая ихъ возрастъ и

обнаруживающаяся особенно послѣ отдыха, питанія, равно какъ послѣ какого либо продолжительнаго стѣсненія или препятствія (шумное выбѣганіе дѣтей изъ школы послѣ уроковъ) въ значительной степени обязана богатству и свѣжести внутренней энергіи.

Истиннты.

Это такія дѣйствія, которыя вытекаютъ изъ самой природы организма и отличаются какъ своею цѣлесообразностью въ цѣломъ (хотя бы и не сопровождало ихъ сознаніе), такъ и непреодолимостью влеченія.

Обширный классъ инстинктовъ можетъ быть раздѣленъ на инстинкты: а) исключительно свойственные животнымъ, б) общіе у человѣка съ животными и в) исключительно свойственные человѣку.

Примѣры для а): черепаха, только что появившаяся на свѣтъ на морскомъ берегу и инстинктивно стремящаяся къ морю; бѣгъ цыпленка подъ мать при видѣ ястреба; сложныя дѣйствія, коими ласточки при наступленіи весны, строятъ гнѣзда для будущихъ птенчиковъ; бобры — плотинку — пчелы — соты, шелковичный червь — коконы и проч. — все это инстинкты; свойственные специально животному царству; все это цѣлесообразныя движенія полезныя для животныхъ. Примѣры для б) Изъ инстинктовъ, общихъ у человѣка съ животными, слѣдуетъ отмѣтить инстинкты: а) самосохраненія, обнаруживающійся въ устраненіи какъ всего того, что препятствуетъ свободному проявленію ихъ силъ и ходу физиологическихъ процессовъ, такъ и въ положительномъ изысканіи средствъ и способовъ, необходимыхъ для поддержанія жизни (удовлетвореніе потребностей сна, голода, жажды и т. п.) б) социальный или общественный, по которому человѣкъ стремится жить въ обществѣ себѣ подобныхъ и в) инстинкъ сохраненія рода.

Наконецъ къ инстинктамъ, исключительно принадлежащимъ человѣку, относятся всѣ, такъ называемыя, духовныя инстинктивныя стремленія, какъ то: а) къ познанію, которое есть своего рода та же пища, для души (стремленіе къ истинѣ), б) къ нравственной дѣятельности (добру), в) всему прекрасному и высокому (красотѣ) и г) существу высочайшему, какъ носителю всѣхъ этихъ свойствъ.

Конечно, инстинктивныя движенія, лежащія въ природѣ организма, какъ ни благодѣтельны, но одними ими жить нельзя.

И Мефистофель („Фаустъ“ Гете „Прологъ въ небесахъ“) совершенно неправъ въ своей ироніи, когда говоритъ Господу о человѣкѣ:

„Когда бы ты его не вздумалъ одарить

Хваленою искрой святого разумнѣя,

Онъ лучше-бъ жилъ, безъ всякаго сомнѣнѣя“.

Безъ разума, при всей безошибочности инстинктивныхъ движеній, человекъ скорѣе стоялъ бы на краю гибели.

И наша задача по отношенію къ дѣтямъ должна состоять въ томъ, чтобы воспитать въ нихъ подчиненіе инстинктовъ разуму.

Привычки и навыки.

Если какое нибудь дѣйствіе повторяется однообразно нѣсколько разъ, то оно, мало по малу, освобождается отъ вліянія какъ сознанія, такъ и воли и обращается въ привычку. Привычка основывается на томъ свойствѣ волѣ, по которому усилія, первоначально дѣлаемая волею съ трудомъ, съ каждымъ повтореніемъ, дѣлаются все легче и легче. Поэтому, всѣ дѣйствія, въ которыхъ участвуетъ воля, могутъ стать предметомъ привычки.

Достоинству человека свойственно управлять внѣшними движеніями и внѣ себя, и своими. Долгъ человека—непроизвольныя движенія, и рефлексы и инстинкты, подчинять себѣ, своему сознанію. Но иногда полезно и сознательныя движенія переводить въ бессознательныя, когда нужно, чтобы сознаніе освободилось для высшихъ цѣлей, для высшихъ движеній.

Положимъ, ребенокъ въ первый разъ садится писать. Все сознаніе его, направлено на то, какъ взять ручку, какъ ее поддерживать, какъ вести линіи и т. п. Содержанія того, что онъ пишетъ, онъ не воспринимаетъ; движенія мыслей у него нѣтъ, почему и даютъ ему въ первое время писать только линіи и отдѣльныя буквы. Чтобы освободилось сознаніе для движенія мыслей, надо перевести процессъ писанія изъ сознательныхъ движеній въ бессознательныя. Или, напр., мы учимся танцовать. Въ началѣ каждый поворотъ ноги, каждое движеніе рукою сопровождается усиленнымъ сосредоточеніемъ на нихъ сознанія. Отчего и бываетъ, что нашъ танецъ совсѣмъ ушелъ изъ-подъ такта. При этомъ движенія всегда довольно медленны, потому что ими управляетъ сознаніе, а мы знаемъ, что участіемъ большаго мозга движенія всегда замедляются. Танцуя съ сознаніемъ, мы, понятно, ежеминутно натываемся на другія пары, потому что наше вниманіе направлено исключительно на па, и ему нѣтъ возможности замѣчать кружающіяся пары. Отсюда понятно, что для соблюденія такта, для быстроты и ловкости танцевъ, нужно, чтобы сознательныя движенія перешли въ бессознательныя.

Бессознательныя движенія, бывшія раньше сознательными, носятъ названіе привычекъ. Какъ получаютъ привычки: писать, танцовать и проч. Положимъ, вы взяли извѣстнымъ манеромъ пишущую ручку, т. е. иначе сказать, ваша рука, ваши пальцы приняли разъ извѣстное положеніе, призошли извѣстныя мускульныя движенія.

Когда вы захотите еще разъ взять перо, вполне естественно, мускульныя движенія пойдутъ по прежнему направленію, и ваши пальцы и рука примутъ прежнее положеніе. Въ третій разъ мускульныя движенія, нужныя для взятія пера, имѣютъ еще больше шансовъ пойти по старому направленію, и т. д. Такимъ образомъ, расположеніе къ привычкѣ дается первоначальнымъ дѣйствіемъ, благодаря сохраненію слѣда отъ него въ нашей мускульной системѣ. Точно также, какъ разъ извѣстнымъ образомъ согнутый листъ бумаги имѣетъ тенденцію вторично согнуться такимъ же образомъ, и съ каждымъ разомъ эта тенденція будетъ усиливаться.

Первое движеніе будетъ сознаваться, потому что усиліе для него будетъ значительно. Но съ каждымъ разомъ, по мѣрѣ того, какъ усиліе для движенія становится меньше и меньше, сознание сопровождаетъ движеніе все слабѣе и слабѣе. Наконецъ усиліе становится совсѣмъ незначительнымъ, переходитъ за нижній порогъ сознанія, и движеніе уже не ощущается. Такъ, путемъ повтореній, движеніе изъ сознательнаго переходитъ въ безсознательное, изъ произвольнаго въ непроизвольное. Лишь бы я задумалъ и рѣшилъ писать, а то, какъ я беру перо, какъ сажусь; сгибаюсь, пишу слово за словомъ, все это дѣлается и безъ участія воли, и безъ участія сознанія.

Навыкомъ называютъ чаще всего привычку, которая входитъ въ составъ сравнительно болѣе сложной сознательной дѣятельности.

Значеніе привычекъ въ жизни человѣка.

Многія привычки имѣютъ мѣсто въ области физическаго организма человѣка, преимущественно въ мускульной системѣ. Сюда относятся различныя манеры держать станъ, голову, извѣстнымъ образомъ кланяться, ходить и т. По знакомой намъ походкѣ человѣка, не видя еще ясно его фигуры, мы узнаемъ, кто именно идетъ. Даже самый процессъ ходьбы, неизвѣстный дѣтямъ и стоящій имъ большихъ усилій воли и сознанія, въ послѣдствіи, чрезъ рядъ повтореній, становится процессомъ, не требующимъ сознанія и усилій воли, т. е. говоря иначе автоматическимъ.

Въ сферѣ психической жизни привычка также имѣетъ свое полное приложеніе. По большей части мы и думаемъ и чувствуемъ и дѣйствуемъ, все по привычкѣ.

Лейбницъ полагаетъ, что $\frac{3}{4}$ всего, что человѣкъ думаетъ, говоритъ и дѣлаетъ, принадлежитъ привычкѣ. Не даромъ поэтому сложилось выраженіе, что „человѣкъ есть связка привычекъ“. И этому нельзя отказать въ значительной долѣ справедливости.

Такъ, въ области ума можетъ образоваться привычка къ извѣстному роду умственныхъ занятій и дѣятельности, вслѣдствіе

чего и вниманіе человѣка преимущественно останавливается на предметахъ, относящихся къ извѣстной опредѣленной сферѣ.

Въ области чувствованій привычка производитъ вліяніе на измѣненіе тона, превращая его изъ непріятнаго въ безразличный, а потомъ пріятный и наоборотъ. Извѣстно, что вслѣдствіе привычки, какъ удовольствіе, такъ и неудовольствіе слабѣютъ теряютъ энергію, притупляются и иногда даже совсѣмъ исчезаютъ. Скучная работа переписыванія бумагъ для Акакія Акакіевича („Шинель“) сдѣлалась столь любезною и такимъ богатымъ источникомъ наслажденій, что онъ скучалъ, когда оставался безъ нея.

Что касается воли, то и здѣсь, послѣ неоднократнаго повторенія процесса хотѣній и желаній, весьма часто устанавливаются привычки къ извѣстнымъ цѣлямъ и извѣстнымъ опредѣленнымъ средствамъ ихъ достиженія. Такъ, человѣкъ можетъ привыкнуть ставить себѣ цѣлю дѣятельности науку, наживу, удовольствіе и т. п.

По своему характеру привычка можетъ имѣть 2 вида: пассивный и активный. Въ первомъ случаѣ привычка есть страдательное приспособленіе человѣка къ извѣстному положенію, въ которое онъ поставленъ и котораго перемѣнить не въ силахъ. Впечатлѣнія извѣстнаго рода мало по малу теряютъ для него свою живость: горе—свою ѣдкость, удовольствіе—свою заманчивость, работа и трудъ—свою утомительность. Заключение, напр., привыкаетъ къ своей тюрьмѣ.

Активная привычка напротивъ укрѣпляетъ силы человѣка и дѣлаетъ способнымъ къ болѣе тяжелой работѣ и къ исполненію ея въ болѣе короткое время. Здѣсь привычка есть упражненіе.

Воспитаніе привычекъ.

Все сказанное о привычкѣ налагаетъ на воспитателя обязанность заботиться объ образованіи у дѣтей добрыхъ привычекъ и искорененія дурныхъ.

Воспитательное вліяніе на дѣтей въ весьма значительной степени зависитъ отъ умѣнья заложить въ ихъ душѣ добрые навыки и привычки. Дитя иногда еще не въ состояніи понять, почему извѣстное дѣйствіе для него дозволено, а другое нѣтъ, почему можно поступать такъ, а не иначе, но тѣмъ не менѣе постепенно пріучается, привыкаетъ поступать извѣстнымъ образомъ, согласно требованію взрослыхъ. Образующая такимъ образомъ въ душѣ дитяти добрыя привычки, мало по малу, съ развитіемъ ума и вообще душевныхъ силъ дитяти, освѣщаются сознаниемъ, обращаются въ убѣжденіе. Такова значительная часть нравственныхъ навыковъ человѣка.

При развитіи религиозныхъ чувствованій также не слѣдуетъ пренебрегать привычкою.

Привычка къ извѣстнымъ религіознымъ дѣйствіямъ (напр. къ частому посѣщенію храма), заложенная въ дѣтствѣ, будетъ способствовать къ возбужденію соответственныхъ чувствованій въ болѣе зрѣлыя годы. Привыкши, напр., съ дѣтства благоговѣнно стоять въ храмѣ, взрослый уже не тяготится этимъ дѣйствіемъ, но тѣмъ легче сосредоточивается мыслію на совершаемомъ богослуженіи и проникается религіознымъ настроеніемъ.

Такъ какъ привычки развиваются путемъ повторенія тѣхъ или иныхъ дѣйствій, то первымъ и существеннымъ условіемъ для образованія привычки служитъ возможно частая повторяемость того дѣйствія, которое воспитателю желательно видѣть привычнымъ въ питомцѣ. Чѣмъ моложе организмъ, тѣмъ быстрое укореняются въ немъ привычки. Поэтому добрыя привычки насаждать нужно съ самаго ранняго дѣтства. Младенецъ, жизнь котораго считается днями, привыкаетъ къ какому нибудь дѣйствію послѣ двухъ-трехъ разъ его повторенія. Достаточно, напр., нѣсколько разъ положить извѣстнымъ образомъ подушку въ колыбель или раза 3—4 покачать дитя предъ сномъ, чтобы эти дѣйствія обратились въ привычки, противодѣйствіе которыхъ сопровождается крикомъ.

И такъ насажденіе привычекъ должно быть предметомъ особаго вниманія воспитателя. Средствомъ къ этому насажденію служить многократное, въ зависимости отъ возраста воспитываемыхъ и отъ сложности дѣла, повтореніе соответствующихъ дѣйствій.

XXXI.

Темпераменты.

Каждому извѣстно, что степень отзывчивости души на внѣшнія впечатлѣнія у различныхъ лицъ бываетъ неодинакова. Чувствованія и стремленія у одного лица возбуждаются легко и скоро, у другого наоборотъ—медленно, у третьяго—глубоко, у четвертаго—поверхностно. Представимъ себѣ двухъ лицъ, которыя обижены при одинаковыхъ условіяхъ, однимъ и тѣмъ же лицомъ и одинаковымъ способомъ. Въ то время какъ одинъ изъ нихъ чувствуетъ себя крайне оскорбленнымъ, другой смѣется надъ этимъ, первый никогда не забудетъ обиды, другой черезъ 5 минутъ уже не думаетъ о случившемся. Эта неодинаковая степень воспримчивости, возбудимости и отзывчивости человѣка на внѣшнія и внутреннія впечатлѣнія называется темпераментомъ.

Ученіе о темпераментахъ восходитъ къ очень древнимъ временамъ. Его начало лежитъ еще въ древне-греческой медицинѣ. Древне-греческіе медики пытались выяснить, отчего разные люди бываютъ не въ одинаковой степени наклонены къ заболѣванію тѣми или другими болѣзнями. Рѣшая этотъ вопросъ, они

указывали, что въ тѣлѣ разныхъ людей находится неодинаковое количество четырехъ наполняющихъ, его жидкостей—крови, лимфы, черной желчи и желтой желчи. Смотря по тому, какая изъ этихъ жидкостей преобладаетъ въ тѣлѣ, человѣкъ причислялся къ одному изъ 4-хъ темпераментовъ—кровяному (сангвиническому), лимфатическому (флегматическому), черно-желчному (меланхолическому) или желто-желчному (холерическому). Основываясь на этомъ медицинскомъ ученіи о темпераментахъ древнегреческіе психологи старались объяснить различіе человѣческихъ характеровъ. Они указывали, напр., что люди съ преобладающимъ количествомъ крови (сангвиники) оказываются болѣе веселыми, рѣшительными и впечатлительными, чѣмъ тѣ, у коихъ преобладаетъ лимфа (флегматики) и т. д.

По мѣрѣ того, какъ развивались фізіологія и медицина, старое ученіе о темпераментахъ теряло свой смыслъ. Мы знаемъ, что теперь, говоря о фізіологической основѣ душевныхъ явленій, приходится обращать главное вниманіе на нервную систему и ея возбудимость. У однихъ нервная система возбуждается медленно, у другихъ—быстро, у однихъ—поверхностно, у другихъ—глубоко. Съ этой точки зрѣнія психологъ Вундтъ различаетъ 4 главныхъ типа людей, у которыхъ нервная система возбуждается: 1) быстро и глубоко, 2) быстро и поверхностно, 3) медленно и глубоко и 4) медленно и поверхностно. Эти 4 типа Вундтъ, слѣдуя старой традиціи, называетъ темпераментами: холерическимъ, сангвиническимъ, меланхолическимъ и флегматическимъ.

1. Холерикъ—человѣкъ живой и настойчивый, рѣшительный и твердый, страстный и неустанно дѣятельный. Сильно отзывается на впечатлѣнія, но не столько чувствомъ, сколько дѣйствіемъ.

Великія открытія и реформы обыкновенно принадлежать холерикамъ. Холериками, напр., были: Петръ Великій, Колумбъ, Лютеръ и друг. Испанецъ, Итальянецъ; въ царствѣ животномъ—холерики—разряда хищныхъ.

Съ ребенкомъ даннаго темперамента надо держать ухо востро. У него легко отъ неустаннаго осуществленія желаній, образуются сильныя страсти, не исключая и чувственныхъ.

На быстрого и сильнаго холерика можно съ успѣхомъ вліять, вооружившись терпѣніемъ и кротостію, гуманностью. Быстрыя, суровыя репрессаліи могутъ только его ожесточить, поднять всю энергію духа противъ воспитателя, и послѣдній добьется только того, что ученикъ будетъ ненавидѣть его самую дѣятельною ненавистью, т. е. по просту сказать, будетъ строить ему на каждомъ шагу шалости.

2. Меланхоликъ. Ему свойственна медленная, но въ тоже время глубокая возбудимость чувствованій и стремленій. Это—человѣкъ устойчивый и постоянный, серьезный и задумчивый, живущій своимъ внутреннимъ міромъ, сосредоточенный и выносливый.

Меланхоликъ сильно отзывается на впечатлѣнія, но не столько дѣйствиємъ, сколько чувствомъ. Тонкіе эгоисты, мизантропы, выходятъ изъ меланхоликовъ. Они заняты сами собою, своими болячками (мнимыми или дѣйствительными) и до другихъ имъ часто дѣла нѣтъ.

Примѣры: Монголь, Нѣмецъ, юноша. Въ царствѣ животныхъ—грызуны—типы меланхоликовъ.

Въ учебномъ отношеніи дѣти съ такимъ темпераментомъ очень хороши. Они учатся почти всегда хорошо, такъ какъ ихъ прищипориваетъ чувствительность къ своимъ неприятностямъ, къ собственнымъ неудачамъ и неуспѣхамъ. Они рѣдко оказываются неисправными. И тѣмъ больше учителю слѣдуетъ помнить опасности этого темперамента. Почаще вызывать дѣтей—меланхоликовъ на помощь товарищамъ, вводить въ ихъ игры гимнастическія упражненія, — для меланхолика полезно, чтобы онъ не сталъ эгоистомъ и старичкомъ въ душѣ.

Холерическій и меланхолическій—сильные темпераменты.

3. Флегматикъ. Этотъ темпераментъ характеризуется медленною и слабою возбудимостью чувствованій и стремленій. Это—человѣкъ, не поддающійся сильнымъ порывамъ и влеченіямъ, тяжелый на подъемъ, монотонный и однообразный. Голландецъ, старикъ; въ царствѣ животныхъ—жвачныя—примѣры флегматиковъ.

Флегматикъ отзывается на впечатлѣнія слабо, и притомъ дѣйствиємъ слабѣе, чѣмъ чувствомъ. Припомнимъ хотя бы Обломова, который чувствовать могъ больше, чѣмъ дѣйствовать. Изъ флегматика легко можетъ образоваться человѣкъ, про котораго Лермонтовъ сказалъ: „къ добру и злу постыдно равнодушный“.

Воспитателю предстоитъ много труда, чтобы повысить отзывчивость флегматика на духовныя впечатлѣнія. Дѣятельную, нравственную отзывчивость можно создать въ немъ, создавши привычку къ извѣстнымъ нравственнымъ дѣйствиямъ. Напр., флегматикъ спокойно проходитъ мимо большаго нищаго. Онъ мало чувствителенъ, а еще меньше склоненъ беспокоиться, вытаскивать кошелекъ, искать подходящую монету и т. д.

Но когда вы создадите въ немъ, постепеннымъ, настойчивымъ приученіемъ, привычку подавать милостыню, то, проходя мимо нищаго, онъ почувствуетъ нѣкоторую неловкость отъ нарушенія привычки, нѣкоторое беспокойство, а флегматикъ болѣе всего боится беспокойства.

4. Сангвиникъ. Этотъ темпераментъ отличается быстротою и легкою воспримчивостію и такою же подвижностію. Сангвиникъ поддается чувствованіямъ легко и скоро на дѣйствія, но крайне настойчивъ въ нихъ. Онъ скоро отзывчивъ, подвиженъ, но поверхностенъ и вѣтренъ. Тины его: Африканецъ, Французъ, дитя; изъ царства животныхъ—сангвиники—обезьяны.

Сангвиникъ откликается на впечатлѣніе слабо и при томъ слабѣе чувствомъ, чѣмъ дѣйствіемъ. Онъ легко принимается за какое либо дѣло, но такъ какъ послѣднее у него не связывается съ сильнымъ чувствомъ, то быстро его бросаетъ.

Съ этимъ темпераментомъ воспитателю также предстоитъ не мало хлопотъ. Его покладистость, бросанье изъ стороны въ сторону туда и сюда, способны вывести изъ терпѣнія; и только постоянное, неусыпное наблюденіе надъ всѣмъ его поведеніемъ, наблюденіе, чтобы ни одна работа не осталась имъ незаконченной кое-какъ, ни одно намѣреніе не осталось невыполненнымъ, можетъ сдѣлать изъ него болѣе или менѣе устойчиваго чело-
вѣка.

Флегматикъ и сангвиникъ—темпераменты слабые.

Говоря о различіи людей по темпераментамъ, слѣдуетъ замѣтить впрочемъ, что въ чистомъ видѣ указанные типы въ дѣйствительности встрѣчаются рѣдко. По большей части мы наблюдаемъ разнообразное смѣшеніе темпераментовъ и преимущественно сходно между собою—сангвиническаго и холерическаго, меланхолическаго и флегматическаго.

Темпераменты, какъ имѣющіе тѣсную связь съ физическими свойствами организма, видоизмѣняются подъ вліяніемъ климатическихъ и мѣстныхъ условий, возраста, пола и т. п., какъ это мы и видимъ на пламенномъ жителѣ юга и холодномъ—сѣвера, на ребенкѣ и старикѣ, женщинѣ и мужчинѣ.

Особенно надо беречься, говоря о темпераментахъ, чтобы не приписать тому или другому темпераменту тѣхъ или другихъ недостатковъ, какъ бы непреодолимо присущихъ ему. Мнѣніе, будто одинъ темпераментъ болѣе располагаетъ къ добродѣтели, другой къ тѣмъ или другимъ порокамъ, будто въ самомъ сложеніи и природныхъ качествахъ индивидуума лежитъ основаніе и причина его нравственныхъ и безнравственныхъ дѣйствій, совершенно ошибочно. Каждый темпераментъ самъ по себѣ равно способенъ къ исполненію нравственныхъ задачъ и правилъ, и ни одинъ самъ по себѣ изъ темпераментовъ не имѣетъ предъ другимъ какого либо особаго преимущества, не заключаетъ въ себѣ чего либо вреднаго для чело-
вѣка, унижающаго его достоинство, ни одинъ самъ по себѣ не содѣйствуетъ особенно нравственности и не мѣшаетъ ей. Различіе между темпераментами не нравственнаго, но естественнаго, природнаго свойства. Нравственными или безнравственными они дѣлаются только по тому положенію, въ какое становится къ темпераменту воля, поощряя или задерживая ихъ порывы.

Ученіе о темпераментѣ имѣетъ громадное воспитательное значеніе, ибо если извѣстная педагогическая мѣра оказывается дѣйствительностью для одного темперамента, то она можетъ быть непригодна для другого. Такъ, однихъ дѣтей, очень быстрыхъ въ своихъ дѣйствіяхъ, требуется сдерживать, другихъ,

наоборотъ, очень медлительныхъ, нужно подгонять; одного ребенка, который интересуется всѣмъ и ничѣмъ особенно, должно пріучать къ сосредоточенію его вниманія на отдѣльныхъ предметахъ, другого же приходится развлекать.

Дѣленіе темпераментовъ.

	чувствомъ	дѣйствіемъ
сильный	меланхолическій	холерическій
слабый	сангвиническій	флегматическій.

Темпераментъ называется фізіологической основой характера.

XXXII.

Характеръ.

Характеромъ отъ греч. слова „характеръ“ свойство, черта, отличительный признакъ въ широкомъ значеніи этого слова, называется совокупностью качествъ, которыми извѣстный предметъ обособляется отъ другихъ. Въ этомъ смыслѣ каждая вещь и каждый предметъ имѣютъ свой характеръ. Такъ мы говоримъ о характерѣ живописи, музыки, архитектуры и проч.

Первоначально этотъ терминъ у грековъ означалъ орудіе для выкалыванія, вырѣзыванія или гравированія, а также орудіе, посредствомъ котораго налагали клеймо на животныхъ, для отличія ихъ отъ другихъ. Впослѣдствіи характеромъ стали называть всѣ вообще отличительные признаки, сначала внѣшніе, а потомъ внутренніе, присущіе извѣстному предмету или лицу въ отличіе его отъ другихъ.

Въ наиболѣе же тѣсномъ значеніи слова, терминъ „характеръ“ примѣняется къ человѣку и означаетъ связь между представленіями и убѣжденіями человѣка съ одной стороны и дѣятельностью его съ другой. (Характеръ—постоянный образъ дѣятельности человѣка). У однихъ связь эта бываетъ настолько крѣпка и могуча, что слово никогда не расходится съ дѣломъ,

убѣжденія не идутъ въ разрѣзъ съ поступками; такіе характеры зовутся сильными, твердыми, непреклонными. У другихъ же эта связь бываетъ слаба, такъ что воля такихъ людей расходится съ ихъ мышленіемъ, поступки ихъ не вытекаютъ изъ убѣжденій: это—характеръ слабый, колеблющійся, неустойчивый. Отсюда мы видимъ, что слово „характеръ“, въ точномъ своемъ значеніи, однородно съ выраженіемъ „свойство воли“ и иногда выраженіе: „сильный, твердый характеръ“ употребляется вмѣсто выраженія: „сильная, твердая воля“, а выраженіе: „слабый характеръ“ вмѣсто „слабая воля“.

Въ виду того, что характеръ связывается съ волей, то съ этой точки зрѣнія, въ современной психологіи принято дѣлить характеры: на а) цѣльные и б) нецѣльные.

Первые могутъ быть двухъ родовъ: а) характеръ, отличающійся въ умственномъ отношеніи богатствомъ инициативы, широкою предприимчивостію, въ отношеніи же воли—постоянствомъ и непреклонностію въ осуществленіи разъ принятаго рѣшенія и б) характеръ, не отличающійся ни предприимчивостію въ постановкѣ цѣлей дѣятельности, ни энергіей по части достиженія ихъ.

Примѣрами цѣльныхъ характеровъ перваго рода могутъ быть въ исторіи такіе личности, какъ Демосфенъ, Юлій Цезарь, Іоаннъ Грозный, Патріархъ Никонъ, Царевна Софья, Петръ I, Ломоносовъ, Наполеонъ I и др. и въ литературѣ—типы: Ричарда III (у Шекспира), Лео (у Шпильгагена), Тараса Бульбы (у Гоголя), княгини Трубецкой и Волконской (у Некрасова) и др. Примѣрами же нецѣльныхъ характеровъ втораго рода могутъ считаться: Обломовъ (у Гончарова), Лаврецкій (у Тургенева), Акакій Акакіевичъ, Афанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна (у Гоголя) и др.

Что же касается до характеровъ нецѣльныхъ, то они представляютъ собою какъ бы смѣшеніе первыхъ двухъ типовъ. Извѣстный субъектъ можетъ быть предприимчивымъ, имѣть множество плановъ и замысловъ, но въ тоже время бываетъ не способенъ провести ихъ въ жизнь, осуществить ихъ и, предъ первымъ ничтожнымъ препятствіемъ, обыкновенно останавливается.

Въ противоположность имъ есть люди мало предприимчивые, долго обдумывающіе и медленно рѣшающіеся на что либо, но проводящіе почти съ фанатическимъ упорствомъ разъ принятое ими рѣшеніе.

Примѣрами перваго типа нецѣльныхъ характеровъ могутъ служить изъ историческихъ личностей: Людовикъ XIV; въ литературѣ: Маниловъ (у Гоголя), Рудинъ (у Тургенева), Онѣгинъ (у Пушкина), Печоринъ (у Лермонтова) и Гамлетъ (р Шекспира). Типъ Гамлета представляетъ собою самый полный и глубокій образъ человѣка, лишеннаго исполнительнои воли. Гамлетъ

энергиченъ въ обдумываніи, въ замыслахъ, въ тонкой и смѣлой работѣ мысли, онъ даже имѣетъ силу воли для рѣшеній; но останавливается предъ исполненіемъ, и своимъ тонкимъ умомъ старается изыскивать препятствія, мѣшающія, будто бы, окончательному шагу—какъ только этотъ шагъ приближается. Гамлетъ задерживается на ступени обдумыванія въ ту минуту, когда предстоитъ дѣйствовать. Онъ самъ себя изображаетъ слѣдующими словами:

„А я презрѣнный, малодушный рабъ,
Я дѣла чуждъ, въ мечтаніяхъ бесплодныхъ
Боюсь за короля промолвить слово.....

.....
Зачѣмъ живу, чтобъ только говорить:
„Свершай“, „свершай“, когда во мнѣ для дѣла
И сила есть, и средства, и желанья“.

Примѣрами же другого типа нецѣльныхъ характеровъ могутъ быть: Пьеръ (у Л. Толстого), Инсаровъ (у Тургенева) и отчасти Раскольниковъ (у Достоевскаго).

Когда въ борьбѣ противоположныхъ движеній побѣждаютъ преимущественно движенія извѣстнаго порядка, и, какъ побѣдители, конечно, осуществляются, то создается извѣстное постоянное направленіе дѣятельности, которое и называется характеромъ.

Съ этой точки зрѣнія, т. е. по различіямъ движеній, какія побуждаютъ преимущественно, различаются и характеры.

1. Если побѣждаютъ движенія въ пользу физическихъ потребностей, то получается характеръ чувственный. Люди этого типа ѣдятъ, пьютъ, спятъ, и выше этого у нихъ, кажется, ничего въ жизни. Къ удовлетворенію этихъ потребностей направлена вся ихъ дѣятельность, всѣ желанія, всѣ волевые акты. Конечно, въ обыденной жизни чистый типъ этого рода не встрѣчается. Даже для Ильи Ильича Обломова не вся жизнь состояла въ ѣдѣ, питьѣ, и спать. Онъ волновался кой чѣмъ и другимъ, болѣе высокимъ. За то лѣтописи медицины и физиологии сохранили намъ примѣры, когда, „какая либо физическая страсть принимаетъ патологическіе размѣры, подчиняя себѣ все сознаніе человѣка“. Французскій психологъ Поланъ (въ своей книгѣ „Психологія характера“) рассказываетъ исторію какой то Діонисіи Лермина, которая въ дѣтствѣ съѣдала отъ 30—32 фунтовъ хлѣба.

Діонисія только и думала, что объ ѣдѣ, не говорила ни о чемъ другомъ, не гнушалась никакихъ средствъ, чтобы добыть себѣ пищу. Когда ктонибудь предлагалъ ей отдать другому кусокъ хлѣба, она приходила въ ярость. Въ предсмертной агоніи она заставляла свою сестру ѣсть въ своемъ присутствіи, и

послѣднія слова ея были: „Богу не угодно уже, чтобы я сама ѣла, дайте же мнѣ посмотрѣть, какъ другіе ѣдятъ“. Вотъ чистый типъ чувственнаго характера.

2. Если побѣждаютъ преимущественно движенія въ пользу расширенія и упроченія своей личности, то возникаетъ характеръ эгоцентрической. Эти движенія могутъ быть различнаго достоинства, начиная со стремленія къ деньгамъ для обезпеченія своей жизни, своей личности, и кончая стремленіемъ къ образованію, къ широкой разносторонней дѣятельности, гдѣ бы лучше всего проявилось личное „Я“. Но общая черта этихъ движеній та, что въ центрѣ ихъ стоитъ свое личное „я“, его расширеніе, его могущество. Почему такой характеръ и носить названіе эгоцентрическаго („ego“—я и „centrum“—центр).

Люди этого типа—хорошіе борцы въ жизни, часто хорошіе работники, но съ идеальной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія обновленія и одухотворенія жизни, они стоятъ не высоко. Они живутъ въ себя, иной разъ утонченной духовной жизнью (какъ писатель Тригоринъ въ „Чайкѣ“ Чехова), но отъ этой ихъ жизни другимъ больше холодно, чѣмъ тепло.

Въ примѣрѣ эгоцентрическаго типа высшей пробы извѣстный психологъ Лосскій приводитъ извѣстнаго путешественника Пржевальскаго. У него не было любви ни къ чему, чтобы требовало выхода изъ себя.

„Никакихъ наклонностей къ искусству у него нѣтъ; общество людей онъ любитъ, но только въ томъ случаѣ, когда они вполне подчинены ему; онъ держитъ себя всегда самоувѣренно и повелительно. Вся его жизнь сводится къ тому, что онъ ставитъ себѣ сложныя цѣли, требующія типичныхъ „моихъ“ дѣятельностей, а не отдается во власть сверхличныхъ стремленій.

Типичный честолюбецъ, каждымъ своимъ словомъ, каждымъ жестомъ преслѣдующій всю одну и ту же цѣль—показать себя, выдвинуться, обратить на себя вниманіе“—принадлежитъ къ этому же типу. Таковъ и Иртеневъ въ „Д“ и „О“. Л. Толстого.

3. Если побѣждаютъ преимущественно движенія сверхличныя, напр., движенія въ пользу нравственнаго долга, состраданія, движенія религиозныя, то образуется характеръ сверхличный, или въ собственномъ смыслѣ духовный.

Люди этого типа живутъ не въ себя, а для „внѣ себя“: для Бога, для долга, для ближнихъ, для знаній, искусствъ и т. д.

Въ примѣрѣ сверхличнаго типа Лосскій указываетъ на Бернарда Клервосскаго (1091—1153 г.). (Русскіе подвижники представляютъ также обширную галерею сверхличныхъ типовъ). Послѣдній „совершенно подавилъ въ себѣ интересъ къ физической жизни. Онъ постился такъ усердно, что уничтожилъ въ себѣ самое желаніе пищи; принятіе ея вызвало въ немъ непріятное ощущеніе, такъ что онъ впалъ въ болѣзнь“. Цѣлымъ рядомъ упражненій,—напр., выходя въ толпу людей, онъ закупоривалъ

себѣ воскомъ уши,—онъ старался умертвить личную волю къ жизни, волю, которая „проявляется, когда мы дѣлаемъ то, что желаемъ, не ради славы Божіей, не ради пользы братьевъ, но ради насъ самихъ, удовлетворяя собственнымъ движеніямъ души“ (его слова). Въ особенно живой и общепонятной формѣ проявляется способность Бернарда выходить за предѣлы своего я въ его сострадательности. Этотъ строгій аскетъ, затыкающій уши воскомъ, утратившій вкусовыя ощущенія, казалось бы, долженъ быть страшнымъ фанатикомъ и изувѣромъ, способнымъ сжигать людей на кострахъ. На самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ.

Руководясь состраданіемъ, онъ проповѣдуетъ взгляды, далеко опережающіе его вѣкъ.

Къ указаннымъ тремъ типамъ характеровъ можно присоединить еще четвертый типъ. Когда ни тѣ, ни другія, ни третьи движенія не пріобрѣтаютъ болѣе или менѣе постояннаго преимущества, и побѣждаютъ въ разныхъ случаяхъ разныя движенія, получается безхарактерность или непостоянный характеръ.

Образованіе характера.

Обстоятельства, подъ дѣйствіемъ и вліяніемъ которыхъ образуется (формируется) характеръ, довольно многочисленны и разнообразны. Изъ нихъ прежде всего нужно отмѣтить врожденныя наслѣдственныя особенности какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, а затѣмъ и качества пріобрѣтаемыя. Первые слагаются изъ тѣхъ физическихъ и психическихъ задатковъ, кои передаются путемъ наслѣдственности отъ предковъ къ потомкамъ, и отъ которыхъ зависитъ различная степень умственныхъ дарованій, чувствительности сердца и энергіи воли.

Психологія признаетъ, какъ несомнѣнный фактъ, что кромѣ передачи физическихъ свойствъ (здоровье или болѣзненность, крѣпость или слабость сложенія) существуетъ наслѣдственная передача и свойствъ душевныхъ, какъ то: трусости, мужества, рѣшительности или медленности, постоянства или измѣнчивости, простодушія или хитрости и т. п., не говоря уже о разнообразіи умственныхъ талантовъ и разнаго рода влеченій.

Пріобрѣтаемая же сторона характера слагается изъ различныхъ вліяній, окружающихъ каждаго субъекта, и такъ или иначе отпечатлѣвающихся на немъ. Сюда прежде всего надо отнести: а) вліяніе воспитанія какъ въ домѣ, такъ и въ школѣ; б) сверстниковъ и товарищей; в) общественнаго строя и среды и г) окружающей природы.

а) что касается вліянія воспитанія на характеръ, то воспитательная практика представляетъ намъ двѣ совершенно противоположныя системы воспитанія, одинаково неблагопріятныя для образованія надлежащаго характера.

Въ основѣ одной изъ нихъ лежитъ деспотизмъ родителей или воспитателей, и соотвѣтственно этому, рабство дѣтей; въ основѣ другой деспотизмъ ребенка и рабство воспитателей. И то и другое направленіе покоится на нѣкоторыхъ психологическихъ соображеніяхъ; первое на томъ, что ребенокъ глупъ, неразвитъ и ничего не знаетъ и, какъ такой, не можетъ жить и дѣйствовать сколько нибудь свободно и самостоятельно. Его право сводится къ обязанности повиноваться, исполнять. Личность и самобытность такого ребенка-питомца потеряны, въ его дѣйствіяхъ не видно ни смѣлости, ни предприимчивости.

Безъ руководителя онъ вовсе не можетъ жить и дѣйствовать.

Другая же система воспитанія, создающая, такъ наз. „дѣтей господъ“, покоится на идеѣ свободы и самостоятельности ребенка, въ силу чего всѣ его желанія, прихоти и капризы удовлетворяются. Это маленькое существо въ семьѣ—своего рода деспотъ, хныканьями и слезами умѣющій подчинять себѣ всѣхъ и все.

Но отважный и дерзкій въ семьѣ, онъ превращается въ приниженное и робкое существо въ обществѣ и нерѣдко дорого платится за свое прежнее, укоренившееся путемъ привычки, господство.

Та или другая дисциплина, продолженная за порогъ семьи—мы разумѣемъ школу—также болѣе или менѣе сильно сказывается на формированіи характера.

б) Не менѣе сильное вліяніе на формированіе характера имѣетъ товарищество, какъ школьное, такъ и внѣшкольное (по играмъ и развлеченіямъ). Могучая сила этого вліянія коренится на дѣтской склонности къ подражательности, на сильномъ дѣйствіи примѣра вообще и сверстниковъ въ особенности. Къ товарищамъ своимъ дѣти бывають довѣрчивѣе и откровеннѣе, чѣмъ къ взрослымъ; они ближе другъ къ другу по интересамъ и возрѣніямъ, а потому все, что говорится или дѣлается сосѣдомъ, скоро перенимается и усваивается другимъ безъ всякаго разсужденія, полезно то или вредно, хорошо или худо. Извѣстное выраженіе: „скажи мнѣ, кто твои друзья, и я скажу, кто ты самъ“—не есть пустая фраза.

Въ жизни мы встрѣчаемъ не мало такихъ лицъ, которыхъ, по собственному ихъ сознанію, испортило товарищество или окружавшая среда, освободиться отъ которой или противостоять ей вліянію для нихъ не было возможности.

в) Кромѣ среды, съ которой ребенокъ соприкасается, такъ сказать, непосредственно, есть еще другая, имѣющая хотя косвенное и посредствующее, но тѣмъ не менѣе неотразимое и нерѣдко весьма сильное вліяніе на ребенка. Эта среда—общественный строй, политическое и экономическое устройство страны, культъ религіозный и т. д. Обезпеченность личности и правъ гражданина, неприкосновенность домашняго очага, мирное время и цвѣтущее состояніе экономическое страны отпечатлѣвается на всемъ по-

веденіи, занятіяхъ и образѣ жизни людей, тогда какъ общественныя смуты и неурядицы, войны, необезпеченность личности, обезцѣненіе труда и т. п. налагають, какъ свидѣтельствуеетъ исторія, особый своеобразный отпечатокъ на цѣлыя поколѣнія, давая личностей, готовыхъ на самыя рискованныя и отчаянныя предпріятія. Процвѣтаніе наукъ и искусствъ въ древней Греціи значительно обуславливалось весьма благопріятнымъ государственнымъ строемъ въ связи съ религіозной свободой, тогда какъ эпоха, напр., инквизицій, смуть и религіозныхъ войнъ, несомнѣнно отразилась весьма неблагопріятно на характерѣ цѣлыхъ поколѣній.

г) Наконецъ, влияніе природы, т. е. извѣстныхъ географическихъ и климатическихъ условій, не можетъ оставаться безслѣднымъ для склада возрѣній, характера и личности питомца, создавая и развивая въ однѣхъ націяхъ отвагу и предпримчивость, въ другихъ—праздность, апатію и застой. Вліяніе природы только не столь уловимо и замѣтно по отношенію въ отдѣльной личности, но за то она беретъ своимъ постоянствомъ, не прекращаясь въ теченіи всей жизни человѣка.

Характеръ, основывающійся на однихъ только природныхъ особенностяхъ, безъ всякой культуры его воспитаніемъ и другими явленіями, называется естественнымъ или, что тоже стихійнымъ. Таковы герои Шекспира, въ коихъ энергія и упорство, развитыя во всей силѣ, составляютъ главныя черты. Въ дѣйствіяхъ его героевъ нѣтъ уваженія ни къ какимъ божескимъ и человѣческимъ законамъ и нравамъ; ихъ ничто не останавливаетъ отъ достиженія цѣли, ничто не удерживаетъ отъ убійства, вѣроломства и клятвопреступленій.

Характеръ, противоположный естественному называется нравственнымъ. Человѣкъ такого характера не повинуется слѣпо своимъ естественнымъ наклонностямъ и влеченіямъ какой либо внезапно возникшей мысли или произвольному движенію сердца. Здѣсь многое зависитъ отъ самовоспитанія и самообразования извѣстнаго лица, а также отъ упражненія и привычки.

Воспитаніе характера.

При заботахъ объ образованіи характера всѣ лучшіе изслѣдователи психической жизни дѣтей совѣтуютъ соблюдать два коренныхъ условія: 1) Необходимо ребенку давать возможно больше свободы въ томъ, что онъ самъ можетъ сдѣлать, такъ, чтобы онъ всегда разсчитывалъ преимущественно на свои силы, а не на чужую помощь; послѣдняя нужна только въ случаяхъ непосильныхъ затрудненій, чтобы ребенокъ не потерялъ вѣры въ себя.

2) Необходимо подчинить ребенка опредѣленной отличающейся постоянствомъ, чуждой мелочей дисциплинѣ.

Свобода приучаетъ къ смѣлости, рѣшительности. Дисциплина— къ терпѣнію, стойкости,—необходимымъ проявленіямъ сильнаго характера. Отсутствіе свободы, безусловное подавленіе ума и воли питомца умомъ и волею воспитателя, развиваетъ пассивныя стороны характера и отражается робостію, отсутствіемъ инициативы и предприимчивости въ практической жизни.

Наоборотъ—отсутствіе дисциплины или непостоянство ея, безусловное исполненіе всѣхъ желаній ребенка, его прихотей и капризовъ (гдѣ вопросъ идетъ не столько о достиженіи ребенкомъ какой либо цѣли, не столько объ исполненіи какого либо опредѣленнаго желанія, сколько объ отстаиваніи предъ посторонними лицами перваго встрѣчнаго душевнаго движенія, при полномъ нежеланіи пустить въ ходъ задерживающее вліяніе воли),—развиваетъ своенравіе, а въ практической жизни характеризуется недостаткомъ терпѣнія и выдержанности, неустойчивостію.

Въ частности наблюденія надъ жизнью дѣтей показываютъ, что наиболѣе правильное воздѣйствіе взрослыхъ на волю дѣтей и развитіе въ нихъ самостоятельности происходитъ въ томъ случаѣ, если 1) все, что требуется отъ ребенка, предлагается ему мягко и спокойно, но твердо. 2) Если всѣ предъявляемыя уже понимающему родную рѣчь дитяти требованія, по возможности мотивируются, хотя кратко. Понятый и усвоенный ребенкомъ мотивъ всегда служитъ для него источникомъ его собственной воли. Форма мотивовъ должна быть различна: наставленіе, когда приходится разяснять смыслъ и значеніе тѣхъ или другихъ, переживаемыхъ ребенкомъ состояній.

Предостереженіе, когда дѣло касается какихъ либо будущихъ опасностей, несознаваемыхъ ребенкомъ по незнанію имъ жизни и совѣтъ по отношенію къ питомцамъ старшаго возраста.

3) Взрослые въ присутствіи дѣтей должны быть чужды колебаній, должны проявлять твердость воли, рѣшительность. Это важно въ томъ отношеніи, что дѣти, отличаясь подражательностью, копируютъ взрослога, въ особенности въ первое время, когда они смотрятъ на взрослога, какъ на образецъ.

Для развитія сильнаго характера необходимъ серьезный трудъ преодоленіе препятствій, какъ физическихъ, такъ и умственныхъ, ставя себѣ задачею въ наиболѣе короткое время и съ наименьшею тратою силъ произвести наибольшее количество работы. Разумная дѣятельность, руководящаяся идеями, не знаетъ пресыщенія и скуки, тогда какъ чувственная дѣятельность неминуемо подвергается этимъ мучительнымъ состояніямъ. Характеръ развивается въ зрѣломъ возрастѣ, по окончаніи образованія, воспитаніе же должно положить ему основу.

Подобно тому, какъ конечные выводы науки формулируются немногими законами, руководящими явлениями природы, такъ и задачи воспитанія опредѣляются немногими изреченіями Священнаго писанія, исчерпывающими собою нравственныя требованія по отношенію къ самому себѣ и къ ближнимъ, и Св. писаніемъ опредѣляется также отношеніе къ природѣ. Этими же указаніями опредѣляется путь достиженію возможнаго земного счастья.

Эти путеводныя изреченія гласятъ: „Будь совершенъ, какъ Отецъ твой Небесный“ (Мѡ. 5, 48) т. е. стремись къ неустанному самоусовершенствованію.

„Люби ближняго, какъ самого себя“ (Ев. Луки X, 27)—и тогда не будетъ ни стачекъ, ни забастовокъ, ни возстаній. „Все создано на пользу и на радость человѣка, но ничто созданное не должно властвовать надъ нами“—это общій смыслъ Евангелія, достижимый лишь въ томъ случаѣ, когда мы вѣчно непреложныя идеи, заложенныя въ душу человѣка Создателемъ, будемъ ставить выше всего земного.

XXXIII.

Личность, сознание, самосознание.

Душевыя явленія открываются намъ въ самонаблюденіи. Мы ихъ „непосредственно знаемъ“. Но, вмѣсто длиннаго выраженія „непосредственно знать“, обыкновенно употребляется слово „сознавать“. Поэтому можно сказать, что душевыя явленія нами сознаются. Совокупность всего, что мы непосредственно знаемъ въ данный моментъ душевныхъ явленій, называется состояніемъ нашего сознанія.

Сознаніе составляетъ общую и основную форму нашей душевной жизни. Сознаніе есть постоянный спутникъ всѣхъ психическихъ процессовъ человѣка. Кто имѣетъ сознаніе, тотъ знаетъ, о чемъ онъ думаетъ и чего хочетъ, и почему онъ то или другое думаетъ и хочетъ. Въ нашей жизни нѣтъ ни одного мгновенія, въ которое бы мы одновременно не имѣли и не сознавали различныхъ душевныхъ состояній, различныхъ ощущеній, представленій, желаній и чувствованій. Во время прогулки на свѣжемъ воздухѣ въ одно и тоже время работаетъ умъ, наслаждается обоняніе, ведется или слышится разговоръ, занято зрѣніе и осязаніе, въ то же время дѣлаются движенія и сознается

то или другое настроеніе духа. Никто не станетъ утверждать, чтобы человѣкъ, который сознательно наслаждается всѣми этими впечатлѣніями, принимаетъ большую часть ихъ безсознательно, т. е. невидимо для себя, или не замѣчалъ множества впечатлѣній, дѣйствующихъ на него одновременно. Рисуя въ своемъ воображеніи мрачныя картины, мы можемъ одновременно сознавать и мрачность этихъ картинъ и мрачность своего настроенія.

Личность. Все, что въ душевной жизни человѣка является наиболѣе устойчивымъ и связнымъ, называется личностью. Наиболѣе устойчивыя и связныя представленія называются интересами, наиболѣе устойчивыя чувства—господствующими настроеніями и наиболѣе устойчивыя стремленія—наклонностями. Поэтому можно сказать, что „личность человѣка проявляется въ его интересахъ, господствующихъ настроеніяхъ и наклонностяхъ. Съ этими устойчивыми проявленіями душевной жизни связываются, или ассоціируются, всѣ остальные психическія явленія, случайныя впечатлѣнія, мимолетныя чувства, непрочныя желанія.

Личность человѣка, насколько она проявляется въ его дѣйствіяхъ—характеру. Охарактеризовать человѣка—значить:—наблюдая его дѣйствія, описать его интересы, господствующія настроенія и наклонности.

Самосознаніе. Говоря о своемъ душевномъ мірѣ, мы обозначаемъ свою личность словомъ „я“. Впрочемъ, надо замѣтить, что слово „я“, кромѣ этого имѣетъ еще 2 значенія. Во 1-хъ, подъ словомъ „я“ мы иногда разумѣемъ наше тѣло („я не могу пройти чрезъ эту дверь“, „я слишкомъ великъ для этого дивана“). Во 2-хъ, подъ нимъ нерѣдко разумѣется то же самое, что и подъ словомъ душа, т. е. сущность нашей душевной жизни („я обладатель своихъ интересовъ, настроеній и наклонностей“, „я буду существовать и послѣ своей смерти“).

Сознаніе человѣкомъ своего „я“ называется самосознаніемъ. Сознать самого себя—значить умѣть отдать себѣ отчетъ въ томъ, что подразумѣваешь подъ словомъ „я“. Конечно, въ зависимости отъ степени умственного развитія человѣка, и степень его самосознанія можетъ быть различна. До полнаго самосознанія человѣкъ доходитъ постепенно; поэтому въ развитіи самосознанія обыкновенно различаютъ три ступени.

Первая, низшая ступень характеризуется тѣмъ, что индивидуумъ, отождествляя свою личность, свое „я“ съ тѣломъ, различаетъ его отъ предметовъ міра внѣшняго. Въ первое время жизни дитяти, проявленій самосознанія въ немъ не замѣтно

(Если къ лицу поднести предметъ, глазъ не закрываетъ). Съ дальнѣйшимъ развитіемъ ощущеній и началомъ образованія представленій, являются и первые проблески самосознанія. Когда дитя научается закрывать глаза при одномъ только видѣ приближающагося внѣшняго предмета, то здѣсь уже является представленіе о внѣшнемъ предметѣ, который можетъ коснуться глаза. Сознаніе положило различіе между внѣшнимъ предметомъ и тѣломъ дитяти. Свое „я“ дитя представляетъ выражающимся въ тѣлѣ, какъ источникъ разнообразныхъ ощущеній, чувствованій и движеній. Представленіе о тѣлѣ и его свойствахъ принадлежитъ не только самосознанію ребенка, но входитъ виднымъ существеннымъ элементомъ въ самосознаніе каждаго человѣка. Все, что служитъ въ какомъ либо отношеніи къ увеличенію силъ тѣла, чрезвычайно нравится, являясь какъ бы дополненіемъ и расширеніемъ нашего „я“.

„Вездѣ,—говоритъ нѣмецкій психологъ Лотце, въ своемъ сочиненіи „Микрокосмъ“ (т. 2 кн. 5, гл. 2 стр. 246—251),—гдѣ поверхностью своего тѣла мы прикасаемся съ чуждыми намъ предметами, сознаніе нашего личнаго бытія какъ бы протягивается въ окраины сторонняго предмета и въ насъ возникаетъ чувство расширенія нашего собственнаго „я“. Первая форма этихъ чувствъ порождается въ насъ головною покрывкою и ножною обувью преимущественно способными возвысить насъ, по крайней мѣрѣ, на видѣ. Каждая шапка, шляпка, каждый головной уборъ представляется какъ бы частию и продолженіемъ насъ самихъ. Вотъ отчего мы чувствуемъ себя совсѣмъ иначе подъ цилиндрической шляпой, чѣмъ, напр., подъ колпакомъ. Подобнымъ же образомъ высокіе каблуки способны произвести чувство не только возвышенія надъ почвою, но и какъ бы какой то заслуги съ нашей стороны изъ за того, что всю эту высоту наполняемъ мы своимъ собственнымъ ростомъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать о шиньонахъ, шлейфахъ и т. п. нарядахъ. Каждая трость, носимая нами не въ видѣ опоры, а просто для удовольствія, возбуждаетъ то же самое сознаніе какъ бы удлиненія нашей личности. Вотъ отъ чего почетные жезлы въ какомъ бы то ни было видѣ всегда были знаками предводительства и власти“.

„Бусы, серги, развѣвующіеся ленты и кушаки дѣвицъ, легкіе шнуры, жгуты и кисти военныхъ мундировъ, цѣпочки, кирасы, султаны, брелки, вуали и мантильи—всѣ эти средства затѣйливая фантазія употребляетъ для того, чтобы расширить во всѣ стороны наше существованіе и создать себѣ ласкающій обманъ, будто во всѣхъ привѣсахъ этихъ мѣрными, мелодичными переливами колыхнется, зыблется и играетъ наша собственная личность“).

Вторая ступень развитія самосознанія: человѣкъ отличаетъ себя отъ своего тѣла. Дитя замѣчаетъ, что его тѣло, хотя от-

лично отъ внѣшнихъ предметовъ и имѣть особое значеніе для него, тѣмъ не менѣе во многомъ относится къ нему также, какъ внѣшніе предметы.

Рука осязаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ предметомъ осязанія для другой руки, направляемой нами. Стало быть наше тѣло нѣчто иное, чѣмъ мы.

На 3-й, самой высшей ступени развитія самосознанія, составляющей принадлежность уже не дѣтскаго возраста, чело-вѣкъ пытается уяснить себѣ особенности своей душевной жизни, центромъ которой служитъ его „я“, и замѣчаетъ, что его сознательная жизнь состоитъ не изъ однихъ ощущеній и внѣшнихъ воспріятій, но, что кромѣ того въ душѣ его совершается теченіе мыслей, движеній, чувствованій, проявленій его воли.

Человѣкъ представляетъ себя какъ опредѣленную духовную личность съ задатками къ безконечному усовершенствованію и развитію.

Когда дѣти произносятъ въ первый разъ „Я“? Сначала дѣти, говоря о себѣ, не употребляютъ мѣстоимѣнія 1-го лица, а называютъ себя обыкновенно въ 3-мъ лицѣ: Коля сдѣлалъ—то-то, Мишѣ хочется пить и т. д. Причина этого заключается не только въ отсутствіи у дитяти умѣнья отличать себя отъ другихъ личностей, но и вообще въ малой способности къ его отвлеченнымъ соображеніямъ. Дитя слышитъ, что окружающія его лица говорятъ о себѣ „Я“, но его никто не называетъ такимъ образомъ. Для того, чтобы дитя называло себя „Я“, нужно, чтобы оно поняло, что этимъ именемъ можетъ называть себя всякій, когда говоритъ о себѣ, что всякій для себя есть „Я“, а для другихъ—Петръ, Иванъ и т. д. Сообразить это дитя на первыхъ порахъ, очевидно, не можетъ. А между тѣмъ, чтобы называть себя своимъ именемъ, не требуется особыхъ соображеній. Обращаясь къ дитяти, взрослые называютъ его по имени; естественно, что и ребенокъ до извѣстной поры называетъ себя такъ, какъ называютъ его другія старшія его лица. Слово „Я“ ребенокъ начинаетъ правильно употреблять тогда, когда уже онъ порядочно выучивается говорить.

Отличеніе себя отъ окружающихъ предметовъ, или „самосознаніе“ у ребенка, какъ говорятъ многія наблюденія, въ первый разъ является мгновенно, какъ молнія, и воспоминаніе объ этомъ мгновенномъ появленіи его нерѣдко остается на всю жизнь. Вундтъ пишетъ, что онъ въ первый разъ ясно почувствовалъ свое „Я“, когда сходилъ однажды по лѣстницѣ въ погребъ, боясь упасть въ него, и всегда живо вспоминалъ тотъ день, когда его дѣти въ первый разъ произносили слово „Я“. Онъ находилъ, что только съ этого момента порывается зависимость чело-вѣка отъ природы (отъ того, что не я).

Задача виховання складається в тому, щоб вести людей до найвищих цінностей по шляху, вказаному Провидінням, турбуватися про гармонічне розвиток всіх його духовних і фізичних сил і здібностей, щоб розвинути повне самосвідомість і неухильно прагнення до самоудосконалення.

1. Умственная діяльність.

I. Впечатління + увага = Ощущенню.

Ощущенія.

A. Зовнішніх органів   B. Органічні: B. М'язові:

чуттів:

а) Зірня.	а) Теплоти, холода.	а) В стані
б) Слуху.	б) Голода, жади, ситості.	покою (пас-
в) Смаку.	в) Бодрості і втоми.	сивня).
г) Чуття.		б) Активні.
д) Чувства.		

Ощущенія з боку: 1) Змісту: 2) Сили: і 3) Тону:

Сильні.   Приємні.

Слабкі.   Неприємні.

2. Перцепція і апперцепція.

3. Представлення (асоціюються за законом):

A. Суміжності.

B. Сходства.

а) Пространства. (Сосуществование).	б) Времени: последовательности, причинности.	Собственно сходства.	Контраста. (Противоположности.)
-------------------------------------	--	----------------------	---------------------------------

4. Память.

Механическая.

Разсудная.

а) Воспоминаніе.

б) Припоминаніе.

Общая.

Спеціальная.

5. Воображеніе.

Активное (фантазія).

Пассивное (фантазированіе).

6. Разсудокъ

А. Понятіе:

Б. Сужденіе по:

В. Умозаключеніе:

Объемъ и
содержаніе.

а) Качеству:
Утвердительныя

Отрицательныя

в) Отношенію
подлежащаго

къ сказуемому:

1) Безусловныя

2) Условныя

3) Раздѣлительныя.

б) Количеству:

Общія

Частныя

Единичныя.

г) Модальности

или

образности:

1) Проблематическія
(можетъ быть)

2) Ассерторическія
(есть)

3) Аподиктетическія
(должно быть).

Индуктивное
отъ частнаго
къ общему

гипотеза

аналогія

Дедуктивное

отъ общаго

къ

частному

7. Разумъ (идея).

В. 0 душѣ (психологія).

А. 0 Богѣ. (религіозна).	В. 0 мірѣ. (Космологіческа).			
		Идея исти- ны или ум- ственная.	Идея добра или нрав- ственная.	Идея красо- ты или эсте- тическая.

II. Дѣятельность сердца.

(Отличіе чувствованій отъ ощущеній).

С о с т о р о н ы :

А. Содержанія:

Б. Силы:

В. Тона:

Я: Эгоистиче- скія (гнѣва и страха).	Только дру- гіе: альтруи- стическія (симпатіи и дружбы).	Душевное настроєніе.	Аффекты	Пріятыя	Непріятыя.
---	--	-------------------------	---------	---------	------------

1) Предметныя:

2) Формальныя:

а) Эстетическія.

а) Скука.

б) Ожиданіе.

въ области

в) Сомніє.

Зрѣнія | Слуха

г) Надежда.

б) Нравственныя.

в) Религіозныя.

Темпераментъ.

Сангвиническій.	Флегматическій.	Холерическій.	Меланхолическій.
-----------------	-----------------	---------------	------------------

3. Дѣятельность воли.

1. Свободная

2. Несвободная.

Формы:

Неустойчивыя:

Устойчивыя:

а) Стремленіе.

а) Склонности

Рефлексы

Истиникты.

б) Желаніе.

б) Страсти.

в) Хотѣніе.

Характеръ.

Цѣльный:

Нецѣльный:

Присутствіе

Отсутствіе того

Отсутствіе пред-

Присутствіе

предпримчиво-
сти и энергіи.

и другого.

примчивости,
присутствіе
энергіи.

предпримчиво-
сти, отсутствіе
энергіи.

1) ≠

2) =

1) ≠

2) ±

О необходимости воспитанія юношества въ духѣ православія и самодержавія.

Развить и укрѣпить въ питомцѣ любовь къ своему отечеству, преданность и вѣрность своему Царю, какъ Помазаннику Божію, есть одна изъ самыхъ важнѣйшихъ задачъ каждаго воспитателя.

Любовь къ отечеству предполагаетъ любовь и вѣрность престолу тому, что составляетъ крѣпость отечества, его силу, залогъ его величія, блага и будущности. Эта вѣрность престолу, освящаемая церковью, утверждаемая присягою, составляетъ жизненный нервъ существованія нашего великаго отечества, составляетъ дорогое преданіе и наслѣдіе нашей тысячелѣтней исторіи и представляетъ ту великую силу народную, которая спасла Россію во всѣ годы ея испытаній, объединяла ее укрѣпляла, дѣлала сильною внутри и могущественною извнѣ.

Въ этой любви и вѣрности должны воспитываться и дѣти народа, который никакого другого воспитанія не желаетъ и не допустить.

Поэтому воспитателю необходимо при каждомъ удобномъ случаѣ стремиться внушать дѣтямъ и тѣми или другими способами внѣдрять въ дѣтскія души любовь и вѣрность престолу и отечеству.

Общую обязанность всѣхъ гражданъ составляетъ любовь къ отечеству, которая состоитъ въ искренней готовности служить его пользамъ, принимая самое живое участіе во всѣхъ судьбахъ его. Таковую любовь къ отечеству и своему народу внушаетъ намъ 1) *сама природа*. Происхождение отъ одного племени, жизнь среди одинаковыхъ условій природы и одного общества, происходящее отсюда сродство понятій и нравственныхъ расположеній, видимо выражаемое въ единствѣ языка, множество другихъ естественныхъ и нравственныхъ связей—единство вѣрованій, нравовъ, обычаевъ, общія судьбы народной жизни, съ ея радостями и печальми—тѣсно сближаютъ между собою людей одной народности, и образуютъ между ними крѣпкую естественную связь, подобную той, какую представляетъ для челоуѣка семейная связь.

И кто не чувствуетъ въ себѣ живой привязанности къ своему народу, тотъ представляетъ собою такое же неестественное явленіе, какъ и тотъ, кто не чувствуетъ въ себѣ привязанности къ родной семьѣ, ибо любовь къ отечеству есть священный огонь, жертвенникомъ которому служить семейный очагъ.

2) *Св. вѣра* указываетъ намъ въ любви къ отечеству долгъ, священный для каждаго христіанина. Она говоритъ намъ, что отечество дается каждому самимъ Богомъ, Который опредѣляетъ мѣсто нашего рожденія, время и продолженіе нашей жизни: „отъ одной крови Онъ произвелъ весь родъ челоуѣчскій, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣ-

ленные времена и предѣлы обитанія ихъ“ (Дѣян. 17, 26). Такимъ образомъ, самъ Богъ указываетъ поприще для нашей дѣятельности, которое освящено для насъ Его благодѣянiями. Намъ остается только дѣлать добро всѣмъ... Съ другой стороны, Св. вѣра указываетъ намъ примѣры самой чистой и вмѣстѣ трогательной любви къ отечеству. Св. пророкъ Моисей, по любви къ отечеству, отказывается отъ спокойствiя и довольства въ фараоновомъ домѣ, гдѣ онъ воспитывался и гдѣ его такъ любили, и *„лучше захотѣлъ страдать съ народомъ Божиимъ, чѣмъ имѣть временное грѣховное наслажденiе“*.

Высочайшiй примѣръ любви къ отечеству представляетъ намъ самъ Иисусъ Христосъ. Будучи посланъ на землю для спасенiя всего мiра, Онъ прежде всего пришелъ къ своимъ единоплеменникамъ — „къ овцамъ погибшимъ дома Израилева“, избралъ мѣстомъ своей проповѣди неблагодарную Иудею, въ которой не имѣлъ даже гдѣ главы преклонить и, не смотря на то, что видѣлъ одну ненависть и преслѣвованiя отъ своихъ соотечественниковъ, старался „собрать ихъ около себя, какъ птица собираетъ птенцовъ подъ крылья свои“, когда же они этого не восхотѣли, не приняли Его, возненавидѣли, захотѣли убить, Онъ — Милосердый скорбѣлъ и плакалъ объ ослѣпленiи ихъ, предвидя ожидавшую ихъ погибель. Въ Ап. Павлѣ любовь къ своему народу была такъ пламенна, что онъ, скорбя о немъ своимъ сердцемъ, желалъ быть самъ отлученъ отъ Христа и, если бы только можно было предъ судомъ Божиимъ пожертвовать самымъ спасенiемъ своимъ для братiй своихъ, Израильтянъ.

Исторiя христiанской церкви представляетъ намъ самый поучительный примѣръ любви къ отечеству въ первенствующихъ христiанахъ. Ихъ ненавидѣли, гнали, мучили, убивали, и кто же? — свои сограждане, соотечественники. Что-жъ христiане? Они безропотно несли всѣ гражданскiя повинности, со всею вѣрностью служили въ полкахъ, никогда не нарушали общественнаго спокойствiя, со всею строгостiю исполняли всѣ государственныя постановленiя, и только тогда, когда ихъ принуждали отречься отъ Христа, они говорили язычникамъ: надобно повиноваться болѣе Богу, чѣмъ людямъ. Для отечества они дѣлали все, что только согласно было съ духомъ христiанства. Никто не приносилъ столько добра отечеству, сколько приносили его христiане своими добрыми нравами, благотворительностью, вѣрностью, терпѣнiемъ и своими молитвами.

Любовь къ отечеству, доходящая до самоотверженiя, есть не только, естественное чувство въ человѣкѣ, возникающее изъ любви къ родинѣ, роднымъ и близкимъ нашему сердцу, но, какъ слѣдуетъ изъ вышеказаннаго, есть въ то же время и наша христiанская обязанность, освященная примѣромъ I. Христа, апостоловъ и Св. мужей глубокой древности. Какъ христiанская добродѣтель, эта любовь должна выражаться въ соотвѣтствующ-

шей ей дѣятельности. Истинный патріотъ не тотъ, кто вездѣ и всѣмъ кричитъ про свою любовь къ отечеству, а тотъ, кто всю свою жизнь и дѣятельность посвящаетъ во благо и пользу отечеству, кто всѣми силами старается поднять внѣшнее его общественное благосостояніе и внутреннее, духовное его процвѣтаніе и развитіе, если имѣетъ къ этому законную возможность, способности и средства; наконецъ,—тотъ, кто, по крайнѣй мѣрѣ, жертвуетъ трудами рукъ своихъ для увеличенія его благосостоянія, довольствуясь при этомъ своимъ жребіемъ. Милость и состраданіе, справедливость, миролюбіе и довольство своимъ жребіемъ—вотъ основные добродѣтели, которыми характеризуются истинно-патріотическія отношенія.

Любовь къ отечеству должна простираться на его нравы, обычаи, семейный бытъ и государственное устройство. Что исторически въ извѣстномъ обществѣ сложилось вѣками, то безрасудно отвергнуть въ одинъ часъ—это значило бы ломать историческіе устои общественной жизни, ниспровергать ея вѣковое устройство, стараться вырвать изъ сознанія общества всю его прошлую жизнь, признать ее не бытіемъ, фикціей. Утверждать это, а тѣмъ болѣе стремиться къ такому общественному перевороту могутъ только люди „своевольные, дерзкіе, мечтатели, которые, по словомъ Св. писанія, оскверняютъ плоть, отвергаютъ начальства, злословятъ высокія власти. Это ропотники, ничѣмъ недовольные, поступающіе по своимъ похотямъ. Уста ихъ произносятъ худыя слова; они оказываютъ лицемѣріе для корысти“.

Своеволіе, дерзость, порочность, оужденіе всего, гордость и самонѣніе, мечтательность и недовольство, корыстолюбіе въ связи съ властолюбіемъ—все это, прикрытое лестнымъ обѣщаніемъ несбыточной свободы, разукрашенное надутыми, пышными фразами, всегда составляло неотъемлемую принадлежность революціонеровъ всѣхъ временъ и народовъ; эту темную силу они всегда вліяли на сердца не утвердившихся въ добрѣ людей, вовлекая при этомъ только въ пагубу...

„Повсюду и во всѣ времена—говоритъ нѣмецкій философъ Шопенгауеръ—существовало большое недовольство привительствомъ, законами и общественными учрежденіями.. Но никогда еще такъ безсовѣстно, столь лживымъ и наглымъ образомъ не водили людей за носъ, какъ это дѣлаютъ новѣйшіе демагоги. Міръ для нихъ—„самоцѣль“ и самъ по себѣ, по естественному своему устройству, сооруженъ превосходно,—сухая обитель блаженства. Вопіющія противъ этого колоссальныя бѣдствія міра они всецѣло приписываютъ правительствамъ: „исполняй только правительства свои обязанности, и былъ бы на землѣ рай, т. е. всѣ могли бы безъ труда и заботы ѣсть, пить, плодиться и умирать: ибо это и есть парафраза ихъ „самоцѣли“ и предѣлъ „безконечнаго прогресса человѣчества“, о которомъ

они безъ умолку вѣщаютъ въ самыхъ напыщенныхъ тирадахъ". (Сочин. А. Шопенгауера вып. XIII стр. 662).

Истинный патріотъ долженъ поэтому свято охранять общественный и государственный бытъ своего отечества, какъ дарованный Самимъ Богомъ.

Когда мы говоримъ о государствѣ, то говоримъ о начальствующихъ и подчиненныхъ, ибо нѣтъ государства безъ правительства. Всѣмъ извѣстны замѣчательныя слова Ап. Павла къ Римлянамъ, глава 13: „всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ: ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти, противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе“. Это значитъ, что воля Божія установила эту власть и что должности, какія учреждаетъ эта власть, должны быть признаваемы проистекающими отъ Самого Бога. Государи всегда соединяютъ обыкновенно это слово съ своимъ именемъ: „Божіею милостію мы“... и пр. Эти слова выраженіе смиренія, а не гордости. Въ нихъ высказывается мысль, что не личное право, но даръ Божій сообщаетъ имъ ихъ великую власть. Въ этомъ смыслѣ въ нихъ заключается спасительное напоминаніе, какъ для облеченнаго властію Государя, такъ и для подданныхъ. Государство не существовало бы безъ такого различія между Государемъ и подданными: это различіе составляетъ его сущность. Отсюда слѣдуетъ, что ни Государь, ни народъ не составляютъ государства. Первый не имѣетъ права сказать: „государство—это я“, равно какъ и другой усвоить себѣ верховенство, такъ какъ онъ подчиненъ порядку и установленной Богомъ власти. Государь и народъ составляютъ государство; они соединены вмѣстѣ.

Какъ для семьи необходима власть отца, для войска—власть военачальника, для корабля необходимъ кормчій, такъ для гражданскаго общества необходима верховная власть, которая даетъ ему порядокъ и благоустройство, блюдетъ его безопасность и направляетъ общественную дѣятельность къ одной благой цѣли.

Государственное устройство и управленіе немислимы безъ объединенія личныхъ интересовъ каждаго члена общества, какъ и всей ихъ совокупности въ высочайшемъ авторитетѣ Верховной власти, носителемъ и выразителемъ которой является Государь или Правительство. Равноправность въ законодательствѣ и управленіи всѣхъ или нѣсколькихъ членовъ общества, по личному усмотрѣнію каждаго изъ нихъ, невозможна. „Всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣетъ“. Безъ единоличной Верховной власти государство не можетъ существовать. Исторія и опытъ на самомъ дѣлѣ показываютъ, что тамъ нѣтъ никакого благоустройства, гдѣ нѣтъ Верховной власти.

Какъ существованіе семьи невозможно безъ родителей, а ея благоустройство немисливо безъ ихъ власти, такъ и самое существованіе благоустроеннаго государства немисливо безъ

Верховной власти, „потому что государство есть великое семейство, въ которомъ Государь есть отецъ, а подданные—дѣти государя и отечества“.

Верховная власть особенно является естественною тамъ, гдѣ мысль о ея необходимости возникла, ясно сознается самимъ народомъ. Такъ было у Евреевъ, также она возникла у насъ на Руси, когда предки наши пришли къ тому убѣжденію, что „земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ“, и просили Варяго-Руссовъ прійти „княжить и володѣть нами“. Но возникшая по требованію народа Верховная власть не можетъ и не должна воли народа признавать высшимъ конечнымъ для себя авторитетомъ, высшей инстанціей. Съ признаніемъ Верховной надъ собою власти воля народа, чтобы не перейти въ необузданный произволъ и грубое своеволие, необходимо должна *безусловно подчинить себя этой власти.*

Верховная власть у различныхъ народовъ выразилась въ различныхъ формахъ правленія. Совершенноѣйшею между ними должно признать **монархическій образъ правленія**, какъ представляющій собою возможность самого большаго и возможно лучшаго объединенія всѣхъ частныхъ благъ и интересовъ въ единствѣ направленія ихъ къ единому общему благу и цѣли.

Шопенгауэръ, говоря о недостаткахъ республиканскаго образа правленія, между прочимъ, доказываетъ полное превосходство монархіи, какъ такой формы правленія, которую не могутъ замѣнить ни республика, ни конституція.

„**Монархическая форма правленія**, говоритъ онъ, отъ природы свойственна человѣку почти также, какъ, въ еще большей мѣрѣ, свойственна она пчеламъ и муравьямъ, перелетнымъ журавлямъ, бродячимъ слонамъ, соединяющимся для хищныхъ набѣговъ волкамъ и другимъ животнымъ, которые всѣ выбираютъ себѣ главу въ своихъ предпріятіяхъ. Равнымъ образомъ всякое человѣческое предпріятіе, сопряженное съ опасностью, всякое войско въ походѣ, всякій корабль, подчиняются одному высшему начальнику: всюду одна воля должна быть руководителемъ. Даже животный организмъ устроенъ монархически: мозгъ одинъ является руководителемъ и правителемъ. Хотя сердце, легкія и желудокъ гораздо болѣе содѣйствуютъ поддержанію цѣлаго, однако они—мѣщане, и ни руководить, ни управлять не могутъ: это дѣло исключительно мозга, и оно должно исходить изъ единого пункта. Даже планетная система монархична. Напротивъ, республиканская система въ равной мѣрѣ и противоестественна людямъ, и неблагоприятна для высшихъ проявленій духовной жизни, т. е. для искусства и наукъ. Сообразно съ этимъ мы видимъ, что по всей землѣ и во всѣ времена народы, безразлично—цивилизованные, дикіе или занимающіе промежуточные ступени, управляются всегда монархически.

Всѣмъ не господствовать, всѣмъ здѣсь не царствовать...

Нѣтъ въ многовластіи блага; да будетъ единый властитель, Царь намъ да будетъ единый, которому Зевсъ прозорливый скиптръ даровалъ и законы; да царствуетъ онъ надъ другими“.

(Иліада II, 204—205).

„Да и вообще, какимъ образомъ возможно было бы во всѣ времена полное подчиненіе и добровольное повиновеніе милліоновъ, иногда даже сотенъ милліоновъ людей, одному чело-вѣку, мало того, подчасъ даже женщинѣ, а временно и реб-бенку, если бы въ чело-вѣкѣ не былъ заложенъ монархическій инстинктъ, склоняющій его къ этому какъ вполнѣ естественному для него состоянію? Ибо это не есть что либо вытекающее изъ рефлексіи. Всюду одинъ бываетъ монархомъ, и достоинство его, обыкновенно, наследственно. Онъ представляетъ собою какъ бы олицетвореніе или монограмму всего народа, достигающаго въ немъ индивидуальности. Поэтому наследственный монархъ вовсе и не можетъ отдѣлять своего и своей семьи блага отъ блага всего Государства, какъ то, по большей части, бываетъ у монарховъ *избирательныхъ*. Китайцы лишь о наследственной монархіи и могутъ составить себѣ понятіе, что такое респуб-лика, они совершенно не понимаютъ. Когда въ 1658 году Гол-ландское посольство прибыло въ Китай, оно было вынуждено выдавать принца Оранскаго за своего короля, ибо въ против-номъ случаѣ китайцы склонны были бы принять Голландію за гнѣздо пиратовъ, живущихъ безъ верховной власти... Респуб-лики—противоестественны, создаются искусственно и происте-каютъ изъ рефлексій“...

(Соч. Шопенгауэра, вып. XIII, 659—660).

Когда Верховная власть въ основу своихъ распоряженій полагаетъ согласіе ихъ съ ученіемъ христіанскимъ, тогда она сама и государство ею управляемое называются христіанскими. Нашему русскому народу, у котораго прочно сохраняются устои семейной жизни и православная христіанская вѣра въ Единого Бога въ Троицѣ поклоняемаго особенно свойственно **монархи-ческое правленіе** и притомъ **самодержавное** и неограниченное.

Самодержавнымъ нашъ русскій образъ правленія назы-вается потому, что въ немъ всѣ функціи государственнаго пра-вленія въ высшей своей инстанціи непосредственно подчинены волѣ Самого Монарха, а неограниченнымъ — потому, что эта *Его* воля не ограничивается никакой посторонней волей чело-вѣческой, имѣя закономъ и судьей для себя *совѣсть*, да одного Бога. Такая воля не можетъ ни предъ кѣмъ-либо другимъ нести отвѣтственности и подсудности, а потому и называется *неотвѣт-ственной и неприкосновенною*.

Самодержавіе, по волѣ Божіей утвердившееся въ Россіи, благотворнѣе для нея всякаго другого правленія. Свидѣтели тому исторія и современная жизнь народа.

Русскій царь—отецъ своего народа, раздѣляющій съ нимъ радость и горе, спокойствіе и труды, надежды и опасенія. Одни добровольные слѣпцы, въ жалкомъ самообольщеніи своемъ, могутъ не видѣть, какъ всѣ благодѣтельные учрежденія у насъ начинались и приходили въ цвѣтущее состояніе мудрою попечительностію нашихъ царей,—какъ и до нынѣ всякій новый путь къ общественному улучшенію пролагается твердою стопою державнаго отца отечества,—какъ всякая скорбь народная падаетъ прежде всего на Его сердце, всякая мысль утѣшительная отражается на Его челѣ, всякій благородный порывъ къ добру зачинается въ Его волѣ. Время, мудрая попечительность Государя и Божіе благословеніе разовьютъ и утвердятъ тѣ великія и благодѣтельныя улучшенія, которыя составляютъ славу нынѣшняго царствованія и залогъ народнаго благоденствія.

Воспитателю всѣми доступными для него средствами необходимо внушать юношеству, что благо и счастье народа, составляющее предметъ попеченій Верховной власти, обязываетъ подданныхъ содѣйствовать всѣми силами общественному благосостоянію и быть вѣрными слугами Государя.

Характеръ службы Государю и отечеству выражается у насъ въ двухъ многозначительныхъ словахъ: служить „вѣрою и правдою“. Что же это значитъ? Служить „вѣрою“ значитъ руководствоваться въ исполненіи служебныхъ обязанностей тѣми убѣжденіями и правилами, какія даетъ христіанамъ Св. Вѣра, которая говоритъ намъ, а) что Государь есть помазанникъ Божій, представитель благости, могущества и правосудія Царя Небеснаго, поставленный устроить счастье своихъ подданныхъ; б) что воля царя для насъ священна, и потому нужно исполнять Его волю, повиноваться властямъ и законамъ, отъ Него установленнымъ, не изъ страха наказанія, но по совѣсти, и не изъ челоуѣкоугодія, а изъ повиновенія волѣ Божіей; в) что званіе и служеніе въ обществѣ каждому назначается свыше, и потому всякое званіе само по себѣ почтенно, какъ бы ни мало доставляло внѣшнихъ преимуществъ, и соединенныя съ нимъ обязанности священны для каждаго, какъ воля Божія.

Служить „правдой“ значитъ всегда и во всемъ поступать по чистой справедливости, или по внушенію долга, стараться подчинять частныя выгоды общему благу и употреблять всѣ силы и средства къ усовершенію какъ самого себя, такъ и того круга лицъ и дѣлъ, въ которомъ поставленъ каждый изъ насъ. Добросовѣстное исполненіе гражданскихъ обязанностей членами государства находится въ тѣсной связи съ ихъ собственнымъ спокойствіемъ и благосостояніемъ.

Говоря о любви къ отечеству, о вѣрности и преданности Монарху, нельзя не сказать нѣсколько словъ о томъ космопо-

литизмъ, который проповѣдуетъ равную и одинаковую любовь ко всѣмъ націямъ, народамъ и государствамъ всего земного міра, который говоритъ, что христіанинъ долженъ быть истиннымъ гражданиномъ всего космоса, міра, что только такое ученіе есть истинно-христіанское, что въ христіанствѣ, по ученію апостоловъ, „нѣсть Еллинъ, ни Іудей“, что ближнимъ, по заповѣди Спасителя, должно считать всякаго человѣка, къ какой бы націи, государству онъ не принадлежалъ.

Космополитъ—уродливое явленіе, беспочвенное и вредоносное. Космополиты проповѣдуютъ, что отечество наше—весь міръ, проповѣдуютъ всеобщее какое-то гражданство, не допускаютъ никакой особенной любви къ своему отечеству, мечтая объ общихъ какихъ то интересахъ человѣчества, и внушая—всѣхъ обитателей земли, всѣхъ странъ и народовъ любить равную любовью.

Такой космополитизмъ не имѣетъ для себя основанія ни въ естественномъ настроеніи людей, ни въ религіи, ни въ исторіи. Кромѣ того, онъ совершенно не сбыточенъ, при своихъ началахъ оставаясь одною пустою мечтою, и чрезвычайно вреденъ и разрушителенъ для жизни общественной, подъ предлогомъ всеобщаго человѣколюбія поселяя и питая въ людяхъ одно равнодушіе, холодность и безчувственность къ ближнимъ и ослабляя всѣ общественныя связи и отношенія.

Христіанство никогда не занималось прямо вопросомъ объ общественномъ земномъ бытѣ и устройствѣ человѣческихъ обществъ, и слова Ап. Павла: „нѣсть Еллинъ, ни Іудей“, на которыя защитники этого мнѣнія ссылаются, относятся не къ устройству общественнаго быта, а къ пользованію дарами благодати Божіей. Приводя также въ доказательство притчу Спасителя о Милосердомъ Самарянинѣ, проповѣдники космополитизма опускаютъ изъ виду поводъ и обстоятельства уясненія Іисусомъ Христомъ понятія: „ближній“. Евреи считали ближними только своихъ единовѣрцевъ и любовь свою ими ограничивали, а Спаситель указываетъ, что она должна простираться и на иновѣрцевъ, которые содѣйствуютъ нашему благосостоянію, оказываютъ намъ милость. Доброе къ намъ благорасположеніе иновѣрныхъ и чуждыхъ нашему отечеству народовъ можетъ побуждать насъ любить ихъ братскою любовью. Правда, и безъ этого мы должны любить ихъ, но любовь эта будетъ братскою не по жизни, а по Богѣ: мы должны любить и уважать въ нихъ твореніе Божіе, ихъ человѣческія права, права всыновленія ихъ Богомъ чрезъ Іисуса Христа. Но если они становятся врагами нашего отечества, посягаютъ на его цѣлость и благосостояніе, словомъ,—дѣйствуютъ противно духу христіанской любви мира, тишины и спокойствія, тогда мы, по примѣру самого Іисуса Христа, защищавшаго себя передъ Каіафой отъ несправедливыхъ оскорбленій слуги, имѣемъ право всѣми законными средствами защищать и охранять достояніе своего отечества.

Космополиты, проповѣдуя о равной любви ко всѣмъ, неправы, ибо такая любовь возможна была бы только въ томъ случаѣ, если бы всѣ люди, какъ члены первой христіанской общины іерусалимской, прониклись въ одинаковой мѣрѣ и степени духомъ христіанства, составляя собою какъ бы „одно сердце и одинъ духъ“. Но это только идеаль христіанства, а не его дѣйствительная жизнь.

Неодинаковое отношеніе различныхъ націй и народностей къ христіанству, неодинаковость усвоенія ими его истинъ естественно въ жизни этого міра должны рождать несогласія, споры и вражду, въ которыхъ люди являются не космополитами, а ревностными не на жизнь, а на смерть поборниками своихъ взглядовъ, мнѣній, сужденій, нравовъ и обычаевъ. Сохранить нейтральность, одинаковость отношеній въ такихъ случаяхъ не мыслимо. Нужно быть для этого человѣкомъ безъ вѣры, чувства, сердца и убѣжденій—нравственно потеряннымъ. Послѣднее и бываетъ большею частію одною изъ основныхъ причинъ космополитизма въ людяхъ. Но это не граждане міра, а его отщепенцы, отребье, не только совершенно ни къ чему не пригодное, но и во всѣхъ отношеніяхъ вредное и всему міру и особенно тому обществу или государству, среди котораго обрѣтаются такіа субъекты.

Космополиты, хваля другихъ, часто огульно порицаютъ свое родное, ибо имѣютъ несчастный даръ—въ своемъ „одно худое видѣть“.

Все вышеизложенное необходимо имѣть въ виду воспитателю, такъ какъ социалитическо-коммунистическая пропаганда въ наше время успѣла уже обнаружить свои плоды, проникнувъ въ ту среду, каковая служитъ самымъ дорогимъ достояніемъ нашего отечества. Разумѣю русское юношество.

При полномъ разрывѣ съ религіей, социалисты и коммунисты въ основаніе своего ученія кладутъ самый грубый матеріализмъ, который видитъ въ человѣкѣ одинъ животный организмъ и ставитъ его на ряду съ животными. Отрицая въ человѣкѣ—человѣка съ правами на безсмертіе и вѣчную жизнь, социализмъ въ жизни человѣческой не признаетъ никакихъ разумныхъ и нравственныхъ цѣлей, кромѣ наслажденія жизнью.

Единственное и вполнѣ разумное и самое нравственное стремленіе человѣка, по взгляду социалистовъ, состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать свою жизнь возможно пріятною.

Выходя изъ такого матеріальнаго взгляда на человѣка и жизнь человѣческую, социализмъ и коммунизмъ развиваютъ его въ своемъ ученіи, проникнутомъ самымъ разрушительнымъ отрицаніемъ семейнаго, общественнаго и государственнаго порядка, освященнаго христіанствомъ.

Развѣнчивая человѣка, лишая его нравственнаго достоинства и низводя на одну степень съ животными, социалисты,

само собой разумѣется, не могутъ уважать, а напротивъ—должны ненавидѣть и все то, что дѣлаетъ жизнь человѣческую непохожую на жизнь животныхъ. Вотъ причина того, что имъ такъ не нравятся семейная и гражданская жизнь, частная собственность, государственное устройство, не говоря уже—церковь.

Конечно, въ этой проповѣди социалистическаго разрушенія, нельзя не усматривать грозную общественную опасность.

Дѣятельность социалистовъ, усердно занимающихся выработкой революціонныхъ элементовъ, принесла и приноситъ плоды: моральная зараза широко разлилась по русской странѣ, и теперь отравляетъ всю ея жизнь. Объ этомъ надо серьезно подумать всѣмъ, а особенно тѣмъ, кому ввѣрено воспитаніе русскаго юношества.

Печальная современная дѣйствительность—это плоды забвенія нашего народнаго православнаго духа, плоды увлеченія русскихъ людей космополитизмомъ.

Поэтому святая обязанность каждаго воспитателя должна заключаться въ томъ, чтобы воспитывать въ дѣтяхъ національное сознаніе и укрѣплять въ нихъ національное чувство, пробуждать въ нихъ крѣпкую любовь къ отечеству. Национальность нужна въ воспитаніи не для того, чтобы вызвать въ дѣтяхъ гордость и преувеличенное самомнѣніе, а для того, чтобы сохранить и утвердить въ сознаніи и сердцѣ ихъ дорогое достояніе исторіи народнои, завѣты и лучшіе идеалы старины, чтобы при свѣтѣ этихъ идеаловъ провѣрять свою жизнь.

Главную основу русской національности составляетъ *православіе*. Подъ его благотворнымъ вліяніемъ народъ росъ и крѣпкъ въ теченіи всей его исторической жизни, подъ его вліяніемъ развились и всѣ другія особенности его характера.

Въ основѣ всякаго воспитанія долженъ лежать извѣстный идеаль челоѣка. Но чистый идеаль челоѣческаго совершенства прѣжде всего даетъ намъ христіанство, поэтому „оно должно служить для воспитанія каждаго христіанскаго народа источникомъ всякаго свѣта и всякой истины, и воспитанію остается только прѣжде всего и въ основу всего вкоренить вѣчныя истины христіанства. Изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій одно православіе, свято сохраняя древнія формы христіанства, благословляетъ и освящаетъ всякій истинный прогрессъ и даетъ всѣ условія такого прогресса. Поэтому *православіе должно быть основою воспитанія великаго народа, быстро и неуклонно идущаго по пути общей европейской цивилизаціи*“. (Ушинскій. Педаг. соч.).

Въ области вѣры русскій народъ крѣпко держится отеческихъ преданій. Эта вѣра есть живая связь всего народа, неизсякаемый источникъ его нравственной силы, залогъ его будущаго. Народъ глубоко вѣритъ въ дѣйствіе промысла и во всѣхъ своихъ скорбяхъ и тяжкихъ испытаніяхъ прѣжде всего обра-

щается къ Богу и въ немъ ищетъ себѣ помощи и утѣшенія. На этой же вѣрѣ утверждается его вѣрность Царю, какъ Божию Помазаннику, и послушаніе власти, Царемъ установленной.

Литература по физическому воспитанію.

Водовозова. Умственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія
сознанія до 8 лѣтняго возраста.

Дарвинъ. Наблюденія надъ жизнію ребенка.

Дитя въ первые годы жизни Изд. жур. „Учитель“ 1861 г.

Жукъ. Мать и дѣтя.

Комбъ. Уходъ за дѣтьми физическій и нравственный.

Манасейна. О воспитаніи дѣтей въ первые годы жизни.

Симоновичъ. Основы гигиены

Литература по духовному воспитанію.

Каптеревъ. Педагогическая психологія.

Ланге. Душа ребенка въ первые годы жизни.

Рождественскій. Воспитаніе и обученіе съ точки зрѣнія
опытной психологіи (по Джемсу)

Нечаевъ. Труды по экспериментальной педагогической пси-
хологіи.

Спенсеръ. Воспитаніе умственное, нравственное и физическое.

Рудевичъ. Дѣтская душа.

Сикорскій. Воспитаніе въ возрастѣ перваго дѣтства.

Idem. Психологическія основы воспитанія.

Сикорскій. Всеобщая психологія.

Ельницкій. Общая педагогика

Мальцевъ. Основанія педагогики.

Скворцовъ. Записки по педагогикѣ ч. 1.

Джемсъ Селли. Основы общедоступной психологіи и ея
примѣненіе къ воспитанію.

Комперэ. Элементарный курсъ психологіи въ ея примѣненіи
къ воспитанію.

Карцовъ. Записки по педагогической психологіи.

Челпановъ. Ученикъ психологіи.

Гэфдингъ. Очерки психологіи.

Бэнъ. Психологія.

У. Джемсъ Психологія.

И. Ф. Гербартъ. Психологія.

Снегиревъ. В. Психологія. Систематическій курсъ чтеній.

Демковъ М. И. Курсъ педагогики, ч II Теорія и практика
воспитанія.

Менстровъ

1914

DATE

1-00
1858/1068

Складъ изданія находится въ Казанскомъ Обществѣ
Трезвости.